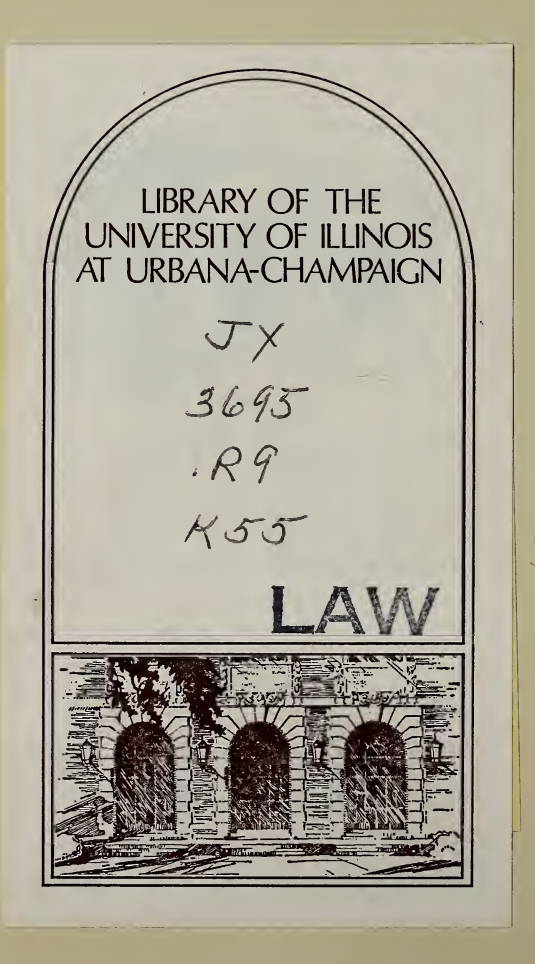

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN
JX
3695
.R9
K55
LAW

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЛЕКЦІИ ЧИТАННЫЯ

ВЪ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

Н. КОРКУНОВЫМЪ.

Издатель Лейтенантъ **Шидловскій**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1886.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЛЕКЦІИ ЧИТАННЫЯ

ВЪ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

Н. КОРКУНОВЫМЪ.

Издатель Лейтенантъ **Шидловскій**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1886.

ПРОГРАММА

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

Штатнаго преподавателя Военно-Юридической Академіи

Н. КОРКУНОВА.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

БИЛЕТЪ 1. **Международное право и его система.**

§ 1. Существуетъ ли международное право.

Три возраженія противъ юридическаго характера международныхъ отношеній. Ихъ оцѣнка. Внесеніе въ изложеніе вопросовъ, не имѣющихъ юридическаго значенія.

§ 2. Опредѣленіе международнаго права.

Наука международнаго права и ея отношеніе къ другимъ юридическимъ наукамъ. Международное право, какъ особая группа нормъ юридическихъ.

БИЛЕТЪ 2. **§ 3. Конструкція и система международнаго права.**

Субъектъ и объектъ международнаго права. Различныя системы международнаго права. Раздѣленіе на общую и особенную часть.

ТИП. МОРСК. МИН.

§ 4. Причины отсталости международнаго права.
Связь международнаго права съ естественнымъ правомъ. Отрицательное отношенiе къ международному праву представителей исторической школы.

ГЛАВА II.

Исторiя науки международнаго права.

БИЛЕТЪ 3. **§ 5. Предшественники Гуго Гроцiя.**

Писатели XIV и XV столѣтiй. Фр. Викторiа. Балтазаръ Айла. Альберикъ Гентилисъ.

§ 6. Гуго Гроцiй.

Жизнь Гроцiя. De jure belli ac pacis libri tres. Система книги.

БИЛЕТЪ 4. **§ 7. Писатели XVII вѣка.**
Философское направленiе и направленiе положительное.

§ 8. Писатели XVIII вѣка.

Воззрѣнiя Вольфа. Ваттель. Позитивисты.

БИЛЕТЪ 5. **§ 9. Новѣйшая нѣмецкая литература.**

Влiянiе Канта и Гегеля. Блунчли.

§ 10. Англо-американская литература.

Утилитарiанцы. Идеалисты. Позитивисты.

§ 11. Романская литература.

Французскiе, испанскiе и итальянскiе писатели.

§ 12. Русская литература.

Безобразовъ, Капустинъ, Каченовскiй, Стояновъ, Мартенсъ.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

БИЛЕТЪ 6. **Международная охрана правъ.**

§ 13. Понятiе международной охраны.
Особенности международной охраны. Ея юридическiй характеръ. Взглядъ гр. Комаровскаго.

§ 14. Формы международной охраны.

Международное признаніе правъ. Международная защита правъ. Международная организація. Международное объединеніе права.

ГЛАВА II.

Субъектъ международной охраны.

БИЛЕТЪ 7. **§ 15. Государства и ихъ признаніе.**

Бывшія испанскія колоніи. Бразилія. Освобожденіе Греціи. Отдѣленіе Бельгіи. Независимость Сербіи и Румыніи. Объединеніе Италіи.

§ 16. Полунезависимыя государства.

Понятіе полунезависимости. Египетъ. Болгарія. Восточная Румелія.

БИЛЕТЪ 8. **§ 17. Возставшія области.**

Условія признанія воюющей стороной. Польша, Венгрія.

§ 18. Территорія государства.

Способы пріобрѣтенія. Отсутствіе различія между правомъ и фактомъ владѣнія. Фактъ владѣнія и намѣреніе владѣть. Опредѣленіе точной границы въ сомнительныхъ случаяхъ.

БИЛЕТЪ 9. **§ 19. Территоріальное море.**

Пространство территоріальнаго моря. Береговая линія. Заливы. Проливы. Зундскія пошлины. Содержаніе правъ прибрежнаго государства на территоріальное море.

БИЛЕТЪ 10. **§ 20. Экстерриторіальное дѣйствіе.**

Территоріальность судовъ въ открытомъ морѣ. Международные сервитуты. Экстерриторіальность. Ея Элементы. Субъекты.

§ 21. Общая группировка государствъ.

Европейскій международный союзъ. Европейскіе конгрессы. Великія державы. Американскіе конгрессы. Доктрина Монро.

БИЛЕТЪ 11. **§ 22. Частныя соединенія государствъ.**

Союзы. Протектораты. Гарантія. Уніи.

§ 23. Вмѣшательство.

Вмѣшательство великихъ державъ въ дѣла Неаполя, Пьемонта, Испаніи. Вмѣшательства въ дѣла Турціи. Мексиканская экспедиція. Вопросъ о правѣ вмѣшательства.

ГЛАВА III.

Объектъ международной охраны.

БИЛЕТЪ 12. **§ 24. Международная правоспособность.**

Безправіе иностранцевъ въ древности. Положеніе рабовъ. Дѣло Креолки. Постепенное прекращеніе невольничества.

БИЛЕТЪ 13. **§ 25 Національность.**

Территоріальная система. Система личная. Система смѣшанная.

§ 26. Перемѣна національности.

Натурализація. Вліяніе ея на членовъ семьи. Территоріальныя уступки. Международныя соглашенія, опредѣляющія порядокъ перемѣны національности.

§ 27. Природа охраняемыхъ правъ.

Естественныя права. Права авторской собственности.

ГЛАВА IV.

БИЛЕТЪ 14. **Нормы международнаго права.**

§ 28. Общій обзоръ источниковъ.

Воззрѣніе англійскихъ и романскихъ писателей. Три основныхъ источника международнаго права.

§ 29. Международные обычаи и судебная практика.

Условія образованія международнаго обычая. Различныя формы судебной практики, какъ источника международнаго права.

§ 30. Національное законодательство.

Законы. Деклараціи односторонния и коллективныя.

БИЛЕТЪ 15. **§ 31. Международные договоры.**

Юридическая природа международныхъ договоровъ. Двѣ категоріи договоровъ. Субъекты международныхъ договоровъ. Ратификація. Прекращеніе силы международныхъ договоровъ. Clausula rebus sic stantibus. Срочные договоры. Обезпеченіе договоровъ. Классификаціи договоровъ, выставляемыя Гроціемъ, Клюберомъ, Мартенсомъ и Геффтеромъ. Форма договоровъ

БИЛЕТЪ 16. **§ 32. Кодификація.**

Доктринарная кодификація. Парадо. Доминъ-Петрушевичъ. Блунчли. Дудлей-Фильдъ. Муанье. Піуновскій. *Законодательная кодификація.* Декларація аббата Грегуара. Либеровскія инструкціи. *Договорная кодификація.* Женевская конвенція. Брюссельская конференція.

ГЛАВА V.

БИЛЕТЪ 17. **Органы и формы международныхъ сношеній.**

§ 33. Органы международныхъ сношеній.

Общая группировка органовъ. Правители государствъ. Почетныя права. Королевскія почести. Титулы. Ихъ признаніе.

§ 34. Дипломатическіе агенты.

Дипломатическіе агенты и ихъ ранги. Порядокъ назначенія и отзыва.

БИЛЕТЪ 18. **§ 35. Права и функціи дипломатическихъ агентовъ.**

Внѣземельность. Ея объемъ. Право неприкосновенности. Право богослуженія. Функціи.

§ 36. Консулы въ христіанскихъ государствахъ.

Происхожденіе консуловъ. Ранги консуловъ. Назначеніе. Права консуловъ и ихъ обязанности.

БИЛЕТЪ 19. **§ 37. Консулы въ нехристіанскихъ государствахъ.**

Консульская юрисдикція. Капитуляціи. Организація консульскихъ судовъ. Смѣшанные суды въ Египтѣ.

§ 38. Конгрессы и конференціи.

Порядокъ созыва и организація. Проэкты организаціи постоянныхъ европейскихъ конгрессовъ.

§ 39. Формы международныхъ сношеній.

Формы сношеній между правителями государствъ. Дипломатическая переписка. Депеши и ноты. Первенство между государствами. Дипломатическій языкъ.

ГЛАВА IV.

БИЛЕТЪ 20. **Охрана международнаго права.**

§ 40. Международная отвѣтственность государства.

Условія отвѣтственности. Формы отвѣтственности. Дѣло Каролины. Отвѣтственность за вредъ, причиняемый иностранцамъ во время народныхъ волненій. Дѣло Макъ Леда.

§ 41. Средства охраны международнаго права.

Соглашеніе. Добрыя услуги. Посредничество.

БИЛЕТЪ 21. **§ 42. Международный судъ.**

Распространеніе международнаго суда въ новѣйшее время. Третейскій судъ и арбитрація. Дѣла, разрѣшаемыя международнымъ судомъ. Организація международнаго суда.

§ 43. Реторзіи и репрессаліи.

Различіе реторзій и репрессалій. Виды репрессалій. Примѣръ внѣшнихъ репрессалій. Эмбарго. Мирная блокада.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

ОТДѢЛЪ I.

Право международнаго общенія.

ГЛАВА I.

Средства международныхъ сообщеній.

БИЛЕТЪ 22. § 44. **Открытое море.**

Свобода открытаго моря. Территоріальность судовъ. Опредѣленіе ихъ національности. Подводный тунель.

§ 45. **Обезпеченіе безопасности и порядка на морѣ.**

Пираты и мѣры противъ нихъ. Береговое право. Правила для предупрежденія столкновенія судовъ. Морская рыбная ловля. Морской церемоніалъ.

БИЛЕТЪ 23. § 46. **Международныя рѣки.**

Постановленія Вѣнскаго конгресса. Судоходство по Рейну и Эльбѣ. Судоходство по Дунаю. Постановленія Парижскаго трактата 1856 г. Лондонская конференція 1871 г. Берлинскій трактатъ. Конференція 1883 г.

БИЛЕТЪ 24. § 47 **Почты, телеграфы и желѣзныя дороги.**

Общій почтовый союзъ. Всемірный почтовый союзъ. Телеграфныя конвенціи. Желѣзнодорожныя конвенціи.

ГЛАВА II.

БИЛЕТЪ 25. Средства международныхъ оборотовъ.

§ 48. **Объединеніе монетной системы.**

Латинскій монетный союзъ. Скандинавскій монетный союзъ.

§ 49. **Вексельное право.**

Двѣ главныя системы вексельнаго права. Работы ассоціаціи для реформы и кодификаціи Международнаго права. Предложеніе германскаго правительства.

ВВЕДЕНІЕ

ГЛАВА I.

Международное право и его система.

§ 1. Существуетъ ли международное право? (1)

Излагатель международнаго права поставленъ силою вещей въ печальную необходимость начинать съ разсмотрѣнія вопроса о томъ, точно ли существуетъ международное право, подлинно ли то, что изучается какъ таковое, можетъ быть названо правомъ?

Слишкомъ два съ половиною столѣтія прошло съ тѣхъ поръ какъ безсмертнымъ трактатомъ Гуго Гроція «О правѣ войны и мира» положено основаніе нашей наукѣ. За это время успѣла уже накопиться богатая литература по различнымъ вопросамъ науки международнаго права, а вопросъ о существованіи ея предмета все еще остается спорнымъ. Отрицатели международнаго права не переводятся до сихъ поръ. Знакомясь съ исторіей этого вѣковаго спора, мы поражаемся не только его безконечностью, но въ еще большей степени его монотонной и утомительной однообразностью. И съ той и съ другой стороны повторяются все одни и тѣ же доводы. Этотъ споръ, такъ долго продолжаемый однимъ поколѣніемъ юристовъ за другимъ, какъ бы лишенъ развитія; онъ какъ бы замеръ, остановился на одной точкѣ и дальше не двигается. А между тѣмъ аргументы, выставляемые отрицателями между-

(1) *Puchta* Gewohnheitsrecht. Bd. I 1828, s. 142, *Kaltenborn*, Kritik des Völkerrechts. 1847. Cap. IV. *Lasson* Princip und Zukunft des Völkerrechts. 1871. *Bulmerinck*. Völkerrecht. 1885, s. 190.

народнаго права, далеко не отличаются силой и убѣдительностію.

Если не обращать вниманія на различіе формулировки, всѣ ихъ доводы могутъ быть сведены къ тремъ. Прежде всего международное право не можетъ существовать, по ихъ мнѣнію, потому, что нѣтъ власти, которая могла бы предписывать законы независимымъ государствамъ, являющимся субъектами международныхъ отношеній. Слѣдовательно прежде всего нѣтъ международнаго права въ объективномъ смыслѣ. Не существуетъ такихъ нормъ, которыя бы имѣли международный характеръ.

Но затѣмъ утверждаютъ, что точно также не приложимо къ международнымъ отношеніямъ и понятіе права въ субъективномъ смыслѣ. Право въ субъективномъ смыслѣ необходимо предполагаетъ соотвѣтствующую ему обязанность, выполненіе которой въ случаѣ надобности можетъ быть осуществляемо принудительнымъ путемъ. Этимъ право и отличается отъ нравственности. Нравственность находитъ санкцію своихъ требованій лишь въ упрекахъ совѣсти. Право—во внѣшнемъ принужденіи къ выполненію его велѣній и запретовъ, а въ международныхъ отношеніяхъ, по самой ихъ природѣ, такого принужденія къ выполненію обязанностей, соотвѣтствующихъ правамъ, не можетъ существовать. Если бы международное право существовало, оно бы установило права и обязанности государствъ въ отношеніи другъ къ другу. Но государство, какъ суверенный независимый союзъ, не знаетъ надъ собой высшей власти, которая бы могла принудить его къ выполненію требованій права. Поэтому можно говорить развѣ только о международной нравственности, но никакъ не о международномъ правѣ.

Наконецъ, въ третьихъ, за международнымъ правомъ нельзя признать юридическаго характера и потому, что нѣтъ суда, который бы стоялъ надъ государствами и рѣшалъ ихъ споры, опредѣляя что право и что нѣтъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Какъ я сказалъ, сила этихъ возраженій невелика. Онѣ доказываютъ или слишкомъ много или ничего. Если необходимыми принадлежностями всякаго права считать законодательство, судъ, принудительную власть, поддерживающую силу

правовыхъ нормъ, то придешь къ отрицанію не одного международнаго права, но и многихъ другихъ институтовъ, юридическій характеръ которыхъ стоитъ однако внѣ спора. Такъ законодательство не есть единственный источникъ права. Это вообще есть явленіе сравнительно позднее, даже и въ гражданскомъ правѣ, въ этомъ правѣ par excellence. Право возникаетъ задолго до появленія законовъ и творится первоначально обычаемъ и судебной практикой. Что касается суда, то точно также отсутствіе его замѣчается не въ однихъ только международныхъ отношеніяхъ. Въ публичномъ правѣ вообще судебная охрана не получила должнаго развитія. Многія публичныя права и во внутренней жизни государства остаются безъ такой охраны, и даже въ литературѣ вопросъ о томъ, насколько судебная охрана приложима къ публичному праву— вопросъ спорный. Идея судебной охраны публичныхъ правъ идея еще новая, только въ самое послѣднее время начинающая завоевывать себѣ почву практическаго осуществленія. И нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что возбужденіе вопроса о необходимости организаціи административныхъ судовъ, какъ охранителей публичныхъ правъ, совпало съ оживленіемъ интереса къ идеѣ и международнаго суда. Это совпаденіе не простая случайность. Оно прямо обусловлено взаимнымъ соотношеніемъ двухъ этихъ вопросовъ. Оба они только части болѣе общаго вопроса о судебной охранѣ публичнаго права вообще, какъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ, такъ и въ международномъ союзѣ. Доводъ, основанный на томъ, что международное право не имѣетъ принудительнаго характера, представляется наиболѣе серьезнымъ. Дѣйствительно, если считать принужденіе существенной принадлежностью права, можетъ явиться сомнѣніе въ юридическомъ характерѣ международныхъ отношеній. Но дѣло въ томъ, что признаніе принужденія существенной принадлежностью права, вопросъ по меньшей мѣрѣ столь же спорный, какъ и вопросъ объ юридическомъ характерѣ международныхъ отношеній. И конечно нельзя рѣшить вопросъ, подкрѣпляя одно спорное положеніе другимъ, такимъ же спорнымъ.

Но даже допустимъ, что право необходимо предполагаетъ принужденіе. Можно и при этомъ условіи отстаивать юридическій характеръ международныхъ отношеній. Вѣдь принуж-

*

деніе въ нихъ не только не невозможно, но даже напротивъ нигдѣ оно не принимаетъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ именно къ международной жизни, являясь здѣсь въ страшномъ образѣ войны. Государство, уклоняющееся отъ добровольнаго исполненія падающихъ на него обязанностей, можетъ быть къ этому принуждено предпринятыми противъ него военными дѣйствіями. Конечно, существуетъ большое различіе между войной и тѣмъ принужденіемъ, какое осуществляетъ государственная власть по отношенію къ лицамъ, нарушающимъ правовыя нормы. Исходъ войны всегда гадателенъ, напротивъ, принудительная власть государства дѣйствуетъ почти навѣрняка. Различіе тутъ, повторяю, громадное. Но все таки не слѣдуетъ забывать, что, какъ ни велико это различіе, оно все таки различіе количественное а не качественное. Мы не можемъ сказать, чтобы государственная власть дѣйствовала навѣрняка, мы должны ради истины прибавить *почти*, и это почти дѣлаетъ различіе только количественнымъ. Но что еще важнѣе—тотъ порядокъ, какой теперь установился во внутренней жизни государствъ, есть явленіе сравительно новое, а прежде и тамъ принужденіе по отношенію къ правонарушителю осуществлялось самимъ потерпѣвшимъ, его личными силами, на его личный страхъ. Такая *частная* война обиженнаго противъ обидчика представляетъ уже полную аналогію съ публичной войной государствъ. И такъ, не трудно опровергнуть всѣ эти доводы. Всѣ они основаны на сравненіи международнаго права съ гражданскимъ и притомъ въ современномъ его состояніи. Но гражданское право еще не все право и не всегда оно было такимъ, какъ теперь. Что международное право не похоже на гражданское, это безспорно, но отсюда не слѣдуетъ, что оно не есть право. Международное право есть отрасль публичнаго права и поэтому, по необходимости, его институты существенно отличаются отъ частно-правовыхъ институтовъ.

Если бы вся сила отрицательнаго отношенія къ международному праву ограничивалась одними этими аргументами, оно бы конечно, давно сдано было въ архивъ. Но за этими аргументами стоитъ, хотя и рѣдко высказываемое, но гораздо болѣе глубокое, основаніе этого, упорно сохраняющагося, сомнѣнія въ возможности признать за международными отношеніями юридическій характеръ. Оно обыкновенно не вы-

сказывается потому, что нелегко поддается формулировкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, въ немъ истинныя основанія отрицательнаго взгляда на международное право.

Раскрывъ любой курсъ международнаго права, вы на первыхъ же его страницахъ, какъ основаніе всего дальнѣйшаго изложенія, найдете юридическій анализъ такихъ вопросовъ, которые на непредупрежденный взглядъ представляются совершенно недопускающими юридическаго разрѣшенія.

Въ основаніе ученія о правѣ мира кладутъ обыкновенно ученіе объ основныхъ правахъ государства, которыя необходимо принадлежатъ каждому государству, отъ которыхъ государство не можетъ отказаться. Такими основными правами являются: право на существованіе или на самосохраненіе, право на равенство, право на независимость (1). Изъ права на существованіе выводятъ обязанность уважать неприкосновенность государства, изъ права на независимость—обязанность невмѣшательства въ его дѣла. Но можно ли требовать такого же строгаго выполненія этихъ якобы основныхъ обязанностей государствъ, какого мы требуемъ въ отношеніи всѣхъ вообще юридическихъ обязанностей? Можно ли даже желать такого соблюденія? Стоитъ только обратить вниманіе на тѣ послѣдствія, къ какимъ привело бы такое соблюденіе, чтобы не усомниться въ отрицательномъ отвѣтѣ. То или другое государство существуетъ, конечно, не потому, что за нимъ признается право на существованіе, а потому, что существуетъ. Тутъ фактъ, голый фактъ, рѣшаетъ дѣло такъ, что вопросъ о правѣ является совершенно празднымъ. Мы не можемъ даже сказать, чтобы признаніе права на существованіе за всѣми дѣйствительно существующими государствами имѣло значеніе идеала международнаго порядка. Если бы это право нашло себѣ практическое осуществленіе, это повело бы къ полному застою политической исторіи. Если бы это пресловутое право каждаго государства на существованіе уважалось на дѣлѣ, образованіе новыхъ государствъ оказалось бы невозможнымъ. Поэтому, кто не желаетъ застоя, не можетъ желать

---

(1) Смотри напр. *Bulmerinck*, das Völkerrecht, 1884, s. 202. *Resch*, Das europäische Völkerrecht. 1885, s. 57.

и безусловнаго уваженія къ этому праву государства на существованіе.

Точно также невозможно и строгое соблюденіе, соотвѣтствующей праву на независимость, обязанности невмѣшательства. Безусловно воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ значило бы оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ самыхъ ужасныхъ насилій, значило бы приносить въ жертву отвлеченному принципу самые святые интересы человѣчества.

Въ основаніе ученія о правѣ войны кладется вопросъ *о правѣ на войну*. Но только отъявленный доктринеръ можетъ требовать, чтобы вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшался на основаніи юридическихъ соображеній. Государство воюетъ, когда можетъ, и разъ есть достаточная сила, поводъ къ войнѣ всегда отыщется. Вѣдь международная жизнь не знаетъ давности. Существованіе интересовъ, изъ за которыхъ ведутся войны, измѣряется не дѣсятилѣтіями, а вѣками. Не удалось отомстить за правонарушеніе тотчасъ же, отомстятъ чрезъ 10, 20, 60 лѣтъ. А разъ вопросъ ставится такимъ образомъ, за кѣмъ не отыщется въ настоящемъ или прошломъ правонарушенія? Словомъ, вопросъ о правѣ на войну такой же праздный, какъ и вопросъ о правѣ на существованіе.

Подобные вопросы, мнѣ кажется, дѣйствительно должны быть оставлены. Недостойно серьезной науки заниматься ими. Но ими не исчерпывается все содержаніе международнаго права. За этими пресловутыми правами государства стоятъ права отдѣльныхъ лицъ, находящихъ себѣ *международную* охрану, т. е. охрану совокупною дѣятельностью нѣсколькихъ государствъ.

Такъ, напримѣръ, вопросъ частнаго и уголовнаго международнаго права, международная охрана свободы мореплаванія и судоходства по рѣкамъ, международныя мѣры противъ торговли невольниками, международная организація почтоваго и телеграфнаго дѣла, международныя мѣры противъ распространенія эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, международныя облегченія участи раненыхъ и больныхъ воиновъ, и цѣлый рядъ подобныхъ вопросовъ, имѣющихъ живое практическое значеніе именно какъ вопросъ права. Всѣ эти вопросы относятся къ содержанію международнаго права, но,

въ общепринятой системѣ изложенія науки, имъ отводятъ второстепенное, подчиненное мѣсто. Ихъ не рѣдко излагаютъ даже какъ частные, имѣющіе лишь значеніе исключенія, уступки со стороны государствъ, какъ ограниченія ихъ основныхъ неотъемлемыхъ правъ (¹). Между тѣмъ ихъ юридическое значеніе стоитъ внѣ сомнѣній, внѣ спора. Вѣдь тутъ идетъ дѣло только о международной охранѣ отношеній государственнаго, полицейскаго и уголовнаго правъ, получающихъ международное значеніе лишь тогда, когда для полной охраны ихъ требуется содѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ государственныхъ властей. Почему бы не ограничить содержаніе международнаго права только этими, имѣющими реальное значеніе, вопросами? Почему бы не освободить международное право отъ загромождающаго его схоластическаго хлама?

Все это ученіе, о правахъ государства на существованіе или на войну, на нейтралитетъ, не есть вовсе какая нибудь особенная принадлежность международнаго права, а просто остатокъ давнихъ устарѣлыхъ теорій, когда-то царившихъ и въ другихъ юридическихъ наукахъ. Было время, когда въ частномъ правѣ считали необходимымъ разсуждать о правѣ жить или о правѣ пользоваться членами своего собственнаго тѣла (²), а въ государственномъ правѣ серьезно обсуждался напр. вопросъ о правѣ народа на революцію, вопросъ имѣющій даже очень большую литературу. Такъ въ томъ самомъ сочиненіи Гуго Гроція, которымъ онъ положилъ основаніе наукѣ международнаго права, изслѣдуется довольно пространно и вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ народъ имѣетъ право возстать противъ государя.

Конечно это такой же праздный вопросъ, какъ и вопросы о томъ, въ какихъ случаяхъ государство имѣетъ право вести войну. Какъ въ войнѣ между государствами, такъ и въ борьбѣ

(¹) Такое мѣсто отводитъ напримѣръ этимъ вопросамъ Бульмеринкъ.

(²) Къ этимъ то теоріямъ относится извѣстная эпиграмма Шиллера, въ которой онъ на вопросъ:

Jahre lang schon bedien' ich meiner Nase zum Riechen;
Hab ich denn wirklich an sie auch ein erweisliches Recht?

Заставляетъ отвѣчать Пуффендорфа:

Ein bedenklicher Fall? Doch die erste Possession scheint
Für dich zu sprechen, und so brauche sie immerhin fort!

междоусобной, побѣдитель всегда правъ, побѣжденный всегда неправъ. Революція, какъ и война не право, а только фактъ.

Теперь всѣ подобные вопросы оставлены и въ частномъ, и въ публичномъ правѣ, не только безъ вреда для юридической науки, но даже съ прямой пользой. Устранивъ безплодную схоластику, можно съ большимъ вниманіемъ сосредоточиваться на дѣйствительно жизненныхъ вопросахъ науки. Зачѣмъ же сохранять это наслѣдіе устарѣлыхъ теорій только въ одномъ международномъ правѣ? Зачѣмъ удерживать за нимъ этотъ архаическій обликъ, служащій главной причиной отрицательнаго къ нему отношенія? Государства, конечно, не перестанутъ существовать по прежнему и по прежнему гибнуть или распадаться, каждое въ свой чередъ, и тогда, когда юристы перестанутъ разсуждать о правѣ ихъ на существованіе, но за то право на существованіе самой науки международнаго права станетъ яснымъ для всѣхъ и безспорнымъ только тогда, когда подобныя праздныя разсужденія исчезнутъ со страницъ руководствъ по международному праву.

§ 2. Опредѣленіе международнаго права ([1]).

Можетъ однако явиться сомнѣніе: такое устраненіе пресловутыхъ вопросовъ объ основныхъ, неотъемлемыхъ правахъ государства не будетъ ли равносильно уничтоженію самостоятельнаго существованія международнаго права? Ученіе объ основныхъ правахъ государствъ не служитъ ли единственнымъ связующимъ началомъ для всего разнообразія отдѣльныхъ вопросовъ, входящихъ въ содержаніе этой науки? Такое сомнѣніе находитъ себѣ основаніе уже въ обычномъ опредѣленіи международнаго права, какъ совокупности правъ и обязанностей самихъ государствъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Понимаемое такъ международное право не можетъ быть сведено къ ученію о правахъ отдѣльныхъ личностей, по скольку онѣ охраняются совмѣстною дѣятельностью государствъ, а между

([1]) *Gogern.* Kritik des Völkerrechts. 1840. *Kaltenborn,* Kritik des Völkerrechts, 1847. *Fricker,* Das Problem des Völkerrechts Zeitschrift f. die gesammt. Staatswissenschaften. 1872. Bd. XXVIII. *Creosy* First platform of international law. 1876, p. 65—75.

тѣмъ всѣ вопросы международнаго права, имѣющіе дѣйствительно жизненное значеніе, касаются не правъ самихъ государствъ а правъ отдѣльныхъ лицъ какъ напр. право литературной собственности, право раненыхъ воиновъ на неприкосновенность и уходъ за ними и т. п.

Но дѣло въ томъ, что не содержаніе науки должно быть соображаемо съ разъ установившимся ея опредѣленіемъ, а наоборотъ опредѣленіе должно соотвѣтствовать содержанію науки. Поэтому въ разрѣшеніи постановленнаго нами вопроса нельзя за мѣру принимать изстари установившагося опредѣленія. Вопросъ не въ томъ будетъ ли обновленное содержаніе международнаго права соотвѣтствовать старому опредѣленію, а въ томъ представитъ ли оно достаточно единства и однородности, что бы послужить содержаніемъ отдѣльной самостоятельной науки. Если же старое опредѣленіе окажется непригоднымъ, можно замѣнить его новымъ.

Международнымъ называется вообще все то, что относится не къ одному отдѣльному государству а ко многимъ совмѣстно. Такъ мы говоримъ о международной торговлѣ, международныхъ конгрессахъ, международныхъ выставкахъ.

Поэтому и международнымъ правомъ можно назвать только изученіе правъ въ ихъ отношеніи не къ одному какому нибудь государству, а ко многимъ совмѣстно.

Другія же юридическія науки, разсматривающія отдѣльныя отрасли права, напротивъ, вовсе не принимаютъ въ соображеніе факта одновременнаго существованія многихъ государствъ. Ихъ конструкціи предполагаютъ одно опредѣленное законодательство, одну судебную власть; государственное, гражданское, уголовное право не даютъ анализа того, какъ отзывается, на публичныхъ и частныхъ правахъ или на осуществленіи карательной власти государства, совмѣстное существованіе многихъ государствъ. Онѣ едва касаются этого вопроса при опредѣленіи пространства дѣйствія закона по мѣсту, но затѣмъ уже исключительно имѣютъ дѣло съ тѣми, сравнительно простѣйшими, случаями, когда изучаемыя ими права всѣми своими элементами и всѣми фазисами своего существованія подпадаютъ дѣйствію одной и той же государственной власти. Между тѣмъ существованіе многихъ государствъ, находящихся другъ съ другомъ въ общеніи, приводитъ къ тому, что нерѣдко

одно и то же юридическое отношеніе различными своими элементами (субъектомъ и объектомъ) и въ различныхъ стадіяхъ своего существованія (установленіе, осуществленіе, прекращеніе) подпадаетъ дѣйствію различныхъ государственныхъ властей. Въ такомъ случаѣ, для полной охраны отношенія, необходимо совмѣстное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ государствъ.

Само собой разумѣется это осложняетъ дѣло. Тутъ приходится принимать во вниманіе воздѣйствіе не одной, а нѣсколькихъ властей и кромѣ того взаимное соотношеніе этихъ властей. Но самая природа отношеній отъ этого не мѣняется. Владѣетъ ли лицо по праву собственности имѣніемъ въ той же странѣ, гдѣ само находится, или въ чужомъ государствѣ, право собственности отъ этого не мѣняетъ своей природы. Убійство, совершенное за границей, не перестаетъ быть убійствомъ, но охрана права собственности или преслѣдованіе убійцы въ такихъ случаяхъ зависитъ отъ большаго числа условій и потому осложняется.

Осложненія, вытекающія изъ факта подпаданія юридическихъ отношеній дѣйствію различныхъ государственныхъ властей, въ силу общности своего основанія представляютъ извѣстную однородность и потому удобно могутъ составить предметъ особой науки и притомъ науки юридической, такъ какъ это осложненія *юридическихъ* отношеній. Такая наука уже существуетъ—это международное право.

Мы можемъ такимъ образомъ опредѣлить *науку международнаго права* какъ *ученіе объ осложненной формѣ охраны юридическихъ отношеній совмѣстной дѣятельностью нѣсколькихъ государственныхъ властей*. Такъ какъ совмѣстная дѣятельность государствъ называется *международной*, то можно короче опредѣлить науку международнаго права какъ *ученіе о международной охранѣ права*.

Охрана юридическаго отношенія совмѣстной дѣятельностью нѣсколькихъ государственныхъ властей не можетъ измѣнить юридической природы отношенія. Наука международнаго права имѣетъ по этому дѣло съ тѣми же юридическими отношеніями, что и другія юридическія науки, но только въ осложненномъ видѣ. Нѣтъ особой группы отношеній, которыя охранялись непремѣнно и всегда только совмѣстной дѣятельностью госу-

дарствъ. Потому нельзя говорить о международномъ правѣ, какъ о совокупности особыхъ правъ въ субъективномъ смыслѣ. Международное право не есть особая отрасль матеріальнаго права. Существуетъ только особая международная охрана правъ, охраняемыхъ и въ отдѣльныхъ государствахъ мѣстною властью. Но такъ какъ эта охрана совершается по опредѣленнымъ выработываемымъ исторіей правиламъ или нормамъ, то можно признать существованіе особаго *международнаго права,* понимаемаго какъ совокупность *юридическихъ нормъ опредѣляющихъ международную охрану правъ.*

Такимъ образомъ и за устраненіемъ вопросовъ объ пресловутыхъ правахъ государствъ на существованіе, на войну, на нейтралитетъ, остальные вопросы, относящіеся къ содержанію международнаго права не лишаются связи и единства, а напротивъ представляютъ одно цѣлое, легко поддающееся опредѣленію какъ международная охрана правъ.

Такое опредѣленіе представляетъ, и независимо отъ устраненія изъ науки международнаго права праздныхъ схоластическихъ разсужденій, много другихъ преимуществъ. Оно гораздо больше соотвѣтствуетъ установившемуся названію *международное* право, такъ какъ ученіе о взаимныхъ правахъ государствъ правильнѣе было бы назвать *между государственнымъ* правомъ. Оно переноситъ центръ тяжести именно къ тѣмъ вопросамъ, которые представляютъ серьезное жизненное значеніе въ практикѣ международныхъ отношеній. Оно сообщаетъ больше единства всему содержанію международнаго права, такъ какъ, при обычномъ пониманіи международнаго права, все частное международное право является только внѣшнимъ, случайнымъ придаткомъ. Но что важнѣе всего, данное мною опредѣленіе даетъ возможность отчетливой конструкціи международнаго права, какъ это будетъ показано въ слѣдующемъ параграфѣ.

§ 3) Конструкція и система международнаго права (1).

Каждое право есть непремѣнно *чье-нибудь* право и вмѣстѣ съ тѣмъ право *на что нибудь* и потому не можетъ обойтись

(1) *Kaltenborn.* Kritik des Völkerrechts. 1847. *Bulmerinck,* Die Systematik des Völkerrechts. 1858. *Bulmerinck,* Völkerrecht., § 13. *Мартенсъ.* Современное международное право, т. I, 1882, стр. 178. *Holtzendorf.* Handbuch des Völkerrechts. Bd. I, 1885, s. 71.

ни безъ субъекта, ни безъ объекта и юридическая конструкція каждаго права, по необходимости, опирается на выясненіе этихъ двухъ существенныхъ элементовъ права. Между тѣмъ, при опредѣленіи международнаго права, какъ ученія объ особыхъ международныхъ правахъ, являются непреодолимыя затрудненія и въ опредѣленіи субъекта и объекта этихъ международныхъ правъ. По вопросу о субъектѣ существуютъ два воззрѣнія. Одни напр. Oppenheim признаютъ субъектами международнаго права какъ государства, такъ и частныхъ лицъ. Но такой взглядъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ пониманіемъ международнаго права, какъ совокупности правъ государствъ въ отношеніи другъ къ другу. Невозможно понять какимъ образомъ субъектомъ международнаго права, такъ понимаемаго, могутъ быть частныя лица. Другіе, болѣе послѣдовательные, признаютъ единственестъеннымъ субъектомъ международнаго права—государство. Но тутъ является другое затрудненіе: многіе институты международнаго права оказывается рѣшительно невозможнымъ конструировать такъ, чтобы субъектомъ ихъ явились независимыя государства. Таково, напр.., все такъ наз. частное международное право. Профессоръ Мартенсъ думаетъ избѣгнуть этого неудобства, признавая субъектами международнаго права только государства; «субъектами права въ международныхъ отношеніяхъ»—государей и, наконецъ, «субъектами правъ въ области международныхъ сообщеній»—частныхъ лицъ, но при этомъ, къ сожалѣнію, не потрудился выяснить техническое различіе измышленныхъ имъ терминовъ, и потому выставляемое имъ различіе представляетъ совершенно напрасное насиліе надъ рускимъ языкомъ, отнюдь недопускающимъ назвать напр. охрану правъ иностранцевъ «международнымъ сообщеніемъ».

Опредѣленіе объекта представляетъ еще большія трудности и, конечно, по этой именно причинѣ вопросъ объ объектѣ большинствомъ излагателей международнаго права обходится полнымъ молчаніемъ (²). Можно подумать, что международное

(¹) Martens и Philimore, вслѣдъ за ученіемъ о субъектѣ даютъ ученіе объ объектѣ, но подъ объектомъ они разумѣютъ самыя международныя отношенія, слѣдовательно объектъ *науки* международнаго права, а не самого международнаго права.

(²) System des Völkerrechts. 1845. s. 4.

право—право безъобъектное. Но такого безъобъектнаго права, т. е. *права ни на что*, не допуститъ, конечно, всякій маломальски мыслящій юристъ. Право ни на что и есть ничто. Тѣ немногіе писатели, которые останавливаются на вопросѣ объ объектѣ международнаго права, признаютъ таковымъ территорію, ([1]) Но нетрудно указать, что множество, если не большинство, международныхъ отношеній рѣшительно не допускаетъ такой конструкціи, чтобы объектомъ ихъ оказалась территорія.

Возьмите напримѣръ право рыбной ловли въ открытомъ морѣ или право морской военной добычи. Эти права никакого отношенія къ территоріи государства не имѣютъ и потому никакъ не могутъ быть конструируемы какъ право на территорію.

Всѣ эти затрудненія отпадаютъ сами собой, если принять даннное мною опредѣленіе международнаго права. Тогда международное право все сведется къ ученію о международной охранѣ правъ. Но юридическая конструкція международной охраны установляется сама собой. Международная охрана есть охрана, осуществляемая совмѣстною дѣятельностью нѣсколькихъ независимыхъ государствъ. Отсюда ясно, что субъекты международной охраны суть конечно всегда государства, каковы бы ни были само охраняемое право и его субъектъ. Также просто рѣшается и вопросъ объ объектѣ международной охраны правъ. Объектомъ ея конечно не можетъ быть ни что иное какъ права, или общѣе, юридическій порядокъ.

По вопросу о системѣ международнаго права до сихъ поръ также нѣтъ согласія. Самая старая система, еще и до сихъ поръ находящая себѣ сторонниковъ, есть раздѣленіе всего международнаго права на право мира и право войны. Въ пользу такой системы можно сослаться на то, что различіе войны и мира дѣйствительно имѣетъ важное значеніе для всего международнаго права, сказываясь равно характерно на всѣхъ его институтахъ. Тѣмъ не менѣе такая система неудобна, такъ какъ многіе вопросы международнаго права не относятся въ частности ни къ праву мира, ни къ праву войны, а имѣютъ общее значеніе. Весьма рас-

---

([1]) Напр. Кальтенборнъ—Kritik s. 2 q. s. Meer, Land, Flüsse, Schiffe etc. и *Бульмеринкъ*, Völkerrecht, 1884, s. 279.

пространено также примѣненіе къ международному праву системы институцій, основанной на различіи трехъ элементовъ всякаго права res, persona, actio. Но именно потому, что это элементы всякаго права, такая система неудобна для изложенія различныхъ частныхъ отношеній какого бы то ни было права, въ частности, и права международнаго. Въ основу системъ должно быть полагаемо не различіе элементовъ, а различіе отдѣльныхъ видовъ (species). Бульмеринкъ предложилъ подраздѣлить все право международное, по примѣру уголовнаго и гражданскаго, на матеріальное и формальное. Но если понимать международное право какъ ученіе о международной охранѣ, оно все цѣликомъ является правомъ формальнымъ. Относить же, какъ это именно дѣлаетъ Бульмеринкъ, къ формальному международному праву право войны вообще едвали возможно. Война не можетъ быть разсматриваема какъ судебный процессъ уже потому, что веденіе ея опредѣляется не юридическими нормами, а правилами военнаго искуства. Ф. Мартенсъ выдѣляетъ особо въ своемъ изложеніи международнаго права общую часть. Это нововведеніе должно быть признано весьма удачнымъ по мысли. Противоположеніе общей и особенной части, установившееся уже давно въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, не обусловлено вовсе особенной природой этихъ именно отраслей правъ. Оно приложимо ко всѣмъ наукамъ, такъ какъ покоится на общемъ фактѣ существованія болѣе или менѣе широкихъ научныхъ обобщеній, приложимыхъ или ко всей группѣ, изучаемыхъ данной наукой, явленій, или только къ частнымъ ея подраздѣленіямъ.

Выдѣленіе общей части даетъ изложенію большую послѣдовательность и наглядность и значительно экономизируетъ время, избавляя отъ неизбѣжныхъ иначе повтореній. Такимъ образомъ самая мысль о выдѣленіи и въ международномъ правѣ общей части заслуживаетъ полнаго признанія. Нельзя того же сказать о томъ, какъ эта мысль осуществлена въ книгѣ Ф. Мартенса. Общей части онъ противополагаетъ не особенную часть, какъ это всѣми и всегда дѣлается, а ученіе о международномъ управленіи. Но вѣдь что нибудь одно: или международное управленіе объемлетъ всѣ отдѣльныя отношенія международнаго права (авторъ относитъ къ нему даже

право войны) и тогда это совершенно излишній терминъ, только могущій вести къ недоразумѣніямъ, или международное управленіе есть только одна часть международнаго права, и тогда ученіе о немъ не можетъ быть противупоставляемо общей части, а должно быть подраздѣленіемъ особенной части.

Независимо отъ этого, самое распредѣленіе вопросовъ между общей частью и ученіемъ о международномъ управленіи возбуждаетъ много сомнѣній. Такъ, чтобы взять самый крупный примѣръ, ученіе о дипломатическихъ агентахъ и консулахъ отнесено къ ученію о международномъ управленіи, а ученіе о государяхъ, которые также являются органами международныхъ сношеній, къ общей части. Почему ученіе напр. объ экстерриторіальности государей можетъ претендовать на болѣе общее значеніе, чѣмъ ученіе объ экстерриторіальности дипломатическихъ агентовъ?

Въ дѣйствительности распредѣленіе содержанія между первой и второй частью книги проф. Ф. Мартенса основано вовсе не на различіи общаго и частнаго.

Первая часть объемлетъ собою почти все международное право, какъ его понимали въ старину, со всѣми схоластическими разсужденіями объ основныхъ правахъ государствъ.

Вторая часть содержитъ изложеніе дѣйствительныхъ жизненныхъ вопросовъ, все болѣе и болѣе заслоняющихъ собою устарѣлую схоластику.

Если общей части противопоставить, какъ это представляется логически необходимымъ, особенную часть, то общая часть должна дать общее ученіе о международной охранѣ правъ, а особенная, разсмотрѣть частные случаи приложенія международной охраны.

Къ общему ученію о международной охранѣ относятся: 1) выясненіе особенной природы международной охраны, 2) ученіе объ ея субъектахъ, 3) объ объектахъ, 4) объ органахъ, 5) о нормахъ и 6) о средствахъ охраны этихъ нормъ. Общая часть поэтому распадается на шесть соотвѣтствующихъ главъ.

Въ особенной части, сообразно основному различію отдѣльныхъ формъ международной охраны, получится три отдѣла. Необходимость международной охраны для однихъ правъ является дѣломъ случайнымъ, для другихъ необходимымъ слѣд-

ствіемъ ихъ внутренней природы. Такъ права гражданскія и право карательное по общему правилу вполнѣ могутъ быть осуществлены при содѣйствіи одной только мѣстной власти, и только случайно, въ силу того, что субъектъ гражданскаго права или субъектъ преступленія окажется иностранцемъ, можетъ явиться надобность въ содѣйствіи иностранной власти. Ученіе о международной охранѣ такихъ правъ составитъ содержаніе перваго отдѣла особенной части *«право иностранцевъ»*.

Другая группа правъ по самой своей природѣ для полнаго осуществленія, требуетъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ государствъ или потому что объектъ ихъ находится въ общемъ пользованіи всѣхъ народовъ (открытое море), или потому, что интересъ, лежащій въ основѣ права, не можетъ быть пріуроченъ къ территоріи отдѣльнаго государства (напр. борьба противъ эпидемій, организація почтоваго дѣла, охрана литературной собственности). Потребность въ международной охранѣ такихъ правъ зависитъ отъ одного только условія: наличности общенія между данными государствами. Поэтому ученіе о нихъ, составляющее второй отдѣлъ особенной части, можно назвать *«правомъ международнаго общенія»*.

Но этими двумя отдѣлами еще нельзя ограничиться. Государства, совмѣстная дѣятельность которыхъ необходима для охраны тѣхъ или другихъ правъ, могутъ находиться другъ къ другу или въ мирныхъ отношеніяхъ или въ состояніи войны; а состояніе войны такъ существенно измѣняетъ рамки и общій характеръ международной охраны права, что разсмотрѣніе этихъ измѣненій необходимо выдѣлить въ особый, третій отдѣлъ *«право войны»*.

§ 4. Причины отсталости международнаго права.

Если понимать международное право, какъ ученіе о международной охранѣ права, то доводы, на которыхъ основываютъ отрицаніе международнаго права, совсѣмъ потеряютъ всякую силу. Всякое противодѣйствіе международной охранѣ со стороны отдѣльныхъ личностей подавляется, какъ и во внутренней жизни государства, силою. Вся разница лишь въ томъ, что

тутъ принужденіе осуществляется не одною государственною властью, а нѣсколькими совмѣстно. Рѣшеніе вопросовъ о правѣ на международную охрану постановляется и судами: частью гражданскими, уголовными и призовыми судами отдѣльныхъ государствъ, частью международными третейскими судами.

И такъ стоитъ стряхнуть съ науки международнаго права, покрывающую ее архаическую пыль и она станетъ способной выдержать какую угодно критику. Очистите ее отъ баласта устарѣлыхъ принциповъ, пріемовъ, ученій; дайте ей вооруженіе изъ арсенала современной науки, замѣните праздные схоластическіе вопросы вопросами, имѣющими дѣйствительное, живое, а потому и научное, значеніе, и международное право, поставленное на реальную почву, займетъ и отстоитъ за собою мѣсто на ряду со всѣми другими отраслями права.

Но въ мірѣ нѣтъ дѣйствія безъ причины. Долженъ имѣть причину и архаическій характеръ современной науки международнаго права, и мы первые рѣшительно отвергаемъ возможность найти этому объясненіе въ личныхъ свойствахъ представителей науки. Такое объясненіе вообще можетъ удовлетворить только поверхностные умы. Если опредѣленная отрасль научныхъ изслѣдованій въ теченіи долгаго времени привлекаетъ къ себѣ лишь посредственныя научныя силы, это не можетъ не имѣть причины въ самыхъ свойствахъ данной науки, въ ней самой должно быть нѣчто, отталкивающее лучшія силы, отстраняющее болѣе сильные умы.

Но въ отношеніи къ международному праву такое объясненіе не только недостаточно, но и вовсе къ нему не примѣнимо. Международному праву посвятили свои силы многіе, выдающіеся представители науки права. Въ личныхъ свойствахъ изслѣдователей не можетъ потому заключаться даже и отчасти причина своеобразнаго облика, удерживаемаго наукой международнаго права.

При такомъ положеніи дѣла легко можетъ явиться сомнѣніе: эта своеобразность международнаго права, рѣзко отличающая его отъ другихъ юридическихъ наукъ, не составляетъ ли существенной его принадлежности, не коренится ли въ самой сущности науки? Устраняя ее, не шатаемъ ли науку международнаго права въ самыхъ ея основаніяхъ, не лишаемъ ли ее самостоятельности, превращая въ жалкій осколокъ съ

другихъ отраслей правовѣдѣнія, лишенный всякаго права на отдѣльное существованіе? Противъ такого предположенія говоритъ прежде всего то простое соображеніе, что общія основы правовѣдѣнія вообще не могутъ не примѣняться и къ каждой изъ специальныхъ юридическихъ наукъ, а слѣдовательно, въ частности, и къ международному праву. Да въ подобномъ объясненіи и нѣтъ надобности, такъ какъ всѣ особенности науки международнаго права въ современномъ ея развитіи находятъ себѣ прямое объясненіе въ особенностяхъ ея историческаго развитія [1],

Исторія науки международнаго права, сравнительно съ ходомъ историческаго развитія правовѣдѣнія вообще, представляетъ двѣ особенности, наложившія своеобразную печать на весь складъ международнаго права.

Первая изъ этихъ особенностей — возникновеніе науки международнаго права одновременно, мало того — совмѣстно съ теоріей естественнаго права. Гуго Гроцій, какъ извѣстно, является основателемъ и науки международнаго права и теоріи естественнаго права. И международное и естественное право ведутъ счетъ своимъ годамъ со времени появленія трактата Гроція «О правѣ войны и мира». Это два близнеца и какъ всѣ близнецы очень схожи другъ съ другомъ. Поэтому вліяніе теоріи естественнаго права въ международномъ правѣ сказалось сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ правовѣдѣнія; слѣдъ этой теоріи въ немъ глубже, прочнѣе. Мало того: совмѣстное возникновеніе теоріи естественнаго права и науки международнаго права привело къ тому, что философія международнаго права явилась раньше положительнаго его изученія. Философская система не явилась плодомъ обобщеній, плодомъ изученія положительнаго матеріала; она уже была тогда, когда только началось изученіе и обработка положительнаго матеріала. Поэтому первенство принадлежитъ философскому элементу, поэтому теорія международнаго права, лишенная

---

[1] Kaltenborn. «Kritik» 29. Справедливо замѣчаетъ: Wir zweifeln, dass irgend eine andere Wissenschaft so sonderbare Anfänge gehabt und so merkwürdige Zuckungen erlebt habe.

твердой положительной почвы, получила субъективный и даже произвольный характеръ [1].

Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что въ ученіи объ естественномъ правѣ Гуго Гроція и всѣхъ его послѣдователей въ XVII вѣкѣ право безразлично смѣшивалось съ моралью. Отсюда отсутствіе въ сочиненіяхъ по международному праву строго юридическаго характера и постоянное смѣшеніе юридическихъ положеній съ нравственными сентенціями.

Вторая особенность, только усилившая вліяніе первой, это то, что международнаго права вовсе не коснулось вліяніе исторической школы, такъ благотворно сказавшееся во всѣхъ другихъ отрасляхъ правовѣдѣнія. Историческая школа, явившаяся реакціей противъ школы естественнаго права, не могла не отнестись отрицательно и къ тѣсно связанному съ теоріей естественнаго права, праву международному, признаваемому большинствомъ изслѣдователей ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же естественнымъ правомъ только въ приложеніи къ взаимнымъ отношеніямъ не индивидовъ, а народовъ. Но была и другая причина, почему работы исторической школы не коснулись международнаго права. Историческая школа исходила, какъ извѣстно, изъ ученія о національномъ характерѣ права. Въ правѣ она видѣла продуктъ, и притомъ исключительный продуктъ, народной жизни; только народъ, народная жизнь творитъ по ея ученію право. Поэтому международное право, не могущее быть разсматриваемо, какъ исключительный продуктъ какого-нибудь одного народа, не могло найти себѣ мѣсто въ рамкахъ ученій исторической школы. Какъ право совершенно чуждое и тѣни національной исключительности, международное право осталось внѣ сферы изслѣдованій представителей исторической школы. Между тѣмъ въ исторіи правовѣдѣнія

(1) Kaltenborn. Kritik des Völkerrechts 1847, § 28. Es klingt dies freilich horribel, dass es eher eine Philosophie als eine Positive Wissenschaft des Völkerrechts geben konnte.—Die Philosophie des Völkerrechts erscheint als die erste, als die Anfangsthätigkeit aller Völkerrechtswissenschaft. Diese sogleich anfänglich verkehrte Richtung der Völkerrechtwissenchaft hat der ganzen völkerrechtlichen Literatur einen mehr oder weniger Subjectiven und willkürlich einen Charakter gegeben: dem nach unserem Dafürhalten selbst die neuesten Werke über Völkerrecht nicht ganz verleugnen können.

*

историческая школа имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Ея появленіе знаменуетъ собою поворотный пунктъ въ историческомъ развитіи науки права, впервые, въ лицѣ представителей этой школы, обращающейся къ научному изученію и положительнаго матеріала. Исторической школой открывается новый періодъ въ исторіи правовѣдѣнія, характеризующійся возстановленіемъ утраченнаго въ эпоху господства школы естественнаго права единства теоріи и догмы. Представители исторической школы установили кромѣ того истинно научный методъ и тѣмъ освободили правовѣдѣніе отъ загромождавшаго его баласта схоластическихъ разсужденій, вродѣ изслѣдованія допотопнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ставя на первое мѣсто историческое изученіе, она естественно пришла къ необходимости выяснить послѣдовательно ходъ развитія права, намѣтить для этого его послѣдовательныя стадіи и въ частности отдѣлить и разграничить дѣйствующее, сохраняющее еще практическое значеніе, право отъ стараго отжившаго. Начало такому разграниченію въ отношеніи римскаго права было положено самимъ главою школы—Савиньи, въ его Системѣ нынѣшняго римскаго права. Онъ представилъ въ ней римское право, какъ оно было реципировано и дѣйствовало въ Германіи, свободнымъ отъ примѣси всего устарѣвшаго, отжившаго, потерявшаго практическое значеніе. Этой работы до сихъ поръ не сдѣлано никѣмъ для международнаго права. и самыя новыя системы международнаго права, даже именуемыя системами *современнаго права*, представляютъ по старому пеструю смѣсь дѣйствительно дѣйствующихъ, живыхъ началъ международнаго права съ совершенно устарѣлыми принципами и институтами, когда-то въ старо-давнія времена дѣйствовавшими въ международной практикѣ, уже давно забытыми въ ней и сохраняющимися только въ литературѣ, старательно хранящей всѣ завѣты прошлаго. А къ этому присоединяется еще, рядъ благихъ пожеланій, свидѣтельствующихъ лишь о живости воображенія и гуманныхъ чувствахъ авторовъ, но ничего не имѣющихъ общаго съ дѣйствующимъ международнымъ правомъ.

Такимъ образомъ условіями возникновенія науки международнаго права, подъ непосредственнымъ вліяніемъ теоріи естественнаго права, и непричастностью международнаго права тому движенію, которое сказалось съ появленіемъ историче-

ской школы, вполнѣ объясняется отсталость и своеобразный складъ этой отрасли правовѣдѣнія. Знакомство съ послѣдовательнымъ ходомъ ея развитія еще болѣе объяснитъ намъ это.

ГЛАВА II.

Исторія науки международнаго права (1).

§ 5. Предшественники Гуго Гроція (2).

Международное право, какъ самостоятельная наука, возникаетъ лишь въ XVII столѣтіи, когда трактатомъ Гуго Гроція «De jure belli ac pacis—(1625 г.) было положено первое ея основаніе, цѣлостнымъ и научно обоснованнымъ ея изложеніемъ. Но отдѣльные вопросы науки разработывались и раньше.

Такъ въ XIV столѣтіи извѣстный представитель школы комментаторовъ или бартолистовъ Bartolus de Saxoferrato (1314—1357) написалъ изслѣдованіе по частному международному праву (De statutis) и о репрессаліяхъ (De repressaliis). Въ томъ же столѣтіи августинецъ Honoré Bonnet написалъ въ 1384—1387 годахъ свое «L'arbre des Batailles», въ которомъ затрогиваетъ многіе вопросы международнаго права войны.

Изъ сочиненій, относящихся къ XV столѣтію, можно указать на меморандумъ, представленный посланникомъ польскаго короля Павломъ Владимиромъ-Влодковичемъ (Decretorum Doctor, custos et canonicus ecclesiae Cracoviensis, studii generalis Cracoviensis rector) констанскому собору въ 1413 году «Tractatus de potestate Papae et Imperatoris respectu infidelium». Въ немъ по поводу насилій крестоносцевъ противъ язычниковъ пруссовъ обсуждается вопросъ, принадлежитъ ли императору

---

(1) *Kaltenborn* Kritik des Völkerrechts nach dem jetzigen Standpunkte der Wissenschaft. 1847. *Rivier* Literarhistorische Uebersicht der Systeme und Theorien des Völkerrechts seit Grotius in Handbuch des Völkerrechts herausgeg. von Fr. Holtzendorf. Bd. I, 1885, ss. 393—523.

(2) *Kaltenborn*, Die Vorläufer des Grotius auf dem Gebiete des jus naturae et gentium sowie der Politic, im Reformationszeitalter. 1848. *Nys*, Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. 1881.

или папѣ власть распоряжаться землями невѣрныхъ. *Juan Lopez* профессоръ въ Саламанкѣ, умершій въ 1496 году написалъ изслѣдованіе «о войнѣ и воителяхъ» (Tractatus de bello et bellatoribus) и «О союзахъ» (De confederatione, pace, et conventionibus principium).

Въ XVI столѣтіи, особенно къ концу, число изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ международнаго права быстро увеличивается. Особенное вниманіе обращали на себя въ то время вопросы о правѣ войны, о посольскомъ правѣ и вопросъ объ отношеніяхъ европейскихъ колонизаторовъ къ туземцамъ новаго свѣта. Не перечисляя всѣхъ авторовъ монографій, явившихся въ это столѣтіе и въ самомъ началѣ слѣдующаго до появленія сочиненія Гуго Гроція, мы остановимся здѣсь на разсмотрѣніи произведеній только наиболѣе выдающихся писателей того времени. Таковыми являются Викторіа, Айла и Гентилисъ.

Доминиканецъ *Францискъ Викторіа* (1480—1546) былъ профессоромъ саламанкскаго университета и оставилъ по себѣ собраніе разсужденій (13), подъ общимъ названіемъ Relectiones theologicæ. (Lyon. 1557. 6 ed. Venetiæ. 1626). Въ числѣ ихъ два, пятое и шестое, касаются вопросовъ международнаго права. Пятое (De Indis) посвящено вопросу о правѣ испанцевъ на завладѣніе землями американскихъ индѣйцевъ. Викторіа не признаетъ, чтобы императоръ или папа были властителями всего міра, какъ это утверждалъ Бартолъ и другіе болонскіе юристы. Онъ не считаетъ также справедливымъ захватывать земли, только потому, что населеніе ихъ не христіанское. Оправданіемъ войнъ съ туземцами Америки, можетъ служить, по мнѣнію Викторіа, лишь насильственное недопущеніе ими въ свои земли европейцевъ, отказъ безъ основательной причины отъ торговли съ европейцами и жестокости въ отношеніи къ нимъ.

Шестое разсужденіе трактуетъ о правѣ войны (de jure belli). Въ немъ разбираются четыре основныхъ вопроса: законное ли дѣло война между христіанами? кому принадлежитъ право вести войну? каковъ законный поводъ къ войнѣ? и какія дѣйствія позволены въ войнѣ? Разсмотрѣніе перваго вопроса занимаетъ немного мѣста. Викторіа довольствуется тутъ указаніемъ на то, что церковь никогда не считала войну между христіанами недозволеннымъ дѣломъ. Второй вопросъ разрѣ-

шается въ томъ смыслѣ, что право вести войну принадлежитъ какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и государствамъ. Но отдѣльныя лица могутъ воевать только для собственной защиты и только во время нападенія. Если же послѣ нападенія прошло уже извѣстное время, право войны для нихъ прекращается. Напротивъ, государства могутъ воевать какъ для защиты себя и своихъ подданныхъ, такъ для возмѣщенія причиненныхъ прежде обидъ.

Законными поводами къ войнѣ Викторіа не признаетъ ни различіе религіи, ни стремленіе къ расширенію владѣній или къ славѣ, ни другія честолюбивыя стремленія государей. Единственной законной причиной войны онъ считаетъ нарушеніе какого-нибудь права. Во время войны дозволено все необходимое для защиты и сохраненія государства. Но нельзя убивать невинныхъ. Даже въ войнѣ съ турками не слѣдуетъ убивать женщинъ и дѣтей, а въ войнѣ съ христіанами это распространяется и вообще на мирныхъ гражданъ. Но захватывать имущество мирныхъ жителей непріятельской страны дозволяется какъ на морѣ, такъ и на сушѣ.

Балтазаръ Айла (1548—1584), служилъ въ арміи Филиппа II военнымъ судьей, подъ начальствомъ принца Пармскаго,которому онъ и посвятилъ свое сочиненіе «De jure et officiis belli», Antverpiae, 1597. Книга его распадается на три части. Изъ нихъ только первая касается международнаго права. Двѣ другія посвящены вопросамъ о командованіи арміей и о воинской дисциплинѣ. Айла является рѣшительнымъ защитникомъ права военной добычи, а въ главѣ о войнѣ противъ мятежныхъ подданныхъ, хотя о Нидерландахъ не упоминается, тѣмъ не менѣе ясно сказывается въ авторѣ испанскій полководецъ. Онъ утверждаетъ, что мятежники отнюдь не могутъ пользоваться тѣми правами, какія предоставляются законному врагу (justus hostis). Онъ ставитъ ихъ наравнѣ съ разбойниками. Въ отношеніи къ нимъ, по его мнѣнію, нѣтъ мѣста ни милосердію, ни даже обязанности соблюдать данныя обѣщанія.

Ближайшимъ предшественникомъ Гуго Гроція былъ Альберикъ Гентилисъ (1552—1608). Уроженецъ Анконы, онъ, какъ протестантъ, переселился въ Англію, гдѣ сдѣлался профессоромъ оксфордскаго университета. Его книга «о правѣ войны» первымъ изданіемъ вышла въ Лондонѣ въ 1588—89 го-

дахъ подъ заглавіемъ «Commentationes de jure belli», вторымъ значительно переработаннымъ изданіемъ въ 1598 году, съ заголовкомъ «De jure belli libri tres». Кромѣ того онъ написалъ еще изслѣдованіе «о посольствахъ» (De legationibus).

Книга Гентилиса «о правѣ войны», распадается на три части, сообразно различію трехъ главныхъ вопросовъ войны: о справедливыхъ причинахъ войнъ, о правилахъ, соблюдаемыхъ во время войны и о послѣдствіяхъ войны. Гентилисъ считаетъ войной только борьбу между государствами (bellum est publicorum armorum justa contentio), а справедливой причиной войнъ — только такое нарушеніе права, единственнымъ средствомъ противъ котораго является насиліе. Въ частности онъ останавливается на религіозныхъ войнахъ. Одно различіе въ религіи не можетъ служить поводомъ къ войнѣ. Не оправдываетъ войну также и желаніе обратить невѣрныхъ въ христіанскую вѣру. Но если христіане подвергаются преслѣдованію со стороны варваровъ, то можно защитить ихъ силою оружія.

Гентилисъ не отличаетъ международнаго права отъ естественнаго, а естественное право у него сливается опять съ божественнымъ правомъ. Въ подтвержденіе своихъ положеній онъ постоянно ссылается на римское право. Такимъ образомъ постановка общихъ основаній у него не выяснена достаточно. Но обработка нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ права войны и права посольства представляется у него весьма удачной.

§ 6. Гуго Гроцій (1).

Гуго Гроцій (Hugo Cornets de Groot), родившійся 10 апрѣля 1583 года, былъ сынъ бургомистра въ Дельфтѣ. Дѣдъ Гроція былъ бургундскій дворянинъ (Cornets), женившійся на единственной дочери голландца Грота и отъ него принявшій фамилію.

Гуго Гроцій еще въ ранней молодости обращалъ на себя вниманіе необыкновенными способностями. Одинадцати лѣтъ

(1) *Luden*. Hugo Grotius nach seinen Schicksalen und Schriften. 1806. *Caumont*. Etude sur la vie et les travaux de Grotius où le droit naturel et le droit international. 1862. *Hély*. Etude sur le droit de la guerre de Grotius. 1875.

поступивъ въ лейденскій университетъ, онъ занимался такъ успѣшно, что его сравнивали съ Эразмомъ; пятнадцати лѣтъ онъ защищаетъ тезисы по философіи, математикѣ и юриспруденціи. Когда, вслѣдъ затѣмъ, онъ явился въ Парижъ, сопровождая Барневельда, отправленнаго туда посломъ Соединенныхъ Провинцій, Генрихъ IV, пораженный ученостью молодаго голландца, воскликнулъ обращаясь къ окружавшимъ: «Вотъ чудо Голландіи». Позднѣе одинъ изъ соотечественниковъ замѣтилъ что Grotius vir natus est. Гроцій дѣйствительно вскорѣ занялъ видное мѣсто среди ученыхъ современниковъ. Посвятивъ себя сначала адвокатской дѣятельности, онъ скоро выступаетъ на болѣе широкое поприще, явившись въ роли защитника интересовъ своего отечества, а вмѣстѣ и интересовъ свободы вообще, предъ судомъ общественнаго мнѣнія Европы. Еще въ 1604—1605 годахъ онъ написалъ изслѣдованіе о правѣ добычи (De jure predae) (1). Въ 1609 году онъ издалъ изъ него отрывокъ Marc liberum, seu de jure quod Batavis competit ad Indica commercia (2). Отрывокъ этотъ касается спора, который возникъ въ то время между Голландіей съ одной стороны, Испаніей и Англіей съ другой. Испанія считала своимъ исключительнымъ правомъ плаваніе по океану и торговлю съ Индіей. Англія не хотѣла допустить голландскія суда къ рыболовству въ моряхъ, омывающихъ англійскіе берега. Гроцій, отстаивая притязанія своего отечества доказывалъ, что море свободно и не подлежитъ исключительному обладанію той или другой націи. Онъ не ограничился одной теоретической стороной дѣла. Въ томъ же 1609 г. онъ былъ посланъ въ Англію для переговоровъ о заключеніи трактата. Трактатъ былъ дѣйствительно заключенъ на 12 лѣтъ. Но наступившее такимъ образомъ замиреніе не было пріятно штатгальтеру Морицу Нассаускому. Война лучше бы соотвѣтствовала его честолюбивымъ планамъ. Республиканская партія, къ которой принадлежалъ Барневельдъ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія Оранскаго дома, склонялась, напротивъ, къ миру. Къ этому присоединился еще и религіозный антагонизмъ. Дѣло шло о божественномъ предопре-

---

(1) Это изданіе анонимное.

(2) Оставшаяся неизданной рукопись этого сочиненія найдена была только въ 1864 году.

дѣленіи. Два профессора Лейденскаго университета, Гомаръ и Арминій, дали имя двумъ религіознымъ партіямъ. Гомаристы, къ которымъ принадлежали штатгальтеръ и его партія, держались строго ученій Кальвина, признавшаго предопредѣленіе. Арминіане, имѣвшіе на своей сторонѣ Барневельда и республиканцевъ, склонялись къ ученію Меланхтона и Эразма, допускавшихъ возможность спасенія для каждаго. Гроцій былъ также арминіанцемъ, весьма умѣреннымъ. Онъ вообще стремился, по возможности, устранить религіозные раздоры и возстановить церковный миръ. Съ этою цѣлью онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій, посвященныхъ разъясненію богословскихъ вопросовъ въ примирительномъ духѣ ([1]). Это примирительное направленіе Гроція въ религіозныхъ вопросахъ не спасло его отъ преслѣдованія. Когда въ 1617 году Морицъ, во главѣ арміи, захватилъ города, населеніе которыхъ принадлежало къ партіи республиканцевъ и арминіанъ и когда такимъ образомъ фактическая сила оказалась въ рукахъ гомаристовъ, они, въ числѣ другихъ вожаковъ противной партіи, захватили и Гроція, и его друга и покровителя Барневельда. Барневельдъ былъ приговоренъ къ смертной казни судомъ, который скорѣе можно бы было назвать каррикатурой суда. Казнь была приведена въ исполненіе въ тотъ же день, какъ состоялся приговоръ. Гроцію было обѣщано помилованіе, если онъ отречется торжественно отъ своихъ убѣжденій. Но Гроцій не пошелъ на эту сдѣлку и предпочелъ пожизненное заключеніе—измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ (1618 г.). Изъ тюрьмы однако удалось ему бѣжать (1621 г.), благодаря смѣлой находчивости его жены, вынесшей его въ ящикѣ съ книгами. Онъ удалился затѣмъ во Францію, гдѣ и написалъ (1623—1625 г.) свой знаменитый трактатъ о правѣ войны и мира. Позднѣе онъ былъ приглашенъ къ шведскому двору и, какъ шведскій посланникъ, побывалъ снова въ Парижѣ. Умеръ онъ въ 1644 г., возвращаясь изъ Швеціи, въ Ростокѣ.

Изъ двухъ сочиненій Гуго Гроція, относящихся къ международному праву, мы остановимся здѣсь только на главномъ

([1]) Такова: Conciliatio dissidentium de repraedestinatcria atque gratia opinionum. Via ad pacem ecclesiasticam, и другія.

его трудѣ, такъ какъ Mare liberum касается исключительно морскаго международнаго права.

Знаменитый трактатъ Гуго Гроція De jure belli ac pacis libri tres, in quibus naturae et gentium, item juris publici praecipua explicantur положившій основаніе наукѣ международнаго права, какъ первый общій трактатъ по международному праву, въ первомъ изданіи in quarto появился на пасхѣ 1625 года. Книга была посвящена Людовику XIII, пріютившему автора во Франціи. Произведеніе Гуго Гроція тотчасъ же обратило на себя вниманіе и имѣло необыкновенный успѣхъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ оно было внесено, по распоряженію папы, въ Index запрещенныхъ книгъ (4-го февраля 1627 года). Но запрещеніе не могло воспрепятствовать ни славѣ, ни распространенію книги. Еще раньше запрещенія, въ 1626 году уже успѣло выйти новое изданіе in octavo. Въ 1631 году сразу явилось три голландскихъ изданія. Изданіе 1632 года, амстердамское, было послѣднимъ, въ текстѣ котораго Гроціемъ были сдѣланы измѣненія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ онъ ограничивался только присоединеніемъ новыхъ примѣчаній. Послѣднее изданіе при жизни Гроція относится къ 1642 году, первое посмертное къ 1646 году. Затѣмъ одно изданіе слѣдовало за другимъ, и Омптеда насчитываетъ къ 1758 году уже 45 различныхъ изданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга Гроція переводилась на всевозможные языки. Но въ чемъ особенно сказался необыкновенный успѣхъ книги, такъ это въ томъ, что къ ней, подобно сочиненіямъ древнихъ классиковъ, стали писать комментаріи. Уже въ 1663 году появился первый комментарій на книгу Гроція Генриха Боклера, профессора исторіи въ Страсбургѣ. Затѣмъ появились комментаріи Цигрера въ 1666 г., Осіандера въ 1671 г., Геннингеса въ 1673 г., и посмертный комментарій Гроновія въ 1680 году. Въ 1691 г. уже издается во Франкфуртѣ на Одерѣ сводный комментарій.

Новѣйшее изданіе подлинника сдѣлано было въ 1854 году извѣстнымъ англійскимъ философомъ вице-канцлеромъ кембриджскаго университета В. Уевелемъ. Изъ переводовъ особенною извѣстностью пользуется французскій переводъ Барбейрока 1768 года съ портретомъ автора. Изъ новѣйшихъ пере-

водовъ можно указать на французскій переводъ Pradier-Fodéré 1867 года и нѣмецкій Kirchmann'a 1869 года.

Гуго Гроцій начинаетъ свое изложеніе съ доказательства существованія естественнаго права, независимаго отъ законодательной власти, что составляетъ главное содержаніе введенія (Prolegomena). За тѣмъ въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ послѣдовательно разсматривается вопросъ о томъ, могутъ ли войны быть справедливыми? какой справедливый поводъ къ войнѣ и что считается дозволеннымъ въ справедливой войнѣ? Если сравнить эти вопросы съ тѣми, что положены въ основу дѣленія, также на три книги, сочиненія Гентилиса, то уже ясно будетъ превосходство Гуго Гроція. Изслѣдованіе права войны поставлено у него гораздо глубже. Онъ начинаетъ съ объясненія существованія юридическихъ нормъ, обязательныхъ и для независимыхъ государствъ и находитъ это объясненіе въ существованіи естественнаго права вытекающаго необходимымъ образомъ изъ общительной природы человѣка. При этомъ, не смотря на свою глубокую религіозность, онъ не смѣшиваетъ естественнаго права съ божественными заповѣдями и даетъ научной теоріи права совершенно независимую отъ религіозныхъ догматовъ постановку.

Первая книга посвящена вся вопросу, почти вовсе обойденному Гентилисомъ. Разобравъ противоположные крайніе взгляды, ведущіе или къ безусловному оправданію войнъ, или къ такому же безусловному ихъ осужденію, Гроцій держится того воззрѣнія, что не всѣ войны справедливы, но могутъ быть и справедливыя войны.

Вторая книга изслѣдуетъ справедливые поводы къ войнѣ: защита и возстановленіе нарушаемаго права. Тутъ Гроцій разсматриваетъ всѣ права, принадлежащія государствамъ, и такимъ образомъ даетъ изложеніе права мира.

Права государствъ у него совершенно тѣ же, какъ и частныхъ лицъ. Свободѣ индивида соотвѣтствуетъ суверенитетъ государства. Праву собственности—власть надъ государственной территоріей, обязательствамъ—международный договоръ, карательному праву—право войны. Третья книга, изслѣдующая правила, которыми должны руководствоваться во взаимныхъ отношеніяхъ воюющія государства, содержитъ право войны въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Система изложенія у Гроція представляетъ не мало слабыхъ сторонъ. Отдѣльнымъ вопросамъ не дано равнаго, и соотвѣтствующаго ихъ значенію мѣста. Какъ въ заголовкѣ такъ и въ самомъ изложеніи на первое мѣсто ставится ученіе о правѣ войны, а не мира. Но и то уже большой успѣхъ, что Гроцій не ограничился какъ его предшественники однимъ только правомъ войны. И хотя въ системѣ изложенія первое мѣсто принадлежитъ войнѣ, что и не удивительно въ книгѣ, появившейся въ самый разгаръ тридцатилѣтней войны, хотя изложеніе права мира отодвинуто на второй планъ, какъ второстепенный придатокъ къ ученію о правѣ войны, тѣмъ не менѣе вся книга проникнута самымъ миролюбивымъ духомъ, вся служитъ именно цѣлямъ мира.

Я уже говорилъ, что книга Гуго Гроція есть первый общій трактатъ по международному праву. Этимъ однако не ограничивается его заслуга. По замыслу, его трудъ не только шире но и глубже произведеній всѣхъ его предшественниковъ. Онъ первый даетъ общее понятіе о международномъ правѣ, первый отличаетъ его отъ римскаго понятія jus gentium, первый строитъ ученіе о международномъ правѣ на широкомъ философскомъ основаніи. Къ тому же и по исполненію Гуго Гроцій далеко опередилъ своихъ предшественниковъ полнотою, стройностью, ученостью своего изложенія, такъ что если бы произведенія всѣхъ его предшественниковъ погибли, и его книга сохранилась, мы бы потеряли не много.

§ 7. Писатели XVII вѣка (¹).

Со времени появленія книги Гуго Гроція въ пониманіи международнаго права сказываются два весьма различныхъ направленія. Дѣло въ томъ, что Гуго Гроцій представляетъ собою переходъ отъ т, н. гуманистическаго направленія къ школѣ естественнаго права, основателемъ которой онъ явился. Поэтому въ его книгѣ мы находимъ соединеніе философскаго метода съ историческимъ. Международное право, въ его из-

---

(¹) *Franck*, Ad. Réformateurs et publicistes de l'Europe XVII siecle. 1881. *Hinrichs*. Geschichte des Rechts und Staatsprincipien seit der Reformation. 2 Bder. 1848, 1850.

ложеніи, получаетъ двоякое основаніе—въ природѣ человѣка и въ практикѣ международной жизни. Напротивъ, у его продолжателей философскій и положительный элементъ разъединяются. Одни, игнорируя историческія основы международнаго права, отождествляютъ его съ естественнымъ правомъ. Другіе, впадая въ противоположную крайность, сводятъ разработку международнаго права къ простому воспроизведенію того, что совершается на практикѣ, не давая этому положительному матеріалу надлежащаго философскаго освѣщенія.

Представителемъ философскаго направленія является уже Гоббезъ (1588—1679), видящій въ международномъ правѣ не болѣе, какъ отрасль естественнаго права, которое, по его мнѣнію, есть частью право людей, частью государства ([1]). Того же воззрѣнія держался и Спиноза (1632—1677). Но съ наибольшей послѣдовательностью и полнотой это воззрѣніе было обосновано и развито Пуфендорфомъ (1632—1694), прямо отрицавшимъ существованіе и даже возможность существованія положительнаго международнаго права ([2]). Послѣдователей Пуфендорфа можно найти между писателями по международному праву еще и въ началѣ XVIII столѣтія. Такъ, Томазій (1655—1728), во всемъ остальномъ явившійся противникомъ Пуфендорфа, въ воззрѣніи своемъ на международное право сходился съ нимъ. Онъ также отрицаетъ возможность существованія положительнаго международнаго права, да и къ естественному международному праву онъ относитъ только два института: право посольства и право погребенія.

Такое отрицательное отношеніе къ положительному международному праву теоретиковъ естественнаго права было вполнѣ послѣдовательнымъ выводомъ изъ уподобленія государства отдѣльнымъ людямъ и пониманія международнаго права какъ права, опредѣляющаго взаимныя права и обязанности государства, совершенно также какъ частное право опредѣляетъ взаимныя отношенія людей.

Независимыя государства, незнающія надъ собой высшей власти, иризнавались конечно находящимися въ пресловутомъ

([1]) Jus naturae civitatum, quod dici potest lex gentium, vulgo jus gentium appelatur. Praecepta utriusque eadem sunt.

([2]) Jus gentium nihil aliud est, quam jus naturae. Nos positivum aliquod jus gentium negamus.

естественномъ состояніи и потому неподчиняющимися въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ иному праву, какъ только естественному.

Другіе писатели, соображавшіеся болѣе съ данными исторіи, нежели съ отвлеченными принципами философской теоріи, напротивъ, отстаивали существованіе положительнаго международнаго права, не кладя однако въ основу своего ученія достаточно опредѣленной, научной теоріи.

Къ этой группѣ писателей долженъ быть отнесенъ прежде всего извѣстный противникъ Гроція, *Зельденъ* (1584—1654) одинаково опровергавшій и его ученіе о свободѣ морей своимъ Mare clausum (написано въ 1618, издано въ 1635 году) и его теорію естественнаго и международнаго права въ своемъ трактатѣ De jure naturali et gentium secundum disciplinam Ebraeorum, 1640 (¹). Естественное право онъ отожествляетъ съ божественнымъ завѣтомъ, а международное считаетъ положительнымъ, образующимся посредствомъ договоровъ и обычаевъ.

Гораздо большее значеніе имѣетъ *Цухеусъ* (Zouchaeus, 1590—1660) профессоръ права въ Оксфордѣ. Его небольшая, но съ длиннымъ заголовкомъ книга: Juris et judicii fecialis, sive juris inter gentes, et quaestionum de eodem Explicatio, qua, quae ad Pacem et Bellum inter diversos Principes aut Populos spectant, ex praecipuis historico jure peritis exhibentur 1650, принадлежитъ къ самымъ выдающимся явленіямъ литературы международнаго права. Нельзя не указать прежде всего, что въ ней впервые установляется правильное соотношеніе между правомъ мира и правомъ войны. Въ противоположность Гроцію, Цухеусъ ставитъ на первое мѣсто миръ, на второе—войну. Война занимаетъ у него настолько уже второстепенное мѣсто, что система изложенія основана у него не на противоположеніи мира и войны, а *права* (jus) и *суда* (judicium), при чемъ миръ и война представляютъ уже подраздѣленія двухъ главныхъ частей его книги.

Затѣмъ этою книгою впервые вводится и подходящее названіе *международнаго* права jus inter gentes, устраняющее смѣшеніе его съ римскимъ jus gentium. Новое названіе, введенное Цухеусомъ, не сразу однако установилось въ литературѣ.

(¹) Издаваемо было затѣмъ еще въ 1651, 1659, 1661, 1759 годахъ англійскій переводъ 1717 года.

Обще распространеннымъ оно дѣлается не ранѣе какъ со временъ Бентама. Да и то въ литературѣ западныхъ народовъ до сихъ поръ удерживаются оба названія и старое и новое (droit des gens—droit international, law of nations—international law, Völkerrecht—internationales Recht) и притомъ употребляются совершенно безразлично. Только въ одной русской литературѣ новое, болѣе правильное названіе *международное право* совершенно вытѣснило теперь употреблявшееся прежде и у насъ названіе *общенароднаго* или просто *народнаго права* ([1]).

Изложеніе Цухеуса изобилуетъ историческими примѣрами и притомъ взятыми изъ современныхъ ему событій. Онъ ограничиваетъ при этомъ содержаніе книги строго вопросами одного только международнаго права. Все это, въ соединеніи съ сжатостью изложенія, дѣлаетъ изъ нея первый учебникъ международнаго права.

Въ Германіи, также уже въ XVII столѣтіи, явились защитники положительнаго международнаго права, въ лицѣ Рахеля и Текстора.

Самуилъ Рахель (Rachel 1628—1691), издалъ въ 1676 году «De jure naturae et gentium dissertationes duae» (2 изданіе 1796 г.) Только вторая изъ этихъ двухъ диссертацій, о правѣ природы и народовъ, касается международнаго права. Авторъ рѣшительно мнѣнія Гоббеза и Пуффендорфа о тождествѣ международнаго права съ естественнымъ.

Тексторъ (Ioahann Wolfgang Textor 1637—1701), задумалъ дать въ своемъ «Synopsis juris gentium» 1680 г., учебникъ положительнаго международнаго права, но вліяніе теорій естественнаго права въ то время было такъ сильно, что авторъ не смогъ удержаться отъ внесенія въ свою книгу многихъ вопросовъ, относящихся прямо къ теоріи естественнаго права.

§ 8. Писатели XVIII столѣтія.

Въ XVIII столѣтіи въ литературѣ международнаго права, какъ и въ другихъ отрасляхъ науки права, преобладающимъ является вліяніе Вольфовой философіи. Знаменитый фило-

([1]) По уставу Московскаго университета 1804 г. «*Народное право*», по общему уставу университетовъ 1835 года «Общенародное правовѣдѣніе».

софъ [1] посвятилъ международному праву отдѣльный трактатъ: Jus gentium methoda scientifica pertractatum in quo jus gentium naturale ab eo, quod voluntarii, pacticii et consuetudinarii est accurate distinguitur, 1749. Хотя Вольфъ даетъ отвлеченную философскую разработку международнаго права и является представителемъ философскаго направленія въ литературѣ этой науки, но его взглядъ существенно отличается отъ воззрѣнія Пуфендорфа и притомъ къ лучшему. Онъ уже не отождествляетъ международнаго права съ естественнымъ. Онъ признаетъ за нимъ самостоятельное значеніе на ряду съ естественнымъ. Вольфъ различаетъ, какъ это показываетъ уже само заглавіе его трактата, четыре вида международнаго права: naturale, voluntarium, pacticium и consuetudinarium. Только первое изъ нихъ, jus gentium naturale, есть приложеніе естественнаго права къ взаимнымъ отношеніямъ народовъ. Три другихъ вида международнаго права существенно отличаются отъ естественнаго. Договорное (pacticium) и обычное (consuetudinarium) международное право основываются на соглашеніи отдѣльныхъ народовъ и только для согласившихся и обязательны. Договорное право основывается на прямо выраженномъ соглашеніи (pactum), обычное на молчаливомъ (consensus tacitus). Что же касается jus gentium voluntarium, то терминъ этотъ имѣетъ у Вольфа совершенно своеобразное значеніе, находящееся въ неразрывной связи съ его взглядами на взаимное соотношеніе независимыхъ народовъ. Вольфъ не считаетъ народы, находящимися въ естественномъ состояніи. Онъ полагаетъ, напротивъ, что они образуютъ общеніе—civitas gentium maxima, какъ онъ его называетъ. Это общеніе народовъ представляется имѣющимъ извѣстную организацію; по крайней мѣрѣ воля большинства членовъ, этого великаго государства народовъ, обязательна для всѣхъ. Право, основывающееся на такой обязательной для всѣхъ волѣ большинства народовъ и есть jus gentium voluntarium. Оно есть такимъ образомъ *общее* положительное международное право въ противоположность договорному и обычному, которыя обязательны только для отдѣльныхъ народовъ и потому представляютъ собою партикулярное международное право. Эта идея, о существованіи

[1] Christian Wolff, 1679—1754, профессоръ въ Марбургѣ и Галле.

постояннаго международнаго общенія, представляется конечно гораздо плодотворнѣе взгляда предшественниковъ Вольфа, полагавшихъ, что народы находятся въ естественномъ состояніи. Неудачна только та форма, въ какой выразилъ ее Вольфъ. Независимыя государства не могутъ составлять государства. Но въ своемъ основаніи эта мысль совершенно вѣрная, и лучшіе представители современной литературы международнаго права исходятъ въ построеніи системы международнаго права именно изъ идеи международнаго общенія. Къ сожалѣнію у послѣдователей Вольфа эта идея вовсе не нашла себѣ развитія. Такъ самый извѣстный изъ нихъ Ваттель ([1]), прямо отвергаетъ ученіе Вольфа о существованіи государства государствъ и даже возвращается къ старому отождествленію международнаго права съ естественнымъ. Отвергая такимъ образомъ основное ученіе Вольфа, Ваттель не затруднился однако въ изложеніи своемъ слѣдовать Вольфу. Книга Ваттеля проникнута любовью и уваженіемъ къ народной свободѣ, написана живо и даже увлекательно. Ясность изложенія много выиграла отъ того, что Ваттель отбросилъ тяжеловѣсный и утомительный демонстративный методъ Вольфа. Не послѣднее значеніе имѣетъ при этомъ и французскій языкъ, на которомъ писалъ Ваттель, между тѣмъ какъ до него писали на латинскомъ.

Какъ и въ другихъ отрасляхъ правовѣдѣнія разработка положительнаго международнаго права находилась въ теченіи XVIII вѣка въ застоѣ и упадкѣ, и только въ голландской школѣ сохранилось преданіе научной обработки положительнаго матеріала. Изъ юристовъ Голландіи въ исторіи международнаго права видное мѣсто занимаетъ *Корнелій ванъ Бинкерсгукъ* ([2]). Онъ признаетъ два основанія, два источника международнаго права: ratio, обозначающій не только разумъ,

---

([1]) Emerich de Vattel, 1714—1764, уроженецъ Нефшателя, посланникъ Саксонскаго Курфюрста въ Бернѣ. Его droit des gens, ou principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains, 1758 получило широкую извѣстность, издавалось (1773, 1820, 1830, 1835, 1838—39, 1863) и переводилось много разъ. Существуетъ даже Китайскій переводъ. Русскаго перевода нѣтъ.

([2]) Cornelius van Bynkershock: 1663—1743, изъ его сочиненій къ международному праву относятся: De dominio maris 1703. De foro legatorum tam in causa civili quam criminali. 1721 и Quaestiones juris publici 1737. (Первая книга de rebus bellicis: гдѣ особенно подробно разсматривается морской нейтралитетъ.

но природу вещей, и usus mores majorum. Признаніе двоякаго основанія международнаго права не приводитъ однако его къ разъединенію философскаго и положительнаго изученія. Напротивъ, онъ принимаетъ существованіе лишь одной науки международнаго права, одинаково опирающейся на оба эти основанія.

Къ концу XVIII столѣтія научная обработка положительнаго матеріала изъ Голландіи, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ голландской школы, переходитъ въ Германію, гдѣ и возникаетъ этимъ путемъ историческая школа. Международное право, какъ я уже говорилъ, осталось внѣ круга изслѣдованій представителей этой школы. Но и въ Германской литературѣ международнаго права мы находимъ въ это время нѣсколько весьма удачныхъ попытокъ научной обработки положительнаго матеріала. Такъ много сдѣлалъ для собиранія историческаго матеріала Іоганнъ Мозеръ (Johann Jakob Moser, 1701—1785 г.) Но многочисленныя сочиненія его по международному праву совершенно лишены всякой системы и какихъ либо слѣдовъ научнаго обобщенія. Вслѣдъ за нимъ явились однако и другіе изслѣдователи положительнаго международнаго права, значительно воспользовавшіеся подготовительной работой Мозера.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Георгу Мартенсу ([1]). Кальтенборнъ видѣлъ въ немъ даже представителя историческаго направленія и говоритъ о немъ вмѣстѣ съ Гюнтеромъ, Заальфельдомъ и Уитономъ, какъ объ исторической школѣ, но едва ли можно съ нимъ въ этомъ согласиться. Въ воззрѣніяхъ этихъ писателей, нѣтъ и слѣда самыхъ характерныхъ чертъ ученія исторической школы. Они вовсе не отрицаютъ существованія естественнаго права, они не придаютъ первенствующаго значенія національному характеру право-развитія, но въ нихъ нельзя видѣть представителей не только исторической школы, но и историческаго направленія вообще. Они не кладутъ вовсе въ основу своихъ изслѣдованій идеи закономѣрнаго историческаго развитія. Историческій

([1]) Georg Friedrich Martens 1756—1821, профессоръ въ Геттингенѣ съ 1816 года представитель Ганновера въ союзномъ Германскомъ Сеймѣ.

*

характеръ ихъ трудовъ ограничивается лишь тѣмъ, что они излагаютъ историческій матеріалъ.

Георгъ Мартенсъ уже въ 1785 году издалъ руководство на латинскомъ языкѣ Primae lineae juris gentium Europaearum practici, затѣмъ послѣдовали въ 1789 году французская переработка Precis du droit des gens moderne de l'Europe (послѣдующія изданія въ 1801 и 1821 годахъ) и въ 1796 году нѣмецкая Einleitung in das positive Europäische Völkerrecht, auf Verträge und Herkommen gegründet. Положительное право излагается здѣсь уже въ систематической обработкѣ. При томъ Мартенсъ не отрицаетъ и естественнаго права и мѣстами ссылается на него. Такъ какъ въ то время естественное право было единственной формой научной теоріи права, то такого рода ссылки Мартенса на естественное право еще болѣе возвышаютъ достоинство его изложенія, сообщая ему общую философскую подкладку.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ относящемся къ первой половинѣ XVIII столѣтія женевцѣ *Бурламаки* (Jean Burlamaqui. 1694—1748) пользовавшемся большой популярностью и авторитетомъ въ романскихъ земляхъ. Онъ написалъ Principes du droit naturel 1747 и Principes du droit politique 1757. Оба эти сочиненія въ 1763 году изданы были вмѣстѣ подъ общимъ заголовкомъ Principes du droit naturel et politique (второе изданіе 1820—1821 годовъ). Онъ принадлежитъ къ школѣ естественнаго права и представляетъ собою переходъ отъ Пуффендорфа къ Вольфу.

§ 9. Новѣйшая нѣмецкая литература ([1]).

Нѣмецкая литература международнаго права въ началѣ настоящаго столѣтія развивалась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ философскихъ ученій Канта и Гегеля. У Канта снова какъ у Гроція первое мѣсто въ системѣ принадлежитъ ученію о правѣ войны. Международное право онъ опредѣляетъ какъ ученіе о взаимныхъ правахъ государствъ въ естественномъ состояніи, т. е. въ состояніи постоянныхъ войнъ. Содержаніе международнаго права онъ сводитъ къ тремъ вопросамъ:

([1]) *Mohl* Die neure Literatur des Völkerrechtes. Въ его Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften Bd. I, 1855 s. s. 337—470.

Даневскій, очерки новѣйшей литературы по международному праву 1876.

о правѣ на войну, о правѣ въ войнѣ, и о правѣ изъ войны (zum Kriege, in Kriege, nach dem Kriege ([1]). Тѣмъ не менѣе ученіе Канта довольно благотворно подѣйствовало на обработку права, въ частности и международнаго права. По его ученію апріорна въ нашемъ знаніи только формальная сторона, содержаніе же знанія апостеріорно. Отсюда необходимымъ условіемъ для полноты знанія является соединеніе эмпирическаго знанія съ философской формой. Другими словами, изложеніе положительнаго права должно быть дано въ научной, философски обоснованной системѣ.

Изъ сочиненій, написанныхъ подъ вліяніемъ Канта, особенно выдаются сочиненія Клюбера и Шмельцинга. Книга Клюбера ([2]) Droit des gens modernes de l'Europe 1819 (есть и русскій переводъ, но безъ примѣчаній) ([3]) есть лучшее руководство по международному праву за первую половину столѣтія и, потому, естественно замѣнило собой въ извѣстной степени Ваттеля. Изложеніе Клюбера отличается строгимъ юридическимъ характеромъ, точностью и простотой. Онъ былъ не столько глубокій мыслитель, какъ замѣчательный знатокъ права и исторіи. Книга Шмельцинга, хотя и называется очеркомъ ([4]), представляетъ собою весьма объемистый трактатъ, слишкомъ въ 1000 страницъ, содержащій весьма обстоятельно изложенный богатый матеріалъ. Въ особенности богата книга литературными указаніями, такъ что въ этомъ отношеніи она и до сихъ поръ никѣмъ не превзойдена и представляетъ необходимое пособіе для научнаго изученія международнаго права.

Самъ Гегель даетъ лишь самый коротенькій очеркъ международнаго права подъ именемъ внѣшняго государственнаго права. Все международное право образуется, по его ученію, посредствомъ договоровъ, такъ что соглашеніе есть общій принципъ международнаго права.

([1]) *Jmmanuel Kant,* Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre 2 Ausgabe. 1798, s. 246.

([2]) Kluber 1762—1837 извѣстенъ также въ литературѣ государственнаго права. Ему же принадлежитъ капитальнѣйшее сочиненіе по исторіи вѣнскаго конгресса «Acten des Wiener Congresses» 1815.

([3]) Нѣмецкая обработка появилась въ 1821 году «Europäisches Völkerrecht.

([4]) *Julius Schmelzing,* Sistematischer Grundriss des praktischen Europäischen Völkerrechts 1818—20. Авторъ былъ полковымъ аудиторомъ въ одномъ изъ уланскихъ полковъ Баваріи.

Изъ сочиненій по международному праву, написанныхъ въ духѣ философскаго ученія Гегеля, нѣкоторыя и до сихъ поръ не устарѣли; таковы въ особенности сочиненія Геффтера и Оппенгейма.

Геффтеръ (August Heffter, 1796—1880) извѣстенъ какъ составитель учебниковъ по римскому, и гражданскому праву, по гражданскому процессу, по уголовному праву. Но всѣ эти учебники теперь уже значительно устарѣли. Учебникъ же международнаго права не только еще сохраняетъ значеніе, но даже до сихъ поръ остается наиболѣе популярнымъ руководствомъ въ Германіи. Онъ выдержалъ уже семь нѣмецкихъ изданій (первое 1844 г., послѣднее посмертное Геффкена, 1881 года) четыре французскихъ (1857 — 1883 г.). Имѣется также и русскій переводъ, изданный барономъ Таубе.

Книга Геффтера типичный образецъ нѣмецкаго учебника. Строгая объективность, доходитъ до сухости и безжизненности изложенія. Всѣ вопросы, будутъ ли это самые животрепещущіе вопросы современности, или, совершенно потерявшіе практическій интересъ, вопросы стараго времени, трактуются у него съ равнымъ вниманіемъ. Систематичность и ровность изложенія, главная забота автора. Если къ этому добавить указаніе на обширную эрудицію автора, мы получимъ полную характеристику книги.

Совершенно въ иномъ духѣ написано другое руководство по международному праву также гегеліанца *Оппенгейма* (Heinrich Oppenheim, 1819—1880). System des Völkerrechts, 1845, (2 Ausg. 1866). Этотъ весьма небольшой томикъ представляетъ сжатый, глубоко задуманный и живо написанный очеркъ международнаго права, гораздо полнѣе воспроизводящій воззрѣнія Гегеля, чѣмъ книга Геффтера. Его можно рекомендовать въ особенности для первоначальнаго ознакомленія съ международнымъ правомъ, такъ какъ онъ весьма легко читается и можетъ заинтересовать читателя.

Органическое направленіе нашло себѣ представителя въ нѣмецкой литературѣ международнаго права въ лицѣ *Блунчли* (Johann Kaspar Bluntschli, 1808—1881). Къ сожалѣнію его «Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten, 1868 (3 Ausg 1718) имѣетъ форму кодекса, такъ что вмѣсто связнаго изложенія, мы находимъ у него рядъ отдѣльныхъ положеній, въ

формѣ статей кодекса. Блунчли не ограничивается при этомъ изложеніемъ дѣйствующаго права, а вноситъ также и многія pia desideria, такъ что книга рисуетъ намъ не столько историческую дѣйствительность, сколько идеальную картину юридическаго международнаго порядка, какъ онъ представлялся автору. Этотъ идеалистическій характеръ и составляетъ самую привлекательную сторону книги, придавая ей живость и интересъ. Но она не можетъ похвалиться ни богатствомъ положительнаго матеріала, ни точностью юридическаго анализа. Тѣмъ не менѣе она имѣла большой, и въ общемъ заслуженный успѣхъ. Французскій переводъ вышелъ уже въ трехъ изданіяхъ (1869—1881). Есть и русскій переводъ подъ редакціей профессора Комаровскаго.

Новѣйшимъ крупнымъ руководствомъ въ нѣмецкой литературѣ является, входящее въ составъ издаваемаго Марквардсеномъ Handbuch des öffentlichen Rechts, произведеніе бывшаго дерптскаго, теперь гейдельбергскаго профессора Бульмеринка «Völkerrecht, 1884». Авторъ является рѣшительнымъ позитивистомъ, строго отдѣляющимъ положительное право отъ философскихъ теорій, и обосновывающимъ свои положенія ссылками не на мнѣнія писателей, а на историческіе факты. Книга изобилуетъ почерпнутымъ изъ первыхъ источниковъ положительнымъ матеріаломъ, доведеннымъ до самаго послѣдняго времени, и написана точнымъ, яснымъ и сжатымъ языкомъ.

Кромѣ этихъ крупныхъ произведеній можно назвать еще нѣсколько краткихъ очерковъ международнаго права, явившихся за послѣднее время. Таковы: *Neumann* Grundriss des heutigen Europäischen Völkerrechts 1856, 2 Aufl. 1877, 3 Aufl. 1885. *Hartmann*, Institutionen des praktischen Völkerrechts in Friedenszeiten. 1874 и *Resch* Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart. 1885.

Наконецъ въ этомъ же 1885 году вышелъ первый томъ предпринятаго Францемъ Гольцендорфомъ, Руководства къ международному праву, составленному изъ статей различныхъ авторовъ. (Handbuch des Völkerrechts herausgegeben von F. Holtzendorff). Вышедшій томъ содержитъ въ себѣ только введеніе, составленное частью Гольцендорфомъ, частью Ривье (Rivier).

§ 10. Англо-американская литература.

Въ современной англійской литературѣ международнаго права изъ философскихъ ученій особеннымъ вліяніемъ пользуются частью утилитарное ученіе, частью идеалистическое ученіе шотландской школы.

Самъ *Бентамъ* (Jeremy Bentham, 1748—1832) написалъ Principles of international Law изданныя только послѣ его смерти въ изданіи Bowring, 1843, (v. II, s. 535). Въ духѣ утилитаріанизма написана также книга *Кризи*, профессора въ Inns of courts (Edward Sphepherd Creasy, 1812—1878) First Platform of international law, 1876. Это есть скорѣе введеніе въ международное право, чѣмъ полный курсъ.

Представителемъ идеалистическаго направленія является *Лоримеръ* (James Lorimer, 1818). Его Institutes of the Law of Nations, a treatise of the jural relations of separate political communities) 1883—1884) имѣется и во французской, сокращенной переработкѣ Ниса (Nys) Principes de droit international, 1884.

Гораздо большее значеніе нежели эти философскія системы имѣютъ сочиненія англійскихъ представителей положительнаго направленія. Самымъ капитальнымъ изъ нихъ долженъ быть признанъ обширный трудъ предсѣдателя англійскаго адмиралтейскаго суда *Филлимора* (Robert Phillimore, 1810—1885) Commentaries upon international Law, 1854—1861 (второе изданіе 1871—1874, третье неоконченное въ 1879 году). Это самое обширное изъ англійскихъ сочиненій по международному праву (четыре объемистыхъ тома). Главное достоинство книги это богатство историческаго матеріала, изложеннаго по простой, хотя нѣсколько внѣшней системѣ. Въ авторѣ виденъ знающій юристъ.

Кромѣ Филлимора слѣдуетъ еще указать на два менѣе объемистыхъ руководства, дающихъ также главнымъ образомъ изложеніе положительнаго права. Траверсъ Твиссъ (Travers Twiss, 1810) профессоръ международнаго права въ Оксфордѣ, издалъ въ 1861 году «The rights and duties of Nations in time of peace» (второе изданіе 1884) и черезъ два года

«The rights and duties of Nations in time of war, (1863, второе изданіе 1875).

Новѣйшимъ англійскимъ руководствомъ по международному праву является сочиненіе Голля (William Hall, 1835) Treatise of International Law 1880 (второе изданіе 1884), дающее весьма содержательное, толковое и сжатое изложеніе предмета.

Писатели Сѣверной Америки всѣ принадлежатъ къ положительному направленію. Первымъ по времени изъ американскихъ руководствъ международнаго права было сочиненіе Кента (James Kent, 1763—1847). Въ его «Commentaries on American Law», пользующихся большимъ авторитетомъ въ Америкѣ, первый томъ посвященъ изложенію международнаго права. Онъ изданъ первымъ изданіемъ въ 1826 г. и съ тѣхъ поръ имѣлъ не менѣе 12 изданій.

Но самый извѣстный изъ американскихъ писателей по международному праву это безспорно *Витонъ* (Henry Wheaton, 1785—1848). Его Elements of international Law, 1806 и Histoire des progrès du droit des gens en Europe 1841, не только выдержали много изданій и переводовъ, но и сдѣлались предметомъ комменетарій.

Особенно обширный, но къ сожалѣнію за смертью автора незаконченный, комментарій къ сочиненію Витона принадлежитъ американскому же юристу *Бичъ-Лауренсу* (Beach Lawrence, 1801—1881) Commentaire sur les Eléments du droit international et sur l'histoire des progrès du droit des gens de Henry Wheaton. (четыре тома, 1868—1880). Витонъ находился въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ Бентаму, но въ книгѣ его не замѣтно вліянія утилитаріанизма. Хотя онъ признаетъ существованіе естественнаго права, книга его даетъ не философскую систему, а изложеніе положительнаго права.

Галлекъ, американскій полководецъ, (Henry Wager Halleck, 1816—1872) издалъ въ 1861 году International law; or Rules regulating the Intercourse of states in peace and war (послѣдующія изданія въ 1866 и 1878 годахъ). Дудлей Фильдъ (David Dudley Field, 1805—) выдающійся юристъ, одинъ изъ главныхъ руководителей кодификаціонныхъ работъ въ Нью-Іоркѣ, подобно Блунчли изложилъ международное право въ формѣ кодекса Outlines of an International Code. 1872 (второе изданіе 1876, французскій переводъ 1881 г.)

§ 11. Романская литература [1].

Французская литература международнаго права богата спеціальными изслѣдованіями въ особенности по морскому и частному международному праву. Но общихъ руководствъ въ ней почти совсѣмъ нѣтъ. Единственно, что можно указать въ этомъ отношеніи во французской литературѣ, это небольшое руководство, дающее изложеніе скорѣе политики, чѣмъ права, *Функъ-Брентано и Сореля* (Funck Brentano et Albert Sorel) Precis du droit des gens. 1877 и коротенькій очеркъ *Рено* (Renauet) Introduction à l'étude du droit international. 1879. Здѣсь же кстати упомянемъ о такомъ же короткомъ очеркѣ женевскаго профессора *Горнунга* (Ioseph Hornung, 1823—1884). Résumé des cours de droit public et de droit international. 1879.

Болѣе богата общими курсами испанская литература. Въ 1832 году появилось руководство *Белло* профессора въ Сантъ-Яго, (Andres Bello, 1780—1865) Principios de derecho de gentes. Особенно обстоятельно изложены вопросы, касающіеся морской торговли, при чемъ Белло держится весьма суровыхъ началъ относительно торговли нейтральныхъ государствъ.

Книга перуанскаго министра *Пандо* (Iose Maria de Pando. 1787—1840) Elementos del derecho internacional, издана уже послѣ его смерти въ 1843 году. По содержанію она очень близка къ сочиненію Белло, только изложена болѣе сжато.

Самое крупное явленіе въ испанской литературѣ международнаго права, это, безъ сомнѣнія, обширный трактатъ теперешняго аргентинскаго посланника въ Берлинѣ *Кальво* (Carlos Calvo, 1824) Derecho internacional teorico y practico de Europa y America 1868. Второе (1870 — 72) и третье значительно увеличенное изданіе (1880 — 1881) этой книги явились уже на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Le droit international théorique et pratique. Не представляя строго обдуманной системы изложенія, послѣдовательно проведеннаго взгляда на международное право, книга эта отличается необыкновеннымъ богатствомъ содержанія, такъ что въ этомъ отношеніи она можетъ быть поставлена даже выше комен-

---

[1] *Pierantoni*, Storia degli studi de Diritto internazionale in Italia. Modena. 1870. Нѣмецкій переводъ Roncali, Wien. 1872.

таріевъ Филлимора. По каждому вопросу Кальво даетъ сопоставленіе взглядовъ различныхъ писателей по международному праву и затѣмъ многочисленные causes célèbres изъ европейской и американской исторіи. Какъ удачно составленная компиляція, книга Кальво не имѣетъ себѣ равной.

Необыкновенное богатство общихъ курсовъ международнаго права представляетъ въ послѣднее время итальянская литература. Перечисленіе и отчасти характеристику можно найти у Даневскаго и Ривье. Мнѣ пришлось ознакомиться только съ однимъ изъ нихъ, съ курсомъ *Паскале—Фіоре* (Pasqual-Fiore, 1837—) кажется лучшимъ изъ нихъ: Nuovo diritto internationale pubblico secondo i besogni della civilta moderna 1865, и второе, значительно переработанное и разросшееся въ объемѣ изданіе 1879—1884 гг. Сочиненіе это дважды переведено на французскій языкъ, съ перваго изданія Прадье-Фодере въ 1869 году и со втораго Антуаномъ въ 1885 году.

§ 12. Русская литература.

По сравненію съ другими отраслями правовѣдѣнія международному праву очень посчастливилось у насъ. Мы имѣемъ уже нѣсколько руководствъ по международному праву.

Такъ прежде всего мы имѣемъ изданное въ 1838 году сочиненіе *Безобразова.* Изслѣдованіе началъ внѣшняго государственнаго права.

Затѣмъ обозрѣніе предметовъ международнаго права 1856—1859, бывшаго профессора московскаго университета *Капустина*, представляетъ умѣло составленную компиляцію, теперь однако уже устарѣвшую. Изданное Капустинымъ въ 1873 году Международное право представляетъ лишь краткій конспектъ лекцій.

Большое значеніе имѣетъ, оставшійся къ сожалѣнію незаконченнымъ, курсъ высокодаровитаго профессора харьковскаго университета *Д. И. Каченовскаго* (1823—1872). Два выпуска его «Курса международнаго права« (1863 и 1866), содержатъ только введеніе и исторію международныхъ отношеній, остановившуюся на среднихъ вѣкахъ.

Временно замѣнившій Каченовскаго проф. *Стояновъ* въ 1875 издалъ «Очерки исторіи и догматики международнаго права», отличающіеся живымъ и увлекательнымъ изложеніемъ.

Новѣйшимъ курсомъ международнаго права на русскомъ языкѣ представляется книга профессора петербургскаго университета *Ф. Мартенса*. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. 2 тома 1882—1883 годовъ. Это сочиненіе переведено на французскій (Alfred Leo, 1883) и нѣмецкій (Carl Bergbohm, 1883) языки.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

Международная охрана правъ.

§ 13. Понятіе международной охраны.

Международная охрана права есть охрана, осуществляемая совмѣстною дѣятельностью двухъ или нѣсколькихъ государственныхъ властей. Внутри отдѣльныхъ государствъ дѣйствуетъ всегда единая власть, хотя и проявляющаяся въ цѣлой системѣ различныхъ учрежденій. Всѣ учрежденія отдѣльнаго государства, законодательныя, судебныя, правительственныя, суть органы одной верховной власти; всѣ онѣ и подчиняются ей. Международная же охрана предполагаетъ совмѣстную дѣятельность различныхъ государственныхъ властей, одинаково верховныхъ, и потому независимыхъ другъ отъ друга и незнающихъ надъ собой общей высшей власти.

Въ отдѣльномъ государствѣ рѣшающая власть принадлежитъ единой верховной власти. Охрана права въ государствѣ совершается только отъ ея имени согласно ея велѣніямъ. Если между отдѣльными учрежденіями происходятъ столкновенія или пререканія, онѣ устраняются рѣшеніемъ верховной власти. Поэтому внутри государства сила примѣняется правоохраняющею властью только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, отказывающимъ въ добровольномъ повиновеніи. Во взаимныхъ же столкновеніяхъ самихъ правоохраняющихъ органовъ, къ силѣ прибѣгать не приходится, такъ какъ имѣется мирный и юридически опредѣленный способъ для разрѣшенія такихъ столкновеній.

Въ международной же охранѣ при независимости и верховности отдѣльныхъ государствъ, совмѣстная дѣятельность ко-

торыхъ необходима для международной охраны правъ, несогласіе между ними не можетъ быть устраняемо воздѣйствіемъ высшей власти по той простой причинѣ, что такой власти надъ государствами не существуетъ. Международныя столкновенія могутъ имѣть два исхода. Онѣ могутъ разрѣшиться или *соглашеніемъ* сторонъ или *путемъ силы*, въ формѣ репрессалій или войны. Такъ какъ соглашеніе во многихъ случаяхъ оказывается недостижимымъ, то послѣднимъ, необходимымъ средствомъ является насиліе одного государства надъ другимъ. Такимъ образомъ въ международной охранѣ сила примѣняется по необходимости и во взаимныхъ отношеніяхъ самихъ правоохраняющихъ властей, а не только въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ. Въ этомъ и заключается основное различіе внутренно-государственной и международной охраны.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, какъ многіе дѣлаютъ, видѣть ихъ различіе въ томъ, будто бы внутри государства сила примѣняется со стороны власти всегда согласно требованіямъ права, а въ международныхъ отношеніяхъ и вопреки праву. Дѣйствіе власти внутри государства можетъ быть признано всегда правомѣрнымъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если право мы станемъ отожествлять съ велѣніемъ, фактически существующей въ каждомъ данномъ государствѣ, власти. Но и въ международныхъ отношеніяхъ слѣдуетъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, правомъ считать то, что повелѣвается фактически болѣе сильнымъ государствомъ. А при такомъ пониманіи права и въ международныхъ отношеніяхъ, сила оказывается дѣйствующей всегда согласно съ правомъ, т. е. съ волею побѣдителя. Если же право не отожествлять съ волею фактическаго властителя, то и во внутренней жизни государства примѣненіе силы окажется не всегда правомѣрнымъ.

Допустимость примѣненія силы въ международной охранѣ и между самими правоохраняющими властями не лишаетъ эту охрану юридическаго характера.

Юридическій характеръ международной охраны выражается вопервыхъ въ томъ, что и въ международныхъ отношеніяхъ, какъ и внутри государства, дозволеннымъ считается не всякое примѣненіе силы, а *только публичное* (vis publica), т. е. совершенное государственною властью чрезъ посредство ея органовъ, или хотя бы и частными лицами, но по уполномочію

государственной власти (каперы). Частное же насиліе (vis privata), совершаемое отдѣльными личностями по своей личной инициативѣ и за свой страхъ, и въ международныхъ отношеніяхъ считается безусловно недозволеннымъ. Поэтому напр. пиратство признается преступленіемъ противъ международнаго права.

Только *публичное* примѣненіе силы въ международной сферѣ, какъ дозволенное, обсуждается по началу международнаго права, частное же насиліе, какъ запрещенное, и тутъ подпадаетъ дѣйствію уголовнаго права.

Во-вторыхъ, государства и въ ихъ дѣятельности, направленной къ совмѣстному охраненію права, руководствуются тѣми или другими юридическими нормами, выражающимися въ международномъ обычаѣ, международныхъ трактатахъ, судебной практикѣ и законодательствѣ отдѣльныхъ государствъ, нерѣдко затрогивающемъ вопросы международнаго права. Въ частности и самое примѣненіе силы регулируется извѣстными юридическими началами. И со стороны государства не всякая форма насилія считается дозволенной. Недопускается напр. избіеніе плѣнныхъ, употребленіе разрывныхъ снарядовъ, вѣсомъ менѣе 400 грам. и т. п.

Такимъ образомъ, хотя въ международной охранѣ правъ насиліе примѣняется не только въ отношеніи къ правонарушителямъ (какъ внутри государства),но и между самими правоохранителями, охрана эта все-таки опредѣляется юридическими нормами.

Дѣйствительное соблюденіе государствами юридическихъ нормъ при осуществленіи ими международной охраны не имѣетъ юридическихъ гарантій. Но и это не есть особенность только международныхъ отношеній. И во внутренней жизни государства, соблюденіе верховною властью юридическихъ нормъ не обезпечивается никакими юридическими средствами. Соблюденіе права верховною властью какъ во внутренней ея дѣятельности, такъ и въ международной, есть вообще не юридическій принципъ, юридически обезпеченный, а историческій фактъ, объясняемый условіями общественной жизни. Государственная власть проявляется не иначе, какъ въ учрежденіяхъ, состоящихъ изъ людей. Эти люди, будучи членами того общества,

среди котораго живутъ и дѣйствуютъ, раздѣляютъ съ нимъ извѣстное правосознаніе, извѣстные взгляды на правое и неправое, и дѣйствуя отъ имени власти, какъ ея представители, они не могутъ конечно отрѣшиться отъ усвоенныхъ ими съ дѣтства, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь чувствъ и убѣжденій. Точно также и окружающая ихъ общественная среда каждый актъ государственной власти встрѣчаетъ той или другой оцѣнкой, одобряетъ какъ справедливый, или осуждаетъ какъ несправедливый. А въ международныхъ отношеніяхъ тутъ приходится имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ всего цивилизованнаго міра. Уже это дѣлаетъ для государственной власти фактически необходимымъ считаться съ требованіями права. А къ этому присоединяется еще прямой интересъ по возможности избѣгать столкновеній съ другими государствами и для этого установить съ ними опредѣленный modus vivendi, лучше всего обезпечиваемый именно строгой правомѣрностью.

Тѣмъ не менѣе необходимость для международной охраны взаимодѣйствія нѣсколькихъ независимыхъ государственныхъ властей и возможность несогласій между ними, разрѣшаемыхъ въ концѣ концовъ силой, дѣлаетъ охраненіе права въ международныхъ отношеніяхъ далеко не такъ обезпеченнымъ, опредѣленнымъ и неуклоннымъ, какъ внутри государства. Международная охрана права менѣе надежна именно потому, что зависитъ отъ большаго числа условій. Это, конечно, неудобство и потому понятно, что неустойчивость международной охраны вызываетъ недовольство и стремленіе придать ей болѣе твердый характеръ.

Такъ многіе видятъ въ разсмотрѣнной нами особенности международной охраны лишь слѣдствіе недостаточнаго ея развитія въ настоящее время и потому не придаютъ ей существеннаго значенія, считая ее временной, преходящей. По мѣрѣ развитія международныхъ отношеній она должна исчезнуть. Весьма обстоятельно и систематично развитъ этотъ взглядъ въ изслѣдованіи графа Комаровскаго «О международномъ судѣ».

«Три фактора, говоритъ онъ, опредѣляютъ и направляютъ жизнь народовъ вообще: сила, интересы и право. Каждый изъ нихъ даетъ начало особой категоріи способовъ защиты. На

силѣ зиждутся такъ называемыя принудительныя мѣры. Интересы политическіе и экономическіе, составляя содержаніе политики, ведутъ къ дипломатическимъ средствамъ. Долгое время этими способами исчерпывалась вся область охраны правъ народовъ. Но постепенно, рядомъ съ ними, стало проявляться и призвано ихъ перерости право, которое стремится выработать собственно юридическіе способы защиты. Этому направленію, самому младшему и пока еще весьма несовершенному, принадлежитъ, позволяемъ себѣ надѣяться, будущее» ([1]).

Въ подтвержденіе своего взгляда онъ ссылается на постепенное развитіе международнаго суда — аргументъ едвали доказательный. Какое бы развитіе не получилъ международный судъ, онъ всегда останется судомъ *третейскимъ*, не имѣющимъ самостоятельной власти, опирающимся на соглашеніе самихъ заинтересованныхъ сторонъ. Независимость государствъ не допуститъ, чтобы разрѣшеніе международныхъ столкновеній было предоставлено его вѣдѣнію, независимо отъ согласія заинтересованныхъ сторонъ, чтобы государство—отвѣтчикъ могло быть вызвано въ судъ помимо или даже противъ его воли. Представленіе дѣла разрѣшенію международнаго суда всегда будетъ основываться на соглашеніи сторонъ и слѣдовательно въ международномъ судѣ нельзя видѣть особый способъ разрѣшенія международныхъ столкновеній, это только частная форма соглашенія. Опредѣляющимъ факторомъ и тутъ являются интересы, склоняющіе стороны къ соглашенію, а не право, которое бы дѣйствовало въ силу независимаго отъ интересовъ сторонъ авторитета. Мало того, и самый приговоръ международнаго суда не допускаетъ принудительнаго осуществленія. Въ однихъ случаяхъ стороны прямо соглашаются на опредѣленномъ рѣшеніи дѣла, въ другихъ, не подыскавъ подходящаго рѣшенія, уговариваются рѣшить дѣло или жребіемъ или приговоромъ третьей незаинтересованной стороны: въ послѣднемъ случаѣ мы будемъ имѣть международный судъ, но судъ третейскій, всецѣло основывающійся на соглашеніи сторонъ.

([1]) О международномъ судѣ, 1881, стр. 14.

По всему этому нельзя согласиться, чтобы на ряду съ фактическими способами, соглашенiемъ и силой, существовали и юридическiе способы разрѣшенiя международныхъ столкновенiй.

Права отдѣльныхъ лицъ охраняются и въ международной сферѣ совмѣстною дѣятельностью государствъ, руководящихся юридическими нормами. Но если между самими государствами возникаетъ споръ о правѣ, онъ можетъ разрѣшится только соглашенiемъ или силой. Международный судъ, будучи по необходимости судомъ третейскимъ, есть поэтому самому только осложненная форма соглашенiя.

§ 14. Формы международной охраны.

Международная охрана проявляется въ различныхъ формахъ и при томъ такъ, что эти формы представляютъ опредѣленную градацiю интензивности охраны. Можно различать четыре основныя формы: 1) международное признанiе правъ въ субъективномъ смыслѣ; 2) содѣйствiе въ защитѣ противъ правонарушенiй; 3) международная организацiя общихъ мѣръ къ реализацiи права и, наконецъ, 4) международное объединенiе самаго права въ объективномъ смыслѣ.

Первая форма есть самая основная, самая элементарная. Безъ международнаго признанiя правъ не можетъ быть и рѣчи объ его охранѣ. Если данное государство не признаетъ какого нибудь права, основаннаго на постановленiяхъ иностраннаго законодательства, оно для него и не существуетъ. При отсутствiи этой элементарной формы охраны невозможны и всѣ другiя формы.

Но форма эта и сама по себѣ имѣетъ значенiе. Это уже большое удобство, если право, прiобрѣтенное мною въ одномъ государствѣ на основанiи мѣстныхъ законовъ, признается и въ другихъ государствахъ. Только признаваемое мѣстною властью право можно осуществлять, отчуждать, защищать въ судѣ.

Международное признанiе правъ само принимаетъ различныя формы.

Во первыхъ оно можетъ быть только *договорнымъ признанiемъ*, когда данное право признается только въ силу договора о

томъ между соотвѣтствующими государствами. Въ такомъ положеніи до сихъ поръ находится напримѣръ право авторской собственности, охраняемой только между государствами, вступившими о томъ въ спеціальное соглашеніе. Эта форма признанія самая недостаточная. Заключенію договора могутъ мѣшать часто чисто случайныя обстоятельства, или просто не подумаютъ о немъ, и такъ обыкновенно бываетъ до перваго случая, который дастъ почувствовать неудобство отсутствія соглашенія по данному вопросу. Подписаніе договора можетъ быть задержано различными второстепенными обстоятельствами, напр. несогласіемъ относительно подробностей редакціи текста договора.

Болѣе широкой формой признанія является *признаніе подъ условіемъ взаимности*. Тутъ уже не требуется наличности формальнаго договора съ каждымъ даннымъ государствомъ. Достаточно, чтобы это государство и съ своей стороны признало соотвѣтствующія права. Такъ напр. наше законодательство допускаетъ исполненіе приговоровъ иностранныхъ гражданскихъ судовъ подъ условіемъ взаимности. Но и эта форма представляетъ нѣкоторыя неудобства. Признаніе подъ условіемъ взаимности предполагаетъ, что одно изъ государствъ признаетъ соотвѣтствующія права первое, прежде другаго, только въ надеждѣ на взаимность, не имѣя еще гарантій дѣйствительной взаимности. Поэтому можетъ случиться, что международное признаніе правъ въ этой формѣ не состоится только потому, что ни одно государство не приступитъ къ признанію первое.

Самая полная и лучшая форма признанія есть *признаніе безусловное*. Такимъ безусловнымъ признаніемъ уже пользуется теперь большинство гражданскихъ правъ и въ своемъ развитіи международное право идетъ безъ сомнѣнія къ распространенію этой формы признанія и на всѣ права.

Отъ признанія права должно быть отличаемо содѣйствіе въ защитѣ противъ правонарушеній. Такъ изъ того, что признано данное правительство и слѣдовательно признаны его права власти, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и политическія противъ него преступленія преслѣдовались международнымъ союзомъ. Напротивъ, по общему правилу, признается каждое фактически установившееся въ странѣ правительство и вмѣстѣ

съ тѣмъ, также по общему правилу, политическіе преступники не подлежатъ ни выдачѣ, ни суду въ иностранномъ государствѣ.

Значительная часть юридическихъ нормъ осуществляется непосредственно дѣятельностью органовъ власти. Въ отношеніи къ нимъ международная охрана не можетъ ограничиться ни признаніемъ, ни защитой противъ правонарушеній. Тутъ необходима иная форма международной охраны, выражающаяся въ организаціи общихъ международныхъ мѣропріятій. Примѣрами такого рода могутъ служить: организація всемірнаго почтоваго союза, организація общихъ международныхъ мѣръ направленныхъ къ борьбѣ съ распространеніемъ эпидемій или филоксеры и т. п.

Полнота международной охраны можетъ быть однако достигнута лишь тогда, когда отдѣльныя права будутъ не только пользоваться международнымъ признаніемъ, международной защитой противъ правонарушеній, и не только найдутъ себѣ осуществленіе чрезъ посредство общихъ-международныхъ мѣропріятій, но и будутъ во всемъ международномъ союзѣ опредѣляться одинаковыми нормами. Другими словами: полнота международной охраны требуетъ объединенія законодательства. Это примѣнимо какъ идеальное требованіе ко всѣмъ отраслямъ права. Нѣтъ такихъ, въ отношеніи къ которымъ не было бы желательно объединеніе законодательствъ. Но въ отношеніи къ нѣкоторымъ отраслямъ законодательствъ потребность такого объединенія въ интересахъ полноты международной охраны даетъ себя чувствовать съ особенной силою. Такъ только при принятіи всѣми государствами одинаковыхъ правилъ относительно порядка перемѣны подданства можно устранить случай двойнаго подданства или безподданства. Вексель какъ орудіе международныхъ торговыхъ оборотовъ только тогда вполнѣ удовлетворитъ своему назначенію, если постановленія вексельнаго права вездѣ будутъ одинаковы. Международные платежи для полнаго удобства требуютъ одинаковости монетныхъ системъ.

Но и въ этихъ вопросахъ объединенія законодательствъ еще не достигнуто. Эта высшая степень полноты международной охраны остается пока только pium desiderium.

ГЛАВА II.

Субъектъ международной охраны.

§ 15. Государства и ихъ признаніе.

Такъ какъ международная охрана права есть охрана осуществляемая совмѣстною дѣятельностью нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга и незнающихъ надъ собой общей высшей власти государствъ, то и субъектами ея могутъ быть только государства. Всякое другое общеніе или учрежденіе неудовлетворяетъ условію независимости. Его дѣятельность направленная къ охранѣ права подчиняется авторитету и контролю государственной власти. Точно также въ *сложномъ* государствѣ взаимныя отношенія частей, и частей къ общей союзной власти, не имѣютъ международнаго характера, такъ какъ части сложнаго государства подчинены союзной власти и не представляютъ независимости и самостоятельности. Тоже самое должно сказать и относительно отношенія колоній и метрополіи, какою-бы степенью автономіи ни пользовались колоніи—все равно.

Но если отдѣльной области союзнаго государства или колоніи, предоставлено вступать въ непосредственныя сношенія со сторонними государствами, то совмѣстная ихъ дѣятельность получаетъ международный характеръ. Конечно и въ этомъ случаѣ, отдѣльная область союзнаго государства или колонія остаются зависимыми, но не въ отношеніи къ третьей державѣ, съ которой у нихъ нѣтъ *общей* высшей власти. Въ отношеніи къ стороннему государству онѣ вполнѣ независимы. Такъ швейцарскіе кантоны могутъ заключать самостоятельно международные трактаты со смежными государствами по пограничнымъ вопросамъ. Такъ нѣкоторыя англійскія колоніи самостоятельно вступаютъ въ сношенія. Напр. Канада считается особымъ членомъ всемірнаго почтоваго союза, и еще въ прошломъ году губернаторомъ Канады была заключена особая почтовая конвенція съ Бельгіей. Вице-король Индіи заключаетъ международные договоры съ сосѣдними азіатскими правительствами.

Международная охрана предполагаетъ не только дѣятельность *независимыхъ* государствъ, но при томъ дѣятельность *совмѣстную*. Совмѣстная же дѣятельность возможна конечно лишь для такихъ государствъ, которыя признаютъ существованіе другъ друга и только со времени такого признанія. Государство не можетъ дѣйствовать совмѣстно со вновь образовавшимся государствомъ, покуда не признаетъ его за самостоятельное государство.

Образованіе новаго государства можетъ совершиться посредствомъ отдѣленія прежде подвластной области или колоніи—такъ образовались американскія республики и Бразилія, Греція, Бельгія, Румынія, Сербія, или же посредствомъ соединенія нѣсколькихъ самостоятельно существовавшихъ государствъ—такъ образовалось королевство итальянское. Сѣвероамериканскіе соединенные штаты отдѣлились еще въ прошломъ столѣтіи, провозгласивъ свою самостоятельность въ 1775 г. и въ 1783 г. ихъ независимость была признана и самой Англіей, главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ, оказанной возставшимъ колоніямъ Франціей. Въ половинѣ настоящаго столѣтія совершилось отдѣленіе колоній Испаніи и Португаліи.

Первыми колоніями, отложившимися отъ Испаніи и провозгласившими свою независимость было вице-королевство Ріо-де-ла-Плата, состоявшее изъ Буеносъ-Айреса, Парагвая, Урагвая и Боливіи. Отдѣльныя провинціи вице-королевства провозгласили свою независимость въ 1810, 1811 и 1816 годахъ и составили Аргентинскую конфедерацію, позднѣе распавшуюся. Одновременно съ ними отдѣлилось Чили, провозгласившее свою независимость еще въ 1810 г. но рѣшительно отвоевавшее ее въ 1817 году. Затѣмъ слѣдовали генералъ-губернаторство Венецуела и вице-королевство Новая Гренада, образовавшія въ 1819 г. республику Колумбію, къ которой въ 1821 г. присоединились Экуадоръ и Панама. Въ 1833 г. эта республика распалась на три отдѣльныхъ республики. Дольше всѣхъ оставались въ подчиненіи Испаніи вице-королевство Перу (до 28 іюня 1828 г.) и Мексика, съ 1811 г. ставшая театромъ ожесточенной борьбы между роялистами и сторонниками независимости. 18 мая 1822 года императоромъ Мексики былъ провозглашенъ Августинъ Итурбидъ, отказав-

шійся отъ престола уже въ мартѣ слѣдующаго года и разстрѣлянный въ 1824 году.

Первымъ государствомъ, признавшимъ независимость испанскихъ колоній, были сѣверо-американскіе соединенные штаты, заключившіе 3 октября 1824 года трактатъ съ Колумбіей. Затѣмъ 1 января 1825 года Каннингъ извѣстилъ иностранныхъ пословъ о намѣреніи Англіи назначить своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ въ Колумбію, Мексику и Буеносъ-Айресъ. Это сообщеніе вызвало протестъ со стороны испанскаго правительства, упрекавшаго Англію въ нарушеніи основныхъ началъ международнаго права. Каннингъ отвѣчалъ замѣчательной нотой, въ которой обстоятельно развилъ начала, которыми опредѣляется признаніе возставшихъ областей самостоятельными. Примѣру Англіи скоро послѣдовали и другія державы, а въ 30-хъ годахъ и сама Испанія заключившая договоръ съ Мексикой въ 1835 г., съ Новой Гренадой въ 1838 г., съ Урагваемъ въ 1846 г., съ Никарагуа въ 1850 г.

Отдѣленіе Бразиліи отъ Португаліи совершилось при совершенно иныхъ условіяхъ. Въ 1807 году тогдашній принцъ-регентъ Португаліи, сынъ королевы Маріи, позднѣе ставшій королемъ Іоанномъ VI, поставленный въ затруднительное положеніе противоположными требованіями и угрозами Англіи и Франціи предпочелъ удалиться въ Бразилію, оставивъ въ Португаліи регенство. Въ 1814 г. власть Браганцскаго дома была возстановлена въ Португаліи и въ 1816 году Іоаннъ VI послѣ смерти его матери короновался въ Ріо-Жанейро, а въ Португалію воротился только въ 1822 году, оставивъ въ Бразиліи своего старшаго сына и наслѣдника Донъ Педро д'Алькантара.

Въ это время въ Португаліи была введена весьма либеральная конституція, но населеніе Бразиліи не было уравнено съ португальцами въ ихъ политическихъ правахъ. Это вызвало въ Бразиліи больше недовольства и стремленіе къ отдѣленію отъ Португаліи. Образовалась довольно значительная республиканская партія и Донъ-Педро рѣшился, чтобы сохранить Бразилію Браганцскому дому, провозгласить ея независимость, самъ будучи избранъ наслѣдственнымъ императоромъ Бразиліи, о чемъ онъ извѣстилъ отца въ октябрѣ 1822 года. Португалія признала независимость Бразильской имперіи только въ

1825 г. Въ 1826 г. она признана Франціей, въ 1827 г. и 1828—остальными государствами Европы.

Греческое возстаніе началось въ 1821 году и сначала встрѣтило со стороны великихъ державъ рѣшительное осужденіе, такъ что на Веронскій конгресъ делегація греческихъ инсургентовъ не была даже допущена. Но со смертью, сначала, Кестльри и замѣной его Каннингомъ, и съ восшествіемъ затѣмъ на престолъ Россіи Николая I отношеніе къ возстанію по крайней мѣрѣ со стороны Россіи и Англіи сдѣлалось болѣе благопріятнымъ. Герцогу Веллингтону, отправленному въ Петербургъ для выраженія соболѣзнованія о смерти Александра I, было поручено вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ переговоры относительно общихъ дѣйствій въ защиту грековъ; 4 апрѣля 1826 г. былъ подписанъ въ Петербургѣ Нессельроде и Веллингтономъ протоколъ касательно греческихъ дѣлъ, въ которомъ было выражено намѣреніе добиться отъ Турціи предоставленія Греціи извѣстной автономіи, съ сохраненіемъ ея зависимости отъ турецкаго правительства. Протоколъ также былъ сообщенъ и другимъ великимъ державамъ и затѣмъ на основаніи его Россія, Англія и Франція обратились къ блистательной Портѣ съ требованіемъ признанія за Греціей полунезависимости. Требованіе это не было принято Портой, да и Грековъ оно не удовлетворило, такъ какъ они стремились во что бы то ни стало къ полной независимости. Въ виду отказа Турціи Россія, Англія и Франція заключили между собой 6 іюля 1827 года договоръ объ умиротвореніи Греціи. Въ добавочной секретной статьѣ постановлялось, что въ случаѣ упорства Турціи признать Грецію полунезависимой должна быть договаривающимися державами, для прекращенія жестокой борьбы турокъ съ греками, употреблена сила. Съ этой цѣлью эскадрамъ англійской и русской въ Средиземномъ морѣ предписано было не допускать подвоза въ возставшія области новыхъ турецкихъ, въ особенности египетскихъ, военныхъ силъ. Дѣло кончилось случайнымъ столкновеніемъ съ турецкимъ флотомъ при Наваринѣ, окончившимся полной побѣдой надъ турками (20 октября 1827 года). Это обострило отношенія европейскихъ державъ къ Турціи, и Россія даже объявила ей войну 14 марта 1828 года. По Адріанопольскому миру $^2/_{14}$ сентября 1829 года Турція обяза-

лась предъ Россіей признать то устройство, какое сочтутъ нужнымъ дать Греціи державы. На собравшейся въ Лондонѣ, для устройства греческихъ дѣлъ, конференціи рѣшено было образовать изъ Греціи наслѣдственную конституціонную монархію съ весьма притомъ ограниченной территоріей. Рѣшеніе это было встрѣчено весьма недружелюбно греками, уже организовавшими у себя правленіе республиканское, во главѣ котораго стоялъ Капо д'Истріа. Россія, Франція и Англія тѣмъ не менѣе настаивали на своемъ рѣшеніи и предложили корону греческую принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, ставшему впослѣдствіи Бельгійскимъ королемъ. Но онъ отказался. Тогда начались переговоры съ Баварскимъ царствующимъ домомъ, приведшіе къ договору между Россіей, Англіей, Франціей съ одной стороны, и Баваріей съ другой о возведеніи на греческій престолъ принца Оттона, втораго сына Баварскаго короля. (7 мая 1832 г.).

Бельгія послѣ 16 лѣтняго пребыванія подъ властью Франціи, въ 1814 году, по постановленію вѣнскаго конгреса, была присоединена къ Голландіи. Различіе религіи, языка, нравовъ, все это приводило къ рѣзкому антагонизму населенія двухъ половинъ новообразованнаго королевства и наконецъ въ 1830 году разрѣшилось возстаніемъ. Бельгійцамъ очень скоро удалось отвоевать себѣ фактическую независимость и 4 іюня 1831 года совершилось избраніе бельгійскимъ королемъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, который, принявъ предложенную ему корону, прибылъ въ Брюссель 21 іюля того же года. Въ ноябрѣ состоялось между великими державами и Бельгіей соглашеніе о признаніи Бельгіи независимымъ королевствомъ. Въ виду отказа короля голландскаго признать независимость Бельгіи, между Франціей и Англіей состоялось соглашеніе о наложеніи на голландскія суда эмбарго и объ осадѣ Антверпена, съ цѣлью понудить Голландію къ признанію бельгійской независимости. Послѣ долгаго сопротивленія Голланідя, наконецъ, уступила и въ 1839 г. въ Лондонѣ заключила трактатъ съ Бельгіей.

Независимость Сербіи и Румыніи явилась однимъ изъ результатовъ послѣдней Восточной войны. Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ признаніе ихъ независимости не было обставлено никакими особенными условіями. Но на Берлинскомъ

конгресѣ это измѣнилось. Когда въ засѣданіи 8 іюня 1878 г. приступлено было къ обсужденію III статьи Санъ-Стефанскаго договора, содержащей признаніе независимости Сербіи, лордъ Салисбери заявилъ, что онъ находитъ умѣстнымъ (opportun) обусловить признаніе Сербіи независимой требованіемъ установленія въ ней полной религіозной свободы. Это предложеніе было поддержано Ваддингтономъ, и не смотря на возраженія князя Горчакова и графа Шувалова, находившихъ неудобнымъ предоставить сербскимъ евреямъ даже политическія права, было принято конгресомъ. Каратеодори-Паша предложилъ затѣмъ капитализировать платимую Сербіей дань съ тѣмъ, чтобы капитализованная сумма была въ опредѣленный срокъ уплачена сербскимъ правительствомъ Турціи. Но, благодаря энергичному противодѣйствію русскихъ представителей, поддержанному и княземъ Бисмаркомъ, это притязаніе было отвергнуто. Признаніе независимости Румыніи обсуждалось въ засѣданіи 1-го іюля. По предложенію Ваддингтона требованіе установленія религіозной свободы распространено и на Румынію. Но со стороны Россіи выставлено было новое условіе признанія Румыніи независимой: уступка ею Бессарабіи. Въ Берлинскомъ трактатѣ независимость Румыніи признана подъ этими двумя условіями [1].

Италія. Сардинскій король Викторъ Эммануилъ провозгласилъ себя «королемъ Италіи» 17 марта 1861 года. Несмотря на протестъ Папы, Модены, Тосканы, Пармы, новое королевство было признано въ томъ же году Англіей, Швейцаріей, Франціей и Бельгіей. Въ слѣдующемъ году послѣдовало признаніе Австріей и Пруссіей. Что касается Россіи, то она еще въ сентябрѣ 1860 года отозвала своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Туринѣ, желая выразить этимъ свое неодобреніе начавшемуся тогда революціонному движенію. Когда въ 1862 году французское правительство предложило свое посредничество для возстановленія дипломатическихъ отношеній Россіи съ Италіей, наше правительство поставило со своей стороны нѣкоторыя условія, которыя и были переданы Италіи. Россія требовала, чтобы итальянское правительство не допускало враждебныхъ по отно-

---

[1] Archives diplomatiques, 1882—1883, № 4. Protocol du congrès de Berlin, p. 147 и p. 173.

шенію къ Россіи заговоровъ въ средѣ польскихъ эмигрантовъ, находящихся въ Италіи, чтобы изъ нихъ не былъ образованъ особый польскій легіонъ и чтобы спеціально польская школа, основанная въ Генуѣ, была закрыта. Правительство Виктора Эммануила обѣщало выполнить всѣ эти условія, и тогда князь Горчаковъ депешей къ нашимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ отъ $^6/_{18}$ августа 1862 года, извѣстилъ державы о признаніи Россіей королевства и о возстановленіи съ нимъ политическихъ сношеній (¹).

Германская имперія можетъ считаться возникшей съ 14-го января 1871 года, когда Вильгельмъ извѣстилъ государства, входившіе въ составъ союза, о принятіи императорскаго титула, согласно постановленію союзнаго парламента отъ 10 декабря 1870 г. Международное признаніе новой имперіи не встрѣтило никакихъ затрудненій.

§ 16. Полунезависимыя государства.

Понятіе полунезависимости.

Въ составъ государствъ иногда входятъ такія области, которыя не только пользуются широкой автономіей, но притомъ автономія эта постановлена подъ международную гарантію—гарантирована иностранными государствами. Въ такомъ случаѣ отношенія къ ней центральной власти стоятъ по необходимости подъ контролемъ державъ гарантировавшихъ автономію и каждое измѣненіе въ этихъ отношеніяхъ вызываетъ иностранное вмѣшательство и такимъ образомъ получаетъ международный характеръ. Такое положеніе автономной области обыкновенно служитъ переходомъ къ полному ея отдѣленію, какъ это и было дѣйствительно съ Румыніей и Сербіей. Области, поставленныя въ подобное положеніе, носятъ названіе полунезависимыхъ государствъ (états mi-souverains).

Это совершенно ненормальное явленіе, такъ какъ государство характеризуется прежде всего именно своей независимостью. А полунезависимость, какъ понятіе среднее между зависимостью и независимостью, совершенно не поддается опредѣленію. На практикѣ это приводитъ къ такимъ же противорѣчіямъ и несообразностямъ, какъ и въ теоріи. Доста-

(¹) Staatsarchiv, B. III, №№ 403—405, ss. 133—137.

точно припомнить Сербскую войну, когда Сербія, государство признававшееся тогда частью турецкой имперіи, вела однако съ ней войну. До 1877 года Сербія и Румынія были такими полунезависимыми государствами по отношенію къ Турціи. Но въ этомъ году онѣ провозгласили себя независимыми и на берлинскомъ конгрессѣ ихъ независимость была признана великими державами. Независимость Черногоріи, не разъ подвергавшаяся сомнѣніямъ, въ виду притязаній Турціи считать и ее своимъ вассальнымъ княжествомъ, тоже признана берлинскимъ трактатомъ. Въ настоящее время полунезависимыми государствами по отношенію къ Турціи остаются Египетъ, Болгарія и Восточная Румелія.

Основаніемъ полунезависимаго положенія Египта, служитъ договоръ, заключенный въ 1840 году 15-го іюня Россіей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Турціей. Въ силу этого договора египетскій пашалыкъ, оставаясь неотъемлемою частью турецкой имперіи, находится въ управленіи Магомета—Али и его потомковъ въ качествѣ хедивовъ. Хедивы уплачиваютъ Турціи ежегодную дань и управляютъ пашалыкомъ отъ имени султана, какъ его представители. Въ частности египетскія войска и флотъ считаются частями военныхъ силъ Отоманской порты. Опредѣленный этимъ договоромъ порядокъ сохранился безъ существенныхъ измѣненій до 1876 года, когда египетское правительство обанкрутилось. Кредиторы его оказались главнымъ образомъ французскіе и англійскіе подданные, и ихъ правительства сочли нужнымъ вступиться за ихъ интересы. Была назначена смѣшанная комиссія для изслѣдованія финансоваго положенія Египта. Она представила докладъ, въ которомъ требовала существенныхъ реформъ. Въ основу проэктировавшихся преобразованій положена была оригинальная идея «министерской независимости». Хедивъ, Измаилъ-паша, принялъ этотъ проэктъ и въ августѣ 1878 года поручилъ армянину Нубаръ-пашѣ образовать министерство, въ которомъ портфель министерства финансовъ врученъ былъ англичанину Уильсону, а публичныхъ работъ французу Глиньеру. Министерство это было однако недолговѣчно и уже въ началѣ слѣдующаго года Нубаръ-паша вышелъ въ отставку. Затѣмъ въ скоромъ времени, смѣнилось еще два министерства и дѣло кончилось вынужденнымъ отреченіемъ Измаила-паши, заду-

мавшаго было противодѣйствовать вліянію иностранныхъ кредиторовъ, въ пользу своего сына Тевфикъ-паши. При этомъ вліяніе иностранцевъ было еще болѣе усилено, такъ какъ все управленіе было подчинено надзору двухъ генеральныхъ контролеровъ, назначаемыхъ Франціей и Англіей. Турція конечно не могла быть довольной такимъ расширеніемъ иностраннаго вліянія въ подвластномъ ей пашалыкѣ, но, не рѣшаясь открыто противодѣйствовать Франціи и Англіи, тайно интриговала противъ нихъ. Это было тѣмъ легче, что мусульманское населеніе Египта смотрѣло съ ненавистью на хозяйничавшихъ въ немъ гяуровъ. При такихъ условіяхъ трудно было избѣжать безпорядковъ. А къ тому же контролеры дѣйствовали самымъ безцеремоннымъ образомъ. Такъ въ маѣ 1882 года они заставили хедива остановить исполненіе приговора военнаго суда, осудившаго нѣсколькихъ египетскихъ офицеровъ ни болѣе, ни менѣе какъ за участіе въ бунтѣ. Понятно, что министры, и прежде всего военный министръ Араби-паша, протестовали противъ этого и стали дѣйствовать независимо отъ хедива, вполнѣ подчинявшагося иностраннымъ контролерамъ. При такихъ условіяхъ немудрено, что дѣло кончилось возстаніемъ Араби-паши противъ Хедива, подавленнымъ опять таки иностранной, именно англійской военной силой. Къ какимъ измѣненіямъ въ положеніи Египта поведетъ это, только что закончившееся, вооруженное вмѣшательство Англіи, пока еще неизвѣстно.

По Санъ-Стефанскому прелиминарному договору предполагалось образовать Болгарію, какъ полунезависимое княжество, съ обширной территоріей, начиная отъ Дуная и до Салоникъ. Но берлинскій трактатъ разбилъ эту территорію на двое: на Болгарію и Восточную Румелію, такъ что границей имъ послужили Балканы.

Вопросъ о Болгаріи былъ главнымъ изъ обсуждавшихся на берлинскомъ конгрессѣ вопросовъ. Обсужденіе его началось со втораго засѣданія 17 іюня и заняло шесть засѣданій. Ограниченіе предѣловъ Болгарскаго княжества Балканами было предложено Салисбери, который находилъ, что предоставленіе Болгаріи тѣхъ границъ, какія были указаны въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, представляется неудобнымъ по тремъ основаніямъ: это унизило бы чрезмѣрно Турцію, создало бы на побережьи

Эгейскаго моря новую самостоятельную державу и подчинило бы болгарамъ мѣстности съ многочисленнымъ греческимъ населеніемъ. Чтобы устранить эти неудобства онъ предлагалъ ограничить Болгарію съ юга Балканами, и на югъ отъ Балканъ образовать автономную провинцію Восточную Румелію, подъ непосредственною политическою и военною властью султана. Согласно съ тѣмъ и редижированы, относящіяся до Болгаріи и Румеліи, статьи берлинскаго трактата.

Болгарія образуетъ изъ себя княжество, правитель котораго, избранный населеніемъ, утверждается Портой съ согласія державъ. Княжество пользуется широкой автономіей, но все таки признается частью Турціи. Граждане княжества считаются турецкими подданными и потому не пользуются въ предѣлахъ Турціи льготами, предоставленными иностранцамъ. Княжество несетъ на себѣ соотвѣтственную часть государственнаго долга Турціи, платитъ ей дань и подчиняется постановленіямъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ Портой [1].

Восточная Румелія пользуется меньшей автономіей. Она не имѣетъ особаго войска и даже въ милиціи, призванной охранять мѣстный внутренній порядовъ, офицеры назначаются султаномъ. Во главѣ управленія стоитъ Генералъ-губернаторъ, назначаемый Портой съ согласія державъ на пятигодичный срокъ [2].

Со стороны западныхъ державъ, особенно Франціи, не разъ дѣлались попытки вмѣшаться въ наши отношенія къ бывшему царству Польскому [3]. Во время послѣдняго польскаго возстанія это дало поводъ къ довольно длиннымъ дипломатическимъ переговорамъ. Однако нашъ кабинетъ положилъ имъ конецъ, заявивъ въ нотѣ канцлера, князя Горчакова, что русскій Государь въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ отвѣтственъ только предъ однимъ Богомъ. И дѣйствительно въ актѣ вѣнскаго конгреса, хотя и говорится о томъ, что полякамъ даны будутъ національныя учрежденія и народное представительство, но о международной гарантіи автономнаго устройства царства Польскаго не упомянуто ни полу-словомъ.

---

(1) Берлинскій трактатъ, ст. I—XII.
(2) Берлинскій трактатъ, ст. XIV и XXI.
(3) Beach Lawrence, Comentaire, I, p. 303—341.

Въ этомъ слѣдуетъ видѣть поэтому просто коллективную декларацію Россіи, Австріи и Пруссіи относительно того устройства, какое онѣ намѣрены были дать присоединявшимся къ нимъ польскимъ областямъ, безъ всякаго подчиненія ихъ какому либо международному контролю. И изъ трехъ этихъ государствъ, это именно Россія выполнила сдѣланное заявленіе, такъ какъ въ ней одной было дано польскимъ губерніямъ представительное устройство. Правда, затѣмъ оно было значительно ограничено, но двумя другими правительствами оно въ это время не было вовсе и дано. Что же касается отношенія Россіи къ Польшѣ послѣ возстанія 30 года, то съ этого времени, какъ на это справедливо указываетъ императоръ Николай, польскія области принадлежатъ уже Россіи по безусловному праву завоеванія и потому ни о какихъ обязательствахъ въ отношеніи къ нимъ не можетъ быть и рѣчи.

§ 17. Возставшія области ([1]).

Если какая нибудь часть государства находится въ открытомъ возстаніи противъ центральной власти, въ силу этого самаго установляется фактически ея независимость. Связь, соединявшая ее съ центральной властью порывается и установляется состояніе войны. Интересы возставшихъ, интересы стороннихъ государствъ, и даже интересы самой, угрожаемой возстаніемъ, власти, требуютъ признанія международнаго характера въ положеніи возставшей области. Самимъ возставшимъ представляется весьма важнымъ, чтобы они были признаны воюющей стороной, пользующейся покровительствомъ международнаго права, потому что иначе всякое осуществляемое ими насиліе будетъ считаться не военнымъ дѣйствіемъ, а преступленіемъ, суда, плавающіе подъ ихъ флагомъ—пиратами, и т. п. Съ другой стороны и стороннія государства, имѣющія торговыя и иныя сношенія съ возставшей областью не могутъ не нуждаться въ содѣйствіи правительства, фактически господствующаго въ этой мѣстности, а обращеніе къ его содѣйствію равносильно признанію за нимъ фактической

([1]) Beach Lawrence, I, 114—189.

независимости и слѣдовательно правъ воюющей стороны. Наконецъ и та власть, противъ которой направлено возстаніе, также, до извѣстной степени, заинтересована въ признаніи возставшихъ воюющей стороной. Борьба съ возставшими требуетъ установленія въ отношеніи къ стороннимъ государствамъ извѣстныхъ ограниченій: запрещенія подвоза военной контрабанды и доступа въ блокируемые порты, а для фактическаго осуществленія этого запрещенія—осмотра ихъ судовъ.

Но установленіе такихъ ограниченій допускается международнымъ правомъ только во время войны, и никакое государство не потерпитъ осмотра своихъ судовъ въ мирное время. Такимъ образомъ, для принятія подобныхъ мѣръ, государство, угрожаемое возстаніемъ, должно признать существованіе войны. А война, какъ остроумно замѣтилъ Монтегю Бернаръ, немыслима безъ наличности двухъ воюющихъ сторонъ. Государство не можетъ воевать съ самимъ собой. Признаніе возстанія войной необходимо предполагаетъ признаніе возставшихъ воюющей стороной.

Признаніе возставшихъ воюющей стороной допускается однако при наличности извѣстныхъ условій. Во первыхъ требуется, чтобы возстаніе имѣло характеръ *открытой* борьбы. Тайный революціонный комитетъ, совершающій хотя бы непрерывный рядъ насилій, никогда не можетъ притязать на признаніе его воюющей стороной. Война есть открытая, явная борьба, гдѣ ни одна изъ сторонъ не скрывается. Во вторыхъ возстаніе должно имѣть на столько крупные размѣры, чтобы имѣлась хотя нѣкоторая вѣроятность успѣха. Война предполагаетъ равенство сторонъ, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы исходъ былъ гадателенъ. Въ третьихъ возстаніе должно имѣть мѣстный характеръ, возставшіе должны захватить въ свою власть извѣстную территорію. Рѣчь можетъ идти о признаніи воюющей стороной только возставшую область, а не отдѣльныхъ мятежниковъ. Наконецъ въ четвертыхъ, возставшая область должна имѣть организованную правительственную власть, достаточно сильную, чтобы направлять движеніе возстанія и слѣдовательно нести отвѣтственность передъ иностранными правительствами за дѣйствія отдѣльныхъ мятежниковъ. Если перечисленныхъ условій въ наличности нѣтъ, возставшіе не признаются воюющей стороной. Такъ во время

послѣдняго польскаго возстанія Франція отвѣчала отказомъ на просьбу возставшихъ признать ихъ воюющей стороной, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что польскіе повстанцы не имѣютъ въ своей власти никакой опредѣленной территоріи и что революціонный комитетъ ихъ не можетъ быть признанъ правительствомъ, такъ какъ имена его членовъ и ихъ мѣстопребываніе скрываются въ тайнѣ.

Съ другой стороны можно указать цѣлый рядъ примѣровъ признанія возставшихъ воюющей стороной, разъ имѣлись на лицо указанныя условія. Такъ, когда американскіе Соединенные Штаты возстали противъ Англіи, они были признаны европейскими государствами воюющей стороной. Возставшія, въ началѣ настоящаго столѣтія, испанскія колоніи въ Америкѣ признавались воюющей стороной до признанія ихъ независимости. Точно также и греки, возставшіе въ 20-хъ г. противъ турецкаго правительства, южане въ 60-хъ противъ сѣверянъ.

§ 18. Территорія государства (1).

Охрана правъ получаетъ, какъ мы видѣли, международный характеръ только тогда, когда совершается совокупною дѣятельностью нѣсколькихъ независимыхъ государствъ. Субъектами международной охраны и должны быть признаны, слѣдовательно, независимыя государства. Но ученіе о природѣ государства и о государственной власти составляетъ содержаніе государственнаго права. Къ международному праву относится лишь ученіе о взаимномъ отношеніи независимыхъ государственныхъ властей.—Для выясненія этого соотношенія необходимо остановиться на двухъ вопросахъ. Прежде всего надо указать, какъ разграничивается сфера дѣйствія отдѣльныхъ государствъ, затѣмъ разсмотрѣть тѣ связи, которыя соединяютъ государства между собою, т. к. государства не являются въ дѣйствительности изолированнными, а напротивъ соединяются между собой болѣе или менѣе тѣсными узами въ тѣ или другія группы.

---

(1) *Ortolan* E. Des moyens d'acquerir le domaine internationale 1851.

Основнымъ началомъ въ разграниченіи дѣйствія отдѣльныхъ государственныхъ властей служитъ тотъ принципъ, что каждая власть дѣйствуетъ въ предѣлахъ данной государственной территоріи. Но это основное правило видоизмѣняется въ двоякомъ отношеніи. Извѣстная часть земной поверхности, именно открытое море, не составляетъ исключительнаго достоянія отдѣльныхъ народовъ, и находится въ общемъ международномъ пользованіи. Поэтому въ ученіи о разграниченіи дѣйствія властей должно быть указано ихъ соотношеніе въ пользованіи моремъ—это во первыхъ, во вторыхъ указанное основное правило измѣняется и въ силу того, что государственная власть получаетъ иногда возможность воздѣйствія на чужой территоріи.

Такимъ образомъ намъ предстоитъ разсмотрѣть здѣсь три вопроса: о границахъ территоріи, о дѣйствіи государственной власти въ открытомъ морѣ и въ чужой территоріи.

Территорія различныхъ государствъ образовывалась весьма различными путями. Первоначальное заселеніе мѣстности безлюдной, мирная колонизація мѣстности съ населеніемъ, стоящимъ на нисшей ступени культуры и потому не выдерживающимъ конкуренціи съ болѣе прогрессивнымъ колонизаторомъ, покупка отдѣльныхъ участковъ, пріобрѣтеніе ихъ по праву наслѣдства или въ качествѣ приданнаго государями—чаще всего фигурируютъ въ исторіи, какъ факторы образующіе территоріи государствъ. Возможна ли юридическая теорія этихъ способовъ? Въ учебникахъ международнаго права обыкновенно пытаются дать такую теорію, а Ортоланъ сдѣлалъ ее даже предметомъ монографической разработки. Образцомъ при этомъ служитъ ученіе гражданскаго права о способахъ пріобрѣтенія права собственности. Но гражданское право исходитъ при этомъ изъ различія собственности и владѣнія и даетъ юридическую теорію только способовъ пріобрѣтенія собственности, а не владѣнія, потому что владѣніе вовсе не предполагаетъ законнаго основанія. Въ отношеніи же къ обладанію территоріей совершенно не приложимо различіе собственности и владѣнія. Прежде всего такое различіе было бы тутъ совершенно безцѣльно, такъ какъ въ международныхъ отношеніяхъ не можетъ имѣть никакого значенія различіе поссесорной и петиторной защиты, въ чемъ главнымъ образомъ выражаются

практическія послѣдствія противуположенія собственности и владѣнія. Государство защищаетъ свою территорію, какъ бы оно ее ни пріобрѣло, всегда однимъ и тѣмъ же способомъ: силою.

Затѣмъ различіе владѣнія и собственности и потому не приложимо къ обладанію территоріей, что оно основывается на фактической власти. Одно право безъ фактическаго обладанія напр. право государя, лишеннаго престола, хотя бы онъ былъ самый законный властитель, въ международныхъ отношеніяхъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Способы пріобрѣтенія территорій конечно различны, но различіе это не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Всѣ способы одинаково хороши, только бы они вели къ установленію фактической власти. За отсутствіемъ въ международныхъ отношеніяхъ различія между владѣніемъ и собственностью, всякое фактическое владѣніе признается, по необходимости, правомъ. Но это не значитъ, чтобы территоріей государства считалось все то, что само оно считаетъ таковой, уже потому, что нерѣдко одинъ и тотъ же кусокъ земли служитъ предметомъ притязаній двухъ или болѣе государствъ. Къ тому же принадлежность извѣстной мѣстности данному именно государству иногда влечетъ за собой установленіе для другихъ государствъ, напр. для воюющихъ, существенныхъ стѣсненій. Въ силу этого въ международныхъ отношеніяхъ территоріей государства признается лишь то, *что находится въ дѣйствительномъ его обладаніи.* Недостаточно одного притязанія на обладаніе, будетъ ли оно основано на наслѣдственномъ правѣ главы государства, или на первомъ открытіи страны, или даже на уступкѣ, въ силу состоявшагося договора; необходимо кромѣ того, чтобы обладаніе, имѣющее за собой подобныя основанія, получило фактическое осуществленіе.

Въ старое время это требованіе фактическаго обладанія не признавалось. Правиламъ о престолонаслѣдіи, существовавшимъ въ томъ или другомъ государствѣ, придавали большее значеніе, чѣмъ фактамъ, и многіе государи Европы величали себя въ своихъ титулахъ обладателями странъ, въ дѣйствительности находившихся въ чужомъ обладаніи. У старыхъ династій это сохраняется и до сихъ поръ, (напр. наши государи величаютъ себя до сихъ поръ наслѣдниками норвежскими,

герцогами гольштинскими), но уже потеряло значеніе притязаній, являясь лишь историческимъ воспоминаніемъ.

Въ XV вѣкѣ съ разныхъ сторонъ заявлялись притязанія на вновь открытыя земли, независимо отъ фактическаго обладанія ими. Португалія и Испанія оспаривали другъ у друга господство надъ южной и центральной Америкой и папа Александръ VI въ 1493 году подѣлилъ между ними обладаніе, предоставивъ имъ, каждой въ своей части, господство не только надъ открытыми мѣстностями новаго свѣта, но даже и надъ тѣми какія впредь могутъ быть открываемы. Это рѣшеніе папы было затѣмъ въ 1494 году ратификовано трактатомъ, заключеннымъ въ Тордесилласѣ и позднѣе въ 1506 подтверждено папою Юліемъ II. По отношенію къ сѣверной Америкѣ подобныя же притязанія заявлялись Англіей на томъ основаніи, что американскій берегъ между 38 и 54 градусами сѣверной широты впервые былъ открытъ въ 1496 г. венеціанскимъ мореплавателемъ Кабото, ѣздившимъ по порученію англійскаго правительства. Съ развитіемъ колонизаціи Новаго Свѣта подобныя притязанія не могли не привесть къ столкновеніямъ колонизаторовъ, и слѣдовательно фактическихъ обладателей новооткрытыхъ территорій, съ первыми ихъ открывателями. Споры за обладаніе южными мѣстностями Новаго Свѣта приводили и къ вооруженнымъ столкновеніямъ и длиннымъ дипломатическимъ переговорамъ, а иногда и къ рѣшенію споровъ третейскимъ судомъ, и этимъ путемъ выработалось и установилось въ международной практикѣ то начало, теперь общепризнанное, что для господства надъ территоріей недостаточно одного только открытія ея, но необходимо и фактическое ею обладаніе. Изъ прецедентовъ, въ которыхъ было признано это начало, укажемъ на столкновеніе Англіи съ Соединенными Штатами по поводу пролива Нутки.

Изъ необходимости дѣйствительнаго обладанія территоріей вытекаетъ также, что одного соглашенія объ уступкѣ территоріи, безъ дѣйствительной ея передачи, не достаточно для признанія перехода ея къ новому властителю, какъ это было признано между прочимъ, по поводу уступки Луизіаны въ 1803 году Франціей Соединеннымъ Штатамъ, англійскимъ призовымъ судомъ. Признаніе фактическаго обладанія необходимымъ условіемъ господства надъ территоріей представляется не

только болѣе удобнымъ въ практическомъ отношеніи, но и болѣе справедливымъ. Было бы несправедливо удерживать народы отъ пользованія и культивированія территоріи только потому, что какое нибудь государство уже имѣетъ на нее притязаніе, которое оно однако не можетъ или не хочетъ осуществить на дѣлѣ. Это значило бы налагать стѣсненія на однихъ безъ пользы для другихъ. Съ другой стороны и отвѣтственнымъ за совершающееся въ данной мѣстности можетъ быть по справедливости только тотъ, кто фактически владѣетъ ею.

Если фактическое обладаніе есть необходимое условіе признанія территоріи принадлежностью даннаго государства, то точно также необходимо съ другой стороны, чтобы съ фактомъ обладанія (corpus possessionis) соединилось желаніе обладать территоріей, какъ своею (animus possedendi). Не установляетъ принадлежности территоріи государству временное обладаніе ею, безъ намѣренія завладѣть ею, наприм. при военномъ занятіи или при залогѣ. Во время борьбы изъ за территоріи она легко можетъ въ короткій промежутокъ времени переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія и обратно. Если въ каждомъ такомъ переходѣ признавать переходъ территоріи изъ одного обладанія въ другое, это практически создало бы большія неудобства, породило бы вопросъ о національности жителей и произвело-бы въ юридическомъ порядкѣ въ этой мѣстности совершенную путаницу. Поэтому, подобно владѣнію гражданскому, и международное владѣніе считается ненарушаемымъ такими быстрыми переходами изъ рукъ въ руки. Кратковременные перерывы разсматриваются какъ бы несуществующими. Только такой фактическій переходъ обладанія признается имѣющимъ и юридическое значеніе, который ведетъ къ установленію господства надъ территоріей хотя бы съ нѣкоторымъ характеромъ постоянства. Конечно, вопросъ о наличности въ каждомъ данномъ случаѣ такого характера постоянства есть вопросъ весьма трудно разрѣшимый. Всего проще дѣло разрѣшается, если фактическій переходъ владѣнія находитъ себѣ потомъ формальное признаніе въ соглашеніи, договорѣ между заинтересованными сторонами. Въ такомъ случаѣ обладаніе территоріей даннымъ государствомъ не можетъ уже болѣе разсматриваться лишь какъ одна изъ

стадій борьбы,—оно получаетъ болѣе постоянный характеръ. Поэтому обыкновенно юридическое значеніе переходу владѣнія придаютъ лишь послѣ того, какъ оно будетъ признано соглашеніемъ между сторонами. Такъ, въ 1842 году кассаціонный судъ призналъ, что голландцы могутъ быть признаваемы иностранцами въ Бельгіи не съ 1830 года, т. е. не со времени фактическаго отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, а лишь съ 1839 г., со времени признанія этого отдѣленія трактатомъ ([1]).

Въ практическомъ отношеніи представляется весьма важнымъ точное опредѣленіе границъ ([2]) государства, такъ какъ въ зависимости отъ этого стоитъ разрѣшеніе многихъ весьма важныхъ вопросовъ права, напр. опредѣленіе національности лицъ и товаровъ, опредѣленіе предѣловъ юрисдикціи судовъ этого государства и предѣловъ дѣйствія его законовъ, допустимость или недопустимость въ данномъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій и т. п. Поэтому государства обыкновенно заключаютъ между собой особыя соглашенія относительно точнаго опредѣленія границъ и обозначаютъ ихъ особыми знаками. Это т. н. искуственныя границы. Въ случаѣ отсутствія подобныхъ соглашеній, приходится опредѣлить границу на основаніи общепринятыхъ или обычныхъ правилъ. Самое главное основаніе для опредѣленія границъ это пространство фактическаго властвованія, выражающагося въ заселеніи мѣстности подданными государства. Въ томъ случаѣ, когда селенія двухъ государствъ отдѣляются ненаселенной полосой земли, граница считается проходящей по срединѣ въ равномъ разстояніи отъ ближайшихъ селеній смежныхъ государствъ. Если въ этой незаселенной полосѣ находятся горы или рѣки, то границей признается горный хребетъ или рѣка. Когда территоріи двухъ государствъ раздѣляются рѣкой, то границей считается линія, проходящая по срединѣ рѣки въ равномъ разстояніи отъ обоихъ береговъ. Впрочемъ, если рѣка судоходная, границей обыкновенно признается линія фарватера (Thalweg). Но государства могутъ договорнымъ соглашеніемъ и иначе установить границы. Бывали примѣры, что все теченіе пограничной рѣки

([1]) Laurent, III, pp. 393—396.

([2]) *Schmeltzing*, Grundriss. II, § 245, *Bluntschli*, Völkerrecht, 3 Ausg. § 296. *Dudley Field*, International Code, § 31. *Мартенсъ*, Межд. право I, стр. 338.

признавалось принадлежащимъ территоріи одного изъ пограничныхъ государствъ, какъ напр. въ договорѣ между Польшей и Пруссіей 1773 года. Въ случаѣ пограничныхъ озеръ и внутреннихъ морей граница проводится по срединѣ. Но Каспійское море все принадлежитъ Россіи въ силу особаго соглашенія о томъ съ Персіей такъ, что только Россія имѣетъ право военнаго мореплаванія по Каспію. (Туркманчайскій договоръ 1828 года, ст. 8).

Этими случаями не ограничивается практическое значеніе т. н. *естественныхъ границъ*. Нерѣдко, особенно въ старое время, имъ придавали гораздо большее значеніе, утверждая, что каждое государство должно ограничиваться предѣлами мѣстности, ограниченной рѣками или горами, какъ ея естественными границами. Каково бы ни было историческое значеніе такихъ границъ, юридическое значеніе онѣ могутъ имѣть лишь въ указанныхъ случаяхъ отсутствія точнаго опредѣленія границъ государства.

Что касается т. н. социальныхъ границъ, т. е. разграниченія мѣстностей по разселенію національностей, то онѣ и вовсе не имѣютъ никакого юридическаго значенія, хотя опять таки историческое или культурное ихъ значеніе можетъ быть очень велико.

Въ случаѣ, если рѣка совершенно перемѣнитъ теченіе, смежныя государства получаютъ на обнажившееся ея русло тѣ же права, что имѣли и на ея теченіе (русско-шведскій договоръ 1809 года) Въ случаѣ образованія по теченію пограничной рѣки новыхъ острововъ, они принадлежатъ тому государству, въ части рѣки котораго образовались (австро-прусскій договоръ 9 фев. 1869 г.).

§ 19. Территоріальное море.

Территорія государства должна быть отдѣлена не только отъ территорій другихъ государствъ, но также отъ открытаго моря, какъ объекта общаго международнаго пользованія (1). При этомъ сталкиваются интересы отдѣльнаго государства, заключающіеся въ потребности, ради высшихъ полицейскихъ и

(1) Perels, Seerecht, 23. Phillimore I, 235. Calvo, I p. 347—§ 242.

финансовыхъ цѣлей, распространить дѣйствіе своей власти и на омывающіе его берега моря, и интересы другихъ государствъ, нуждающихся въ признаніи свободы моря, какъ всемірнаго торговаго пути. И въ этомъ вопросѣ, какъ и въ предшествующемъ, рѣшающее значеніе имѣетъ фактическое господство. Только то пространство омывающаго берегъ моря признается подчиненнымъ власти прибрежнаго государства или т. н. *территоріальнымъ моремъ*, надъ которымъ государство дѣйствительно *можетъ* господствовать. Поэтому территоріальное море составляетъ море, прилегающее къ берегу на разстояніи пушечнаго выстрѣла. На сколько хватаютъ орудія государства, на столько распространяется его власть. Таково общее, основное правило, дѣйствующее тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ договорныхъ опредѣленій. Но изрѣдка государства, ради большей точности, опредѣляли пространство территоріальнаго моря мѣрой длины, причемъ за основаніе принималось все таки то разстояніе, на какое могли хватать современныя договору орудія. Прежде такой мѣрой было 2 морскихъ мили, потомъ—3. Теперь снаряды, выбрасываемые береговыми орудіями, могутъ хватать значительно дальше—миль до восьми, но какъ въ международныхъ договорахъ, такъ и въ законодательствѣ отдѣльныхъ странъ сохраняется по прежнему ограниченіе пространства береговаго моря тремя милями отъ берега ([1]). Правда, еще въ 1864 году американскій министръ Сюардъ (Seward) обратился къ англійскому посольству въ Вашингтонѣ съ предложеніемъ, въ виду усовершенствованія орудій, расширить береговую юрисдикцію государствъ съ 3-хъ миль до 5-ти, но предложеніе это не имѣло никакихъ послѣдствій ([2]). Распространеніе береговой юрисдикціи на три мили отъ линіи наибольшаго отлива признано въ Англіи въ 1878 году (Territorial Waters Act, 41 And. 42 Vic. т. е. 73). Но еще въ 1876 г., въ извѣстномъ дѣлѣ судна Франконія, англійскій судъ призналъ, что его юрисдикція опредѣляется исключительно англійскимъ правомъ, не можетъ быть расширена на основаніи правилъ международнаго права и что потому, въ виду отсутствія въ англійскомъ правѣ какихъ либо

([1]) Phillimore, I, c. X c. VIII, p. 237. Bluntschli § 302.
([2]) Calvo, I, § 243, p. 349.

постановленій о расширеніи юрисдикціи далѣе линіи наибольшаго отлива, преступленія, совершенныя въ открытомъ морѣ на иностранномъ суднѣ, хотя бы и въ разстояніи отъ берега меньшемъ трехъ миль, должны быть признаны неподсудными англійскимъ судамъ ([1]).

Точное опредѣленіе пространства территоріальнаго моря требуетъ однако разрѣшенія еще и другаго вопроса: что именно должно считаться чертой берега? Исходя изъ основнаго начала, что пространство территоріальнаго моря зависитъ отъ того, на сколько съ берега можно господствовать надъ нимъ, слѣдуетъ признать береговой чертой ту линію, до которой могутъ быть возводимы береговыя батареи, не подвергаясь опасности, и отъ наивысшаго прилива. Другими словами, должно принять выставляемое еще римскими юристами ([2]) правило, что береговой чертой считается линія наивысшаго прилива. Но на практикѣ принято противоположное правило, принимающее за береговую—черту наибольшаго отлива ([3]). Такъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ англійское законодательство (Territorial Waters Juridiction Act, 1878). То же начало принято въ договорѣ Англіи съ Франціей, о рыболовствѣ въ каналѣ, 1839 года. Теперь этотъ договоръ замѣненъ другимъ 1867 года ([4]). Нѣкоторые полагаютъ, что пространство территоріальнаго моря въ разное время должно быть исчисляемо различно, смотря по дѣйствительной высотѣ водъ ([5]); но такое начало менѣе всего цѣлесообразно, такъ какъ ведетъ къ полнѣйшей неопредѣленности ([6]). Такой же неопредѣленностью и отсутствіемъ всякаго основанія страдаетъ мнѣніе Уитона, будто бы береговой чертой должно считаться то мѣсто, гдѣ море становится судоходнымъ ([7]).

Отграниченіе территоріальнаго моря, слѣдуя строго изгибамъ берега, привело бы къ установленію слишкомъ извилистой и, на морѣ, конечно, трудно опредѣлимой границы. Это не могло бы

([1]) Law Magazine, 1882, № 245, p. 361.

([2]) Litus est quousque maximus fluctus a mari pervenit levla.

([3]) Phillimore, I c. X c. VIII, p. 235. Также и Bluntschli § 302, Field, Code, § 28.

([4]) De Clercq, IX, p. 737.

([5]) Bischoff, Seerecht, 24, Note 3.

([6]) Perels, Seerecht, 23, 24.

([7]) Wheaton El. I, 168.

не породить весьма неудобной въ такомъ дѣлѣ неопредѣленности и подать такимъ образомъ поводъ къ безчисленнымъ пререканіямъ. Поэтому границы территоріальнаго моря проводятся не по соображенію со всѣми извилинами берега, а отъ одного выдающагося въ морѣ пункта къ другому по прямой линіи (1). Это дѣлаетъ границу легче опредѣлимой. Но тутъ возникаетъ другое затрудненіе: какое разстояніе должно быть между этими выдающимися въ морѣ пунктами, обозначающими повороты границъ территоріальнаго моря? Понятно, что, проводя линію между отдѣльными пунктами, можно отмежевать, какъ территоріальное море, слишкомъ значительную часть открытаго моря. Согласно общему принципу, опредѣляющему пространство территоріальнаго моря, признается, что только тѣ заливы суть его части, которые закрыты естественнымъ образомъ напр. островами, мелями, рифами, или же имѣютъ между крайними пунктами разстояніе не болѣе двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, слѣдовательно, 6 миль (2). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ принимается большее предѣльное разстояніе: именно 10 миль ($^1/_6$ градуса), напр. въ англо-французскомъ договорѣ 1839 г., а также германскимъ законодательствомъ (3). Въ 1872 году англійское правительство признало заливъ Зачатія на островѣ Нью-Фаундлендѣ, вдающійся на 40 миль и имѣющій 15 миль ширины, территоріальнымъ моремъ (4). Заявляютъ даже притязаніе на признаніе территоріальнымъ моремъ Мексиканскаго и Гудзонова залива. Вообще нельзя не замѣтить въ практическомъ разрѣшеніи этого вопроса отсутствіе должной опредѣленности. Во всякомъ случаѣ однако необходимымъ условіемъ признанія залива территоріальнымъ является то, чтобы его побережье находилось во власти одного и того же государства (5).

Проливы, ведущіе въ открытое море, составляютъ также часть территоріальнаго моря, если береговыя орудія надъ ними господствуютъ. Поэтому Босфоръ и Дарданеллы составляютъ территоріальное море Турціи, напротивъ Гибралтаръ,

(1) Hautefeuille.
(2) Calvo, I § 231, p. 340. Field, Code, § 28.
(3) Perels Seerecht, 38.
(4) Мартенсъ, I, 373.
(5) Мартенсъ, I, 373.

будучи шире двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, есть проливъ свободный. Данія до 1857 года признавала за собой право исключительнаго обладанія Зундомъ и обоими Бельтами и въ силу того взимала съ проходившихъ чрезъ нихъ иностранныхъ судовъ значительную пошлину (1). Это право осуществлялось ею и признавалось за нею другими государствами еще съ XIV ст. Въ то время ей принадлежали оба берега Зунда. Въ 1658 г. одинъ изъ береговъ былъ уступленъ Швеціи, но Данія выговорила себѣ при этомъ сохраненіе господства надъ Зундомъ. Взимаемая Даніей пошлина, представляя серьезное стѣсненіе мореплаванію, не могла не вызвать недовольства. Правда, Данія заботилась о мѣрахъ, обезпечивающихъ безопасное плаваніе по проливамъ, но расходъ, связанный съ этимъ, по своей незначительности, не могъ сравниться съ доходомъ, получаемымъ датскимъ правительствомъ отъ взиманія пошлины. Тѣмъ не менѣе только въ 1848 году былъ заявленъ рѣшительный и энергичный протестъ противъ ея дальнѣйшаго взиманія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, объявившимъ, что они дальше не намѣрены признавать за Даніей право, такъ чувствительно стѣсняющее свободу мореплаванія. Къ ихъ протесту присоединились и европейскія государства и въ 1857 году состоялось соглашеніе одно съ Соединенными Штатами, другое съ многими европейскими государствами, при чемъ Данія отказалась отъ взиманія пошлинъ за вознагражденіе, уплоченное ей заинтересованными государствами, въ общей сложности около 90 мил. фр.

Территоріальное море, составляющееся, какъ мы видѣли, изъ береговаго моря, закрытыхъ заливовъ и проливовъ уже двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, ведущихъ въ свободное море, не приравнивается однако къ территоріи государства въ собственномъ смыслѣ слова. Господство государственной власти надъ территоріальнымъ моремъ ограниченнѣе нежели надъ территоріей. Территоріальное море есть часть открытаго и слѣдовательно свободнаго моря, подчиняемая надзору прибрежнаго государства на столько, на сколько это необходимо въ его военныхъ, полицейскихъ и финансовыхъ интересахъ, но съ сохраненіемъ свободы мореплаванія. Прибрежное государ-

(1) Perels, Seerecht 36. Calvo, I, §§ 234—235 pp. 341—344.

ство можетъ установлять извѣстныя правила, которымъ должны подчиняться иностранныя суда, находящіяся въ территоріальномъ морѣ, но не можетъ вовсе воспретить проходъ по территоріальному морю иностраннымъ судамъ. За Турціей признано правда право воспрещать проходъ иностраннымъ военнымъ судамъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы, но въ этомъ признаніи нельзя не видѣть мѣры, направленной западными державами исключительно противъ Россіи, такъ какъ она одна можетъ быть заинтересована въ свободномъ проходѣ чрезъ проливъ военныхъ судовъ въ мирное время. Признавая совершенно несправедливыя притязанія Порты, хотятъ этимъ стѣснить свободу дѣйствій Россіи на Черномъ морѣ. Господство государственной власти надъ территоріальнымъ моремъ слагается изъ слѣдующихъ элементовъ ([1]).

1) Право юрисдикціи, на сколько оно не ограничивается конечно экстерриторіальностью.

2) Полицейская власть въ широкомъ смыслѣ, т. е. предупрежденіе преступленій, несчастныхъ случаевъ, распространенія болѣзней и т. п.

3) Исключительное право на опредѣленные способы пользованія моремъ: сюда именно относятся каботажное судоходство и рыболовство.

Подъ каботажемъ разумѣется провозъ груза или пассажировъ по территоріальному морю между портами одного и тогже государства. Это такъ называемый каботажъ (petit cabotage). Только онъ находитъ себѣ основаніе въ господствѣ надъ территоріальнымъ моремъ. Впрочемъ и въ отношеніи къ нему въ послѣднее время замѣтна наклонность къ отмѣнѣ монополіи національныхъ судовъ. Многія государства дозволяютъ каботажъ и иностраннымъ, лишь подъ условіемъ взаимности: таковы Италія, (законъ 9 апрѣля 1859 года) Швеція, Данія. Въ Бельгіи, Бразиліи, Китаѣ и Японіи вовсе не признается исключительнаго права на каботажъ за національными судами.

Подъ рыболовствомъ, какъ исключительнымъ правомъ прибрежнаго государства, слѣдуетъ разумѣть не только собственно ловлю рыбы, но вообще всякихъ продуктовъ, доставляемыхъ

([1]) Гефтеръ, 151; Bischoff, Seerecht, 25; Perels, Seerecht, 42—47.

моремъ: раковъ, устрицъ, жемчуга, янтаря, коралловъ, морской травы и т. д.

§ 20. Экстерриторіальное дѣйствіе государственной власти.

Пространство дѣйствія государственной власти не ограничивается однако предѣлами территоріи. Въ извѣстныхъ случаяхъ власть государства распространяется и за предѣлы его территоріи. Такъ, прежде всего, власть государства распространяется на всѣ лица и предметы находящіеся въ открытомъ морѣ.

Такъ какъ открытое море не подчиняется ни чьей исключительной юрисдикціи, то все находящееся въ немъ считается подъ властью своего отечества (¹). Плавающія въ морѣ суда разсматриваются какъ частицы территоріи того государства, флагъ котораго онѣ носятъ. Все совершающееся на нихъ обсуждается точно также, какъ если бы совершилось на ихъ отечественной территоріи. Это т. н. начало территоріальности кораблей примѣняется безразлично какъ къ военнымъ, такъ и къ торговымъ судамъ. Не дѣлается также никакого различія по размѣрамъ судовъ: хотя бы простая лодка, она также считается частью территоріи (²). Нѣкоторые писатели стремятся расширить это начало еще болѣе. Такъ Отфейль и Кюсей утверждаютъ, что юрисдикція отечеств. корабля, по крайней мѣрѣ военнаго, распространяется не только на самый корабль, но и на окружающее его пространство открытаго моря на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Это ученіе о такъ наз. territoire navale не находитъ себѣ однако никакого основанія въ положительномъ международномъ правѣ, признающемъ полную свободу плаванія и маневрированія въ открытомъ морѣ, и допускающемъ въ этомъ отношеніи лишь тѣ ограниченія, какія необходимы для предупрежденія столкновеній и другихъ несчастныхъ случаевъ. Нельзя также согласиться и съ тѣми, кто, какъ напр. Филлиморъ (³), Блунчли (⁴) считаютъ подчиненнымъ юрисдикціи государства, которому принадлежитъ флотъ, все занимаемое имъ пространство моря. Принятіе этого

(¹) Calvo, II, § 1109, p. 215.
(²) Field, Code, § 368.
(³) Cc. III.
(⁴) § 318.

положенія противорѣчило бы тому общепринятому правилу, что во время войны, воюющіе имѣютъ право осмотра нейтральныхъ судовъ не въ нейтральномъ морѣ. Если согласиться съ Филлиморомъ и Блунчли, нейтральныя суда оказались бы всегда окруженными нейтральными водами.

Вопреки этимъ понятіямъ современное международное право прямо признаетъ за судами, плавающими въ открытомъ морѣ, право приближаться другъ къ другу (right of approach, Annäherungsrecht).

При ограниченіи приложимости начала территоріальности самими лишь судами, можетъ возникнуть сомнѣніе развѣ только въ томъ, какъ должна быть опредѣлена подсудность преступленій, совершаемыхъ въ водѣ, около кораблей; вопросъ— едва ли имѣющій практическое значеніе и легко разрѣшаемый по правилу actor sequitur forum rei.

Бываютъ затѣмъ случаи, когда государственная власть дѣйствуетъ и въ чужой территоріи. Это бываетъ, напримѣръ, когда одно государство пользуется дорогами или вообще путями сообщенія другаго, содержитъ въ его территоріи свои военныя силы, осуществляетъ въ ней судебныя функціи и т. п. Нѣкоторые писатели называютъ подобные случаи дѣйствія государственной власти въ чужой территоріи сервитутами международнаго права (¹). Но едва ли примѣръ ихъ заслуживаетъ подражанія: такая терминологія способна только породить весьма вредную путаницу понятій. Подъ сервитутомъ юристъ разумѣетъ прежде всего *вещное* право. Поэтому сервитутомъ можно обозначить только право, непосредственно относящееся къ вещи, а не къ субъекту ею обладающему. Сервитутъ, какъ непосредственное отношеніе къ вещи, не зависитъ отъ ея обладателя, перемѣны въ немъ не вліяютъ на сервитутъ. Но то, что называютъ сервитутами международнаго права, вовсе не представляется такимъ непосредственнымъ вещнымъ отношеніемъ къ чужой территоріи; напротивъ существованіе ихъ прямо обусловлено принадлежностью мѣстности данному именно государству. Если Австрія имѣла право содержать гарнизонъ въ крѣпостяхъ бывшей Папской области, никто на этомъ основаніи не станетъ ут-

(¹) Phillimore, I, p.p. 328—332. Bluntschli, §§ 353 — 359 §§ 207 — 210. Мартенсъ, I, 357—364. Neuman, § 13, 36.

верждать, чтобы тоже право сохранилось за Австріей и послѣ присоединенія Папской области къ Итальянскому королевству. Точно также когда Россія пріобрѣтала бывшія турецкія владѣнія, консульская юрисдикція въ нихъ не сохранялась (¹). Слѣдовательно мы имѣемъ тутъ дѣло не съ вещнымъ, а съ личнымъ отношеніемъ. *Служитъ* тутъ не вещь, а данная государственная власть; отходитъ отъ нея территорія—прекращается само собою и самое отношеніе. Такимъ образомъ ясно, что называть подобныя отношенія сервитутами, значитъ вносить совершенную путаницу въ научную терминологію. Скажутъ пожалуй, что возраженія эти не рѣшаютъ вопроса, будучи основаны всецѣло на цивилистическомъ пониманіи термина сервитута, что сервитуты международнаго права имѣютъ свою особенную природу, отличаясь отъ сервитутовъ гражданскаго права отсутствіемъ вещнаго характера. Но въ такомъ случаѣ непонятно чѣмъ отличаются эти пресловутые сервитуты отъ обязательствъ и зачѣмъ понадобилось эти, ничего съ сервитутами общаго неимѣющія, отношенія назвать сервитутами? Къ тому же все это ученіе о международныхъ сервитутахъ отличается крайней безсодержательностью. На двухъ—трехъ страничкахъ дается перечисленіе разныхъ видовъ сервитутовъ, приводятся примѣры—вотъ и все. Напрасно стали бы мы искать здѣсь что либо имѣющее юридическое значеніе. Смѣемъ думать, что наше изложеніе международнаго права ничего не потеряетъ, если мы не станемъ ничего говорить въ немъ объ этихъ сервитутахъ.

Изъ всѣхъ видовъ дѣйствія государственной власти въ чужой территоріи наиболѣе важное и общее значеніе имѣетъ институтъ внѣземельности или экстерриторіальности. Извѣстные лица и предметы, находясь въ иностранной территоріи, не подчиняются мѣстной власти. Ихъ юридическое положеніе остается такимъ же, какъ если бы они находились въ отечествѣ. Гдѣ бы они ни находились, въ отношеніи къ нимъ сохраняется неприкосновеннымъ дѣйствіе ихъ отечественной власти. Другими словами, фактически находясь на иностран-

(¹) На островѣ Кипрѣ консульская юрисдикція сохранилась и послѣ передачи его въ управленіе Англіи. Но это потому, что Кипръ все таки считали частью Оттоманской имперіи Тоже самое должно сказать и относительно княжества болгарскаго.

ной территоріи, юридически они признаются находящимися внѣ ея. Отсюда и названіе внѣземельность, экстерриторіальность([1]). Внѣземельность включаетъ въ себѣ два элемента: отрицательный и положительный. Отрицательный заключается въ освобожденіи отъ подчиненія. Освобожденіе это однако не безусловно. Въ различныхъ видахъ внѣземельности объемъ этого освобожденія различенъ. Общимъ всѣмъ видамъ является лишь освобожденіе отъ подчиненія мѣстной судебной власти. Иногда къ этому присоединяется освобожденіе отъ подчиненія финансовой и полицейской власти.

Положительный элементъ, находясь въ прямомъ соотвѣтствіи съ отрицательнымъ, заключается въ подчиненіи, и во время нахожденія въ чужой территоріи, отечественной юрисдикціи.

Внѣземельностью пользуются: 1) иностранные подданные въ мусульманскихъ и языческихъ государствахъ, 2) дипломатическіе агенты, а также глава государства, и 3) отряды военныхъ силъ морскихъ и сухопутныхъ. Этимъ ограничивается примѣненіе внѣземельности, хотя иногда и высказываются стремленія къ неправильному его расширенію. Такъ, нельзя приписывать внѣземельности консуламъ или торговымъ судамъ. Во время послѣдней международной выставки возбудился вопросъ: не слѣдуетъ ли признать пользующимися внѣземельностью иностранные отдѣлы на международныхъ выставкахъ, предметы въ нихъ находящіеся, комитеты ими завѣдующіе. Основаніемъ такому предложенію послужило освобожденіе привозимыхъ на выставку предметовъ отъ всякихъ пошлинъ. Но такое освобожденіе вызвано желаніемъ привлечь на выставку иностранныхъ экспонентовъ, и потому вполнѣ правильнымъ должно признать отрицательное рѣшеніе этого вопроса практикой французскихъ судовъ.

Внѣземельность представляетъ собою фикцію, въ силу которой лица, фактически находящіяся внѣ отечества, разсматриваются такъ, какъ будто онѣ его не покидали. Но въ другихъ случаяхъ распространеніе дѣйствія государственной власти на чужую территорію принимаетъ характеръ непосредственнаго воздѣйствія. Такое воздѣйствіе представляется на практикѣ въ двухъ различныхъ формахъ.

---

(1) Calvo, I, § 522, p. 561, Phillimore, I, pp. 301, 410.

Во первыхъ бываетъ такъ, что одно государство предоставляетъ другому пользованіе извѣстными частями своей территоріи; напр. ловить на чужой территоріи дезертировъ, пользоваться ея дорогами, устраивать на ней таможенныя станціи, пристани, магазины, содержать въ ея крѣпостяхъ гарнизоны и т. п. (1).

Въ самое послѣднее время явилась и другая форма непосредственнаго воздѣйствія на чужую-территорію: отправленіе въ ней правительственныхъ функцій взамѣнъ туземной власти. Прежде такихъ отношеній не существовало. Въ первый разъ онѣ были установлены въ 1878 году, когда Англіи было предоставлено управленіе *Кипромъ* а Австро-Венгріи—*Босніей* и *Герцеговиной*, при чемъ эти области по прежнему остались составными частями Турецкой имперіи. Управленіе Босніей и Герцеговиной поручено Австріи Берлинскимъ конгрессомъ, безъ опредѣленія предѣльнаго срока или ограничительнаго условія. Управленіе Кипромъ предоставлено Англіи Турціей. На основаніи заключеннаго между ними договора, англійское управленіе Кипромъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока Россія владѣетъ Карсомъ и Батумомъ. Англія, получивъ въ управленіе Кипръ, съ своей стороны обязалась *охранять неприкосновенность Порты* (1).

§ 21. Общая группировка государствъ.

Государства, участвующія въ международномъ общеніи, въ силу историческихъ условій соединились въ нѣсколько частныхъ группъ, члены которыхъ находятся въ относительно болѣе близкомъ общеніи между собой.

Первое мѣсто среди этихъ группъ принадлежитъ т. н. *европейскому международному союзу*.

Современное международное право развилось первоначально какъ совокупность нормъ, опредѣлявшихъ отношенія между собой европейскихъ христіанскихъ государствъ, такъ какъ до новѣйшаго времени только онѣ находились между собой въ общеніи. Нехристіанскія государства стараго свѣта, не исклю-

(1) *Мартенсъ*. Современное Международное право, I, 1882, стр. 361, 364.

чая и Турціи, представляли собой обособленный міръ, отношенія къ которому европейскихъ державъ представлялись почти безъ исключенія враждебными. Новый же свѣтъ сплошь представляетъ колоніи европейскихъ государствъ. Съ образованіемъ независимыхъ государствъ новаго свѣта и на нихъ было распространено дѣйствіе европейскаго международнаго права и такимъ образомъ, прежде исключительно европейскій, международный союзъ значительно расширился, включивъ въ себя и государства Америки. Но названіе за нимъ сохранилось старое, теперь уже не отвѣчающее дѣйствительности и имѣющее лишь историческій смыслъ. До 1856 года европейскій международный союзъ состоялъ исключительно изъ христіанскихъ государствъ Европы и американскихъ, а изъ Африканскихъ государствъ къ нему причисляютъ республику Либерію (1). На парижскомъ конгрессѣ была принята въ союзъ и Турція, до того времени не принимавшая участія ни въ одномъ европейскомъ конгрессѣ. Независимо отъ признанія ея парижскимъ трактатомъ 30 марта 1856 года членомъ европейскаго союза, Австрія, Англія и Франція, договоромъ 15 апрѣля того же года, договорились гарантировать Оттоманской портѣ независимость и неприкосновенность. Однако принятіе это осталось лишь формальнымъ—не имѣющимъ реальнаго значенія. Не смотря на признаніе Турціи членомъ европейскаго международнаго союза, положеніе ея не было приравнено къ положенію прочихъ членовъ. Въ турецкихъ владѣніяхъ все таки сохраняется консульская юрисдикція, хотя на парижскомъ конгрессѣ представитель Турціи и требовалъ ея отмѣны, какъ несогласной съ фактомъ принятія Турціи въ семью европейскихъ народовъ.

Кромѣ Турціи международныя сношенія существуютъ и съ другими нехристіанскими государствами, даже формально не признанными членами европейскаго союза. Довольно распространено мнѣніе, что въ отношеніи къ нимъ положительное международное право не приложимо. Однако сношенія съ ними существуютъ и нельзя сказать, чтобы онѣ не регулировались вовсе никакими юридическими началами. И вотъ,

(1) Основана въ 1822 году, признана независимой въ 1847. Можетъ быть сюда же слѣдуетъ отнести Оранжевую республику, признанную независимой въ 1854 г. Трансваальская республика, признанная независимой въ 1852 г., въ 1877 г. присоединена Англіей къ Капландіи.

вѣрные старымъ традиціямъ, писатели прибѣгаютъ къ пресловутому естественному праву, утверждая, что въ отношеніи къ этимъ государствамъ оно замѣняетъ право международное. Но мы рѣшительно не видимъ возможности принять этотъ взглядъ. Если бы даже допустить, что естественное право существуетъ, въ тѣхъ особенностяхъ, какія представляютъ отношенія государствъ, не входящихъ въ составъ европейскаго международнаго союза, отнюдь нельзя видѣть отличительныхъ особенностей права естественнаго. Не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ указать на самую рѣзкую, бросающуюся въ глаза, особенность отношеній этихъ государствъ. Я говорю о консульской юрисдикціи въ нехристіанскихъ государствахъ. Существованіе ея основывается не на «природѣ вещей», а по соглашенію, да и по внутреннему своему существу институтъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно «естественнаго».

Государства, принадлежащія къ европейскому международному союзу, въ свою очередь распадаются на двѣ группы: государства европейскія и американскія. Обособленіе европейскихъ государствъ выражается въ выдающейся роли, какую играютъ въ собственно-европейскихъ дѣлахъ т. н. *великія державы*, и въ учрежденіи конгрессовъ и конференцій, посредствомъ которыхъ эти великія державы стремятся регулировать международныя отношенія Европы. До образованія единаго королевства Италіи, великихъ державъ было пять: Россія, Англія, Австрія, Франція, Германія. Теперь ихъ шесть, онѣ являются такъ сказать непремѣнными членами каждаго конгресса, каждой конференціи, между тѣмъ какъ изъ другихъ державъ допускаются обыкновенно только представители непосредственно заинтересованныхъ, въ обсуждаемомъ на конгрессѣ вопросѣ, державъ. На берлинскомъ конгрессѣ представители Греціи и Румыніи были только выслушаны конгрессомъ, но не были членами конгресса.

Всѣ бывшіе въ Европѣ конгрессы и конференціи суть исключительно европейскіе. Не смотря на то, что американскія государства признаются членами европейскаго международнаго союза, къ участію въ европейскихъ конгрессахъ и конференціяхъ онѣ не приглашаются даже и тогда, когда предметомъ обсужденія является вопросъ общій, не представ-

ляющійся исключительно европейскимъ вопросомъ. Такъ на брюссельской конференціи 1874 г., обсуждавшей проэктъ права войны и состоявшей изъ представитей не однѣхъ великихъ, а всѣхъ европейскихъ государствъ, представителей американскихъ государствъ не было. Примѣра, общаго для всѣхъ европейскихъ и американскихъ государствъ, конгресса исторія до сихъ поръ не знаетъ ни одного. Съ другой стороны американскія государства не разъ устраивали, по иниціативѣ Перу, свои особые конгрессы. Первый такой конгрессъ былъ созванъ еще въ 1826 году, по мысли извѣстнаго Боливара, состоявшаго тогда во главѣ перуанскаго правительства. Въ совѣщаніяхъ конгресса принимали участіе всего только представители Колумбіи, Гватемалы, Перу и Мексики, по два отъ каждаго государства. Вашингтонское правительство также назначило своихъ представителей, но одинъ изъ нихъ въ то время умеръ, а другой на конгрессъ опоздалъ. Конгрессъ выработалъ трактатъ о дружбѣ и вѣчномъ союзѣ между этими четырьмя государствами и кромѣ того особую конвенцію, опредѣлявшую степень участія каждаго изъ нихъ въ общей защитѣ. Но какъ трактатъ, такъ и конвенція не были ратификованы ([1]). Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ не разъ дѣлались попытки, по иниціативѣ Мексики, созвать новый американскій конгрессъ, но безуспѣшно. Только въ 1847 г. собрался новый конгрессъ въ Лимѣ. Въ немъ принимали участіе представители Боливіи, Чили, Экуадора, Новой Гренады и Перу. На немъ были выработаны трактаты—союзный, торговый, о мореплаваніи, и двѣ конвенціи—почтовая и консульская. Но только послѣдняя получила силу, все остальное осталось мертвой буквой. Подобный же конгрессъ, опять въ Лимѣ, былъ созванъ въ 1864 году, изъ представителей Аргентинской республики, Боливіи, Чили, Экуадора, Колумбіи, Гватемалы, Перу и Венецуэлы, при чемъ былъ заключенъ между ними союзъ ([2]).

Наконецъ въ 1875 году перуанское правительство разослало циркулярное приглашеніе на конгрессъ, на этотъ разъ не для заключенія союза, а для кодификаціи частнаго международнаго права. Конгрессъ этотъ состоялся въ 1877 году.

([1]) Calvo. I p. H. Beach Lawrence, II, 315. Pradier-Fodéré, Droit dipl. II, p. 313—368.

([2]) Calvo; I p. 79 A 82.

Во всѣхъ этихъ конгрессахъ Соединенные Штаты не принимали участія. Отсюда не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы они отстранялись отъ участія въ общеамериканскихъ дѣлахъ. Напротивъ съ ихъ стороны замѣтно стремленіе присвоить себѣ въ Америкѣ выдающуюся роль; можетъ быть этимъ самымъ объясняется ихъ уклоненіе отъ участія въ конгрессахъ, гдѣ естественно преобладаетъ большинство.

Отношенія американскихъ государствъ къ европейскимъ также близко принимаются къ сердцу вашингтонскимъ кабинетомъ, съ недовѣріемъ взирающимъ на всякое расширеніе европейскаго вліянія въ Америкѣ. Его политика въ этомъ отношеніи опредѣляется т. н. *доктриной Монро* (1). Эта доктрина есть ничто иное какъ, высказанныя, бывшимъ президентомъ союза, Джемсомъ Монро (1759—1831 президентъ 1817—1825) въ его посланіи къ конгрессу отъ 2 декабря 1823 года, начала, долженствующія опредѣлять отношеніе Америки къ Европѣ. Онѣ могутъ быть сводимы къ двумъ основнымъ положеніямъ: 1) дальнѣйшая колонизація Америки со стороны европейцевъ недопустима, и 2) недопустимо также никакое вмѣшательство европейскихъ государствъ въ дѣла американскихъ. Такимъ образомъ доктрина Монро опирается на представленіе объ Америкѣ, какъ объ обособленномъ мірѣ.

§ 22. Частныя соединенія государствъ.

Независимо отъ общей группировки государствъ, разсмотрѣнной нами въ предъидущемъ параграфѣ, между отдѣльными государствами установляются нерѣдко особыя соединенія, по соглашенію ихъ правительствъ. Соединенія эти бываютъ троякаго рода. Во первыхъ можетъ быть такъ, что соединенія установляются для осуществленія какого либо общаго интереса совокупною дѣятельностью. Такія соединенія носятъ вообще названіе *союзовъ*. Онѣ могутъ имѣть цѣль или *политическую* (оборонительные и наступательные союзы), или *административную* (напр. существовавшій до образованія германской имперіи таможенный союзъ), или же наконецъ могутъ соединять ту и

(1) Rumelin, Monroe—Doctrin, Zeitschrift fur die gesamte Staatsw issenschaft 1882, № 2.

другую цѣль, въ такомъ случаѣ мы получимъ федерацію—союзъ государствъ. Такимъ союзомъ былъ старый германскій союзъ, установленный актомъ вѣнскаго конгресса и распавшійся въ 1866 году, Швейцарія до 1848 года, Соединенные Штаты, въ первоначальной ихъ организаціи, и конфедерація Южанъ.

Другой формой соединенія государствъ представляется такое, когда одно государство принимаетъ на себя въ отношеніи къ другому одностороннее обязательство, такъ что побуждающій ихъ къ соединенію общій интересъ осуществляется не совокупною дѣятельностью государствъ, а только однимъ изъ нихъ; къ этому типу соединеній относятся протекторатъ и гарантія.

Протекторатъ или *покровительство* установляется въ исключительномъ интересѣ покровительствуемаго. Такъ республика Андора и княжество Монако находятся подъ покровительствомъ Франціи, республика С. Марино—Италіи. По договору 11 мая 1881 года, подъ покровительствомъ Франціи находится также Тунисъ. Подъ покровительствомъ Россіи—Хива, по договору 1873 года.

Договоромъ о *гарантіи*, договаривающіяся стороны обезпечиваютъ или автономію—независимость или нейтралитетъ третьей стороны, не участвующей въ договорѣ. Объ обезпеченіи автономіи турецкихъ провинцій мы уже говорили. Вѣчный нейтралитетъ гарантированъ въ настоящее время Швейцаріи, Бельгіи и Люксембургу. Наконецъ третью, существенно отличную отъ двухъ первыхъ, форму соединенія государствъ представляютъ т. н. *уніи*.

При союзѣ государства соединяются ради достиженія одной общей цѣли и существованіе общихъ имъ учрежденій не составляетъ необходимости. Напротивъ унія основана именно на единствѣ какого либо органа у двухъ, соединяющихся въ силу этого, государствъ. Обыкновенно такимъ общимъ двумъ государствамъ органомъ является глава государства, монархъ.

Уніи могутъ быть двоякаго рода. Единство монарха можетъ быть слѣдствіемъ случайнаго совпаденія престолонаслѣдія въ двухъ государствахъ на одномъ лицѣ. Это личная или *персональная* унія, примѣромъ которой могутъ служить временное соединеніе германской и испанской (1519—1556 гг.), саксонской и польской (1697—1763) коронъ, англійской и гановер-

ской (1714—1839 гг.), устраненное восшествіемъ на англійскій престолъ королевы Викторіи, такъ какъ гановерское право не допускаетъ женщинъ къ престолонаслѣдію. Въ настоящее время существуетъ съ 1839 года персональная унія Голландіи съ Люксембургомъ.

Въ отличіе отъ персональной, *реальная* унія предполагаетъ постоянное соединеніе двухъ коронъ за однимъ лицомъ, въ силу особаго о томъ договора. Примѣромъ реальной уніи служитъ во первыхъ—соединеніе Австріи съ Венгріей, установленное т. н. прагматической санкціей 19 апрѣля 1713 года. Порядокъ наслѣдованія въ обоихъ государствахъ одинаковъ; но когда прекратится все потомство императора Леопольда I, Венгрія можетъ избрать себѣ отдѣльнаго короля. Другой примѣръ это соединеніе Норвегіи съ Швеціей съ 1814 года. Но тутъ и въ случаѣ прекращенія царствующей династіи избирается вновь одинъ общій король.

§ 23. Вмѣшательство.

И государства, не находящіяся другъ къ другу въ какихъ либо особыхъ отношеніяхъ, являясь участниками международнаго общенія, оказываютъ другъ на друга болѣе или менѣе сильное воздѣйствіе. Когда такое воздѣйствіе получаетъ форму принужденія одного государства другимъ къ совершенію или опущенію какого либо дѣйствія, оно обозначается именемъ *вмѣшательства*.

Новѣйшая исторія представляетъ большое число такихъ вмѣшательствъ. Въ первой четверти настоящаго столѣтія вмѣшательство было возведено даже въ принципъ. Священный союзъ считалъ себя призваннымъ поддерживать во всѣхъ государствахъ права и власть законныхъ государей и, руководствуясь этимъ принципомъ легитимности, даже вооруженной рукой подавлялъ всякую попытку къ революціи и къ реформѣ сколько нибудь либеральной.

Первымъ поводомъ къ вмѣшательству священнаго союза во внутреннія дѣла государствъ послужили волненія, возникшія въ Неаполѣ, по возвращеніи Бурбоновъ и удаленіи австрійскихъ войскъ. Руководители священнаго союза считали необходимымъ

принять рѣшительныя мѣры для подавленія народнаго движенія и съ этою цѣлью былъ созванъ въ Лайбахѣ конгрессъ, на который пригласили и неаполитанскаго короля. На конгрессѣ было рѣшено, что власть короля должна быть возстановлена такою, какою она была до 5 Іюля 1820 года и что возстановленіе это должно совершиться съ помощью австрійской арміи. Затѣмъ слѣдовало вмѣшательство въ дѣла Пьемонта. Король Пьемонта Викторъ Эмануилъ не въ состояніи былъ подавить народное движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая ему уступать, отказался отъ престола. Его братъ и наслѣдникъ Карлъ Феликсъ находился тогда внѣ государства и потому былъ назначенъ временно регентомъ Принцъ Кариньянскій, позднѣе ставшій королемъ подъ именемъ Карла Альберта. Регентъ тотчасъ же обнародовалъ конституцію. Но Карлъ Феликсъ протестовалъ противъ этого акта и просилъ у священнаго союза помощи для возстановленія его самодержавія. Это дѣло приняла на себя Австрія.

На веронскомъ конгрессѣ 1822 года рѣшено было подобное же вмѣшательство въ дѣла Испаніи. Не смотря на формальный протестъ Англіи, Франція, съ согласія Россіи, Австріи и Пруссіи, приняла на себя возстановленіе абсолютнаго режима въ Испаніи. Но это было и послѣднимъ актомъ священнаго союза, скоро затѣмъ распавшагося. Можно указать и на другіе примѣры вмѣшательства и при томъ въ духѣ прямо противоположномъ направленію политики священнаго союза. Такъ въ 1827 году Англія вмѣшалась въ дѣла Португаліи ради поддержанія свободнаго государственнаго устройства противъ абсолютистическихъ притязаній. Такъ въ 1839 г. великія державы заставили голландское правительство признать независимость Бельгіи. Но особенно часты примѣры вмѣшательства въ дѣла Турціи и государствъ южной и центральной Америки. Это объясняется конечно внутреннимъ безсиліемъ этихъ государствъ, лишенныхъ возможности оказать энергичный отпоръ внѣшнимъ вліяніямъ.

Длинный рядъ вмѣшательствъ въ дѣла Турціи ([1]), въ настоящемъ столѣтіи, начинается съ греческаго возстанія. Вмѣшательство европейскихъ державъ привело Турцію къ признанію

([1]) Engelhardt le droit d'intervention et la Turquie, въ Revue de droit international 1880 г. № 4.

греческой независимости. Въ 1840 году напротивъ державы позаботились охранить цѣлость турецкой имперіи противъ стремленій Мехмета—Али, думавшаго образовать подъ своимъ скипетромъ сильное независимое государство, присоединивъ къ Египту и Сирію.

Независимо отъ этихъ частныхъ поводовъ къ вмѣшательству въ дѣла Турціи, можно сказать, вся исторія отношеній къ ней европейскихъ державъ представляетъ какъ бы хроническое вмѣшательство, имѣющее своимъ основаніемъ заботу о судьбѣ христіанъ, находящихся на турецкой территоріи, какъ иностранцевъ, такъ и туземныхъ подданныхъ.

Самое существованіе консульской юрисдикціи есть уже своего рода вмѣшательство. Но европейскія государства постоянно стремятся къ распространенію своего покровительства и на христіанскихъ подданныхъ Турціи. Такого рода стремленія со стороны Россіи выражены въ извѣстномъ ультиматумѣ князя Меньшикова и послужилс поводомъ къ восточной войнѣ 1853 г. Парижскій конгрессъ только замѣнилъ одностороннее покровительство Россіи коллективнымъ покровительствомъ всѣхъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Убійства христіанъ 1860 г., критское возстаніе 1866 года послужили затѣмъ поводомъ къ частнымъ вмѣшательствамъ. Герцоговинское возстаніе 1876 года привело сначало къ войнѣ турецко-сербской, а потомъ и къ нашей послѣдней войнѣ съ Турціей. Послѣдній случай вмѣшательства въ турецкія дѣла, есть англійская экспедиція въ Египетъ.

Изъ вмѣшательствъ европейскихъ державъ въ дѣла государствъ южной и центральной Америки, наибольшаго вниманія заслуживаетъ извѣстная мексиканская экспедиція Наполеона III. Предлогомъ къ этому вмѣшательству послужили притязанія Англіи, Франціи и Испаніи къ вознагражденію ихъ подданныхъ, понесшихъ потери во время междуусобныхъ войнъ въ Мексикѣ. Но дѣйствительной цѣлью вмѣшательства было расширеніе французскаго и вообще романскаго вліянія въ Америкѣ, чтобъ создать противовѣсъ вліянію Соединенныхъ Штатовъ. Это и было причиной тому, что въ самомъ началѣ дѣла Англія и Испанія отступились отъ Франціи, предоставивъ ей одной продолжать начатое дѣло. Разгорѣвшаяся въ то время междуусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ

лишила ихъ возможности противодѣйствовать французской экспедиціи. Поэтому первое время они имѣли успѣхъ и Наполеону III удалось даже устроить установленіе монархической формы правленія и избраніе въ императоры австрійскаго принца Максимиліана. Но побѣда сѣверянъ развязала руки вашингтонскому правительству, и тѣмъ самымъ сразу измѣнила положеніе дѣла. Соединенные Штаты приняли на столько угрожающее положеніе, что Франціи пришлось отозвать свои войска и Максимиліанъ былъ низложенъ, сужденъ и казненъ.

Такимъ образомъ вмѣшательство однѣхъ государствъ въ дѣла другихъ представляется весьма распространеннымъ явленіемъ. Но въ литературѣ международнаго права ставятъ вопросъ о вмѣшательствѣ на юридическую почву, стараясь опредѣлить существуетъ или нѣтъ право вмѣшательства.

Вопросъ этотъ такой же праздный, какъ и вопросъ о правѣ на войну или на нейтралитетъ и является подобно имъ наслѣдіемъ устарѣлыхъ теорій, считавшихъ возможнымъ все на свѣтѣ облекать въ юридическія формулы. И нельзя поэтому не присоединиться безусловно къ тѣмъ писателямъ (Функъ и Брентано, а за ними и Мартенсъ), которые утверждаютъ что во вмѣшательствѣ можно видѣть лишь фактъ, но отнюдь не право.

Но можетъ быть конечно поставленъ вопросъ о желательности вмѣшательства. Многіе думаютъ, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ общимъ образомъ. Утверждаютъ именно, что каковъ бы ни былъ поводъ, но вмѣшательство всегда нежелательно, какъ нецѣлесообразная затрата силы, не могущая создать ничего прочнаго. Вмѣшательство имѣетъ, по необходимости, преходящій характеръ, а разъ войско иностранное удаляется, порядокъ, установленный его усиліями, предоставленный самому себѣ и ненаходящій себѣ опоры въ мѣстномъ обществѣ, неизбѣжно долженъ пасть и потому вмѣшательство ведетъ только къ увѣковѣченію неурядицъ и усобицъ. Такова именно аргументація Лавеле, на первый взглядъ представляющаяся неотразимой. Но если внимательнѣе отнестись къ дѣлу, не трудно замѣтить въ ней одну весьма слабую сторону. Лавеле предполагаетъ, что разъ вмѣшательство прекратилось, окончено,—этимъ самымъ прекращается и во-

обще воздѣйствіе одного государства на другое. Но въ дѣйствительности вмѣшательство есть только болѣе рѣзкая форма того неустранимаго воздѣйствія одного государства на другое, которое обусловливается фактомъ международнаго общенія и которое дѣлаетъ то, что въ развитіи каждаго современнаго государства иностранное вліяніе не имѣетъ лишь эпизодическій, отрывочный, случайный характеръ, а является постоянно дѣйствующимъ факторомъ наравнѣ съ внутренними силами государственной жизни.

ГЛАВА III.

Объектъ международной охраны.

Въ ученіи объ объектѣ международной охраны намъ слѣдуетъ разсмотрѣть два вопроса: 1) чьи права охраняются, и 2) какія именно права. Первый изъ нихъ въ свой чередъ распадается на вопросъ о международной правоспособности, о порядкѣ опредѣленія національности и о способахъ измѣненія національности. Такимъ образомъ содержаніе настоящей главы сводится къ четыремъ вопросамъ.

§ 24. Международная правоспособность.

Старое воззрѣніе, господствовавшее въ древности, что только членъ даннаго государства можетъ притязать на охрану, со стороны государственной власти, а всякій иностранецъ признавался стоящимъ внѣ закона, лишеннымъ всякихъ правъ, замѣнено теперь болѣе гуманнымъ. Въ древности иностранецъ могъ пользоваться признаніемъ и охраной его правъ лишь въ видѣ исключенія, когда между его отечествомъ и даннымъ государствомъ былъ заключаемъ особый о томъ договоръ (въ Греціи такой договоръ назывался *изополитія*) или кто либо изъ гражданъ принималъ его подъ свое покровительство (институтъ *проксеновъ*).

Современное международное право, напротивъ, признаетъ правоспособность, а слѣдовательно, распространяетъ юриди-

ческую охрану на всѣхъ лицъ, съ которыми оно приходитъ въ столкновеніе,—будетъ ли это туземецъ или иностранецъ,—все равно. Мало того, современное государство распространяетъ юридическую охрану на иностранцевъ въ такой же мѣрѣ, какъ и на своихъ же подданныхъ, не обращая вниманія, на сколько охраняются они и охраняются ли вообще ихъ отечественною властью. Это начало имѣло особенное значеніе въ отношеніи къ рабамъ. Въ силу него, рабъ, находящійся въ предѣлахъ юрисдикціи такой государственной власти, которая не признаетъ рабства, этимъ самымъ дѣлался свободнымъ. Въ Англіи это начало было проведено такъ послѣдовательно, что примѣнялось и къ рабамъ изъ англійскихъ колоній, попадавшимъ на территорію метрополіи. Это было признано въ извѣстномъ рѣшеніи суда королевской скамьи, подъ предсѣдательствомъ лорда Мансфильда по дѣлу негра Сомерсета въ 1771 году. Съ другой стороны, по дѣлу негритянки Грасъ (Grace) судомъ адмиралтейства (лордъ Стоуель) въ 1826 году было признано, что если невольникъ, побывшій въ метрополіи, добровольно воротится съ хозяиномъ въ колонію, онъ не можетъ уже послѣ того требовать свободы на томъ основаніи, что побывалъ въ метрополіи ([1]).

Во Франціи эдиктомъ 1716 г. было постановлено, что съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей могутъ привозиться колоніальные рабы, безъ того, чтобы чрезъ это они дѣлались свободными. Но когда эти формальности не соблюдались, рабъ дѣлался свободнымъ. Практика вообще стремилась ограничить примѣненіе этого эдикта. Такъ, въ 1758 г. рабъ, привезенный изъ Индостана съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей, былъ признанъ свободнымъ на томъ основаніи, что «Code noire» имѣетъ въ виду только африканскія и американскія колоніи. Въ 1791 г. 28 сентября законодательное собраніе провозгласило, что «tout individu est libre aussitot, qu'il est en France» ([2]).

Въ 1841 году представился весьма интересный случай, извѣстный подъ названіемъ «дѣла Креолки». Американскій плантаторъ отправился изъ порта Ричмондъ въ Виргиніи, въ

([1]) Wheaton, Histoire, II, 353. Broom Const. Law, p 65 Phillimore, Commentaries, I, 365.

([2]) Wheaton, Histoire, II 353. Phillimore, I p. 370.

Луизіану, на кораблѣ Креолка съ «грузомъ», состоящимъ изъ 135 невольниковъ. Въ проливѣ между полуостровомъ Флоридой и Багамскими островами рабы возмутились, убили своего хозяина, заковали капитана, ранили нѣсколько офицеровъ и направились въ англійскій портъ Нассау. Мѣстный губернаторъ заключилъ тѣхъ 19 негровъ, которые принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ, остальныхъ отпустилъ на свободу и ждалъ затѣмъ указаній изъ Лондона. Правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ требовало выдачи мятежнаго груза, но получило въ этомъ отказъ на двоякомъ основаніи: 1) рабъ, разъ ступившій на англійскую почву свободенъ, и 2) между Англіей и Америкой не было заключено конвенціи о выдачѣ преступниковъ. Невыдача нашла себѣ особенно сильнаго защитника въ лордѣ Брумѣ (Brougham) во время обсужденія этого вопроса въ верхней палатѣ. Аргументацію contra можно найти у Витона ([1]).

Кромѣ освобожденія рабовъ, ступившихъ на свободную почву, институтъ рабства порождалъ и другіе вопросы въ международныхъ отношеніяхъ, а именно: прекращеніе невольничества христіанъ въ варварскихъ владѣніяхъ сѣверной Африки и торговли неграми.

Варварійскія владѣнія издавна снаряжали даже въ мирное время крейсеровъ, которые захватывали торговыя суда христіанскихъ государствъ и обращали экипажъ ихъ въ рабство. Это было признано ихъ правомъ, такъ что европейскія государства, желая обезопасить свой торговый флотъ отъ морскаго разбоя варварійцевъ, даже обязывались въ видѣ выкупа уплачивать ежегодно извѣстную выкупную дань. Такъ, еще въ 1816 г., Сардинія и королевство Обѣихъ Сицилій заключили съ Тунисскимъ Беемъ договоръ, по которому онѣ обязались уплачивать ежегодно около 25 т. франковъ.

Противъ этого принимались неоднократно довольно рѣшительныя мѣры со стороны европейскихъ правительствъ. Такъ, особенно извѣстно бомбардированіе лордомъ Эксмутомъ Алжира въ 1816 году, при участіи голландской эскадры, при чемъ была разрушена почти половина города.

([1]) Wheaton, Hist. II, § 39 p. 343—366. Cubu Phases et causses, II, p. 434—441. Phillimore, I, 371.

Но окончательному прекращенію рабства христіанъ особенно содѣйствовало завоеваніе Алжира Франціей въ 1830 г., когда одновременно было освобождено до 500,000 христіанскихъ невольниковъ. Послѣ того Франціей были заключены договоры съ Тунисомъ и Триполи, въ силу которыхъ въ этихъ владѣніяхъ отмѣнялось совершенно рабство христіанъ, запрещалось увеличивать морскія силы и т. п. (1).

Въ Европѣ, къ концу X в. рабство исчезаетъ почти повсемѣстно. Исключеніе представляли только торговыя республики побережья Средиземнаго моря до Пиринейскаго полуострова. Въ Венеціи, поддерживаемое постоянными торговыми сношеніями съ варварійскими владѣніями, рабство сохранялось до конца XVII вѣка. На Пиренейскомъ полуостровѣ упроченію рабства содѣйствовала долгая борьба съ Маврами, которые и доставляли контингентъ рабовъ. Въ XV столѣтіи португальцы, еще до открытія Америки, положили начало торговли неграми, и примѣру ихъ скоро послѣдовали испанцы, такъ что на полуостровѣ рабство сохранялось, не прерываясь, до настоящаго времени. Начало торгу черными невольниками было положено 8-го августа 1444 года, когда варварійцы, находившіеся въ это время въ войнѣ съ Португаліей, вывезли въ Лиссабонъ, для обмѣна своихъ плѣнныхъ, 235 негровъ. Они были проданы въ частную собственность, и торговля эта съ того времени стала быстро развиваться. Но особое развитіе торговля невольниками (la traite) получила съ 1517 года, когда извѣстный филантропъ Ласъ-Казасъ, заботясь о краснокожихъ Америки, быстро вымиравшихъ отъ непосильной имъ работы, склонилъ Карла V къ тому, чтобы замѣнить ихъ черными невольниками изъ Африки. Краснокожимъ была дарована личная свобода и вскорѣ всѣ государства, имѣвшія колоніи въ новомъ свѣтѣ приняли участіе въ торговлѣ неграми. Рабство въ колоніяхъ сохранялось, какъ общее установленіе, до половины XIX вѣка. Правда, еще въ 1794 г. конвентъ уничтожилъ рабство во французскихъ колоніяхъ, но оно вновь было возстановлено Наполеономъ I. Затѣмъ, въ 1818 г. Англія приступила къ прекращенію торговли невольниками, не уничтожая самаго рабства. На вѣн-

(1) Cassy Phases et causes, II, 417—431, Phillimore, I, 344.

скомъ конгрессѣ была подписана декларація, направленная къ отмѣнѣ торговли неграми. Съ тѣхъ поръ идетъ цѣлый рядъ международныхъ соглашеній, направленныхъ къ прекращенію этой торговли, но мѣры эти не привели и не могли привести къ желанному результату, пока сохранялось самое рабство.

Сознавъ это, Англія въ 1834 г. уничтожила рабство въ колоніяхъ, съ тѣмъ однако, чтобы до 1840 г. невольники продолжали служить своимъ господамъ. Этому примѣру въ 1848 году послѣдовали Франція, Швеція, Данія, Валахія, Туниссъ. Португалія приступила къ отмѣнѣ невольничества только въ 1856 г. Было постановлено, что рождающіеся рабы съ этого времени освобождаются, по достиженіи ими 20 лѣтъ. Это постановленіе и было распространено на Мозамбикъ и Гвинею. Только въ 1858 г. оно распространено на всѣ владѣнія Португаліи, безъ исключенія, и при томъ постановлено было, что окончательное и полное уничтоженіе рабства должно совершиться къ 29 апрѣля 1878 г.

Въ Голландіи дѣло уничтоженія рабства было совершено законами 1860 и 1862 годовъ, такъ что освобожденіе совершилось въ іюлѣ 1863 года. Всѣхъ, подлежащихъ освобожденію, рабовъ было 44,645 человѣкъ, и хозяева ихъ получили выкупъ отъ 16—25 фунт. стерл. за каждаго. Въ 1865 г. совершилось освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ихъ было тамъ по цензу 1860 г. до 4,000,000. Въ Бразиліи законъ 1871 года поставилъ освобожденіе невольниковъ въ тѣ же почти условія, какъ и въ Португаліи, но только не было установлено никакого предѣльнаго срока, къ которому бы рабство должно было вовсе уничтожиться. Еще въ 1874 г. рабовъ было болѣе милліона, но въ сравненіи съ цензомъ 1850 г. это представляетъ уже уменьшеніе вдвое. Самой отсталой явилась въ этомъ дѣлѣ Испанія. Законы освобожденія рабовъ были изданы для Порторико въ 1873 году, для Кубы только въ 1880 г. На Кубѣ освобожденіе постепенное. Всѣ, вновь рождающіеся, и всѣ, достигшіе возраста 55 л. объявлены свободными непосредственно, по изданіи закона. Другіе освобождаются по постепенности ихъ возраста: старые раньше, молодые позже, окончательное же уничтоженіе рабства наступитъ въ 1890 г.

§ 25. Національность.

Признавая правоспособность за каждымъ человѣкомъ, современное международное право вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ каждаго подданнымъ какого либо государства. Оно знаетъ только суверенныя государства, а не суверенныхъ личностей. Ради поддержанія и охраны международнаго юридическаго порядка, необходимо, чтобы каждое лицо подчинялось опредѣленному правительству, несущему предъ другими государствами отвѣтственность за его дѣйствія. Поэтому въ международномъ правѣ можетъ идти рѣчь только о своихъ и чужихъ подданныхъ, членахъ своего или чужаго государства. Подчиненіе власти туземцевъ полнѣе, безусловнѣе и правительство несетъ отвѣтственность за ихъ дѣйствія предъ иностранными державами. Подчиненіе иностранцевъ не такъ полно. Оно ограничивается покровительствомъ ихъ отечественной власти, оказываемымъ имъ и во время нахожденія ихъ за предѣлами отечества. За то и отвѣтственность за ихъ дѣйствія падаетъ на ихъ отечественное правительство.

Въ виду такого различія представляется весьма важнымъ опредѣленіе національности и порядка ея измѣненія. Кто долженъ считаться подданнымъ какого либо государства, опредѣляется законодательными постановленіями отдѣльныхъ государствъ. Постановленія эти представляютъ довольно существенныя различія. Можно различить три главные ихъ типа. Самая старая система, ведущая свое начало еще отъ эпохи феодализма, территоріальная. При послѣдовательномъ ея проведеніи національность опредѣляется мѣстомъ рожденія, и притомъ исключительно такъ, что происхожденіе не принимается въ соображеніе. Всѣ родившіеся отъ кого бы то ни было, хотя бы отъ иностранцевъ, на территоріи даннаго государства, признаются его подданными. Въ чистомъ видѣ эта система теперь уже нигдѣ не примѣняется. Дольше всего она сохранялась въ Англіи, до 1870 г., и въ Соединенныхъ Штатахъ, до 1868 г. Но теперь и тамъ она значительно видоизмѣнена. Дѣти иностранцевъ, родившіеся въ Англіи, только предполагаются англичанами до совершеннолѣтія, когда имъ принадлежитъ право избрать себѣ національность или

по мѣсту рожденія, или по крови. Другая, прямо противоположная территоріальной, система французскаго законодательства (а также бельгійскаго) основывается на личномъ началѣ, на происхожденіи. Мѣсто рожденія играетъ въ ней совершенно второстепенную роль. Національность лица опредѣляется національностью его родителей. Дѣти иностранцевъ, родившіяся во Франціи, признаются поэтому иностранцами же. Имъ предоставлено только по достиженіи совершеннолѣтія потребовать, если пожелаютъ, перечисленія во французское подданство. Для этого установленъ годичный срокъ. Если онъ пропущенъ, то французское гражданство можетъ быть пріобрѣтено не иначе, какъ натурализаціей. Система эта на практикѣ оказалась также неудобною. Она повела къ образованію довольно многочисленнаго класса «иностранцевъ», въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній непокидающихъ Франціи и отличающихся отъ французовъ лишь свободой отъ воинской повинности. Въ виду этого закономъ 1874 года внесено существенное измѣненіе, приближающее французскую систему къ современной англійской. По новому закону французами признаются родившіяся во Франціи дѣти иностранцевъ, также родившихся въ ней. По достиженіи совершеннолѣтія эти лица могутъ однако французскую національность перемѣнить на національность своихъ предковъ. Третья система представляетъ примиреніе территоріальной и кровной. Подданными государства она признаетъ, кромѣ родившихся отъ туземцевъ, также родившихся въ странѣ дѣтей иностранцевъ, но только домицилированныхъ, т. е. имѣющихъ въ ней постоянное мѣсто жительства. Такая система примѣняется въ Италіи и Германіи. По идеѣ своей эта система самая лучшая. Она представляетъ надлежащее соединеніе личнаго и территоріальнаго принципа. Опредѣленіе національности по крови должно, конечно, составлять общее правило. Мѣсто рожденія, часто зависящее отъ случая, не можетъ само по себѣ порвать связи человѣка съ отечествомъ его родителей, не можетъ установить еще кровной связи съ той страной, гдѣ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ онъ увидѣлъ свѣтъ. Но, съ другой стороны, и кровь, происхожденіе не могутъ имѣть безусловнаго значенія. Если же человѣкъ не только родился, но воспитывается и остается жить въ данной странѣ, онъ дѣлается ея гражданинсмъ, каково бы ни

было его происхожденіе. Поэтому, если бы можно было найти точное разграниченіе временнаго, случайнаго пребыванія и постояннаго жительства, эта третья система не оставляла бы желать ничего лучшаго. Но практически такое разграниченіе представляетъ большія трудности. Различіе тутъ коренится собственно въ намѣреніи лица, а намѣренія всегда трудно поддаются внѣшнему распознанію и слишкомъ легко симулируются. Въ виду этого слѣдуетъ, кажется, отдать предпочтеніе системѣ, принятой новымъ англійскимъ законодательствомъ.

При такомъ различіи въ опредѣленіи законодательствъ отдѣльныхъ государствъ относительно того, кто долженъ считаться ихъ подданнымъ, въ международной практикѣ не могутъ не встрѣчаться серьезныя затрудненія. Общій принципъ, что каждый долженъ имѣть отечество, и только одно отечество, не находитъ себѣ надлежащаго осуществленія. Это можетъ быть устранено только принятіемъ государствами по общему соглашенію однѣхъ и тѣхъ же правилъ въ опредѣленіи національности. Еще больше затрудненій на практикѣ является при перемѣнѣ національности.

§ 26. Перемѣна національности.

Перемѣна національности можетъ обусловливаться тремя причинами: 1) волею самого лица, мѣняющаго національность, 2) перемѣной національности главою той семьи, къ которой принадлежитъ данное лицо, и 3) переходомъ отъ одного государства къ другому той мѣстности, гдѣ лицо живетъ.

Въ старое время произвольная перемѣна національности вовсе не допускалась, и такой взглядъ довольно долго сохранялся въ Англіи и Америкѣ, а у насъ сохраняется и до сихъ поръ.

Теперь, напротивъ, не только признается свобода мѣнять національность по своему желанію, но и вообще не допускается перемѣна національности противъ воли лица, насильная. При произвольной перемѣнѣ національности отдѣльными лицами сохраняется лишь то ограниченіе, что не допускается выходъ изъ подданства лицъ, стоящихъ на очереди отбыванія воинской повинности.

Пріобрѣтеніе новаго подданства совершается посредствомъ натурализаціи. Въ опредѣленіи вліянія перемѣны національности главою семьи на ея членовъ существуютъ двѣ противоположныя системы. Одна основывается на принципѣ личной независимости, другая на принципѣ неразрывнаго единства семьи. Первая, признавая основнымъ правиломъ, что національность человѣка не можетъ быть измѣняема помимо его воли, выводитъ отсюда то послѣдствіе, что перемѣна національности отцомъ не имѣетъ вліянія на національность жены и дѣтей, родившихся до натурализаціи. Иногда это распространяютъ даже на дѣтей, только зачатыхъ до натурализаціи. Выходъ замужъ за иностранца и по этой системѣ влечетъ за собой перемѣну національности, такъ какъ тутъ женщина знаетъ, за кого она выходитъ замужъ, и, слѣдовательно, перемѣна національности совершается не противъ ея воли. Но если уже послѣ брака мужъ мѣняетъ подданство, это не влечетъ измѣненія національности жены, ибо она могла не предвидѣть такой перемѣны.

Эта система личной автономіи, приносящая въ жертву единство семьи, признана французскимъ правомъ. Англійское и Германское право, напротивъ, дорожитъ больше единствомъ семьи. Семейныя узы самыя близкія, самыя тѣсныя, какъ могутъ онѣ соединять иностранцевъ? Единство семьи, прочность семейныхъ отношеній требуетъ, чтобы жена и дѣти были одной національности съ отцомъ. Только тѣ члены семьи, которые уже стали самостоятельными, послѣ совершеннолѣтія, могутъ не подчиняться этому правилу.

Эта вторая система, охраняя единство семьи, представляетъ однако также нѣкоторыя неудобства. Она даетъ слишкомъ большую власть мужу. Женщина, выходя замужъ, принимаетъ въ соображеніе и законы, опредѣляющіе ея личныя и имущественныя отношенія къ мужу, и въ различныхъ государствахъ весьма различные. Между тѣмъ, если отъ произвола мужа зависитъ перемѣна національности жены, онъ этимъ путемъ можетъ себѣ присвоить противъ ея воли такія права надъ ея имуществомъ, какія она вовсе не имѣла въ виду ему предоставлять. Поэтому слѣдовало-бы, кажется, перемѣну національности мужемъ допускать не иначе, какъ съ согласія жены.

*

Присоединеніе новой территоріи къ государству имѣетъ своимъ послѣдствіемъ переходъ населенія, присоединяемой мѣстности въ подданство присоединяющаго государства. Но и въ этомъ случаѣ перемѣна національности не можетъ совершиться прямо противъ воли послѣднихъ лицъ. Нежелающимъ переходить въ новое подданство предоставляется право удалиться изъ присоединяемой мѣстности и сохранить свою національность. Новѣйшая исторія знаетъ даже примѣры спрашиванія у мѣстнаго населенія согласія на присоединеніе посредствомъ общаго народнаго голосованія. Такъ было сдѣлано при присоединеніи Ниццы къ Франціи.

Самый удобный путь для опредѣленія порядка перемѣны національности есть, конечно, соглашеніе различныхъ государствъ между собою. Безъ такого соглашенія невозможно устранить случаевъ двойнаго подданства или даже безподданства. При введеніи у насъ общей воинской повинности многіе саратовскіе колонисты, не желая ей подчиняться, уволились изъ русскаго подданства и переселились въ Бразилію. Но тамъ счастье имъ не улыбнулось. Они раззорились и на послѣднія крохи воротились въ Европу, не сдѣлавшись еще бразильскими гражданами. Когда въ полной нищетѣ они явились въ Гамбургъ и Антверпенъ, возникъ вопросъ чьими подданными слѣдуетъ ихъ считать и какое правительство обязано призрѣть. Бельгія и Германія считали ихъ русскими, а наше правительство отказывало имъ въ пріемѣ. Дѣло кончилось впрочемъ тѣмъ, что мы уступили, и многіе изъ нихъ были водворены на старыя мѣста (¹).

Повтореніе подобныхъ случаевъ можетъ быть устранено только заключеніемъ конвенцій, опредѣляющихъ порядокъ экспатріаціи и натурализаціи. До сихъ поръ однако подобные договоры были заключаемы только Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Въ первый разъ они заключили договоръ объ опредѣленіи національности эмигрантовъ 22 февраля 1868 года съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ (²). Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ подобныхъ соглашеній: 26 мая 1868 г. съ Баваріей, 10 іюля съ Мексикой, 19 іюля съ Баденомъ, 27 іюля съ Вюртембергомъ, 1 августа съ Гессеномъ, 16 ноября

(¹) *Мартенсъ.* Межд. право, II, стр. 175.
(²) Staatsarchiv, Bd. XIV, s. 434, № 3299.

съ Бельгіей, 26 мая 1869 года съ Швеціей-Норвегіей, 13 мая 1870 года съ Англіей, 20 сентября 1870 г. съ Австріей и 20 іюня 1872 г. съ Даніей (¹).

Образцомъ для всѣхъ этихъ договоровъ послужилъ первый изъ нихъ съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ. Первая статья его постановляетъ, что подданные договаривающихся государствъ, переселившіеся изъ одного въ другое, тамъ натурализованные и прожившіе не менѣе 5 лѣтъ безъ перерыва должны считаться подданными натурализовавшаго ихъ государства. Въ договорѣ съ Бельгіей спеціально оговорено, что, возвратившись въ свое первоначальное отечество послѣ 5 лѣтняго пребыванія въ новомъ, они не могутъ быть привлекаемы къ отбыванію воинской повинности, за исключеніемъ того случая, если они окажутся дезертирами.

Для экспатріаціи требуется именно натурализація, а не одно только заявленіе со стороны самаго эмигранта, о намѣреніи принять новое подданство.

При возвращеніи натурализованныхъ въ другомъ государствѣ эмигрантовъ въ свое первоначальное отечество, они могутъ быть преслѣдуемы за всѣ преступленія совершенныя ими на родинѣ, если только онѣ не покрыты еще давностью, по законамъ ихъ первоначальнаго отечества, (ст. 2).

Если натурализованный въ другомъ государствѣ возвращается на родину и остается тамъ болѣе двухъ лѣтъ, онъ считается возвратившимся въ первоначальное свое подданство (ст. 4).

Циркуляромъ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ отъ 6 іюля 1868 года разъяснено, что самая эмиграція не можетъ быть поводомъ къ уголовному преслѣдованію эмигранта, возвратившагося послѣ натурализаціи и пребыванія въ Америкѣ, не менѣе 5 лѣтъ.

§ 27. Природа охраняемыхъ правъ.

Историческое развитіе международнаго общенія представляетъ намъ постепенное расширеніе круга тѣхъ правъ, на которыя распространяетъ свое дѣйствіе международная охрана.

(¹) *Bulmerinck*, Völkerrecht, § 38, s. 253. *Beach Lawrence* Commentaire, III, p. 256—260. Arch. diplom. t. XIII.

Въ старое время признавалось, что иностранцы пользуются только естественными, а не цивильными правами, въ силу чего за иностранцами не признавалось право наслѣдованія, и это воззрѣніе нашло себѣ выраженіе и во французскомъ гражданскомъ кодексѣ.

Въ настоящее время, когда отвергается и самое существованіе естественнаго права, это ограниченіе, конечно, не можетъ быть удерживаемо, и дѣйствительно, на практикѣ уже совершенно отброшено такое различіе.

Другое ограниченіе охраненія правъ иностранцевъ породило себѣ основаніе въ принципѣ территоріальности.

Охрана правъ иностранцевъ явилась первоначально въ интересахъ не международнаго общенія, а въ интересахъ отдѣльныхъ государствъ, юридическій порядокъ въ которыхъ не могъ бы быть строго поддерживаемъ, если бы иностранцы не пользовались юридической охраной. Недопустимость частнаго насилія и самоуправства въ мирномъ организованномъ общежитіи привела къ тому, что онѣ были сдерживаемы въ отношеніи ко всѣмъ безразлично, а слѣдовательно и въ отношеніи къ иностранцамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признавалось еще, что государству нѣтъ дѣла до того, что творится за его предѣлами, и потому посягательства на права иностранцевъ за предѣлами государства не вызывали преслѣдованія со стороны его органовъ.

Въ связи съ этимъ стояло и ограниченіе международной охраны однѣми частными правами. Человѣкъ, находящійся въ чужой территоріи, осуществляетъ тамъ по общему правилу только частныя права, а не публичныя. Но теперь этотъ территоріальный принципъ замѣнился принципомъ международнаго общенія, въ силу котораго государства, принадлежащія къ европейскому международному союзу, признаютъ себя солидарными въ вопросѣ поддержанія юридическаго порядка. Потому теперь одинаково охраняются нарушенія и противъ публичныхъ и противъ частныхъ правъ иностранцевъ и притомъ не только тогда, когда эти нарушенія совершаются въ предѣлахъ данной государственной территоріи, но и за ея предѣлами.

Единственнымъ исключеніемъ представляется въ настоящее время въ этомъ отношеніи лишь право авторское и аналогич-

ное съ нимъ право на исключительное употребленіе торговыхъ фирмъ, марокъ и этикетовъ.

Эти права охраняются лишь за тѣми иностранцами, съ правительствомъ которыхъ заключены особыя о томъ конвенціи.

ГЛАВА IV.

Нормы международнаго права.

§ 28. Общій обзоръ источниковъ.

Перечисленіе источниковъ международнаго права у различныхъ авторовъ представляется весьма разнообразнымъ. Особенно длинное перечисленіе находимъ у англо-американскихъ, а также и у большинства романскихъ писателей. При этомъ къ числу источниковъ международнаго права относятъ не только совершенно неизвѣстные другимъ отраслямъ, а и совершенно несоотвѣтствующіе, установившемуся въ современномъ правовѣдѣніи понятію объ источникахъ права вообще. Понятіе это чисто техническое, и имѣетъ условный, весьма опредѣленный смыслъ. Юристъ подъ источникомъ права не разумѣетъ вовсе, какъ это можно бы было заключить по этимологическому значенію слова «источникъ», причины, вызывающей существованіе права (causa efficiens) или элементовъ, образующихъ содержаніе права (causa materialis). Подъ источниками права мы разумѣемъ формы внѣшняго проявленія права, и именно такія формы, которыя служатъ доказательствомъ признанія данной юридической нормы обязательною для данной сферы ея примѣненія. Въ этомъ смыслѣ источникомъ права признается не природа человѣка или природа общества, а обычаи, законъ и дѣятельность юристовъ, какъ единственныя три формы проявленія права, служащія признакомъ признанія обязательности юридическихъ нормъ. Эти три источника всякаго права суть, конечно, единственные источники и права международнаго. Если же многіе писатели по международному праву на ряду съ обычаемъ, закономъ и дѣятельностью юристовъ указываютъ еще и другіе источники, то это объясняется частью тѣмъ, что въ теоріи международнаго права еще живутъ

устарѣлыя понятія школы естественнаго права, частью же смѣшеніемъ понятія источника права съ понятіемъ факторовъ образованія и развитія права, которыя, само собою разумѣется, весьма разнообразны.

Такъ, своего рода переживаніемъ отъ эпохи господства теоріи естественнаго права является признаніе источникомъ международнаго права «природы вещей», «разума», божественнаго закона».

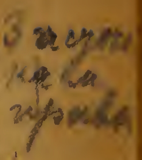
Разумъ, какъ самостоятельный источникъ международнаго права нашелъ себѣ особенно рѣшительнаго защитника въ лицѣ Бинкерсгука (ratio est juris gentum magistra), и, конечно, въ то время такой взглядъ находилъ себѣ прочную опору въ царившемъ тогда ученіи объ естественномъ правѣ, имѣющемъ разумъ своимъ источникомъ. Теперь это анахронизмъ, ненуждающійся въ подробной оцѣнкѣ. Всѣ тѣ соображенія, которыя побудили исключить разумъ изъ числа источниковъ права вообще, совершенно примѣнимы къ международному праву, и намъ остается только сослаться на нихъ.

Отнесеніе къ числу источниковъ международнаго права исторіи международныхъ сношеній, исторіи права или даже исторіи правовѣдѣнія обусловлено грубымъ смѣшеніемъ понятій. Тутъ понятіе исторіи права, въ его техническомъ значеніи, какъ формы образованія права, смѣшивается съ источникомъ нашего познанія о правѣ.

Воззрѣнія германскихъ писателей на источники международнаго права представляются болѣе правильными. Они исходятъ изъ примѣненія общей теоріи источниковъ права къ особенностямъ международнаго права, и потому ихъ взгляды имѣютъ болѣе простое и логическое основаніе. Но и въ опредѣленіи того, какимъ модификаціямъ должно подвергаться общее ученіе объ источникахъ права въ частномъ его примѣненіи къ международному праву, ихъ мнѣнія расходятся довольно существенно. Такъ многіе изъ нихъ полагаютъ, что дѣятельность юристовъ, практическая и теоретическая, не можетъ быть источникомъ международнаго права (¹). Иные не признаютъ источникомъ международнаго права и обычаи (²).

(¹) Напр. Saalfeld «Handbuch», 1833, § 2. s. f. признаетъ только два источника. Vertrage u. Gewohnheit; Моль, Энциклопедія, § 68.

(²) Напр. Гефтеръ «Европ. междунар. право», стр. 17, 1830 г.

Но къ такимъ ограниченіямъ нѣтъ основанія. Какъ показалъ обстоятельно Кальтенборнъ (¹), всѣ три общія формы образованія права находятъ себѣ примѣненіе и къ образованію международнаго права. Нормы международнаго права могутъ слагаться прежде всего путемъ долговременнаго и постояннаго ихъ соблюденія въ частныхъ случаяхъ. Опредѣленный образъ дѣйствій, соблюдаемый постоянно въ однородныхъ случаяхъ, мало по малу признается обязательнымъ для членовъ международнаго общенія. Нормы, сложившіяся этимъ путемъ, и будутъ обычно-правовыя нормы войны. Но рядомъ съ ними существуютъ и такія нормы, которыя не слагались незамѣтно, постепенно путемъ практическаго ихъ примѣненія, а напротивъ, прямо были установлены, какъ общія обязательныя правила, актомъ государственной власти—это законодательныя нормы. Въ виду того, что международное право предполагаетъ охрану интересовъ совокупною дѣятельностью нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, установленіе законодательныхъ нормъ, касающихся международныхъ отношеній, можетъ принять форму или односторонняго акта отдѣльнаго государства, опредѣляющаго, какъ оно на будущее время будетъ разрѣшать тѣ или другіе вопросы междунар. права, или же совокупнаго акта двухъ или нѣсколькихъ государствъ. Въ послѣднемъ случаѣ установленіе нормъ предполагаетъ предварительное соглашеніе государствъ между собою и потому получаетъ форму международнаго договора или трактата. Такимъ образомъ, законодательныя нормы международнаго права установляются или законодательствомъ отдѣльныхъ государствъ, или трактатами. Возможность подведенія трактатовъ, какъ частной формы, подъ общее понятіе законодательныхъ нормъ можетъ легко показаться весьма сомнительной. Процессъ изданія законовъ въ современныхъ государствахъ представляется совершенно отличнымъ отъ составленія договоровъ, и мы привыкли не соподчинять другъ другу понятіе договора понятію закона, а скорѣе противополагать ихъ. Договоръ предполагаетъ соглашеніе, законъ одностороннее велѣніе власти. Но это рѣзкое различіе закона

(¹) Kaltenborn, Kritik des Völkerrechts. 1847, 231 und s. f. См. также Бялецкаго «О значеніи международн. права» стран. 143 и слѣд.

и договора, какое представляется намъ въ современномъ государственномъ быту, далеко не есть явленіе общее. Обращаясь къ предшествующимъ стадіямъ мы найдемъ такія формы законодательной дѣятельности, которыя весьма близко подходятъ къ формѣ договорной и, такимъ образомъ, представляютъ естественный переходъ отъ договора къ закону и сближаютъ эти понятія между собою. Я имѣю въ виду средневѣковой политическій строй, когда законъ являлся результатомъ соглашенія отдѣльныхъ земскихъ чиновъ или штатовъ-дворянства, духовенства, буржуазіи и короля. Законъ, касавшійся интересовъ одного какого либо сословія, требовалъ и согласія только этого одного сословія, но законъ общій требовалъ для своего изданія соглашенія всѣхъ земскихъ чиновъ. Затѣмъ, такой законъ считался обязательнымъ только для принимавшихъ участіе въ его составленіи и потому долженъ былъ, напр., подтверждаться каждымъ новымъ государемъ. Такимъ образомъ, договорное установленіе законодательныхъ нормъ находитъ себѣ примѣры и внѣ сферы международныхъ отношеній, и не есть, слѣдовательно, что нибудь необычайное или безпримѣрное.

§ 29. Международные обычаи и судебная практика.

Условія

Для образованія *международнаго* обычая необходимо чтобы въ однородномъ долго повторяющемся образѣ дѣйствій выразилось правосознаніе не одного какого-нибудь народа, а нѣсколькихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходима общность правосознанія: иначе образуется не одинъ, а нѣсколько различныхъ обычаевъ, у каждаго народа свой. Поэтому развитіе международнаго права въ формѣ обычая находитъ себѣ наибольшее примѣненіе въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ имѣется совмѣстная дѣятельность гражданъ различныхъ государствъ, но поставленныхъ въ одинаковыя условія, занимающихся одной и той же дѣятельностью. Одинаковость условій обезпечиваетъ единство, общность правосознанія—необходимое условіе возможности установленія общаго обычая. Различная національность участвующихъ въ образованіи обычая лицъ, указывая на общность его нѣсколькимъ народамъ, придаетъ ему международный характеръ.

Эти условія полнѣе всего даны въ трехъ слѣдующихъ отрасляхъ международнаго права: въ морскомъ правѣ, въ правѣ войны и въ правѣ дипломатическихъ сношеній. Эти части международнаго права и представляютъ въ самомъ дѣлѣ наиболѣе широкое развитіе обычно-правовыхъ нормъ.

Море, находящееся въ общемъ пользованіи народовъ и не подчиняющееся ничьей исключительной власти, служитъ ареной дѣятельности представителей всевозможныхъ національностей, постоянно вступающихъ другъ съ другомъ въ различнаго рода отношенія и принадлежащихъ къ классу моряковъ и купцовъ. Такимъ образомъ тутъ даны всѣ условія для образованія международныхъ обычаевъ. И въ самомъ дѣлѣ морское международное право развивалось главнымъ образомъ путемъ обычая. Уже въ средніе вѣка (въ XII—XIV ст.), по побережью Средиземнаго моря такимъ авторитетомъ и большою популярностью пользовались сборники международныхъ морскихъ обычаевъ Roles d'Oleron и Consolato del mare. Лучшимъ средствомъ ознакомиться съ международными обычаями это изучать исторію международныхъ отношеній и особенно замѣчательные случаи, въ которыхъ выдаются какіе нибудь важные и сложные вопросы (causes célèbres). При этомъ не только случаи соблюденія извѣстнаго обычая, но и случаи нарушенія его, если только они вызвали собою единодушный протестъ европейскихъ державъ, могутъ служить доказательствомъ существованія международнаго обычая. Въ литературѣ международнаго права имѣются спеціальные сборники такихъ causes celebres, напримѣръ извѣстное изданіе барона Карла Мартенса ([1]) (главнымъ образомъ для права дипломатическаго) или, спеціально для морскаго права, изданіе Кюсси ([2]).

Судебная практика, какъ источникъ международнаго права, можетъ принимать двѣ различныя формы. Это можетъ быть или практика національныхъ судовъ или третейскихъ международныхъ судовъ. Гражданскимъ и уголовнымъ судамъ, заурядъ приходится разрѣшать вопросы международнаго права. Таковы напр. вопросы о правѣ внѣземельности, вопросы частнаго и уголовнаго международнаго права. Военнымъ судамъ прихо-

([1]) *Baron Charles de Martens,* Causes célèbres du droit des gens. 2 ed. 1858.

([2]) *Baron Ferdinand de Cussy* Phases et causes célèbres du droit maritime de nations. 1856.

дится выяснять вопросы о шпіонствѣ, о признакахъ законнаго врага, о положеніи военно-плѣнныхъ. Призовые суды имѣютъ дѣло съ правомъ морскаго нейтралитета.

Причины международныхъ третейскихъ судовъ имѣютъ гораздо меньшее значеніе уже потому, что онѣ представляютъ сравнительно весьма рѣдкое явленіе и потому определенной, устойчивой ихъ практики даже не можетъ образоваться. Къ тому же эти суды какъ третейскіе имѣютъ договорное основаніе и въ договорѣ объ установленіи третейскаго суда указываются обыкновенно и тѣ общія начала, которыми долженъ руководствоваться судъ, постановляя рѣшеніе. Поэтому источникомъ права является въ такихъ случаяхъ скорѣе этотъ договоръ, нежели приговоръ суда.

§ 30. Національное законодательство.

Подобно судебной практикѣ и прямое установленіе нормъ международнаго права законодательнымъ путемъ можетъ принимать двѣ различныя формы. Оно можетъ совершаться или посредствомъ одностороннихъ актовъ отдѣльнаго государства, или посредствомъ соглашенія нѣсколькихъ государствъ объ установленіи той или другой нормы.

Односторонніе акты отдѣльнаго государства, устанавляющіе нормы международнаго права, бываютъ различной формы. Это могутъ быть, во первыхъ, законодательные акты въ собственномъ смыслѣ слова. Законодательство отдѣльныхъ государствъ нерѣдко затрогиваетъ вопросы международнаго права въ особеости частнаго и уголовнаго международнаго права, призоваго права, права войны, и конечно для органовъ даннаго государства эти законодательныя опредѣленія имѣютъ обязательную силу.

Во вторыхъ государства иногда издаютъ особыя деклараціи, въ которыхъ опредѣляютъ какихъ именно правилъ онѣ намѣрены держаться, по тѣмъ или другимъ вопросамъ международнаго права. Такъ теперь вошло въ обычай при началѣ войны со стороны нейтральныхъ государствъ издавать такъ наз. деклараціи о нейтралитетѣ. Въ нихъ излагаются начала, признаваемыя и принимаемыя даннымъ государствомъ

въ руководство, для опредѣленія своихъ правъ и обязанностей какъ нейтральной державы.

Переходную форму отъ такихъ одностороннихъ декларацій къ международнымъ договорамъ составляютъ *коллективныя* декларацiи, т. е. тождественныя по содержанію и формѣ заявленія со стороны нѣсколькихъ государствъ. Такъ какъ текстъ такихъ тождественныхъ заявленій безусловно одинъ и тотъ же, то всѣ такія заявленія или декларацiи отдѣльныхъ государствъ разсматриваются, какъ одна коллективная декларація и повтореніе ея каждымъ новымъ государствомъ получаетъ форму *присоединенія* къ декларацiи. Коллективнымъ декларацiямъ нельзя отказать въ обязательной силѣ, какъ это думаютъ нѣкоторые писатели. Но нельзя также подводить ихъ подъ понятіе международнаго договора. Для договора необходимымъ условіемъ является соглашеніе контрагентовъ и потому вступленіе въ договоръ новыхъ участниковъ допускается не иначе, какъ съ согласія первоначальныхъ контрагентовъ. Напротивъ присоединеніе къ декларацiи совершенно свободно для всѣхъ. Всякое государство, заявивши намѣреніе руководствоваться въ своей дѣятельности началами, выраженными въ декларацiи, этимъ самымъ уже присоединяется къ ней независимо отъ согласія или несогласія другихъ присоединившихся къ ней державъ. Другое различіе договора и коллективной декларацiи заключается въ томъ, что участіе въ договорѣ каждаго изъ контрагентовъ обусловлено участіемъ другихъ контрагентовъ, такъ что отступленіе отъ договора одного изъ контрагентовъ само собой влечетъ прекращеніе силы договора и для другихъ. Присоединеніе къ коллективной декларацiи вовсе не обусловлено также участіемъ въ ней другихъ державъ. Отказъ отъ коллективной декларацiи одного или нѣсколькихъ государствъ имѣетъ значеніе только для самихъ отказавшихся и отнюдь не влечетъ за собой потери силы декларацiи и для всѣхъ другихъ.

Самый извѣстный примѣръ такой коллективной декларацiи это Парижская декларація 16 апрѣля 1856 года, касающаяся нѣкоторыхъ вопросовъ морскаго международнаго права.

Въ засѣданiи конгресса 8 апрѣля 1856 года графомъ Валевскимъ сдѣлано было предложеніе завершить работы конгресса декларацiей, которая бы содѣйствовала дальнѣйшему

развитію международнаго права. На Вестфальскомъ конгрессѣ признана свобода совѣсти, на Вѣнскомъ уничтоженіе торга невольниками и свобода рѣчнаго судоходства. Было бы вполнѣ достойно Парижскаго конгресса установить начала однообразнаго права морскаго нейтралитета, а именно признать:

1) что каперство уничтожается;

2) что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ за изъятіемъ военной контрабанды;

3) что нейтральный грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды, неприкосновененъ и подъ непріятельскимъ флагомъ;

4) что блокада обязательна только дѣйствительная.

Хотя члены конгресса не имѣли полномочій для принятія такой деклараціи, но всѣ выразили сочувствіе этой мысли и подлежащія полномочія вскорѣ были испрошены. Черезъ недѣлю, 16 апрѣля, декларація была подписана представителями всѣхъ семи державъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ (Россія, Франція, Англія, Австрія, Пруссія, Турція, Сардинія). Содержаніе деклараціи было постановлено считать *нераздѣльнымъ*, такъ что отказъ отъ одной изъ ея статей долженъ влечь за собою непримѣненіе и всѣхъ остальныхъ.

§ 31. Международные договоры.

Самымъ важнымъ источникомъ международнаго права служатъ международные договоры. Тѣмъ не менѣе въ литературѣ международнаго права не установилось еще вполнѣ яснаго и согласнаго пониманія юридической природы международныхъ договоровъ. Всѣ признаютъ ихъ источникомъ международнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваютъ ихъ какъ юридическія сдѣлки, по аналогіи съ договорами гражданскаго права, видятъ въ нихъ основаніе международныхъ обязательствъ. Между тѣмъ понятія источника права и юридической сдѣлки не только совершенно различныя, но и взаимно исключающія понятія. Юридическая сдѣлка тѣмъ и отличается отъ источниковъ права, что установляетъ только субъективныя права на основаніи существующихъ юридическихъ нормъ. Право въ объективномъ смыслѣ не можетъ создаваться юридическими сдѣлками. Внѣ международнаго права нигдѣ конечно въ современной юридической литературѣ

не найти смѣшенія понятій закона, и сдѣлки. Если же то, что называютъ международными договорами, частью представляетъ собою источникъ юридическихъ нормъ, частью юридическую сдѣлку, то значитъ тутъ однимъ именемъ обозначаются совершенно разнородныя понятія, которыя необходимо разъединить и обозначить различными терминами.

Мы относимъ международные договоры къ источникамъ права, а не къ числу юридическихъ сдѣлокъ и постараемся доказать, что *всѣ* международные договоры установляютъ право въ объективномъ смыслѣ.

Всѣ международные договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ одной изъ нихъ мы отнесемъ договоры, не относящіеся къ какому нибудь отдѣльному случаю, а установляющіе только общія правила для совмѣстной дѣятельности государствъ. Примѣромъ договоровъ этой категоріи могутъ служить торговые договоры, конвенціи почтовыя, консульскія, литературныя и т. п. Содержаніе такихъ договоровъ сводится всецѣло къ установленію извѣстныхъ юридическихъ нормъ. Они отличаются отъ законовъ только договорнымъ порядкомъ составленія, а не содержаніемъ. Другую группу составляютъ договоры, относящіеся къ какому нибудь отдѣльному случаю, напр. къ уступкѣ извѣстной части территоріи, къ признанію вновь образовавшагося государства, къ принятію обязательства уплатить извѣстную сумму и т. п. Относительно такихъ договоровъ дѣйствительно можетъ явиться сомнѣніе, чѣмъ считать ихъ: источникомъ юридическихъ нормъ или юридической сдѣлкой. Однако внимательное разсмотрѣніе природы этихъ договоровъ приводитъ къ признанію и ихъ источникомъ права, а не юридической сдѣлкой.

Всякій международный договоръ заключается государствомъ, не какъ подзаконною юридической личностью, могущей пріобрѣтать права только на основаніи уже существующихъ юридическихъ нормъ и въ установленныхъ ими предѣлахъ, а какъ властью творящею право своими велѣніями. Поэтому о чемъ бы ни былъ государствомъ заключенъ международный договоръ и каково бы ни было его содержаніе, имъ создается обязательная норма, или общая или на частный случай. Законодательный актъ, установляющій не общее правило, а привиллегію, не дѣлается отъ этого юридической сдѣлкой,

не перестаетъ быть закономъ. Характерное внѣшнее отличіе юридической сдѣлки въ томъ, что она имѣетъ силу лишь въ предѣлахъ закона и потому не можетъ установлять что либо противное существующимъ законамъ. Законъ же, хотя бы установлялъ и частное правило, лишаетъ силы противорѣчащія ему постановленія прежде изданныхъ законовъ. Въ совершенно такія же условія ставится и международный договоръ, хотя бы относился и къ частному случаю. Будучи актомъ верховной власти, международный договоръ имѣетъ безусловную силу, хотя бы и противорѣчилъ въ чемъ либо прежде изданнымъ законамъ. Къ тому же частный характеръ постановленій международныхъ договоровъ только кажущійся. Такъ уступка части территоріи знаменуетъ собою подчиненіе ея другой государственной власти, распространеніе на нее дѣйствія органовъ этой власти и изданныхъ ею законовъ, другими словами: измѣненіе въ уступленной территоріи всего юридическаго порядка. Тутъ очевидно дѣло не въ установленіи отдѣльнаго «частнаго» правила. Принятіе государствомъ обязанности уплатить другому извѣстную сумму денегъ влечетъ за собою включеніе въ бюджетъ новой расходной статьи и нерѣдко изысканіе и установленіе новыхъ источниковъ дохода. Между тѣмъ государственный бюджетъ есть законодательный актъ, а не подзаконная юридическая сдѣлка.

Итакъ каждый международный договоръ есть не юридическая сдѣлка, обсуждаемая на основаніи существующихъ юридическихъ нормъ, а актъ верховной власти, самостоятельно установляющій новыя юридическія нормы. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ международные договоры заключаются государствомъ не въ качествѣ казны, какъ субъекта частныхъ правъ, стоящаго подъ закономъ, а въ качествѣ верховной власти самостоятельно творящей право.

Если международные договоры суть источники права въ объективномъ смыслѣ, то и всѣ частные вопросы теоріи международныхъ договоровъ должны разрѣшаться не на основаніи ученія гражданскаго права объ юридическихъ сдѣлкахъ, а на основаніи общаго ученія объ источникахъ права.

Такъ какъ международные договоры суть источники юридическихъ нормъ, то само собой слѣдуетъ, что заключать ихъ могутъ только государства и только между собой. Ни частныя

лица, ни другія формы общежитія не могутъ быть субъектами международныхъ договоровъ. Вступая въ договоръ съ другимъ такимъ же независимымъ государствомъ, государство дѣйствуетъ какъ верховная правотворящая власть, а при этомъ лишь условіи заключенный договоръ можетъ творить право въ объективномъ смыслѣ. Напротивъ, при заключеніи договора съ частнымъ лицомъ, государство по необходимости приравниваетъ себя къ нему, становится съ нимъ на одну почву, и потому дѣйствуетъ уже не какъ публичная власть, а какъ казна, также подчиняясь существующимъ законамъ, какъ и его контрагентъ,— частное лицо. Договоръ всегда предполагаетъ извѣстное равенство и по крайней мѣрѣ взаимную независимость контрагентовъ. Немыслимъ договоръ между властью и подвластными какъ таковыми. Между ними возможны только повелѣніе и повиновеніе. А такъ какъ подданный не можетъ возвыситься до суверенитета, то государство само снисходитъ до подданнаго, дѣйствуя въ договорѣ съ нимъ не какъ власть, а какъ подзаконная юридическая личность. Но, поставивъ себя въ такое положеніе, государство уже не можетъ творить юридическихъ нормъ, а заключаетъ только юридическія сдѣлки. Поэтому субъектами международныхъ договоровъ, какъ источниковъ права, могутъ быть только государства.

Этому выводу вовсе не противорѣчитъ существованіе т. н. *конкордатовъ*, т. е. договоровъ государствъ съ папою, какъ главою римско-католической церкви, относительно опредѣленія юридическаго положенія въ данномъ государствѣ католическаго духовенства и порядка его сношеній съ папою. Эти договоры, заключаемые не съ государствомъ, а съ главою церкви, заключаются однако тѣмъ же самымъ порядкомъ и въ той же самой формѣ, какъ и международные договоры. Но это объясняется тѣмъ, что конкордаты возникли въ то время, когда папа былъ вмѣстѣ и свѣтскимъ государемъ. Папа естественно соблюдалъ однѣ и тѣже формы, сносясь съ иностранными государями, и какъ свѣтскій государь, и какъ папа. Но по содержанію своему конкордаты не могутъ быть признаны международными договорами. Они суть источники церковнаго, а не международнаго права.

Съ другой стороны, для заключенія международныхъ договоровъ не требуется полной независимости. Государства,

входящія въ составъ союзнаго государства и такъ называемыя полунезависимыя государства также могутъ заключать ихъ, если этому не препятствуетъ ихъ конституція. Такъ, швейцарскіе кантоны могутъ вступать въ отдѣльныя соглашенія, помимо союза, съ иностранными правительствами по вопросамъ, вытекающимъ изъ смежности ихъ территорій. Точно также можно указать не одинъ примѣръ заключеній международныхъ договоровъ, государствами полунезависимыми, именно вассальными по отношенію къ Турціи. И въ этомъ едва ли можно видѣть противорѣчіе принципамъ. Насколько за государствомъ сохраняется самостоятельная законодательная власть, нѣтъ причины, почему бы оно въ этихъ границахъ не могло заключать и международные договоры, представляющіеся лишь частной формой творчества права.

Конституціями отдѣльныхъ государствъ постановляется, кто именно обладаетъ правомъ заключать отъ ихъ имени договоры. Обыкновенно это право предоставляется главѣ правительства. Въ представительныхъ государствахъ требуется въ большей или меньшей степени соучастіе парламента. Но это уже вопросъ государственнаго права.

Заключенію договора предшествуютъ переговоры, ведущіеся обыкновенно уполномоченными къ тому дипломатическими агентами. Они же, естественно, и редижируютъ договоръ, какъ онъ будетъ установленъ въ теченіи переговоровъ и подписываютъ обоюдно принятую редакцію. Но окончательную силу договоры получаютъ только послѣ утвержденія ихъ договаривающимися правительствами. Это утвержденіе носитъ названіе *ратификаціи*.

Перенося въ международное право начала, относящіяся къ ученію о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ, многіе писатели утверждаютъ, что разъ отъ имени правительства представитель его заключилъ и подписалъ трактатъ, этимъ самымъ договоръ долженъ считаться заключеннымъ окончательно и потому въ ратификаціи не можетъ быть отказано; правительства обязаны ратификовать договоръ. Исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, когда лица заключавшія договоръ превысили при этомъ данныя имъ полномочія. При этомъ предположеніи договоръ долженъ быть признанъ заключеннымъ безъ надлежащаго полномочія и потому для пра-

вительства не обязательнымъ. Но въ такомъ случаѣ ратификація не имѣла бы смысла. Въ гражданскихъ отношеніяхъ сдѣлки, заключенныя представителемъ, дѣйствительно, прямо и непосредственно обязываютъ представляемаго, который дѣйствительно не можетъ отказаться отъ того, что сдѣлано его представителемъ въ предѣлахъ данныхъ ему полномочій. Но въ гражданскихъ отношеніяхъ по этому самому и нѣтъ ничего, подобнаго ратификаціи. Договоръ, заключенный представителемъ прямо и непосредственно установляетъ права и обязанности для представляемаго. Требованіе ратификаціи представляетъ особенность международныхъ отношеній, и потому значеніе ратификаціи не можетъ быть опредѣляемо по началамъ представительства въ гражданскомъ правѣ. Ратификація скорѣе можетъ быть приравниваема къ санкціи, осуществляемой при изданіи законовъ. Какъ глава государства можетъ отказать въ санкціи законопроэктовъ, внесенныхъ по его собственному почину, такъ нельзя стѣснять его и въ осуществленіи его права на ратификацію. Если бы онъ не былъ свободенъ отказать въ ратификаціи, то она потеряла бы всякое значеніе, обратившись въ простую формальность. Какой смыслъ должно было бы тогда сохранять требованіе ратификаціи?

На практикѣ всегда признавалось право отказать въ ратификаціи договора, хотя бы заключеннаго и безъ превышенія договаривавшимися агентами предѣловъ полномочій и не трудно понять всю практическую необходимость такого права. Со времени дачи представителямъ, заключающимъ договоръ, полномочій до момента ратификаціи могутъ совершиться весьма существенныя перемѣны въ политическихъ условіяхъ. Министерство, давшее полномочія, можетъ пасть и замѣниться другимъ и притомъ причиной паденія его могутъ быть именно эти самыя полномочія и выразившіеся въ нихъ взгляды на внѣшнюю политику. Могутъ произойти перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ договаривающихся державъ, дѣлающія невозможнымъ утвержденіе договора, представлявшагося прежде весьма желательнымъ. Могутъ наконецъ просто измѣниться взгляды и намѣренія правительства, и нельзя же заставлять его поступать вопреки убѣжденію.

Вопросъ о силѣ международныхъ договоровъ обсуждается

обыкновенно также по началамъ гражданскаго права, и это приводитъ къ неразрѣшимымъ самопротиворѣчіямъ. Уподобляя международные договоры договорамъ гражданскимъ, выставляютъ, какъ основное положеніе, что международный договоръ можетъ быть уничтоженъ не иначе, какъ по соглашенію заключавшихъ его сторонъ, такъ что ни одна изъ сторонъ не можетъ безъ согласія другихъ отступиться отъ дальнѣйшаго исполненія договора. Какъ для заключенія договора необходимо общее согласіе, такъ и для его уничтоженія. Поэтому, хотя бы только одна изъ многихъ сторонъ, участвующихъ въ договорѣ, не соглашалась на его уничтоженіе, всѣ остальныя должны ей въ этомъ подчиниться.

Не трудно сообразить, что проведеніе этого начала на практикѣ въ отношеніи международныхъ договоровъ представляетъ серьезныя затрудненія. Гражданскіе договоры никогда не установляютъ вѣчной связи. Многіе изъ нихъ обязательно срочны, напр. въ наймѣ, какъ личномъ, такъ и имущественномъ, срокъ составляетъ его существенную принадлежность. Другіе по самому существу своему скоропреходящи, какъ напр. купля—продажа. Всѣ вообще договоры, установляющіе личныя обязательства, находятъ себѣ крайній предѣлъ существованія въ смерти контрагентовъ. Лишь весьма немногіе договоры гражданскіе могутъ поэтому представляться вполнѣ безсрочными. Таковъ, напр., вещный договоръ, установляющій реальный сервитутъ. Но и такой договоръ можетъ быть уничтоженъ помимо согласія сторонъ, именно вмѣшательствомъ правительственной власти. Устарѣлые стѣснительные сервитуты постоянно уничтожаютъ путемъ принудительнаго ихъ выкупа.

Обращаясь къ договорамъ международнымъ, мы видимъ совершенно другое. За исключеніемъ прямо заключенныхъ на опредѣленный срокъ и установляющихъ разомъ осуществляемое обязательство, всѣ другіе международные договоры по необходимости явятся вѣчными, если признать, что они могутъ быть уничтожаемы не иначе, какъ съ согласія сторонъ. Государства не имѣютъ предѣльной нормы продолжительности ихъ существованія. Онѣ не знаютъ естественной смерти, да и насильственной смертью онѣ бы не могли никогда погибнуть, если бы договоры международные свято соблюдались. Вѣдь

нѣтъ такого государства, которое не заключало бы съ другими договоры о вѣчной съ ними дружбѣ и мирѣ. Точно также нѣтъ надъ государствами и власти, которая бы могла потребовать принудительный выкупъ стѣснительныхъ обязательствъ, являющихся наслѣдіемъ далекаго прошлаго и представляющихся въ настоящемъ ни съ чѣмъ несообразнымъ анахронизмомъ.

При такихъ условіяхъ всякое безсрочное соглашеніе превратилось бы въ вѣчное, если уничтоженіе его зависѣло бы отъ согласія всѣхъ контрагентовъ. И чѣмъ стѣснительнѣе, несообразнѣе оказывались бы установленныя договоромъ отношенія для одной изъ сторонъ, тѣмъ большій интересъ былъ бы у другой не давать своего согласія на его уничтоженіе. Отсталыя, реакціонныя государства получили бы власть задерживать развитіе прогрессивныхъ. Ошибки, неумѣлость, своекорыстіе прежнихъ правителей дѣлались бы для государства вѣчнымъ проклятіемъ, неизлечимымъ наслѣдственнымъ недугомъ. Словомъ, каждый заключаемый международный договоръ грозилъ бы опасностью сдѣлаться причиной тяжкаго и неустранимаго ига.

Понятно, что международная жизнь не могла допустить такихъ выводовъ, не могла допустить, хотя бы и во имя святости договоровъ, увѣковѣченья безсмысленныхъ анахронизмовъ. И на практикѣ установленныя договорами нормы отмѣнялись заурядъ односторонней волей одного изъ контрагентовъ, разъ нельзя добиться согласія другаго. Да и сами публицисты, допускающіе уничтоженіе международныхъ договоровъ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія сторонъ, не могутъ не признать во многихъ случаяхъ такое одностороннее уничтоженіе вполнѣ справедливымъ и во всякомъ случаѣ не могутъ отрицать факта постояннаго повторенія такихъ случаевъ. Но какъ сдѣлаться съ основнымъ, выставляемымъ ими, положеніемъ, что договоръ уничтожается лишь обоюднымъ соглашеніемъ сторонъ? Для этого прибѣгаютъ къ ученію о такъ называемой clausula rebus sic stantibus. Говорятъ, что, при заключеніи каждаго международнаго договора, предполагается, какъ сама собою разумѣющаяся, оговорка, что заключаемый договоръ сохраняетъ силу лишь при неизмѣняющемся положеніи вещей, лишь до тѣхъ поръ, пока обстоятельства

остаются тѣ же, какія были въ моментъ его заключенія. Неизмѣняемость даннаго положенія вещей является, такимъ образомъ, общимъ резолютивнымъ условіемъ всѣхъ международныхъ договоровъ. Но такъ какъ международная жизнь европейскихъ государствъ не знаетъ застоя, а постоянно прогрессируетъ, то и ихъ отношенія постоянно мѣняются. Поэтому на практикѣ принятіе этого ученія о clausula rebus sic stantibus дѣлаетъ «святость» договоровъ пустымъ призракомъ, ничего незначущей фразой. Любой международный договоръ, въ любое время, можно, опираясь на clausula rebus sic stantibus, признать утратившимъ силу.

Но это, значитъ, заходить уже слишкомъ далеко. Договоры срочные и установляющіе разомъ осуществляемое обязательство, напр. уплату извѣстной суммы денегъ, не могутъ повести къ установленію вѣчнаго ярма. Они имѣютъ извѣстный предѣлъ своего существованія, они не могутъ не уничтожиться. Поэтому въ отношеніи къ нимъ недопущеніе односторонняго отказа не представляется вовсе несогласимымъ съ природою международныхъ отношеній. И на практикѣ къ такимъ договорамъ clausula rebus sic stantibus отнюдь не примѣняется, какъ это напр. было признано Англіей въ отношеніи къ Россіи во время Крымской кампаніи по вопросу о русско-голландскомъ займѣ. Мы избѣгнемъ всѣхъ этихъ затрудненій, если признаемъ, что безсрочные договоры, такъ же, какъ и безсрочные законы, могутъ быть отмѣняемы во всякое время и притомъ безъ необходимости для того взаимнаго согласія всѣхъ контрагентовъ. Этимъ вовсе не подрывается прочность и опредѣленность международнаго юридическаго порядка. Признается только, что вѣчнаго въ правѣ ничего быть не можетъ и что упорство какого нибудь одного изъ контрагентовъ не можетъ служить причиной задержки прогрессивнаго развитія государственной жизни другихъ контрагентовъ. Во всякомъ случаѣ справедливѣе допустить, чтобы каждый контрагентъ могъ свободно отказываться отъ дальнѣйшаго признанія договора для себя обязательнымъ, нежели чтобы каждый, также въ отдѣльности, также по произволу ничѣмъ неконтролируемому, могъ навязывать сохраненіе безсрочнаго договора всѣмъ остальнымъ контрагентамъ.

Но, съ другой стороны, слѣдуетъ требовать, чтобы отказу

отъ дальнѣйшаго соблюденія договора не придавалось обратной силы. Другими словами до заявленія государства о томъ, что оно не признаетъ болѣе для себя обязательнымъ, постановленія договора примѣняются безусловно, хотя вопросъ объ ихъ примѣненіи къ фактамъ, предшествующимъ отказу, возникъ и послѣ отказа. Словомъ, тутъ слѣдуетъ прилагать то же правило, какимъ опредѣляется дѣйствіе закона. Законъ можетъ быть во всякое время отмѣненъ, но отмѣна его не имѣетъ обратной силы.

Сообразно съ тѣмъ какого взгляда мы будемъ держаться относительно опредѣленія силы договоровъ, будетъ различно рѣшаться и вопросъ о соотношеніи договоровъ, слѣдующихъ другъ за другомъ во времени. Недопускающіе односторонняго отступленія отъ договора признаютъ, что, въ случаѣ противорѣчія новаго договора старому, новый отмѣняетъ старый лишь при томъ условіи, когда оба они заключены одними и тѣми же государствами. Въ противномъ случаѣ, напротивъ, старый обезсиливаетъ всѣ противорѣчащія ему постановленія новаго.

Въ современной международной практикѣ уже сознана несостоятельность ученія о вѣчной силѣ договоровъ и потому все болѣе входитъ въ обычай заключать договоръ на опредѣленный срокъ, съ указаніемъ при томъ и того, за сколько времени до истеченія срока договора должны быть дѣлаемы заявленія о желаніи прекратить его дѣйствіе или продолжить на новый срокъ. Это конечно единственный практическій способъ придать дѣйствію международныхъ договоровъ строгую опредѣленность. Такъ напр. въ Лондонскомъ трактатѣ 10 марта 1883 года, относительно судоходства по Дунаю, постановлено, что такъ наз. Европейская коммиссія сохраняется еще 21 г. Но если за годъ до истеченія этого срока ни однимъ изъ контрагентовъ не будетъ заявлено желаніе измѣнить ея организацію или условія дѣятельности, существованіе ея продолжится еще на три года; если такого заявленія не будетъ сдѣлано за годъ до истеченія этого новаго срока, существованіе коммиссіи продолжается еще три года и т. д.

Съ моей же точки зрѣнія правило тутъ всегда одно и то же: какъ новый законъ всегда отмѣняетъ старый, такъ и новый договоръ—старый договоръ, безразлично, тѣ же ли самые контрагенты въ немъ участвуютъ или нѣтъ.

Дѣйствительное исполненіе международныхъ договоровъ иногда обезпечивается особыми средствами. Въ старое время къ нимъ примѣнялись всѣ тѣ способы обезпеченія, какія практикуются и въ гражданскомъ оборотѣ: присяга, поручительство, залогъ и, кромѣ того, военное занятіе территоріи и дача заложниковъ. Въ настоящее время практикуется только поручительство (гарантія) единичное или коллективное, и военное занятіе территоріи государства, до исполненія принятаго имъ на себя обязательства. Такъ ст. 3 Версальскаго мирнаго договора, 26 февраля 1871 г., между Франціей и Германіей устанавляетъ, какъ средство обезпеченія дѣйствительной уплаты контрибуціи, военное занятіе нѣсколькихъ департаментовъ Франціи нѣмецкими войсками.

Международные трактаты представляются чрезвычайно разнообразными по своему содержанію и по своей формѣ. Потому излагатели международнаго права стараются такъ или иначе классифицировать ихъ, раздѣлить по однороднымъ группамъ.

Гуго Гроцій, исходя изъ общаго своего ученія о соотношеніи естественнаго и международнаго права, различалъ международные трактаты двоякаго рода, смотря по тому, провозглашаетъ ли трактатъ только начала естественнаго права, подтверждая, вытекающія изъ естественнаго права, права и обязанности, или же, напротивъ, установляетъ нѣчто новое, добавляя велѣнія естественнаго права. Это дѣленіе принимается вообще тѣми писателями, которые признаютъ естественное право. Но понятно, что писатели, держащіеся положительнаго направленія, эту классификацію принять не могутъ и стараются замѣнить ее другою. Такъ, F. G. Martens, Klüber, Кальво дѣлятъ международные трактаты на преходящіе (transitoires), постоянные (permanentes) и смѣшанные (mixtes). Однако постоянство и преходимость признаки столь неопредѣленные, что на нихъ трудно основать и опредѣленную, ясную, отчетливую классификацію.

Ф. Ф. Мартенсъ дѣлитъ договоры на политическіе и соціальные, утверждая, что эти двѣ категоріи имѣютъ точно опредѣленный и вполнѣ отличный характеръ. Однако онъ самъ даже и не пытается дать общаго опредѣленія политическихъ и соціальныхъ договоровъ, а ограничивается лишь указаніемъ примѣровъ, въ которыхъ также не замѣтно точной опредѣлен-

ности. Почему, напр., договоры о правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи открытаго моря—политическіе, а о судоходствѣ и мореплаваніи—соціальные? Какая же между ними разница? Нельзя къ тому же, чтобы понятія политическій и соціальный были вполнѣ различны. Вѣдь соціальный — это родовое понятіе, а политическій—видовое.

Болѣе удачной представляется классификація выставленная Геффтеромъ. Онъ дѣлитъ трактаты на: 1) Соглашенія конститутивныя (установительныя), имѣющія своимъ предметомъ или установленіе вещнаго права на чужую вещь, или какое нибудь обязательство дать, сдѣлать или не сдѣлать. 2) Соглашенія регламентирующія (опредѣлительныя) политическія и соціальныя отношенія народовъ и ихъ правительствъ, и 3) трактаты союзные (traités de société). Эта классификація можетъ быть принята, но съ однимъ только измѣненіемъ. Союзные трактаты не могутъ быть признаны отдѣльнымъ видомъ трактатовъ наравнѣ съ конститутивными и регламентирующими. Тѣ трактаты, которые Геффтеръ относитъ къ трактатамъ союзнымъ, въ дѣйствительности частью установляютъ права, частью регламентируютъ отношенія. Такъ, договоръ объ оборонительномъ союзѣ, очевидно, установляетъ обязательство *дѣлать*; договоры, направленные къ признанію нейтралитета какой нибудь территоріи—обязательство *не дѣлать*; договоры о прекращеніи пиратства или торговли неграми—регламентируютъ отношенія.

Поэтому слѣдуетъ принять двойное дѣленіе, не признавая союзные трактаты за особый видъ трактатовъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить всѣ трактаты на 2 группы.

1) *Конститутивные*, имѣющіе своимъ предметомъ установленіе юридическихъ нормъ для отдѣльныхъ частныхъ случаевъ. Таковы трактаты объ уступкѣ части территоріи, объ опредѣленіи границъ, о признаніи территоріи нейтральною, о признаніи самостоятельности отдѣлившейся части государства, о признаніи новаго правительства, объ установленіи международныхъ сервитутовъ, объ обязательствѣ уплатить контрибуцію или иное вознагражденіе за причиненный вредъ; союзы для общей обороны или войны, мирные трактаты и

2) *Регламентирующіе*, имѣющіе цѣлью нормированіе цѣлаго ряда однородныхъ отношеній. Таковы трактаты торговые, о вывозѣ, о ввозѣ, о транзитѣ, о таможенныхъ тарифахъ, о карантинахъ, о рыбной ловлѣ, о каботажной торговлѣ, о консулахъ, о почтахъ и телеграфахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, объ исполненіи судебныхъ приговоровъ, о выдачѣ преступниковъ, о литературной и художественной собственности, о собственности на торговыя марки и этикеты, объ единствѣ мѣръ, о нейтралитетѣ санитарнаго корпуса, о неупотребленіи извѣстнаго оружія, о положеніи плѣнныхъ, о нейтральной торговлѣ, о призахъ.

Трактаты конститутивные соотвѣтствуютъ частнымъ постановленіямъ законодательной власти, частнымъ билямъ, сепаратнымъ указамъ. Они не установляютъ юридической нормы какъ общаго правила. Они направлены непосредственно на регулированіе отдѣльнаго конкретнаго отношенія. Такъ, соглашеніе о взаимной выдачѣ всѣхъ вообще преступниковъ— есть договоръ. регламентирующій; но соглашеніе о выдачѣ одного опредѣленнаго преступника между государствами, до того несвязанными обязанностью взаимной выдачи преступниковъ, будетъ договоромъ конститутивнымъ.

Напротивъ, трактаты регламентирующіе установляютъ общія нормы для всѣхъ однородныхъ отношеній. Трактаты регламентирующіе соотвѣтствуютъ по этому собственно законамъ, т. е. общимъ постановленіямъ законодательной власти.

Принимая эту классификацію, мы должны однако оговориться, что значеніе ея исключительно теоретическое. Практическаго значенія она не имѣетъ, такъ какъ всѣ трактаты безразлично имѣютъ одинаковую силу и значеніе.

Форма. Тоже самое должно сказать и относительно формъ международныхъ договоровъ. Хотя практика выработала извѣстное однообразіе въ формахъ международныхъ договоровъ, но соблюденіе обычной формы не обязательно и не обусловливаетъ собою силы договора. Точно также между различіемъ содержанія договоровъ и различіемъ ихъ формъ нѣтъ строгаго, обязательно соблюдаемаго, соотвѣтствія.

Различны формы международныхъ договоровъ, по большей или меньшей торжественности и сложности; въ новѣйшей практикѣ замѣтно вообще предпочтеніе болѣе простыхъ формъ.

Наиболѣе торжественная форма начинается со словъ «Во имя Бога Всемогущаго» и затѣмъ идетъ изложеніе мотивовъ, побудившихъ державы заключить данный договоръ, наименованіе назначенныхъ ими уполномоченныхъ и упоминаніе о томъ, что онѣ согласились между собой о нижеизложенномъ въ отдѣльныхъ статьяхъ. Иногда это введеніе сокращается, такъ что пропускается религіозная формула, или перечень уполномоченныхъ, или изложеніе мотивовъ, такъ что только говорится, что договаривающіяся державы согласились между собой о слѣдующемъ. Иногда и такого краткаго введенія нѣтъ и договоръ прямо начинается съ отдѣльныхъ статей.

§ 32. Кодификація.

Разнообразіе разсмотрѣнныхъ нами источниковъ международнаго права крайне затрудняетъ и изученіе и практическое примѣненіе его. Выражающееся въ массѣ разрозненныхъ обычаевъ, договоровъ, законовъ, приговоровъ судовъ различныхъ государствъ и сочиненіяхъ авторовъ различныхъ національностей, международное право представляетъ матеріалъ, крайне трудно поддающійся разработкѣ и усвоенію.

Границы примѣнимости и даже самое существованіе какого либо правила, какъ обязательной нормы современнаго международнаго права, могутъ быть установлены лишь послѣ долгаго и кропотливаго изученія отдѣльныхъ источниковъ. Въ виду этого, конечно, понятенъ тотъ успѣхъ, какой въ послѣднее время получила мысль о кодификаціи международнаго права. Не слѣдуетъ только преувеличивать значеніе кодификаціи, какъ это дѣлается многими ея защитниками, что только ослабляетъ ихъ аргументы. Кодификація вообще, а международнаго права въ особенности, ничего не можетъ сдѣлать новаго; она только выясняетъ, опредѣляетъ точнѣе уже существующее право или, по крайней мѣрѣ, уже подготовленное, наспѣвшее. Она не можетъ дать международному праву новую большую силу, какъ не даетъ ея и законамъ, дѣйствующимъ внутри отдѣльныхъ государствъ. Кодификація можетъ только сообщить праву большую опредѣленность и сдѣлать болѣе удобнымъ его практическое примѣненіе.

Соотвѣтственно различію источниковъ международнаго права, кодификація его можетъ имѣть троякую форму: 1) форму доктринарной кодификаціи, совершаемой учеными юристами и имѣющей за собою только авторитетъ науки; 2) законодательной кодификаціи, совершаемой одностороннимъ актомъ отдѣльныхъ государствъ; и 3) международной кодификаціи совершаемой по соглашенію нѣсколькихъ государствъ.

Первой попыткой доктринарной кодификаціи международнаго права является трудъ итальянскаго писателя Парадо ([1]) 1851 г., по своему содержанію относящійся главнымъ образомъ къ частному международному праву, неотличающійся ни полнотою, ни систематичностью. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе удачный трудъ Доминъ-Петрушевича ([2]) 1861 г. Авторъ задался цѣлью при составленіи своего проэкта прежде всего строго отдѣлять вопросы права отъ вопросовъ политики. Онъ справедливо полагаетъ, что такое отдѣленіе есть первое условіе возможности соглашенія государствъ относительно началъ международнаго права. Проэктъ раздѣляется на двѣ части: публичное и частное международное право, а затѣмъ, каждая изъ нихъ также дѣлится на двѣ. Публичное право подраздѣляется на право мира и войны, а частное—на гражданское и уголовное. Всѣхъ статей въ проэктѣ 236, и многія изъ нихъ отличаются большою точностью формулировки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проэктъ не отличается достаточной полнотою опредѣленій. Гораздо болѣе богатый матеріалъ представляютъ кодексы, составленные Блунчли ([3]) въ 1868 г. и Дудлеемъ-Фильдомъ ([4]) въ 1872 г. Блунчли составилъ свой кодексъ, побужденный предстоявшей войной и примѣромъ Либеровскихъ инструкцій, которыми онъ значительно воспользовался. Весь кодексъ дѣлится на 9 частей, изъ нихъ двѣ послѣднія содержатъ право войны и право нейтралитета. Существенный недостатокъ труда Блунчли заключается въ томъ, что онъ ввелъ въ него на ряду съ дѣйствительно установившимися

([1]) Augusto Parado, Saggio di codificatione de diritto internazionale, Turin 1851.

([2]) Domin Petruschevicz. Précis d'un Code du droit international, Leipzig, 1861.

([3]) Bluntschli: Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten, als Rechtsbuch, dargestellt. Есть русскій переводъ подъ редакціею профессора графа Комаровскаго. Право войны отдѣльно было издано еще въ 1866 году.

([4]) Dudley Field: Outlines of an international Code, 1872, 2, 1875.

началами международнаго права и такія, которыя представляются лишь желательными съ точки зрѣнія самого автора. Поэтому кодексъ является переполненнымъ всякаго рода благими пожеланіями, добрыми совѣтами, субъективными соображеніями (1). Подобный упрекъ, хотя и въ меньшей степени, можно сдѣлать и Дудлею-Фильду, такъ какъ и онъ не ограничивается строго сведеніемъ воедино дѣйствующаго международнаго права, а включаетъ въ кодексъ много новыхъ началъ. Но въ отличіе отъ Блунчли онъ строго держится на юридической почвѣ, не смѣшивая юридическихъ вопросовъ съ вопросами политики и морали. Кромѣ того, у него собраны подъ соотвѣтствующими статьями богатыя указанія на литературу, договоры, рѣшенія судовъ. Какъ самъ Фильдъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ первому изданію его проэкта кодекса, его работа явилась результатомъ порученія, даннаго ему еще въ 1866 г. «British Association for the Promotion of social science». Кромѣ этихъ попытокъ общей кодификаціи международнаго права частными лицами, слѣдуетъ еще указать на подобныя же попытки въ отношеніи собственно къ праву войны. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе выработанное Институтомъ международнаго права руководство: «Законы сухопутной войны» (2). Основаніемъ ему послужилъ проэктъ, составленный Муанье. Кромѣ того, можно указать еще на составленные г. Піуновскимъ «Законы и правила войны по международному праву», СПБ. 1877 г.

Большее значеніе, нежели доктринарная кодификація, имѣютъ попытки кодификаціи международнаго права отдѣльными государствами, въ формѣ національныхъ законодательныхъ актовъ. Первый примѣръ такого рода представляетъ проэктъ международнаго кодекса, составленный въ 1795 г. аббатомъ Грегуаромъ и представленный конвенту. Въ этомъ проэктѣ всего 21 статья и онъ преставляетъ совершенное подобіе деклараціи правъ гражданина и человѣка. Его постановленія точно также общи и непрактичны. Напр. ст. 3 постановляетъ, что народъ долженъ дѣйствовать въ отношеніи къ другимъ народамъ такъ, какъ онъ желаетъ, чтобы дѣй-

(1) Lasson Prinzip und Zukunft des Völkerrechts. Berlin, 1, I. 187 s. 131.

(2) Le manuel des lois de la guerre. Русскій переводъ М. Муромцева напечатанъ въ Военномъ Сборникѣ за 1880 г.

ствовали въ отношеніи къ нему самому, а ст. 4, что въ мирѣ пароды должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра, а въ войнѣ какъ можно меньше зла.

Либеръ. Самый замѣчательный примѣръ такой кодификаціи представляютъ получившія всесвѣтную извѣстность: «Полевыя инструкціи для арміи С. Американскаго Союза», составленныя Либеромъ. Авторъ этихъ инструкцій одинъ изъ самыхъ видныхъ и оригинальныхъ юристовъ нашего времени. Францъ Либеръ родился въ Берлинѣ въ 1800 году и первоначально изучалъ медицину, а затѣмъ право. Участіе въ демократическихъ обществахъ навлекло на него преслѣдованіе и, несмотря на заступничество Нибура, въ 1825 г. онъ вынужденъ былъ эмигрировать, сначала въ Англію, а оттуда въ Америку. Въ новомъ отечествѣ онъ занялся профессорской и литературной дѣятельностью и умеръ въ 1872 году.

Либеръ составилъ проэктъ инструкцій по предложенію военнаго Министра Stanton'а. Проэктъ этотъ былъ пересмотрѣнъ и обсужденъ комиссіею изъ офицеровъ, и затѣмъ утвержденъ Линкольномъ.

Несмотря на то, что эти инструкціи обратили на себя общее вниманіе, примѣру Сѳед. Штатовъ другія государства однако не слѣдовали. Русскій указъ 1877 г. не содержитъ въ себѣ ничего подобнаго американскимъ инструкціямъ. Онъ признаетъ для русскаго войска обязательнымъ соблюденіе женевской и петербургской конвенціи; да еще ст. 12 гласитъ, что военное начальство не преминетъ сообразоваться съ общимъ духомъ началъ, выставленныхъ брюссельскою конвенціею 1874 г. Указаніе на «общій духъ» конечно совершенно неопредѣленно. Такимъ образомъ русское войско въ послѣднюю войну не имѣло вовсе никакихъ опредѣленныхъ наказовъ.

Какого бы однако развитія ни получило внутреннее законодательство такого рода, оно все-же представляетъ существенные недостатки. Такіе наказы издаются обыкновенно передъ самой войной и примѣняются подъ условіемъ взаимности. Но согласіе въ этомъ отношеніи между воюющими легко можетъ не состояться по поводу неважныхъ подробностей, такъ какъ непріятели, естественно ревниво относясь другъ къ другу, склонны во всякой мелочи видѣть нарушеніе взаимности. Кромѣ того, что неважно для одной стороны, можетъ

быть очень стѣснительно для другой. Въ силу всего этого, чувствуется серіозная потребность въ кодификаціи путемъ международнаго соглашенія.

Примѣрами такого рода являются женевская конвенція 1864 г., дополнительныя къ ней статьи 1868 г., Петербургская Конвенція 1868 г. и работы Брюссельской конференціи, не приведшія однако къ желанному результату.

Женевская конвенція. Первое время по заключеніи женевской конвенціи думали, что она представляетъ собою нѣчто совершенно новое. Предшественниками этой конвенціи признавались развѣ нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ, полузабытыхъ и не имѣвшихъ большаго значенія. Brière въ 1814 г. насчитывалъ всего три трактата (да одинъ проэктъ трактата), въ которыхъ заключались постановленія, имѣвшія цѣлью охрану раненыхъ. Только Gurlt въ своемъ сочиненіи Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege (Leipzig, 1873) выяснилъ, что женевская конвенція есть завершеніе долгаго историческаго развитія той идеи, что забота о раненыхъ есть дѣло общее. Gurlt насчитываетъ съ 1581 г. по 1864 г. 291 договоровъ, содержащихъ въ себѣ постановленія относительно охраны раненыхъ.

Однако, если такимъ образомъ женевская конвенція представляется намъ дѣломъ, имѣющимъ за собою долгую историческую подготовку, то нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не указать, что въ войны, непосредственно предшествовавшія заключенію конвенціи, забота о раненыхъ почти не обращала на себя вниманія. Таковы войны: крымская, итальянская 1859 г. и между—усобная сѣверо-американская. Починъ въ дѣлѣ заключенія конвенціи принадлежитъ двумъ швейцарскимъ гражданамъ: Dunant и Moynier. Въ 1862 г., слѣдовательно три года послѣ сраженія при Сольферино, Dunant издалъ свое сочиненіе: «Un souvenir de Solferino», первоначально предназначавшееся для тѣснаго круга знакомыхъ автора и не поступившее потому въ продажу. Однако многочисленный спросъ и впечатлѣніе произведенное книгой, побудили автора въ томъ же году дать своему произведенію болѣе широкое распространеніе и съ тѣхъ поръ явился цѣлый рядъ изданій этой книги, а также переводы ея на всѣ европейскіе языки. Большая половина этой книги посвящена описанію тѣхъ впечатлѣній, какія испыты-

валъ авторъ во время и вслѣдъ за битвой при Сольферино, когда ему пришлось быть свидѣтелемъ страшныхъ страданій раненыхъ. Эта часть книги дѣйствуетъ главнымъ образомъ на чувство, и прочтя ее нельзя не согласиться съ Дюнаномъ, что значительная доля этихъ страданій могла бы быть устранена лучшею организаціею санитарнаго дѣла на войнѣ. Надежнѣйшимъ средствомъ для улучшенія санитарной помощи на поляхъ сраженій, Дюнанъ признаетъ развитіе въ этой сферѣ частной дѣятельности и организаціи добровольныхъ, санитарныхъ отрядовъ. Развитію этой мысли и посвящается вторая половина его книги. Дюнанъ указываетъ на пользу, какую принесла въ Крымскую войну дѣятельность частныхъ лицъ, со стороны Россіи—дѣятельность Вел. Кн. Елены Павловны, со стороны Англіи—миссъ Найтингаль и миссъ Станлей (Nithingale and Stanley).

Соединенная и организованная дѣятельность добровольныхъ союзовъ, образованныхъ для этой цѣли, должна дать еще болѣе блестящіе результаты. Къ тому же дѣятельность лица, добровольно посвящающаго себя этому дѣлу, всегда будетъ успѣшнѣе дѣятельности наемнаго лица. Но для того, чтобы добровольная санитарная помощь могла получить должное развитіе, необходимо, чтобы лицамъ, посвящающимъ себя этому дѣлу, была обезпечена личная безопасность, другими словами, необходимо провозгласить нейтрализацію санитарнаго персонала. Такимъ образомъ Дюнанъ въ своей книгѣ ратуетъ собственно за организацію добровольной санитарной помощи на войнѣ и только, какъ средство для этой цѣли, требуетъ нейтрализаціи санитарнаго персонала. Какъ мы увидимъ, въ дальнѣйшемъ развитіи постановка этого вопроса существенно измѣнилась.

Книга Дюнана вообще произвела большое впечатлѣніе, но особенное сочувствіе его мысль встрѣтила со стороны женевскаго общества, «общественнаго блага» (Société genevoise d'utilité publique), предсѣдателемъ котораго былъ Moynier. Въ засѣданіи общества 19 Февр. 1863 г. вопросъ, возбужденный книгой Дюнана, былъ предсѣдателемъ предложенъ на обсужденіе, и рѣшено было, для изслѣдованія этого вопроса, выбрать комиссію изъ пяти членовъ. Комиссія пришла къ тому заключенію, что дѣло требуетъ созванія международнаго съѣзда,

который состоялся бы изъ авторитетнѣйшихъ личностей, и по возможности при участіи правительствъ. Съ этой цѣлью Дюнанъ предпринялъ путешествіе и посѣтилъ почти всѣ столицы Европы, гдѣ успѣлъ заинтересовать общества и правительства въ этомъ дѣлѣ. Прусская королева Августа была первою изъ коронованныхъ особъ, которыхъ Дюнану удалось склонить въ пользу своей идеи. Въ Россіи онъ встрѣтилъ особое сочувствіе къ своей дѣятельности со стороны. В. К. Константина Николаевича и В. К. Елены Павловны.

Когда путемъ частныхъ сношеній Дюнана выяснилось, что предпринимаемое дѣло дѣйствительно находитъ себѣ сочувствіе во вліятельныхъ сферахъ Европы, женевское общество 1 сен. 1856 года разослало приглашенія на международный съѣздъ къ 26 октября. Пригласительные циркуляры сопровождались проэктомъ, объ организаціи добровольной санитарной помощи, выработаннымъ коммиссіею. Съѣздъ составился изъ 36 лицъ, въ числѣ которыхъ были 5 членовъ коммиссіи, 3 находившіеся въ Женевѣ консула: англійскій, французскій и итальянскій; остальные члены были по преимуществу врачи и военные. Члены конгресса являлись представителями слѣдующихъ государствъ: Швейцаріи 12, Германіи и Австріи 11, Голландіи 2, Швеціи 2, Англіи 2, Франціи 3, Россіи 2, Испаніи 1, и Италіи 1. Члены эти были частью частныя лица, частью оффиціальные представители правительствъ, или по крайней мѣрѣ военныхъ министерствъ. Изъ всѣхъ названныхъ государствъ только одна Россія не имѣла оффиціальнаго представителя. Русскими членами были адъютантъ В. К. Константина Николаевича Кирѣевъ и библіотекарь В. К. Елены Павловны Есаковъ. Незадолго до перваго засѣданія была получена депеша Генералъ-Адъютанта Милютина съ выраженіемъ сожалѣнія, что, за недостаткомъ времени, отъ Россіи не могъ быть посланъ оффиціальный представитель.

Идея Дюнана о развитіи и организаціи добровольной санитарной помощи не встрѣтила себѣ сочувствія со стороны вліятельнѣйшихъ членовъ съѣзда. Она была найдена неудобною съ военной точки зрѣнія. Съѣздъ нашелъ, что частная дѣятельность въ этой сферѣ можетъ быть только подготовительной, но что на самомъ полѣ битвы нельзя допустить къ дѣятель-

ности лицъ, не подчиненныхъ условіямъ военной дисциплины. За то другая мысль Дюнана, высказанная имъ почти мимоходомъ, о нейтрализаціи санитарнаго персонала, встрѣтила полное сочувствіе, была главнымъ предметомъ обсужденія и была дополнена предложеніемъ о нейтрализаціи и самыхъ походныхъ лазаретовъ и перевязочныхъ пунктовъ. Съѣздъ принялъ резолюцію о признаніи такой нейтрализаціи правительствами и о введеніи особаго знака, отличающаго санитаровъ и санитарныя учрежденія. Кромѣ того приняты резолюціи относительно началъ, которыя должны лечь въ основу организаціи санитарныхъ союзовъ. Затѣмъ предстояли двѣ дальнѣйшія задачи: 1) осуществить организацію такихъ союзовъ, 2) склонить правительства къ дѣйствительному признанію постановленій съѣзда. Осуществленіе обѣихъ этихъ задачъ было возложено на туже коммиссію изъ пяти членовъ, преобразованную теперь въ международный комитетъ и получившую самостоятельное, независимое отъ женевскаго общества, существованіе. Для насъ болѣе интереса представляетъ выполненіе второй задачи, собственно и приведшей къ заключенію женевской конвенціи.

Для международнаго признанія началъ, выраженныхъ въ желаніяхъ съѣзда, необходимо было созвать международный конгрессъ, члены котораго были-бы уполномочены къ заключенію международнаго договора отъ имени своихъ правительствъ. Съ этою цѣлью комитетъ обратился къ правительствамъ съ циркуляромъ, въ которомъ просилъ отвѣтить, желаютъ-ли онѣ присоединиться къ конвенціи, которая имѣла бы своею цѣлью: 1) нейтрализацію лазаретовъ, санитарнаго персонала, добровольныхъ санитаровъ, мѣстнаго населенія, оказывающаго раненымъ санитарную помощь и, наконецъ, самихъ раненыхъ, и 2) установленіе отличительнаго знака для санитарнаго персонала и учрежденій, а именно красный крестъ на бѣломъ полѣ. На эти вопросы получились сочувственные отвѣты и оставалось устроить конгрессъ. Комитету, какъ частному учрежденію, невозможно было самому непосредственно созвать дипломатическій конгрессъ. Онъ нашелъ себѣ посредника въ Союзномъ Совѣтѣ Швейцаріи, который 6 Іюня 1864 г. и обратился ко всѣмъ европейскимъ и нѣкоторымъ американскимъ правительствамъ съ приглашеніемъ на конгрессъ въ Женевѣ

8 Августа 1864 г. Всего было приглашено 25 государствъ. Изъ нихъ только 16 прислали на конгрессъ своихъ представителей. Въ числѣ не приславшихъ была и Россія; причиной и на этотъ разъ былъ недостатокъ времени.

Выработанная конгрессомъ конвенція была подписана 12 членами, имѣвшими къ тому полномочія (Баденъ, Бельгія, Данія, Испанія, Гессенъ—Дармштадтъ, Франція, Италія, Голландія, Португалія, Пруссія, Швейцарія и Вюртембергъ). Оригиналъ конвенціи только одинъ, французскій. Подписанная 22-го Августа конвенція должна была быть затѣмъ ратификована. Срокъ для этого былъ назначенъ 4-хъ мѣсячный. 22-го Декабря въ Бернъ собрались представители 11 государствъ, но только 8 изъ нихъ могли совершить ратификацію. Затѣмъ этотъ срокъ былъ продолженъ до 22 Іюня 1865 г. Но въ этотъ срокъ ратификація была совершена только между 12 государствами. За то присоединились къ конвенціи нѣсколько новыхъ государствъ: Греція, Англія, Швеція, Россія и Австрія отвѣчали, на обращенное къ нимъ приглашеніе, что онѣ считаютъ вполнѣ достаточною имѣющуюся у нихъ организацію санитарной помощи. Однако позднѣе и онѣ присоединились: Австрія въ 1866 г. въ Іюлѣ, Россія въ 1867 г. въ Маѣ. Соединенные Штаты, Мексика, Бразилія не присоединились еще и до сихъ поръ. Теперь конвенція имѣетъ подписи 22 государствъ.

Дополнительныя статьи 1868 г. Въ ратификованной конгрессомъ 1864 г. конвенціи весьма скоро были замѣчены недостатки, изъ которыхъ главными являются: 1) нераспространеніе выраженныхъ въ конвенціи началъ на морскую войну, 2) неопредѣленность ея редакціи, и 3) непрактичность нѣкоторыхъ ея постановленій. Въ виду этого возникла мысль о пересмотрѣ конвенціи и созваніи для этой цѣли новаго конгресса; иниціатива и на этотъ разъ шла отъ международнаго комитета. На новый конгрессъ явились представители 14-ти государствъ. Русскаго представителя и на этотъ разъ не было.

Конгрессъ прежде всего постановилъ не замѣнять жевевской конвенціи новою, а только составить къ ней дополненія и измѣненія. Главнымъ дополненіемъ послужили статьи, относящіяся къ морской войнѣ. Однако-же эти самыя статьи (9-я и 10-я) вызвали разногласіе: Франція и Англія поставили

*

условіемъ своего присоединенія къ дополнительнымъ статьямъ измѣненіе ихъ редакціи. Кромѣ того, вообще, было замѣтно нежеланіе расширять содержаніе обязательной конвенціи 1864 г.

Къ концу 1869 г. и Россія заявила свои требованія относительно измѣненія нѣкоторыхъ изъ дополнительныхъ статей, предложила добавить къ 13 и 14 ст. опредѣленіе, которое обезпечивало бы устраненіе злоупотребленій Краснымъ Крестомъ). Благодаря всему этому дѣло затянулось до половины 1870 г. и возгорѣвшаяся война Франціи съ Пруссіей положила конецъ и самымъ переговорамъ. Дѣло такъ и осталось неоконченнымъ.

Брюссельская Конференція. Въ 1874 г. со стороны Россіи была сдѣлана попытка международной кодификаціи правъ войны въ болѣе обширномъ объемѣ. Отъ 6 Апрѣля 1874 г. русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ была разослана циркулярная депеша кн. Горчакова, поручавшая заявить иностраннымъ кабинетамъ, что русское правительство намѣрено предложить на ихъ обсужденіе проэктъ международнаго опредѣленія законовъ и обычаевъ войны. 17-го того же Января былъ затѣмъ разосланъ и самый проэктъ, причемъ въ депешѣ указывалось, что «le projet, que nous soumettons à l'examen des Cabinets, n'est qu'un point de départ pour les délibérations ultérieures».

Не задолго до разсылки русскихъ депешъ, именно 28 Марта, парижское общество для улучшенія участи военно-плѣнныхъ (Société pour l'amélioration du sort des prisonniers de guerre) разослало циркулярное приглашеніе на конференцію на 4 Мая въ Парижѣ, для выработки международнаго устава о военноплѣнныхъ. Это дало поводъ оспаривать у Россіи честь иниціативы. Однако 1) нельзя допустить, чтобы въ теченіи небольшаго промежутка времени съ 28-го Марта по 17 Апрѣля русскій кабинетъ успѣлъ выработать свой проэктъ, если до того онъ не былъ занятъ этимъ дѣломъ, и 2) Проф. Мартенсъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, положительно удостовѣряетъ, что уже въ самомъ началѣ 1874 г. обсуждался въ компетентныхъ сферахъ вопросъ о собраніи международной конференціи для опредѣленія законовъ войны. [1]

---

[1]) *Мартенсъ* «Восточная война» стр. 121.

На Брюссельскую конференцію собрались первоначально представители 13 государствъ, къ которымъ присоединились позднѣе представители Португаліи и Турціи, такъ что на ней имѣли своихъ представителей всѣ государства, кромѣ республикъ Андоры и С. Марино и княжества Монако. Но за то вовсе не было представителей американскихъ государствъ. Lucas, E. de la Velaye и проф. Мартенсъ объясняютъ это тѣмъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ С. Американскимъ Штатамъ, что они, руководствуясь теоріей Монроэ, воздержались отъ участія въ этомъ европейскомъ дѣлѣ. Такая причина была бы крайне странна, такъ какъ кодификація обычаевъ войны не имѣетъ въ себѣ ничего специфически европейскаго. Но изъ подробныхъ свѣденій, относительно этого сообщаемыхъ Роленъ-Жакеменомъ и заимствованныхъ изъ оффиціальныхъ дипломатическихъ документовъ, видно, что это предположеніе ошибочно. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что наше правительство почему то обратилось съ непосредственнымъ приглашеніемъ только къ европейскимъ державамъ. Американскія государства получили приглашеніе чрезъ французскаго графа d'Hondetot въ письмѣ, гласившемъ, что парижское общество для улучшенія участи военно-плѣнныхъ уполномочено русскимъ кабинетомъ пригласить американскія государства на парижскую конференцію. Соединенные Штаты Сѣверной Америки сочли себя не приглашенными, конечно, съ полнымъ правомъ. Южно-Американскія государства выразили желаніе принять участіе въ конференціи, но не были ею допущены, 1) въ виду и такъ большаго числа представителей, и 2) въ виду того, что Соединенные Штаты не прислали своего представителя. Совершенно иначе наше правительство отнеслось къ Англіи. Англія, какъ говоритъ Проф. Мартенсъ, стала въ открыто враждебныя отношенія къ поднятому Россіей вопросу (1). Въ нотѣ лорда Дерби отъ 4 Іюня (2) высказывалось общее сомнѣніе въ практической необходимости кодификаціи обычаевъ войны и, кромѣ того, ставилось прямымъ условіемъ участія Англіи въ конференціи: 1) чтобы дебаты ограничивались строго содержаніемъ русскаго проэкта, и 2) никоимъ

(1) *Мартенсъ.* Восточная война, стр. 125.

(2) Подлинникъ англ. см. Staats-archiv, 1827 г., стр. 299—300.

образомъ не касались морской войны. Въ отвѣтной русской нотѣ (Вестмана), сообщенной Лофтусу, давались завѣренія въ соблюденіи обоихъ, поставленныхъ Англіею, условій. Aussi, читаемъ мы въ этой нотѣ, n'entre-t-il nullement dans nos intentions d'étendre le programme des deliberations au delà des limites tracées par notre projet. Il est par conséquent entendu que ni les operations maritimes ni les guerres navales, ni les rapports des belligerents sur mer, ni en general les principes reconnus du droit des gens, ne seront mis par nous en question ou en discussion.

Изъ 32-хъ членовъ конференціи, 18 было военныхъ, 10 дипломатовъ и 4 юриста, въ томъ числѣ Блунчли и Мартенсъ. Кара-теодори-ефенди, какъ автора нѣсколькихъ сочиненій по межд. праву, можно также причислить къ юристамъ. Засѣданія конференціи продолжались около мѣсяца (съ 27-го Іюля по 27-ое Августа). Предсѣдателемъ былъ выбранъ русскій представитель Жомини, кромѣ него отъ Россіи были Лееръ и Мартенсъ. Общихъ собраній было всего 4. На второмъ общемъ собраніи рѣшено было обсужденіе подробностей передать коммиссіи. Было сдѣлано предложеніе образовать двѣ коммиссіи, одну изъ военныхъ а другую изъ дипломатовъ, но предложеніе это не было принято, и была образована одна изъ 13 членовъ, съ рѣшительнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ военныхъ (10 ч). Каждое государство имѣло по одному представителю, только Россія имѣла двухъ, такъ какъ Жомини былъ избранъ предсѣдателемъ. Государствамъ однако было предоставлено право въ теченіи времени мѣнять своихъ представителей. Такъ отъ Россіи сначала присутствовалъ Лееръ, а потомъ Мартенсъ.

По нѣкоторымъ вопросамъ, напр. о раненыхъ и плѣнныхъ, кромѣ русскаго проэкта предметомъ обсужденія служили еще бельгійскіе проэкты. Самый проэктъ былъ подвергнутъ двоекратному чтенію и затѣмъ выработанный коммиссіею проэктъ былъ внесенъ на обсужденіе общаго собранія, которое имѣло еще два засѣданія. Надо сказать, что русское предложеніе, вообще, не встрѣтило большаго сочувствія. Большинство видѣло въ этомъ заднюю мысль: за Россіей прозрѣвали Германію и вообще въ этомъ дѣлѣ думали видѣть поползновеніе богатыхъ постояннымъ войскомъ государствъ, противъ правъ народной самозащиты, особенно важной для государствъ, не предста-

вляющихъ военнаго могущества. Потому представители мелкихъ государствъ не столько заботились о всестороннемъ обсужденіи проэкта, сколько о заявленіи протестовъ и оговорокъ, обезпечивающихъ ихъ правительствамъ, на случай принятія декларацій, свободу пользоваться народной защитой. Ни въ комиссіи, ни въ заключительныхъ общихъ собраніяхъ не состоялось окончательнаго соглашенія по вопросамъ о правахъ окупаціонной арміи и объ условіяхъ допускаемости народной защиты. Поэтому и результатъ работъ конференціи выражается не только въ принятомъ конференціей проэктѣ деклараціи, но также и въ рядѣ оговорокъ (réserves) и отдѣльныхъ мнѣній членовъ конференціи.

Въ заключительномъ протоколѣ конференціи, вмѣстѣ съ выраженіемъ сочувствія дѣлу, возбужденному по иниціативѣ Россіи, содержится указаніе на то, что труды конференціи послужатъ основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ о развитіи началъ женевской и петербургской конвенціи.

Русское правительство, не желая бросать начатаго имъ дѣла, по закрытіи конвенціи, обратилось съ циркулярной нотой 8 Октября 1874 г. (Вестмана) къ иностраннымъ кабинетамъ съ предложеніемъ подвергнуть трудъ конференціи дальнѣйшему обсужденію каждымъ государствомъ отдѣльно, чтобы этимъ путемъ подготовить дѣло къ общему соглашенію. Это новое предложеніе русскаго правительства было встрѣчено большинствомъ сочувственно и въ нѣкоторыхъ государствахъ даже приступили къ обсужденію этого дѣла. Но въ Январѣ (20) 1875 г. отъ Англіи былъ полученъ отвѣтъ (Дерби) съ рѣшительнымъ отказомъ принимать дальнѣйшее участіе въ переговорахъ о международной кодификаціи законовъ и обычаевъ войны. Русскій канцлеръ подробно отвѣчалъ на ноту Дерби по пунктамъ, разбирая обвиненія, какія были выставлены противъ проэкта Конференціи. Однако дѣло этимъ не кончилось. Возникшія вскорѣ затрудненія на Востокѣ, естественно, положили конецъ дальнѣйшему ходу переговоровъ по этому вопросу.

ГЛАВА V.

Органы и формы международныхъ сношеній (¹).

§ 33. Органы международныхъ сношеній.

Совокупная дѣятельность нѣсколькихъ независимыхъ государствъ предполагаетъ существованіе между ними сношеній, совершающихся посредствомъ опредѣленныхъ органовъ и въ опредѣленныхъ формахъ, вырабатывающихся исторически.

Органами международныхъ сношеній являются частью національныя учрежденія отдѣльныхъ государствъ (ихъ главы, министерства иностранныхъ дѣлъ, дипломатическіе агенты, консулы), частью совмѣстныя учрежденія, съ международнымъ характеромъ (конгрессы, конференціи, международныя комиссіи и суды).

Національные органы, въ свою очередь, представляютъ два различные типа: одни изъ нихъ, хотя и служатъ органами международныхъ сношеній, но находятся внутри своего государства, таковы правители государствъ и министерства иностранныхъ дѣлъ; другіе, напротивъ, находятся внѣ въ территоріи иностраннаго государства, таковы дипломатическіе агенты и консулы.

Первое мѣсто между національными органами международныхъ сношеній занимаютъ главы государствъ, являющіяся ихъ представителями, и потому естественно представляющими личность государства и во внѣ, и въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ. Въ старое время, при преобладаніи самодержавныхъ монархій, государи почти всецѣло сосредоточивали въ своихъ рукахъ международныя сношенія, а министры иностранныхъ дѣлъ были лишь ихъ послушными слугами. Съ установленіемъ парламентарной формы правленія, такой порядокъ не можетъ конечно сохраняться. Министры становятся зависимыми не столько отъ государя, сколько отъ парламента, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ въ отношеніи къ государю больше независимости и самостоятельности. Однако

(¹) Cours de droit diplomatique par Pradier-Fodéré 2 Paris. 1881.

и теперь международныя сношенія совершаются не иначе, какъ отъ имени главы государства; онъ назначаетъ и къ нему посылаются главнѣйшіе дипломатическіе агенты.

Въ отношеніи къ сношеніямъ главъ государствъ между собой выработаны опредѣленные церемоніалы. Всѣ государства признаются по принципу равными между собой и это равенство распространяется, естественно, и на ихъ представителей. Однако почести, присвоиваемыя международной практикой различнымъ государствамъ и ихъ представителямъ, не одинаковы. Прежде всего различаютъ государства, пользующіяся королевскими почестями (honneurs royaux) отъ непользующихся таковыми. Не слѣдуетъ, судя по названію, думать, чтобы почести эти присвоивались только государствамъ монархическимъ. Въ старое время ими пользовались Нидерланды и Венеція, а теперь Швейцарія, Франція, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты также пользуются ими, не смотря на республиканское устройство. Государства, пользующіяся королевскими почестями (имперіи, королевства, папа, великія герцогства, Франція, Швейцарія и Соединенные Штаты) имѣютъ: 1) первенство въ церемоніалѣ передъ прочими, и 2) исключительное право назначать дипломатическихъ агентовъ всякаго ранга, т. е. пословъ.

Монархамъ присвоиваются различные титулы, но съ ними не соединяется никакихъ особыхъ правъ. Высшій титулъ есть императорскій. Имъ пользовались императоры римскіе, византійскіе, императоры священно-римской имперіи, съ 1721 — русскіе государи, съ 1804—австрійскіе, съ 1804 и съ 1852—французскіе, съ 1822—бразильскіе, съ 1870—германскіе и съ 1876 англійская королева приняла титулъ императрицы Индіи. Турецкій султанъ также именуется титуломъ императора, какъ соотвѣтствующимъ титулу «падишахъ».

Слѣдующій титулъ есть королевскій. Однако никакого практическаго различія между тѣмъ и другимъ указать нельзя. Блунчли думаетъ найти различіе ихъ въ томъ, что императоромъ именуются будто бы только главы сложныхъ государствъ. Однако и Франція была имперіей, хотя не представляетъ собою сложнаго государства.

Кромѣ титуловъ императорскаго и королевскаго, суще-

ствуютъ еще титулы великаго герцога, герцога, курфюрста, князя.

Государи, лишившіеся престола, сохраняютъ пожизненно свой титулъ. Такъ по договору 14 апр. 1814 г. (Фонтенебло) Наполеону I было предоставлено пользоваться вмѣстѣ съ семьею императорскимъ титуломъ. Карлъ X, Луи Филиппъ и Наполеонъ Ш, безъ особаго о томъ соглашенія, также пользовались титулами и послѣ потери престола.

Сообразно съ титуломъ государя и самыя государства называются имперіями, королевствами, герцогствами и т. п. Прежде и республики имѣли подобные титулы, напр. Венеція называлась *свѣтлѣйшая* республика Венеція. Но современныя республики ихъ не имѣютъ.

Королей величаютъ величествомъ, императоровъ императорскимъ величествомъ, великихъ герцоговъ королевскимъ высочествомъ, другихъ высочествомъ и свѣтлостью. Президентовъ республикъ величаютъ обыкновенно превосходительствомъ.

Во внутреннихъ дѣлахъ государи властны присвоивать себѣ какіе угодно титулы. Но въ международныхъ сношеніяхъ употребляются только титулы, получившіе международное признаніе. Иногда такое признаніе замедлялось на многіе годы. Такъ напр. императорскій титулъ русскихъ государей былъ признанъ Пруссіей, Нидерландами и Швеціей въ 1723 г., Даніей въ 1732 г., Турціей въ 1739 г., Англіей въ 1742 г., Германіей въ 1747 г., Франціей въ 1745 г., Даніей въ 1759 г., Польшей только въ 1764 году. Иногда вовсе отказывали въ признаніи новаго титула. Такъ на Ахенскомъ конгрессѣ въ 1818 г. было отказано курфюрсту Гессенскому въ признаніи за нимъ королевскаго титула и Гессенъ такъ и не сдѣлался королевствомъ.

Нѣкоторые государи носятъ еще особые религіозные титулы, данные имъ въ старое время папами. Такъ французскимъ королямъ данъ былъ титулъ христіаннѣйшій (très chrétien) какъ старѣйшимъ сынамъ церкви, испанскимъ королямъ Александръ VI далъ титулъ католическихъ, въ награду за изгнаніе Фердинандомъ Арагонскимъ Мавровъ, Левъ X далъ Генриху VIII, написавшему книгу въ опроверженіе ученій Лютера, титулъ защитника вѣры (defensor fidei), Іоаннъ V далъ

португальскимъ королямъ титулъ вѣрнѣйшихъ (très fidèles). Въ 1758 г. венгерскій король получилъ титулъ апостолическаго.

Нѣчто подобное можно замѣтить и въ американскихъ республикахъ, президентъ которыхъ присвоиваетъ себѣ разныя хвалебныя именованія. Такъ напр. Санто-Круцъ имѣлъ титулъ великаго гражданина, возстановителя и президента Боливіи, умирителя Перу, верховнаго покровителя южныхъ и сѣверныхъ перувіанскихъ странъ.

По установившемуся обычаю, о каждомъ событіи политическомъ, а также и семейныхъ событіяхъ царствующихъ особъ, правители государствъ сообщаютъ другъ другу.

О восшествіи на престолъ извѣщаетъ, обыкновенно, самъ вступающій на престолъ, на что затѣмъ слѣдуетъ отвѣтное поздравленіе. Тоже самое происходитъ и при выборахъ новаго президента республики;это наблюдается даже между воюющими государствами, такъ въ 1719 г. королева Ульрика Шведская извѣстила о своемъ восшествіи на престолъ Петра Великаго, отвѣчавшаго ей поздравленіями. Бывали однако случаи, когда извѣщеніе о вступленіи на престолъ совершалось не въ обыкновенной формѣ, а чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ. Такъ было сдѣлано при воцареніи Наполеона III. Новый папа также самъ извѣщаетъ иностранныя правительства о своемъ восшествіи на папскій престолъ, но еще раньше конклавъ извѣщаетъ ихъ о своемъ избраніи.

Объ установленіи регенства извѣщаетъ регентъ, но отъ имени государя; отвѣтъ пишется также на имя государя, а не регента.

Подобный же обмѣнъ извѣщеній и поздравленій совершается по поводу годовщинъ рожденія и восшествія на престолъ, браковъ, рожденій, крестинъ. За извѣщеніемъ о смерти слѣдуетъ, кромѣ выраженія соболѣзнованія, и наложеніе траура.

§ 34. Дипломатическіе агенты.

Важнѣйшими органами международныхъ сношеній являются дипломатическіе агенты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ были введены постоянныя посольства. Онѣ были введены впервые въ XV вѣкѣ, первоначально въ Италіи, но общее распростра-

неніе получили не ранѣе XVII вѣка, особенно послѣ вестфальскаго мира. Любопытно, что установленіе постоянныхъ посольствъ совпадаетъ съ введеніемъ постоянныхъ армій. Дипломатическими агентами признаются только такіе, которые представляютъ то государство, которое ихъ посылаетъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, которые имѣютъ представительный характеръ. Потому не считаются дипломатическими агентами:

1) агенты, которымъ поручается выполненіе отдѣльныхъ порученій, безъ возложенія на нихъ миссіи служить представителями своего государства.

2) консулы, которые не имѣютъ не только представительнаго характера, но и вообще политическихъ функцій и назначаются для дѣлъ собственно административныхъ, для попеченія объ отечественныхъ подданныхъ, находящихся заграницею, и объ интересахъ отечественной торговли и промышленности.

Дипломатическіе агенты могутъ быть назначаемы только между независимыми другъ отъ друга государствами. Таковъ общій принципъ. Но на практикѣ существуютъ два отступленія отъ него. Во первыхъ, автономныя провинціи Турціи посылаютъ дипломатическихъ агентовъ не только къ другимъ государствамъ, что само по себѣ еще не противорѣчило бы общему принципу, но и къ самой Портѣ. Во вторыхъ, папа, и послѣ того какъ прекратилось существованіе Папской области, какъ самостоятельнаго государства, продолжаетъ отправлять легатовъ и нунціевъ, а многія государства назначаютъ къ папскому двору своихъ представителей, и когда въ Маѣ (13) 1871 г. итальянскимъ правительствомъ былъ изданъ законъ о гарантіяхъ, предоставляемыхъ папѣ и папскому престолу, то въ ст. 11 его было прямо постановлено, что агентамъ, посылаемымъ папою и къ нему, присвоиваются всѣ прерогативы дипломатическихъ агентовъ.

Дипломатическіе агенты различаются по рангамъ. Въ настоящее время число и соотношеніе этихъ ранговъ опредѣляется вѣнскимъ протоколомъ 19 Марта 1815 года и ахенскимъ протоколомъ 20 ноября 1818 года. Установленное ими различіе четырехъ ранговъ принято теперь всѣми государствами, за исключеніемъ Турціи, признающей только три ранга: послы, министры, повѣренные въ дѣлахъ.

Вѣнскій протоколъ подраздѣляетъ всѣхъ дипломатическихъ агентовъ на три класса:

1) послы, легаты и нунціи,

2) посланники, министры, интернунціи;

3) повѣренные въ дѣлахъ.

Ахенскій протоколъ присоединяетъ еще четвертый рангъ: министры резиденты, занимающіе среднее мѣсто между посланниками и повѣренными въ дѣлахъ.

Послы (ambassadeur, ambociatori, ambajadores, Botschafter, ambassador), отличаются тѣмъ, что не только аккредитируются непосредственно не къ министру иностранныхъ дѣлъ, а лично къ правителю государства, но и представляютъ не только свое государство, но и личность своего государя. Потому они именуются послами не государства, а государя, а въ республикахъ—республики. Съ 1870 по 1880 во Франціи ихъ называли ambassadeurs de France, но съ 1880 года ambassadeurs de la République française. Пословъ назначаютъ только государства, пользующіяся королевскими почестями.

Агенты втораго ранга, посланники и интернунціи, аккредитируются къ правителю государства, но сами не представляютъ личности своего государя. Повѣренные въ дѣлахъ аккредитируются не при правителяхъ государствъ, а при министрахъ иностранныхъ дѣлъ. Министры резиденты аккредитируются также при государяхъ, и отличаются отъ посланниковъ лишь низшимъ рангомъ.

Все это различіе ранговъ дипломатическихъ агентовъ не имѣетъ никакого серьезнаго значенія, и въ литературѣ не разъ высказывалась мысль о необходимости уничтожить его (это различіе ранговъ). Да и на практикѣ назначеніе агента высшаго ранга дѣлается все болѣе рѣдкимъ. Соединенные Штаты вовсе не назначаютъ пословъ. Россія имѣетъ пословъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ и Константинополѣ. Франція, кромѣ того, въ Петербургѣ и Бернѣ, а въ Римѣ у нея два посла. У этихъ двухъ государствъ наибольшее число пословъ.

Первенство (préséance) между агентами одного ранга опредѣляется по первенству ихъ назначенія. Если, по поводу какихъ либо событій (государственнаго переворота, восшествія на престолъ новаго государя), старымъ агентамъ даются новыя

кредитивныя грамоты, старѣйшинство между ними опредѣляется не по времени полученія новыхъ грамотъ, а по времени ихъ назначенія. Въ католическихъ странахъ, однако, первенство всегда принадлежитъ папскому нунцію.

Правительства не обязаны принимать иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ. Онѣ могутъ отказать въ ихъ пріемѣ, а отсюда естественно вытекаетъ, что онѣ могутъ и устанавлять тѣ или другія условія ихъ пріема. Въ старое время обращалось большое вниманіе на общественное положеніе присылаемаго агента, такъ что иныя государства принимали въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ только лицъ знатнаго и, во всякомъ случаѣ, дворянскаго происхожденія. Теперь однако на это уже не обращаютъ вниманія. Нѣкоторыя государства не принимаютъ въ качествѣ иностранныхъ агентовъ такихъ лицъ, кои прежде были ихъ собственными подданными. Такъ Соединенные Штаты отказались въ 1866 г. принять представителемъ Китая Ансона Берлингема. Во Франціи тоже начало было выражено еще декретомъ 26 Августа 1811 года, до сихъ поръ формально неотмѣненнымъ, но на практикѣ это запрещеніе тамъ не соблюдается. Можно указать примѣры отказовъ въ принятіи дипломатическаго агента по болѣе частнымъ причинамъ. Въ 1820 г. Сардинскій король отказалъ въ принятіи барона Мартенса представителемъ Пруссіи на томъ основаніи, что жена его была дочерью одного изъ членовъ конвента, подписавшихъ смертный приговоръ Людовика XVI.

Для устраненія подобныхъ отказовъ, ведущихъ, конечно, къ неудобнымъ столкновеніямъ между кабинетами, установилась практика, при назначеніи дипломатическихъ агентовъ, напередъ освѣдомляться о согласіи (agréation) на принятіе даннаго лица представителемъ. Освѣдомленіе это дѣлается словесно или чрезъ отзываемаго представителя, или чрезъ временно завѣдующаго посольствомъ, повѣреннаго въ дѣлахъ, или путемъ переговоровъ министра иностранныхъ дѣлъ съ иностраннымъ посломъ.

Обыкновенно каждое государство посылаетъ къ каждому особаго дипломатическаго агента. Но бываютъ и такіе случаи, что одно и то же лицо аккредитируется у нѣсколькихъ правительствъ, или является представителемъ нѣсколькихъ государствъ. Такъ, почти всѣ дипломатическіе агенты, аккреди-

тованные во Флоренціи, были также аккредитованы и въ Моденѣ; саксонскій агентъ въ Вѣнѣ былъ аккредитованъ въ Туринѣ, англійскій въ Ганноверѣ и въ Гамбургѣ.

Въ настоящее время это часто бываетъ съ дипломатическими представителями республикъ южной и центральной Америки. Правда, Англія одно время находила такой порядокъ несогласнымъ съ международной вѣжливостью, и потому въ 1825 г. Канингъ отказалъ въ принятіи представителя Буэносъ-Айреса на томъ основаніи, что онъ былъ аккредитованъ одновременно и при французскомъ дворѣ, но позднѣе и Англія отступила отъ такого взгляда.

Бываютъ, наоборотъ, и такіе случаи, что нѣсколько государствъ. имѣютъ вмѣстѣ одного представителя. Такъ, въ 1849 г. состоялось соглашеніе, въ силу котораго шведскій представитель въ Константинополѣ принялъ на себя представительство и Даніи. Въ 1870 г. состоялось подобное же соглашеніе между Перу и Соединенными Штатами въ отношеніи представительствъ ихъ въ Японіи и Китаѣ.

Полномочія дипломатическаго агента удостовѣряются представляемой имъ вѣрительной грамотой (lettre de créance). Для агентовъ трехъ первыхъ классовъ эта грамота пишется отъ имени и на имя государя, для агентовъ четвертаго класса министерствомъ иностранныхъ дѣлъ министру же, но и это все таки вѣрительная грамота ([1]).

Новыя вѣрительныя грамоты даются обыкновенно при восшествіи на престолъ новаго государя, но необходимымъ это представляется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна государя является результатомъ государственнаго переворота, и присылка новой грамоты получаетъ тогда значеніе признанія новаго правительства. Смерть же государя не останавливаетъ функціонированія дипломатическихъ агентовъ, продолжающихъ выполнять свои обязанности и до присылки новыхъ грамотъ.

Прекращеніе полномочій дипломатическаго агента совершается посредствомъ особой отзывной грамоты (lettre de rappel).

([1]) Pradier-Fodéré, I, 85. Contra Heffter, § 210.

§ 35. Права и функціи дипломатическихъ агентовъ.

Главное, самое важное, право дипломатическихъ агентовъ есть право внѣземельности. Въ силу ихъ представительнаго характера, они не могутъ подчиняться авторитету иностранной власти. Это противорѣчило бы суверенитету государствъ. Въ лицѣ своего представителя суверенное государство какъ бы само подчинялось бы чуждой власти. Между тѣмъ дипломатическимъ агентамъ нерѣдко приходится дѣйствовать на территоріи другаго государства. Чтобы не подчинять ихъ въ такихъ случаяхъ мѣстной власти, имъ предоставляется право экстерриторіальности или внѣземельности. О внѣземельности дипломатическихъ агентовъ не было заключаемо особыхъ международныхъ договоровъ. Это установилось въ силу стародавняго обычая и потому объемъ ея выясняется только изъ прецедентовъ дипломатической практики.

Дипломатическіе агенты для свободы дѣйствія нуждаются въ томъ, чтобы и то, что ихъ непосредственно окружаетъ, также пользовалось неприкосновенностью въ отношеніи къ мѣстной власти. Поэтому внѣземельность распространяется также:

1) на служащихъ при посольствѣ;

2) на членовъ семьи, если они не живутъ отдѣльно, самостоятельно;

3) на помѣщеніе дипломатической миссіи;

4) на движимое имущество, находящееся въ непосредственномъ пользованіи миссіи.

Распространеніе внѣземельности на эти лица и предметы имѣетъ своимъ исключительнымъ основаніемъ ихъ близость къ дипломатическому агенту. Если же этого условія нѣтъ, прекращается и внѣземельность. Члены семьи дипломатическаго агента, живущіе самостоятельно, хотя бы въ томъ же самомъ государствѣ, гдѣ аккредитованъ посолъ, внѣземельностью не пользуются. Тоже самое должно сказать о товарѣ или недвижимости, принадлежащихъ дипломатическому агенту, но не служащихъ для его личнаго пользованія.

Въ старое время внѣземельность дипломатическихъ агентовъ распространялась еще шире, такъ что находящимся внѣ

территоріи считался весь тотъ кварталъ, гдѣ помѣщалось посольство. Такое расширеніе экстерриторіальности практиковалось болѣе всего въ Венеціи, Мадридѣ, въ Франкфуртѣ, во время выборовъ и коронованія императоровъ, и въ особенности въ Римѣ, гдѣ почти половина города оказывалась такимъ образомъ внѣ территоріи. Въ настоящее время такое расширеніе внѣземельности уже нигдѣ больше не допускается.

Объемъ внѣземельности дипломатическихъ агентовъ весьма широкъ. Ихъ внѣземельность включаетъ въ себѣ:

1) изъятіе изъ подчиненія мѣстной законодательной власти;
2) неподчиненіе юрисдикціи мѣстныхъ судовъ;
3) неподчиненіе мѣстной полицейской власти;
4) неподчиненіе мѣстной финансовой власти.

Суды не могутъ вызывать дипломатическихъ агентовъ не только въ качествѣ отвѣтчиковъ и подсудимыхъ, но и въ качествѣ свидѣтелей. Съ другой стороны, не противъ всякаго гражданскаго иска можетъ быть заявлено возраженіе, основанное на внѣземельности отвѣтчика. Оно неприложимо къ искамъ, вытекающимъ изъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ, неслужащимъ мѣстомъ жительства посольства, и изъ владѣнія товаромъ, пріобрѣтаемымъ дипломатическими агентами для торговыхъ оборотовъ. Если дипломатическій агентъ самъ предъявляетъ искъ въ мѣстномъ судѣ, онъ вполнѣ подчиняется въ качествѣ истца мѣстнымъ законамъ, не пользуясь при этомъ никакими льготами.

Неподчиненіе мѣстной финансовой власти обставлено подобными же условіями. Дипломатическій агентъ освобождается отъ уплаты прямыхъ налоговъ, личныхъ и падающихъ на имущество, движимое или недвижимое, находящееся въ его непосредственномъ личномъ пользованіи, а также отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ съ вещей, выписываемыхъ имъ изъ-за границы для личнаго употребленія. Если же онъ владѣетъ въ странѣ доходнымъ недвижимымъ имуществомъ, не служащимъ помѣщеніемъ посольству, онъ долженъ уплачивать съ него налоги. Точно также, если онъ занимается торговлей, то не освобождается отъ уплаты налога съ торговыхъ оборотовъ.

Кромѣ внѣземельности указываютъ обыкновенно еще другія права дипломатическихъ агентовъ, а именно право неприкосновенности и право богослуженія. Но первое изъ нихъ,

неприкосновенность, само собой вытекаетъ изъ внѣземельности и потому едва ли можетъ быть признано особымъ, самостоятельнымъ правомъ. Если дипломатическій агентъ въ силу внѣземельности вообще не подчиняется дѣйствію мѣстной власти, то само собой разумѣется, что онъ долженъ быть для нея неприкосновененъ. Что же касается права богослуженія, то оно заключается въ правѣ свободно отправлять въ посольской церкви богослуженіе, согласно исповѣдуемой дипломатическимъ агентомъ религіи, и только въ старое время религіозной нетерпимости имѣло большое значеніе. Но теперь и такъ каждый иностранецъ можетъ молиться Богу по обрядамъ своей вѣры и потому предоставленіе такого права, въ частности, дипломатическимъ агентамъ не имѣетъ уже значенія.

Функціи дипломатическаго агента заключаются въ представительствѣ своего государства. Въ силу этого онъ дѣлаетъ отъ имени своего государства всякаго рода заявленія, принимаетъ ихъ отъ мѣстнаго правительства, ведетъ съ нимъ переговоры, слѣдитъ за ходомъ политическихъ дѣлъ внутри государства, при которомъ онъ аккредитованъ, и за его отношеніями къ другимъ державамъ. Кромѣ отношеній къ мѣстному правительству, онъ вступаетъ также въ сношенія съ представителями другихъ державъ при томъ же дворѣ. Наконецъ на его же обязанности лежитъ внѣшнее покровительство своимъ соотечественникамъ, находящимся въ данной странѣ.

Но время процвѣтанія дипломатическихъ миссій теперь уже прошло. Онѣ развились главнымъ образомъ какъ органъ сношеній между правительствами и въ старое время веденіе переговоровъ чрезъ дипломатическихъ агентовъ было самой удобной формой такихъ сношеній. Но съ развитіемъ телеграфовъ миссіи все болѣе и болѣе низводятся на степень лишь передаточныхъ инстанцій, а дѣйствительное веденіе переговоровъ переходитъ непосредственно къ министру иностранныхъ дѣлъ. Къ тому же дипломатическіе агенты являются представителями именно политическихъ интересовъ. Въ настоящее время, со все возрастающимъ значеніемъ интересовъ соціальныхъ, роль дипломатическихъ агентовъ умаляется, за то выдвигается все болѣе и болѣе дѣятельность консуловъ.

§ 36. Консулы въ христіанскихъ государствахъ ([1]).

Для попеченія о торговыхъ и промышленныхъ интересахъ и для оказанія, въ случаѣ надобности, содѣйствія своимъ подданнымъ, находящимся за границею, государства назначаютъ особыхъ лицъ—*консуловъ*. Юридическое положеніе и права консуловъ въ христіанскихъ и въ нехристіанскихъ государствахъ представляются существенно различными и потому ихъ необходимо разсмотрѣть отдѣльно.

Это различіе появилось впрочемъ не ранѣе XVII вѣка. Первоначально же институтъ консуловъ, возникшій въ эпоху крестовыхъ походовъ, представлялъ повсемѣстно одинъ общій типъ. Расширеніе торговыхъ международныхъ сношеній, вмѣстѣ съ господствовавшей тогда системой личныхъ правъ, сдѣлали необходимымъ установленіе такихъ должностныхъ лицъ, которыя бы вѣдали судебныя и другія дѣла иностранныхъ купцовъ каждой національности въ отдѣльности. Первоначально консулы не были правительственными агентами, а выбирались изъ своей среды колоніей иностранцевъ данной національности. Общее распространеніе консулы получили впрочемъ не ранѣе XVI вѣка и уже въ слѣдующемъ столѣтіи въ ихъ положеніи произошло существенное измѣненіе. Съ установленіемъ территоріальнаго принципа, требующаго подчиненія и иностранцевъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ и мѣстныхъ властей, консулы должны были лишиться принадлежащихъ имъ прежде правъ юрисдикціи по дѣламъ, возникающимъ между ихъ соотечественниками. Право юрисдикціи сохранилось за консулами только на востокѣ, въ нехристіанскихъ государствахъ. Точно также съ усиленіемъ королевской власти исчезаютъ выборные консулы, замѣняясь консулами, назначаемыми правительственною властью. Въ настоящее время только въ одной Швеціи сохранилось еще участіе торговаго класса въ назначеніи консуловъ.

Правда и теперь сохраняется еще выраженіе «выбранный консулъ» (consul electus) въ противоположность «консулу присланному» (consul missus), но различіе этихъ выраженій

([1]) *Наумовъ*. Консульское право Европы и Америки. Москва, 1856.

*

получило теперь другое значеніе. Выборными консулами называютъ теперь консуловъ назначенныхъ правительствомъ же, но только не изъ своихъ, а изъ мѣстныхъ подданныхъ. Консулъ присланный, напротивъ, есть собственный подданный назначившаго его государства.

Консулы, какъ и дипломатическіе агенты, бываютъ различныхъ ранговъ: генеральные консулы, консулы, вице-консулы, консульскіе агенты. Но значеніе этихъ ранговъ совершенно иное, нежели у дипломатическихъ агентовъ. Ранги дипломатическихъ агентовъ не устанавливаютъ никакой іерархической подчиненности и въ каждое государство назначается только одинъ дипломатичеткій агентъ. Напротивъ консуловъ въ одно и то же государство назначается по нѣскольку различныхъ ранговъ и между ними установляется іерархическая подчиненность. Обыкновенно государство раздѣляется на консульскіе округи съ извѣстными подраздѣленіями и тогда консулы высшихъ ранговъ имѣютъ болѣе широкій кругъ дѣйствія, нисшихъ— менѣе широкій.

Назначеніе консула совершается выдачей особаго патента (lettre de provision), который чрезъ дипломатическаго агента передается мѣстному министерству иностранныхъ дѣлъ. Консулъ вступаетъ въ свою должность не прежде, какъ получивъ на то согласіе отъ мѣстной власти, т. н. *exequatur*. Выдача exequatur, какъ и принятіе дипломатическихъ агентовъ, для государства не обязательна; въ ней можетъ быть отказано, она можетъ быть обставлена извѣстными условіями. Такъ, когда въ 1869 году маіоръ Гаггерти, ирландецъ, натурализовавшійся въ Соединенныхъ Штатахъ и принимавшій тамъ участіе въ феніанской агитаціи, былъ назначенъ американскимъ консуломъ въ Глазговѣ, англійское правительство не дало ему exequatur и вашингтонское правительство назначило вмѣсто него другое лицо. Иногда государство не допускаетъ, вообще, назначенія консуловъ въ опредѣленныя мѣстности, или только генеральныхъ консуловъ.

Допущенный къ отправленію своихъ функцій, консулъ можетъ быть во всякое время лишенъ своего exequatur. Въ 1856 году вашингтонское правительство отобрало exequatur у трехъ англійскихъ консуловъ въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Цинцинатѣ, такъ какъ они въ нарушеніе нейтралитета Сое-

диненныхъ Штатовъ приняли дѣятельное участіе въ наборѣ солдатъ для англійской арміи въ Крыму. Но обыкновенно не прибѣгаютъ къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, а извѣщаютъ предварительно правительство, назначившее консула, о допущенныхъ имъ нарушеніяхъ своихъ обязанностей, и оно само отзываетъ его.

Перемѣна правителя, правительства и даже завоеваніе страны не влекутъ за собою необходимости новаго назначенія консуловъ, выдачи имъ новыхъ патентовъ и новыхъ exequatur. Когда Алжиръ былъ завоеванъ Франціей, въ немъ продолжали долгое время функціонировать консулы, получившіе exequatur еще отъ Бея. Точно также, при объединеніи Италіи въ одно королевство, въ разныхъ мѣстностяхъ сохранились консулы, имѣвшіе exequatur отъ не существовавшихъ уже правительствъ, мелкихъ итальянскихъ государствъ. Россія сначала не признавала установившагося съ 1830 года въ Бельгіи правительства; тѣмъ не менѣе наши консулы, имѣвшіе exequatur отъ голландскаго правительства, продолжали функціонировать и это не смотря даже на заявленный въ 1836 году Бельгіей протестъ [1].

Консулы, будучи назначаемы не для представительства своего государства, не имѣютъ представительнаго характера и связанныхъ съ нимъ правъ. Исключеніе составляютъ только т. н. *генеральные консулы и повѣренные въ дѣлахъ* (consuls generaux, chargés d'affaires), назначаемые въ государства Балканскаго полуострова, Азіи и Африки, и въ нѣкоторыя государства Америки. Соединяя функціи консула и повѣреннаго въ дѣлахъ, они естественно пользуются правами, присвоенными дипломатическимъ агентамъ. Но обыкновенные консулы не признаются представителями своего государства и потому не могутъ дѣйствовать и дѣлать заявленія мѣстному правительству отъ имени своего правительства. Они даже не имѣютъ собственно права непосредственно сноситься съ мѣстнымъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и дѣлаютъ это чрезъ посредство своей дипломатической миссіи. Не имѣя представительнаго характера, консулы не пользуются и экстерриторі-

[1] Мартенсъ, II, стр. 70. Впрочемъ авторъ дѣлаетъ изъ этого инцидента почему то противуположный выводъ.

альностью, но занимая все таки оффиціальное положеніе и дѣйствуя въ чужой сторонѣ какъ должностныя лица, они пользуются нѣкоторыми преимуществами, а именно:

1) освобождаются отъ уплаты прямыхъ налоговъ;

2) отъ постойной повинности;

3) отъ личнаго задержанія по гражданскимъ взысканіямъ. Впрочемъ, объемъ предоставляемыхъ консуламъ преимуществъ весьма измѣнчивъ. Вообще континентальныя государства Европы болѣе широко опредѣляютъ права консуловъ. Англія и Соединенные Штаты болѣе узко. Въ Англіи бывали даже примѣры, что самый архивъ консульства описывался и назначался къ продажѣ, для удовлетворенія гражданскихъ взысканій. А одно время былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли обложить подоходнымъ налогомъ пошлины, взыскиваемыя консулами за свидѣтельствуемые у нихъ акты.

Кромѣ различія законодательства, на объемъ предоставляемыхъ консулу правъ вліяетъ также и то, есть ли это consul electus или consul missus. Наибольшими правами пользуются консулы первой категоріи,—наименьшими—второй. Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что консулъ имѣетъ право выставить надъ своимъ жилищемъ государственный гербъ и національный флагъ. Но это не обозначаетъ того, чтобы помѣщеніе консульства было экстерриторіально или могло служить, неприкосновеннымъ для мѣстной власти, убѣжищемъ.

Обязанности возлагаемыя на консула сводятся къ слѣдующимъ.

1) Консулъ выполняетъ въ отношеніи къ актамъ, совершаемымъ заграницей подданными назначившаго его государства, обязанности нотаріуса. Онъ удостовѣряетъ также подлинность документовъ, исходящихъ отъ органовъ его правительства, и правильность перевода такихъ документовъ.

2) Въ отношеніи къ экипажу торговыхъ судовъ, находящихся въ мѣстѣ пребыванія консула, онъ осуществляетъ полицейско-судебную власть, разрѣшая своею властью мелкія столкновенія и споры между членами экапажа и можетъ подвергать матросовъ торговаго судна взысканіямъ. Мѣстныя власти обязаны исполнять требованія консула относительно задержанія матросовъ съ судовъ его національности. Наше

законодательство допускаетъ арестъ матросовъ по опредѣленію консула, на срокъ однако не болѣе двухъ дней.

3) Въ отношеніи къ военнымъ судамъ, консулъ обязанъ оказывать по требованію капитана всякаго рода содѣйствіе въ покупкѣ сухихъ припасовъ, наймѣ рабочихъ, въ собираніи всякаго рода свѣдѣній и справокъ, въ сношеніяхъ съ мѣстными властями и т. п.

4) Въ случаѣ смерти соотечественника, консулъ обязанъ озаботиться охраненіемъ оставшагося послѣ него наслѣдства и розысканіемъ наслѣдниковъ.

5) На консула возлагаются обязанности, по собиранію свѣдѣній, объясняющихъ условія торговли государства его назначившаго съ тѣмъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ.

§ 37. Консулы въ нехристіанскихъ государствахъ ([1]).

Особенное положеніе консуловъ въ нехристіанскихъ государствахъ обусловливается необезпеченностію въ нихъ правъ иностранцевъ и вообще непрочностью юридическаго порядка. Покровительство консуловъ своимъ соотечественникамъ принимаетъ, здѣсь, потому болѣе широкіе размѣры и влечетъ расширеніе предоставляемыхъ консуламъ прерогативъ.

Главная особенность положенія консуловъ въ нехристіанскихъ государствахъ заключается въ ихъ внѣземельности и въ предоставленіи имъ гражданской и уголовной юрисдикціи надъ ихъ соотечественниками.

Консульская юрисдикція установилась первоначально въ силу особыхъ соглашеній съ Оттоманскою Портою, а со временемъ получила значеніе обычнаго права. Соглашенія о предоставленіи консуламъ юрисдикціи назывались *капитуляціями*. Первыя изъ нихъ относятся къ XVI столѣтію и были заключены Франціей (1528 и 1535 г.г.). Ея примѣру скоро послѣдовали Англія (1580 г.). Въ настоящее время права французскихъ консуловъ въ Турціи опредѣляются на основаніи договора 1740 года, англійскихъ на основаніи договора 1675 года, шведскихъ—договора 1737 г., датскихъ—1756 г., прусскихъ

([1]) *Мартенсъ*. О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ. Спб. 1873.

—1761 г. Права русскихъ консуловъ опредѣлены Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ 1774 г. и особенно подробно торговымъ трактатомъ 1783 года.

Консульская юрисдикція, установившаяся первоначально въ Турціи, была затѣмъ перенесена и въ другія нехристіанскія государства. Съ Персіей первый договоръ, о предоставленіи консуламъ юрисдикціи, заключила также Франція въ 1708 г.; договоръ этотъ замѣненъ теперь договоромъ 1855 г. Затѣмъ слѣдовала Россія, цѣлымъ рядомъ договоровъ, съ 1717 по 1828 г., обезпечившая права своихъ консуловъ въ Персіи.

Международныя сношенія наши съ Китаемъ завязались очень рано и уже въ 1689 году заключенъ былъ нами съ нимъ договоръ въ Нерчинскѣ. Но экстерриторіальность нашихъ подданныхъ къ Китаѣ выговорена была впервые только договоромъ кяхтинскимъ 1728 г., а право назначать консуловъ только кульджинскимъ договоромъ 1851 года. Тяньдзинскимъ трактатомъ 1858 года и пекинскимъ 1860 г. увеличено число консуловъ и расширена ихъ юрисдикція.

Къ пятидесятымъ же годамъ относится установленіе европейскихъ консуловъ въ Японіи. Россія заключила объ этомъ договоръ въ 1855 году.

Подобные же договоры относительно консульской юрисдикціи были заключены и съ другими нехристіанскими государствами: Сіамомъ, Мадагаскаромъ, Марокко. Въ новѣйшее время и сами нехристіанскія государства заключили между собою договоры относительно взаимнаго предоставленія внѣземельности своимъ подданнымъ, находящимся заграницей. Такіе договоры существуютъ теперь между Турціей и Персіею съ 1871 г. и между Китаемъ и Японіей съ 1873 г.

Консульская юрисдикція осуществляется консулами не единолично, а особо образуемой подъ его предсѣдательствомъ коллегіей. При томъ обыкновенно организуются двѣ инстанціи суда. Можно различить два главныхъ типа организаціи консульскихъ судовъ, смотря потому, гдѣ организуется судъ второй инстанціи: въ той ли странѣ, гдѣ дѣйствуютъ консулы, или въ ихъ отечествѣ. Послѣдній типъ организаціи консульскихъ судовъ примѣненъ французскимъ законодательствомъ. Судомъ первой инстанціи является коллегія, состоящая изъ консула, какъ предсѣдателя, и двухъ засѣдателей, по приглашенію кон-

сула изъ среды мѣстной французской колоніи. Вторую инстанцію образуетъ судъ въ *Aix*. Англійскіе и русскіе консульскіе суды относятся къ первому типу. Судъ первой инстанціи организованъ тутъ также какъ и французскій: изъ консула и засѣдателей отъ мѣстной отечественной колоніи. Но англійскій судъ второй инстанціи учрежденъ въ Константинополѣ изъ особо назначенныхъ лицъ.

Русское законодательство содержитъ опредѣленныя постановленія только относительно организаціи консульскихъ судовъ въ Персіи. Судъ первой инстанціи составляется изъ консула и двухъ засѣдателей и, кромѣ того, такой же судъ первоинстанціи существуетъ и при нашей миссіи въ Тегеранѣ, но только консула замѣняетъ тутъ, въ качествѣ предсѣдателя суда, старшій драгоманъ посольства. Судъ второй инстанціи организуется при миссіи, подъ предсѣдательствомъ старшаго секретаря посольства (онъ же и старшій генеральный консулъ), изъ засѣдателей, назначенныхъ посланникомъ изъ среды русской колоніи въ Тегеранѣ. На практикѣ подобная же организація консульскихъ судовъ существуетъ у насъ и въ Турціи, и въ Китаѣ, и въ Японіи.

Первоначально консульская юрисдикція была ограничена только дѣлами между иностранцами одной и той же національности. Но практика, мало по малу, расширила ее на всѣ дѣла между иностранцами, хотя бы и разной національности, причемъ подсудность по обычаю опредѣляется національностью отвѣтчика или обвиняемаго. Въ Египтѣ, откуда переносить дѣла въ Диванъ султана, какъ того требовали капитуляціи, было очень затруднительно, предѣлы консульской юрисдикціи расширились еще болѣе, такъ что къ консуламъ отошли и дѣла между иностранцами и туземцами. Это конечно установляло множество различныхъ юрисдикцій (до 17) и приводило на практикѣ къ большимъ неудобствамъ. Такой порядокъ вещей не могъ конечно взывать не недовольства и Турецкое правительство давно уже хлопочетъ объ уничтоженіи или ограниченіи консульской юрисдикціи. Но до сихъ поръ это удалось сдѣлать только въ Египтѣ.

Въ 1876 году состоялась тамъ, по почину Нубара-паши, частичная замѣна консульской юрисдикціи особыми смѣшанными судами. Юрисдикція этихъ судовъ распространяется

на дѣла гражданскія и торговыя туземцевъ съ иностранцами и иностранцевъ разныхъ національностей. Смѣшанный судъ имѣетъ 2 инстанціи. Три суда первой инстанціи учреждены въ Александріи, Каирѣ и Измаиліи. Они состоятъ каждый изъ семи членовъ,—четырехъ иностранцевъ и трехъ туземцевъ. По дѣламъ торговымъ присоединяются къ составу суда съ совѣщательнымъ голосомъ два купца: иностранецъ и туземецъ. Судъ второй инстанціи, апелляціонный, въ Александріи состоитъ изъ одиннадцати членовъ: 7 иностранцевъ и 4 туземца. Всѣ судьи назначаются египетскимъ правительствомъ, но иностранцы не иначе, какъ по предварительному сношенію съ министромъ юстиціи, соотвѣтствующаго государства. Судоговореніе, кромѣ туземнаго языка, можетъ происходить также на французскомъ или итальянскомъ. Изъ уголовныхъ дѣлъ вѣдѣнію новыхъ судовъ предоставлены только: 1) полицейскіе проступки иностранцевъ, 2) преступленія противъ новыхъ судовъ, 3) преступленія самихъ членовъ этихъ судовъ. Для разбора уголовныхъ дѣлъ образуются особыя присутствія. Дѣла о полицейскихъ нарушеніяхъ рѣшаются единолично однимъ изъ иностранныхъ членовъ суда. Кромѣ того, образуется судъ исправительный (tribunal correctionel) и ассизный (cour d'assises). Трибуналъ составляется изъ трехъ судей: двухъ иностранцевъ и одного туземца, съ присоединеніямъ четырехъ иностранныхъ ассессоровъ. Судъ ассизный тоже состоитъ изъ трехъ членовъ, но безъ ассессоровъ. За то онъ рѣшаетъ дѣла съ участіемъ присяжныхъ,все иностранцевъ. Суды эти были введены въ видѣ опыта всего на пять лѣтъ, но такъ какъ не состоялось соглашеніе объ окончательномъ опредѣленіи способа огранизаціи юрисдикцій, то дѣйствіе ихъ было продолжено.

Въ Тунисѣ въ 1883 году, вслѣдствіе установленія французскаго протектората, уничтожилась съ согласія заинтересованныхъ державъ консульская юрисдикція. Консульскія суда замѣнены вновь учрежденными тамъ французскими судами, а именно однимъ трибуналомъ и шестью мировыми судьями.

§ 38. Конгрессы и конференціи.

Коллективными органами международныхъ сношеній являются *конгрессы* и *конференціи*, т. е. съѣзды представителей

различныхъ государствъ съ цѣлью разрѣшенія и урегулированія опредѣленнаго вопроса международной политики. Конгрессами называютъ болѣе торжественные изъ такихъ съѣздовъ; конфренціями—менѣе торжественные. Провести между конгрессами и конференціями болѣе опредѣленное различіе невозможно, ни по ихъ составу, ни по предмету ихъ дѣятельности.

Конгрессы и конференціи составляются или изъ правителей государствъ, или изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, или изъ дипломатическихъ членовъ. Члены конгреса и конференціи, какъ представители государства, пользуются въ полной мѣрѣ экстерриторіальностью. Въ новѣйшее время, однако, въ международной практикѣ появились конференціи составляющіяся изъ лицъ, не имѣющихъ представительнаго характера. Таковы конференціи телеграфнаго и почтоваго международныхъ союзовъ, составляемыя изъ представителей отъ соотвѣтствующихъ управленій отдѣльныхъ государствъ. Члены такихъ собраній не пользуются внѣземельностью.

Возбудить вопросъ о созывѣ конгресса можетъ любая держава, какъ непосредственно заинтересованная въ вопросахъ, предполагаемыхъ къ рѣшенію на конгрессѣ, такъ и являющаяся лишь въ роли посредника. Но самое приглашеніе на конгрессъ исходитъ, по обычаю, отъ той державы, на территоріи которой долженъ по условію происходить конгрессъ. Такъ приглашенія на Берлинскій конгрессъ, созванный по инціативѣ Австріи, разосланы были Берлинскимъ кабинетомъ, чрезъ посредство своихъ представителей при иностранныхъ дворахъ.

Предсѣдательство на конгрессѣ предоставляется обыкновенно представителю того государства, гдѣ происходитъ конгресъ, но онъ не дѣлается предсѣдателемъ ipso jure и каждый разъ особо избирается. Такъ на Берлинскомъ конгресѣ, въ первомъ засѣданіи, графъ Андраши предложилъ поручить предсѣдательство князю Бисмарку, что и было принято единогласно. Выбранный предсѣдатель предлагаетъ затѣмъ собранію организацію бюро, которому вручаются членами конгресса ихъ полномочія.

Дѣла на конгрессахъ и конференціяхъ рѣшаются не иначе, какъ общимъ соглашеніемъ. Рѣшеніе большинствомъ голосовъ

примѣняется только къ вопросамъ формальнымъ: относительно выбора коммиссій, опредѣленія порядка обсужденія вопросовъ и вообще порядка дѣлопроизводства.

Изъ европейскихъ конгрессовъ наибольшее значеніе имѣютъ Вестфальскій 1648 г., Вѣнскій 1814 г., Парижскій—1856, и Берлинскій 1878 г.

Всѣ эти конгрессы имѣютъ, однако, случайный характеръ. Они составляются для рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ международной политики, не представляя собою постояннаго учрежденія, постояннаго органа международнаго союза. Въ литературѣ не разъ высказывалась мысль о желательности организаціи постояннаго конгресса европейскихъ государствъ, призваннаго разрѣшать всѣ возникающія въ международныхъ отношеніяхъ Европы осложненія.

Еще французскій король Генрихъ IV и его министръ герцогъ Сюлли составили планъ организаціи постояннаго европейскаго конгресса. Для этого прежде всего, по ихъ мнѣнію, слѣдовало нѣсколько видоизмѣнить современную имъ политическую карту Европы, такъ чтобы установилось полное равновѣсіе между государствами. Они предполагали раздѣлить всю западную Европу на 15 государствъ: 5 наслѣдственныхъ монархій (Францція, Испанія, Великобританія, Швеція, Ломбардія), 6 избирательныхъ монархій (Германская имперія, Венгрія, Богемія, Польша, Данія) и 4 республики (Венеція, Флоренція, Нидерланды, Швейцарія). Каждое изъ этихъ 15 государствъ должно имѣть въ конгрессѣ четыре представителя. Эта идея организаціи постояннаго европейскаго конгреса, для разрѣшенія международныхъ столкновеній и обезпеченія этимъ путемъ европейскаго мира, затѣмъ нашла себѣ послѣдователей въ лицѣ Лейбница, Вильяма Пенна, Канта, Бентама и въ особенности аббата С. Пьера, проэктъ котораго, благодаря комментировавшему его Руссо, получилъ громкую извѣстность. С. Пьеръ предполагалъ дать большимъ государствамъ, въ числѣ девятнадцати, по одному голосу въ конгрессѣ, а мелкихъ сгруппировать, предоставивъ имъ лишь право коллективнаго голоса. Для рѣшенія вопросовъ предполагалось требовать большинство $^3/_4$ голосовъ.

Всѣ названные мыслители связывали вопросъ объ организаціи постояннаго конгресса съ обезпеченіемъ вѣчнаго мира

между государствами. Всѣ они также предполагали составить конгрессъ исключительно изъ представителей правительствъ. Въ новѣйшее время Блунчли и Лоримеръ составили также проэкты организаціи постоянныхъ конгрессовъ, но съ существенно инымъ характеромъ. Они не думаютъ этимъ путемъ установить вѣчный миръ; они вводятъ въ составъ конгресса представителей какъ отъ правительства, такъ и отъ народа и потому примѣняютъ къ нему двухпалатную организацію.

По проэкту Лоримера, верхняя палата (сенатъ) должна быть составлена изъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно правительствами отдѣльныхъ государствъ, по соглашенію съ ихъ верхними палатами, изъ лицъ не моложе 30 лѣтъ, занимающихъ высокое и вполнѣ обезпеченное положеніе; ихъ число втрое меньше числа депутатовъ. Они получаютъ международный титулъ, переходящій по наслѣдству къ старшему сыну. Нижняя палата составляется изъ членовъ избираемыхъ нижними палатами отдѣльныхъ государствъ, на срокъ, опредѣляемый каждымъ государствомъ въ отдѣльности. Члены нижней палаты получаютъ содержаніе въ 1000 ф. стерлинговъ въ годъ. Шесть великихъ державъ назначаютъ каждая по 15 членовъ нижней палаты. Ихъ представители опредѣляютъ число депутатовъ отъ другихъ государствъ, сообразно ихъ пространству, населенію, чистому доходу и др. основаніямъ. Приведеніе въ исполненіе постановленій конгресса возлагается на бюро или министерство, составленное изъ 15 членовъ, пяти сенаторовъ и 10 депутатовъ, избираемыхъ на годъ, при томъ такъ, чтобы въ составѣ его непремѣнно были представители шести великихъ державъ. Въ распоряженіи этого бюро находится международная армія, составленная изъ контингентовъ отъ отдѣльныхъ государствъ. Офицеры чиномъ старше полковника назначаются международнымъ бюро. Издержки покрываются особымъ международнымъ налогомъ, взимаемымъ каждымъ государствомъ со своихъ подданныхъ. Кромѣ того Лоримеръ проэктируетъ учрежденіе и международнаго суда, изъ двухъ отдѣленій—гражданскаго и уголовнаго. 14 судей и президентъ назначаются пожизненно международнымъ бюро, изъ среды членовъ высшихъ судовъ отдѣльныхъ государствъ; шестеро изъ нихъ должны быть подданные шести великихъ державъ. Всѣ эти учрежденія должны имѣть опредѣленное

мѣстопребываніе; лучше всего Константинополь, который долженъ бы сдѣлаться вольнымъ нейтральнымъ городомъ; если же это невыполнимо, то въ Женевѣ [1].

Подобный же проэктъ былъ предложенъ и Блунчли [2]. Верхнюю палату (союзный совѣтъ) онъ предполагаетъ составить изъ представителей правительствъ 18 европейскихъ государствъ такъ, чтобы шесть великихъ державъ имѣли 12 голосовъ и столько же 12 остальныхъ. Нижняя палата должна состоять изъ 96—120, такъ чтобы каждая великая держава имѣла по 8 или 10 представителей, а другія государства по 4 или 5. Исполненіе рѣшеній конгресса Блунчли предполагаетъ предоставить въ мелкихъ дѣлахъ, отдѣльнымъ государствамъ въ важныхъ—коллегіи представителей шести великихъ державъ. Такимъ образомъ главная особенность проэкта Блунчли, сравнительно съ проэктомъ Лоримера, это предоставленіе рѣшительнаго преобладанія великимъ державамъ.

§ 39. Формы международныхъ сношеній.

Практика международной жизни выработала болѣе или менѣе опредѣленныя формы международныхъ сношеній, совершающихся въ настоящее время преимущественно въ письменной формѣ. Дипломатическая переписка можетъ, прежде всего, происходить между правителями государствъ непосредственно. Христіанскіе государи называютъ другъ друга *братьями*, а нехристіанскихъ государей и президентовъ республикъ *друзьями*. Письма ихъ различаются троякаго рода. Во первыхъ, т. н. lettres de chancellerie, отправляемыя съ приложеніемъ государственной печати. Онѣ начинаются съ титула пишущаго, затѣмъ слѣдуетъ титулъ адресата и послѣ того, отступя, слѣдуютъ слова: «Très haut et très puissant prince frère et trés cher ami.

Такова форма для писемъ между равными. Если пишетъ высшій по рангу, то въ началѣ письма прописывается только

---

[1] *Lorimer*. Principes de droit international. Trad. par. Ernest Nys. 1885, pp. 349—358.

[2] *Bluntschli*. Gesammelte kleine schriften II. B. 1881., s. 392.

его титулъ, если низшій—то только титулъ адресата. Въ этихъ письмахъ пишущій, если это государь, о себѣ говоритъ «мы». Иниціалы личныхъ мѣстоимѣній пишущаго и адресата пишутся большіе. Заключеніе этихъ писемъ обыкновенно бываетъ такое: «Sur ce Nous prions Dieu, qu'il Vous ait, très haut, très puissant et très excellent prince, Notre trés aimé bon frère en sa sainte et digne garde». А если пишутъ президенту республики: «Sur ce je prie Dieu, grand et bon ami, qu'il Vous ait en sa sainte et digne garde». Подъ письмомъ слѣва обозначаются мѣсто и дата, ниже справа дѣлается подпись пишущаго. Кромѣ того, эти письма контрасигнируются министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Другая, менѣе торжественная, форма писемъ—это lettres de cabinet. Въ нихъ не прописываются титулы. Онѣ начинаются со словъ: «Monsieur mon frère». Контрасигновки обыкновенно не дѣлается. Печать употребляется малая. Наконецъ, третья форма писемъ—это lettres autographes, для которыхъ нѣтъ никакой опредѣленной формы.

Въ перепискѣ министровъ и дипломатическихъ агентовъ различаютъ прежде всего депеши и ноты. Депеши служатъ для переписки между органами одного и того же государства, ноты—для переписки между органами различныхъ государствъ. Главное подраздѣленіе нотъ—это ноты словесныя и писанныя. Ноты писанныя (ecrites) сообщаются иностранному правительству въ писанномъ текстѣ. Ноты словесныя только прочитываются, а писаннаго текста при этомъ не передается. Особый видъ нотъ составляютъ мемуары и меморандумы. Они обыкновенно бываютъ неподписанныя, и пишущій говоритъ въ нихъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Содержаніе ихъ составляетъ изложеніе требованій одного правительства по отношенію къ другому.

Форма дипломатической переписки опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ и рангомъ, переписывающихся лицъ. Въ письмахъ различаютъ слѣдующія части, различная форма которыхъ выражаетъ большее или меньшее почтеніе пишущаго къ адресату.

1) Надписаніе, l'insription, въ которомъ обозначается званіе адресата (sire, Monsieur le ministre, Monsieur le Prince, Monsieur). Оно можетъ имѣть три различныхъ формы: en

vedette, т. е. отдѣльно отъ текста въ особой строкѣ, что считается самой почтительной формой; en ligne, т. е. въ одну строку съ текстомъ, но въ самомъ его началѣ; dans la ligne— также въ самомъ текстѣ, но не въ началѣ, а послѣ нѣсколькихъ словъ.

2) Куртуазія, courtoisie, т. е. выраженіе уваженія, почтенія и т. д. въ концѣ письма.

3) Подпись, которая можетъ быть сдѣлана или en billet когда она ставится непосредственно послѣ куртуазіи, или en dépêche, когда ей предпосылается еще въ особой строкѣ формула: «Votre très-humble et très-obéissant serviteur» или т. п. Подпись en dépêche считается болѣе почтительной.

4) Data ставится вверху или внизу письма; послѣдняя форма болѣе почтительная.

Въ телеграммахъ эти формы не соблюдаются. Въ нихъ не требуется ни надписанія, ни куртуазіи; data всегда ставится на верху и подпись слѣдуетъ непосредственно за текстомъ.

Въ отношеніи словесныхъ сношеній, конечно, не можетъ быть установлено никакихъ опредѣленныхъ формъ. Рѣчь можетъ тутъ идти развѣ только о первенствѣ, объ опредѣленіи взаимныхъ отношеній представителей различныхъ государствъ (préséance). Въ старое время этому вопросу придавали большое значеніе. За столомъ первымъ мѣстомъ считается среднее, противъ главныхъ входныхъ дверей, или, если столъ стоитъ такъ, что ни одно изъ среднихъ мѣстъ не приходится противъ входныхъ дверей, то то, на которомъ свѣтъ приходится съ лѣвой руки; затѣмъ слѣдуетъ первое по правую руку предсѣдателя. Но какое мѣсто почетнѣе, первое по лѣвую, или второе по правую руку, объ этомъ существовали разногласія.

Въ процессіяхъ, когда идутъ цугомъ, младшіе идутъ вообще впередъ, старшіе сзади. Но если въ шествіи имѣется какой либо центръ, напр. крещаемый младенецъ, брачущаяся пара, погребальная колесница, то отъ него взадъ и впередъ порядокъ мѣстъ тотъ, что ближайшее къ нему мѣсто въ обѣ стороны считается почетнѣйшимъ. Когда идутъ попарно, правое мѣсто старшее, когда втроемъ, то среднее, и т. п. Но въ религіозныхъ католическихъ процессіяхъ и при турецкомъ дворѣ старшимъ считается мѣсто слѣва.

Такъ какъ этому различію мѣстъ придавалось вообще очень большое значеніе, то необходимо было опредѣлить относительное старѣйшинство между государствами. Такія опредѣленія исходили обыкновенно отъ папъ. Такъ, еще въ 1504 году папа Юлій II такъ опредѣлилъ порядокъ старѣйшинства между государями: 1) германскій императоръ, 2) римскій король, 3) король французскій, 4) испанскій, 5) арагонскій, 6) португальскій, 7) англійскій, 8) Сициліи, 9) шотландскій, 10) венгерскій, 11) наваррскій, 12) кипрскій, 13) чешскій, 14) польскій, 15) датскій, 16) Венеція, 17) Швейцарія, 18) бретанскій герцогъ, 19) бургонскій, 20) курфюрстъ пфальцскій, 21) саксонскій, 22) бранденбургскій, 23) эрцъ-герцогъ австрійскій, 24) герцогъ савойскій, 25) великій герцогъ флорентійскій, 26) герцогъ миланскій, 27) баварскій, 28) лотарингскій. Но папы не могли устранить споровъ изъ-за старѣйшинства, и въ слѣдующемъ столѣтіи высказывается уже, впервые Густавомъ Адольфомъ, новое начало равенства всѣхъ государствъ, поддержанное затѣмъ Англіей. Но окончательно устранены были споры о первенствѣ только на вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ всѣ мѣста были признаны первыми, по предложенію нашего государя.

При подписяхъ теперь также не соблюдается порядокъ старѣйшинства, а подписываются или въ алфавитномъ порядкѣ, или съ соблюденіемъ такъ назыв. альтернаціи, т. е., въ разныхъ экземплярахъ подписываемаго документа въ различномъ порядкѣ, такъ что на экземплярѣ каждаго государства его подпись стоитъ первою.

Дипломатическимъ языкомъ въ старое время былъ латинскій, а съ XVIII столѣтія онъ замѣнился французскимъ, и только въ сношеніяхъ съ папской куріей сохранилось употребленіе латинскаго языка. Но французскій языкъ никогда не былъ признанъ прямо дипломатическимъ языкомъ. Даже, напротивъ, во многихъ трактатахъ, написанныхъ по-французски, содержатся спеціальныя оговорки, что изъ употребленія въ данномъ случаѣ французскаго языка не слѣдуетъ дѣлать никакихъ заключеній на будущее время; напр., въ раштадскомъ трактатѣ 1714, ахенскомъ 1748, въ союзномъ между Франціей и Австріей 1756, а также въ заключительномъ актѣ вѣнскаго конгресса 1815 г., именно въ ст.

20 говорится: «la langue française ayant eté employée dans toutes les copies du present traité, il est reconnu par les Puissances, qui ont concouru a cet acte, que l'emploi de cette langue ne tirera point a conséquence pour l'avenir. Папа и до сихъ поръ употребляетъ въ своихъ сношеніяхъ съ правительствами латинскій языкъ.

Теперь нѣкоторыми государствами употребляется не французскій языкъ, а свой собственный. Такъ поступаетъ Англія со временъ Каннинга. Германія, съ 1872 года, держится того правила, что употребляетъ французскій, а не нѣмецкій, языкъ лишь въ сношеніяхъ съ тѣми правительствами, которыя сами употребляютъ не свой родной языкъ. Отсюда вытекаетъ, что въ сношеніяхъ съ Франціей Берлинскій кабинетъ держится нѣмецкаго языка.

ГЛАВА VI.

Охрана международнаго права.

§ 40. Международная отвѣтственность государства.

Нормы международнаго права сами суть нормы охраны правъ совмѣстною дѣятельностью нѣсколькихъ государствъ. Но и онѣ могутъ быть нарушаемы, какъ и всякія другія нормы формальнаго права, напр. нормы гражданскаго или уголовнаго процесса. Какимъ же образомъ достигается охрана нормъ международнаго права противъ возможныхъ правонарушеній? Чтобы выяснить это, надо разсмотрѣть два вопроса: 1) на кого падаетъ отвѣтственность за эти нарушенія, и 2) каковы самые способы охраны?

Первый изъ этихъ вопросовъ сводится къ опредѣленію того, при какихъ условіяхъ правительства могутъ быть признаны отвѣтственными за дѣйствія своихъ органовъ, должностныхъ лицъ, и просто своихъ подданныхъ, лицъ частныхъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтственность падаетъ на правительства, охрана права противъ нарушенія совершается особыми международными способами. Если же отвѣтственность за совершенное правонарушеніе падаетъ исключительно на отдѣльныхъ лицъ, его совершившихъ, то репрессія правона-

рушенія осуществляется обыкновенными способами гражданскаго или уголовнаго преслѣдованія и не получаетъ международнаго характера.

Отвѣтственность правительства имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ случаяхъ отказа въ правосудіи, т. е. когда правительство не допускаетъ преслѣдованія или отказываетъ въ преслѣдованіи (если инициатива зависитъ отъ него) виновнаго;

2) если правонарушительное дѣйствіе совершено по распоряженію правительства;

3) если правительство не приняло зависящихъ отъ него мѣръ къ предотвращенію завѣдомо для него готовившагося правонарушенія.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ отвѣтственность несутъ въ обыкновенномъ порядкѣ сами виновные.

Международная отвѣтственность государства, конечно, никогда не можетъ имѣть характера наказанія, такъ какъ юридическія лица вообще не подлежатъ наказанію, да къ тому же государства, въ силу своей независимости, ничьей карательной власти подчиниться не могутъ. Охрана нарушенія международнаго права можетъ заключаться:

1) Въ *возстановленіи* нарушеннаго права или *фактическомъ*, напр. возвращеніе неправильно захваченнаго участка территоріи, или *символическомъ*, напр. принесеніе *извиненія*, торжественное *признаніе* нарушеннаго или оспореннаго права.

2) Другая форма охраны есть *вознагражденіе* за нарушенное право въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не можетъ быть возстановлено.

Въ сороковыхъ гг. въ американской практикѣ возбужденъ былъ весьма любопытный вопросъ о томъ, отвѣчаетъ ли правительство за неправильныя рѣшенія своихъ органовъ. Случай былъ такого рода: Въ 1842 году Перуанское судно *Каролина*, вслѣдствіе понесенныхъ ею сильныхъ аварій, зашла въ бразильскій портъ Св. Катерины. Такъ какъ тамъ не было перуанскаго консула, то капитанъ обратился къ мѣстной власти съ просьбой назначить коммиссію для изслѣдованія состоянія судна. Коммиссія признала, что судно не можетъ уже быть исправлено и подлежитъ продажѣ, которая и состоялась, согласно мѣстному законодательству. *Каролина* была застра-

*

хована въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи. Страховая премія была уплочена страховыми обществами, но послѣ того у нихъ явилось подозрѣніе, что со стороны капитана обманнымъ путемъ было получено признаніе судна негоднымъ къ исправленію, и они возбудили противъ него преслѣдованіе въ бразильскомъ судѣ, такъ какъ капитанъ остался въ Бразиліи. Это обвиненіе судъ призналъ основательнымъ и въ силу того постановленіе коммиссіи было кассировано и продажа судна уничтожена. Но дѣла воротить уже было нельзя. Судна уже на лицо не было и съ капитана ничего, оказалось, нельзя было взыскать. Тогда страховыя общества ([1]) обратились къ Вашингтонскому правительству съ просьбой о содѣйствіи по взысканію вознагражденія съ бразильскаго правительства, такъ какъ неправильное признаніе негодности состоялось по винѣ назначенной имъ коммиссіи. За дѣло энергично принялся въ 1857 г. посланникъ Соед. Шт. при бразильскомъ дворѣ Webb, и бразильское правительство, вовлеченное въ то время въ войну съ Парагваемъ, рѣшилось уплатить вознагражденіе въ 356,300 фр., оговорившись, однако, что оно не признаетъ справедливости этой претензіи. Въ 1872 г., по требованію бразильскаго посла въ Вашингтонѣ Carvalho-Borge, дѣло подверглось новому разсмотрѣнію и вашингтонское правительство признало, что деньги взысканы были съ бразильскаго правительства неправильно потому: 1) что не была доказана недобросовѣстность членовъ коммиссіи, и 2) что если бы она и была доказана, то только они сами, а не правительство, ихъ назначившее, могутъ нести отвѣтственность за недобросовѣстное постановленіе или рѣшеніе.

Поэтому рѣшено было возвратить деньги Бразиліи. При этомъ оказалось, что Webb передалъ правительству своему только 125,000 фр., остальные удержалъ себѣ на покрытіе расходовъ по дѣлу. Но когда бразильское правительство доказало, что оно уплатило не 125,000 а 356,000 фр., ему была возвращена вся сумма.

Правительства не отвѣчаютъ также и за тѣ убытки, какіе могутъ понести на территоріи ихъ иностранцы во время народныхъ волненій. Когда въ 1849 г. лондонскій каби-

([1]) Собственно нѣкто Wells, бывшій консулъ Соед. Шт. въ портѣ Св. Каролины, купившій у нихъ претензію.

нетъ требовалъ отъ неаполитанскаго правительства вознагражденія тѣмъ англичанамъ, которые потерпѣли во время народныхъ волненій въ Италіи, противъ этихъ претензій протестовало не только само это правительство, но и вѣнскій кабинетъ (нота князя Шварценберга отъ 14 апрѣля 1850 г.). Тосканское правительство предложило было предоставить дѣло третейскому рѣшенію русскаго императора, но наше правительство отклонило это предложеніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что принять на себя роль третейскаго судьи значило бы допустить возможность сомнѣній въ рѣшеніи этого вопроса, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности полнѣйшая очевидность несостоятельности претензій лондонскаго кабинета не оставляетъ мѣста ни малѣйшимъ сомнѣніямъ. Само собой понятно, что всякій иностранецъ, поселяясь въ странѣ по своему желанію, этимъ самымъ самъ подвергаетъ себя всѣмъ тѣмъ случайностямъ, какія могутъ постигнуть все мѣстное населеніе вообще, и нѣтъ никакого основанія къ тому, чтобы иностранцамъ присвоивать болѣе привиллегированное положеніе, сравнительно съ туземцами (нота Нессельроде отъ 2 мая 1850 г.). Выраженное австрійскимъ и нашимъ правительствами, рѣшительное осужденіе заставило Англію отказаться отъ дальнѣйшей поддержки своихъ притязаній.

Подобный же взглядъ былъ выраженъ Соединенными Штатами въ переговорахъ съ мадридскимъ кабинетомъ, по поводу происшедшихъ въ 1851 году безпорядковъ въ Новомъ Орлеанѣ.

Въ то время совершилась вторая высадка Лопеца на островѣ Кубѣ. Возстаніе скоро было подавлено и 50 флибустьеровъ, захваченныхъ испанцами, были разстрѣляны. Извѣстіе объ этомъ, вообще, чрезвычайно взволновало населеніе Соединенныхъ Штатовъ, а въ Новомъ Орлеанѣ дѣло дошло до насилія надъ проживавшими тамъ испанцами, до оскорбленія испанскаго флага и угрозъ испанскому консулу, жилище котораго подверглось нападенію. Испанское правительство требовало вознагражденія за причиненные при этомъ убытки испанцамъ. Но министръ иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ Вебстеръ отвѣчалъ на эти требованія отказомъ, признавая только обязанность вознаградить консула, которому мѣстное правительство обязано всегда оказываюсь особое покровительство. Мадридскій кабинетъ и удовольствовался этимъ.

Весьма большой практическій интересъ представляетъ вопросъ объ личной отвѣтственности лицъ, по приказанію своего правительства, совершающихъ въ мирное время насильственныя дѣйствія противъ другаго государства и захваченныхъ этимъ государствомъ. Можно ли подвергать такихъ лицъ уголовной отвѣтственности, или, напротивъ, ихъ личная отвѣтственность должна вполнѣ покрываться отвѣтственностью ихъ правительства? Къ обсужденію этого вопроса далъ поводъ случай съ нѣкіимъ англичаниномъ Макъ Ледомъ (case of M—Leod). Въ 1842 г., когда въ Канадѣ была сильно распространена агитація въ пользу присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ, мѣстнымъ властямъ стало извѣстнымъ, что пароходъ «Каролина» везетъ оружіе инсургентамъ. Капитанъ М. Ледъ получилъ приказаніе задержать пароходъ. Произошла схватка; было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ, а самый пароходъ былъ сожженъ. Самъ М. Ледъ былъ захваченъ американцами, отвезенъ въ Нью-Іоркъ и преданъ суду, по обвиненію въ убійствѣ и поджогѣ. Англійскій посланникъ Фоккъ потребовалъ освобожденія М. Леда, ссылаясь на то, что нападеніе на «Каролину» не было частнымъ насиліемъ, а публичнымъ актомъ, а потому можетъ дать мѣсто лишь дипломатическому воздѣйствію. Американскій министръ иностранныхъ дѣлъ Forsyth не отрицалъ правильности этого положенія, но особенности союзнаго устройства препятствовали немедленному удовлетворенію требованій Англіи. Приходилось ждать, пока дѣло, установленнымъ порядкомъ инстанцій, не будетъ перенесено въ союзный судъ. Между тѣмъ уже въ первой инстанціи М. Ледъ былъ признанъ отъ суда свободнымъ и этимъ положенъ конецъ всему столкновенію. Во избѣжаніе же подобныхъ затрудненій на будущее время, изданъ тогда же законъ 29 августа 1842 г., прямо изъявшій отъ уголовнаго преслѣдованія иностранцевъ, за дѣйствія которыхъ правительство ихъ принимаетъ отвѣтственность на себя.

§ 41. Средства охраны международнаго права.

Какими же средствами достигается рѣшеніе споровъ о правѣ въ международныхъ отношеніяхъ и возстановленіе нарушен-

наго права? Средства эти довольно разнообразны и могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ группамъ: *средства мирныя* и *средства насильственныя.*

Мирныя средства охраны международнаго права, т. е. средства несоединенныя съ насиліемъ одного государства надъ другимъ, въ свою очередь подраздѣляются на двѣ категоріи—*несудебныя* и *судебныя.* Несудебныя средства охраны международнаго права суть: 1) *соглашеніе*, компромисъ, 2) *добрыя услуги* (bons offices), и 3) *посредничество* (mediation).

Соглашеніе заключается въ улаженіи спора о правѣ или возстановленіи нарушеннаго права по добровольному согласію, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, безъ участія въ томъ стороннихъ державъ. Оно вызывается требованіемъ о признаніи права потерпѣвшей стороны, заявленнымъ или ея дипломатическимъ агентомъ при правительствѣ противной стороны, или министромъ иностранныхъ дѣлъ агенту противной стороны, и осуществляется путемъ непосредственныхъ переговоровъ заинтересованныхъ государствъ между собой.

Добрыми услугами называется дѣятельность сторонней державы, направленная къ улаженію возникшаго столкновенія и выражающаяся въ склоненіи заинтересованныхъ сторонъ къ вступленію въ переговоры, къ возобновленію прерванныхъ переговоровъ, въ подачѣ имъ добраго совѣта покончить дѣло мирнымъ путемъ и т. п. Но при этомъ не предполагается непосредственнаго участія въ самыхъ переговорахъ, которыя все таки ведутся между заинтересованными сторонами непосредственно. Добрыя услуги предлагаются, или по собственной инціативѣ сторонней державы, или по приглашенію одной изъ спорящихъ сторонъ. Принятіе ихъ обѣими сторонами не требуется; добрыя услуги могутъ имѣть мѣсто и безъ такого принятія. Въ протоколѣ парижскаго конгресса отъ 14 апрѣля 1856 г. постановлено, что члены конгреса согласились, въ случаѣ возникновенія между ними какихъ нибудь несогласій, обращаться всегда къ добрымъ услугамъ другихъ державъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ.

Посредничество есть непосредственное веденіе переговоровъ стороннимъ, незаинтересованнымъ въ столкновеніи, правитель-

ствомъ, съ цѣлью приведенія спорящихъ сторонъ къ мирному соглашенію. Оно должно быть принято обѣими сторонами. Если предложенное посредничество не принято одной изъ спорящихъ сторонъ, оно не можетъ и состояться. Такъ, когда въ 1812 году Россія предложила свое посредничество, для улаженія столкновенія, возникшаго между Англіей и Соединенными Штатами, Англія не приняла его и посредничество не состоялось. Напротивъ, въ 1822 году посредничество, предложенное Россіей тѣмъ же самымъ государствамъ, по вопросу о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ, было принято ими обоими и привело къ желанной цѣли.

Судебныя средства охраны международнаго права сводятся къ дѣятельности судовъ *національныхъ* и *международныхъ* (§ 42).

Насильственныя средства охраны международнаго права суть: 1) *реторзіи*; 2) *репрессаліи* (§ 43), и 3) *война*.

§ 42. Международный судъ (1).

Изъ перечисленныхъ мирныхъ средствъ охраны международнаго права, наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, международный судъ. Хотя это средство извѣстно и употребляется издавна, но и до сихъ поръ оно не получило не только общаго, но даже и сколько нибудь значительнаго распространенія. Въ современной международной практикѣ, т. е. со времени отдѣленія отъ Англіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, насчитывается не болѣе 43 случаевъ разрѣшенія споровъ о международномъ правѣ, рѣшеніемъ международнаго суда.

Всего чаще къ третейскому суду прибѣгали Соединенные Штаты (30 разъ) и Англія (21 разъ) (2); ни разу изъ европейскихъ государствъ одинадцать: Россія, Германія, Австрія, Швеція, Данія, Бельгія, Греція, Сербія, Румынія, Черногорія и Турція. Изъ этихъ государствъ Россія, Германія и Бельгія были избираемы третейскими судьями.

---

(1) *Храбро-Василевскій.* О международномъ третейскомъ судѣ. Ж. Гр. и Уг. права, 1881 г. № 2. *Комаровскій.* О международномъ судѣ.

(2) Затѣмъ слѣдуютъ: Испанія (7 разъ), Португалія и Перу (5), Франція (4) Мексика (3), Японія (2), Чили, Парагвай, Коста-Рика, Экуадоръ, Бразилія, Венецуела, С.-Доминго, Голландія, Италія, Швейцарія и Китай—по одному разу.

Въ послѣднее время мысль о развитіи международнаго суда въ постоянный институтъ, получаетъ все большее и большее распространеніе. Такъ, въ парламентахъ Англіи въ 1883 г., Италіи, Швеціи, Соединенныхъ Штатовъ и Голландіи въ 1874 году и Бельгіи въ 1875 году были приняты резолюціи, выражавшія пожеланія народныхъ представителей, чтобы правительства этихъ государствъ содѣйствовали распространенію, развитію и упроченію института международнаго суда.

Въ итальянской палатѣ представителей эта резолюція была принята, по предложенію извѣстнаго юриста Манчини. Мотивируя свое предложеніе, онъ счелъ нужнымъ оговориться, что не имѣетъ вовсе въ виду примѣненія третейскаго разбирательства ко всѣмъ безъ исключенія международнымъ распрямъ. Когда дѣло касается существованія, независимости или цѣлости государства, третейскій судъ не можетъ имѣть примѣненія (¹).

Въ сессію 1875 г. обсуждался вопросъ о третейскомъ международномъ судѣ и результатомъ этого обсужденія явилось принятіе весьма старательно разработаннаго проэкта организаціи международнаго суда.

Международный судъ имѣетъ всегда характеръ суда третейскаго. Его функціонированіе опирается всецѣло на соглашеніе сторонъ, которымъ опредѣляется и полномочіе суда, и его организація и начала которыми онъ долженъ руководствоваться при рѣшеніи дѣла.

Нѣкоторые писатели отличаютъ отъ третейскаго суда въ собственномъ смыслѣ арбитрацію (arbitrium et arbitratio; arbitrage et arbitration). Такъ Гефтеръ говоритъ, что предметомъ третейскаго разбирательства является или приведеніе въ исполненіе мѣры, заранѣе условленной между сторонами (arbitratio), напр. исправленіе границъ или раздѣлъ въ извѣстной пропорціональности, или цѣль его состоитъ въ рѣшеніи дѣла по существу, согласно началамъ права и справедливости (arbitrium) Но это различіе не имѣетъ большаго значенія, такъ какъ организація международнаго суда и въ случаяхъ арбитража и въ случаяхъ арбитраціи совершенно одинакова. Одинаково

(¹) *Calvo*, *II*, pp. 583—586.

и значеніе его приговоровъ. Къ тому же, какъ мы сейчасъ увидимъ, большинство случаевъ международнаго суда есть случаи арбитраціи въ указанномъ смыслѣ.

Дѣла, предоставляемыя разрѣшенію международнаго суда, могутъ быть подведены подъ слѣдующія двѣ категоріи. Во 1-хъ собственно рѣшеніе вопросовъ о спорномъ правѣ, во 2-хъ дѣла, имѣющія характеръ исполнительнаго производства, когда вопросъ о правѣ въ принципѣ уже разрѣшенъ международнымъ договоромъ, а международному суду предоставляется опредѣленіе лишь подробностей практическаго осуществленія, принятаго соглашеніемъ сторонъ, рѣшенія спорнаго вопроса. Дѣла первой категоріи, въ которыхъ международному суду предоставляется рѣшеніе вопросовъ о правѣ, въ свою очередь представляютъ три различныхъ группы: 1) рѣшеніе вопросовъ призоваго права—такихъ случаевъ извѣстно 7; 2) рѣшеніе вопросовъ о правѣ частныхъ лицъ на вознагражденіе за нарушеніе ихъ личной неприкосновенности—такихъ случаевъ извѣстно 4; и 3) рѣшеніе вопросовъ о правѣ самихъ государствъ—такихъ случаевъ извѣстно 5.

Дѣла второй категоріи распадаются на двѣ группы: 1) опредѣленіе кому именно изъ частныхъ лицъ и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ вознагражденіе, право на которое общимъ образомъ признано уже международнымъ соглашеніемъ—такихъ случаевъ разсчетнаго производства извѣстно 19; и 2) опредѣленіе подробностей границы, общее направленіе которой опредѣлено уже договоромъ—такихъ примѣровъ 8. Такимъ образомъ, дѣла второй категоріи, т. е. съ характеромъ исполнительнаго лишь производства, рѣшительно преобладаютъ, составляя 63% всѣхъ вообще дѣлъ, разсматривавшихся международнымъ судомъ.

Эта группировка дѣлъ весьма поучительна. Она несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что нельзя видѣть въ международномъ судѣ суррогатъ войны. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ международному суду предоставляется только исполнительное производство. Затѣмъ, большинство случаевъ, въ которыхъ ему предоставлялось рѣшеніе споровъ о правѣ, относится къ правамъ частныхъ лицъ, и только въ 5 случаяхъ международный судъ рѣшалъ вопросы о правѣ самихъ государствъ.

Это заключеніе подтверждается и тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ международному суду предоставлялось лишь рѣшеніе старыхъ споровъ, затянувшихся такъ долго, что они уже съ теченіемъ времени утратили свой острый характеръ. Есть примѣры, что обращеніе къ международному суду имѣло мѣсто лишь спустя 30—40 лѣтъ послѣ возникновенія дѣла.

Въ организаціи международнаго суда можно различать три формы: международный судъ организуется или единолично, или коллегіально, или въ формѣ смѣшанной коммиссіи. При единоличномъ составѣ суда, судьей избирается обыкновенно глава какого либо сторонняго государства ([1]).

Въ средніе вѣка весьма часто третейскимъ судьей избирали папу. Наиболѣе извѣстный примѣръ такого рода относится къ 1493 г., когда папа Александръ VI былъ призванъ разрѣшить споръ Испаніи съ Португаліей о границахъ ихъ владѣній въ Новомъ свѣтѣ. Но современная международная практика не знаетъ подобныхъ примѣровъ. Точно также теперь стали очень рѣдки случаи выбора единоличнымъ арбитромъ не главы государства. Извѣстенъ одинъ только такой случай, но и онъ относится не къ членамъ европейскаго международнаго союза. Случай этотъ относится къ Китаю и Японіи. Въ 1875 г. нѣсколько японцевъ было убито китайцами на о-вѣ Формозѣ. Это вызвало столкновеніе между Китаемъ и Японіей, не окончившееся войною только благодаря вліянію лондонскаго и вашингтонскаго кабинетовъ, склонившихъ эти государства передать дѣло рѣшенію третейскаго суда. Единоличнымъ арбитромъ былъ выбранъ Уадъ, англійскій посланникъ въ Пекинѣ.

Нѣкоторые публицисты (Пьерантони, Либеръ, Блунчли) признаютъ назначеніе арбитромъ главы иностраннаго госу-

---

([1]) Англія и Соед. Штаты 1820 (судья-русск. Импер.); Англія и Франція 1841 (Прусс. Король); Франція и Мексика 1839 (Кор. Англ.) Фран. и Испанія 1851 (Кор. Голланд.); Соед. Штаты и Порт. 1852 (Имп. Франц.); Соед. Шт. и Чили 1858 (Кор. Бельгійскій); Англія и Бразилія 1821 (онъ-же); Англія и Португалія 1869 (през. Соед. Шт.); Тѣ-же 1872 (през. Франц. респуб.); Соед. Штаты и Англія 1872 (Имп. Герман.); Голландія и С. Доминго 1877. (през. Франц. респуб.); Соед. Шт. и Англія 1827 (Кор. Нидерл.); Соед. Штаты и Перу 1862 (кор. Бельгійск.); Японія и Перу, 1873 (Русс. Импер.); Испанія и Египетъ 1870 (Кор. Англ.).

дарства самой неудобной формой организаціи международнаго суда. Указываютъ именно на то, что въ дѣйствительности приговоръ при этомъ постановляется вовсе не главой государства, который является лишь номинальнымъ судьей. Дѣйствительнымъ судьей въ этомъ случаѣ является то учрежденіе, обыкновенно особо организуемая коммиссія изъ дипломатовъ и юристовъ, которому поручается разсмотрѣніе дѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ члены этой коммиссіи, не постановляя приговора отъ своего имени, естественно не несутъ за него отвѣтственность предъ общественнымъ мнѣніемъ.

Коллегіальные международные суды представляютъ двѣ существенно различныя формы организаціи. Третейскимъ судомъ можетъ быть или уже раньше для другихъ цѣлей организованная коллегія какого нибудь государства, или нарочно для даннаго случая образуемая коллегія. Примѣрами такого рода коллегіальныхъ международныхъ судовъ можетъ служить бывшее въ обычаѣ въ средніе вѣка предоставленіе рѣшенія международныхъ споровъ юридическимъ факультетамъ, въ особенности Болонскаго университета. Въ новѣйшее время эта форма примѣняется довольно рѣдко и при этомъ третейское разбирательство предоставляется не ученымъ, а правительственнымъ или судебнымъ коллегіямъ. Такъ Англіей три раза былъ избираемъ третейскимъ судомъ гамбургскій сенатъ: два раза для разрѣшенія столкновеній съ Португаліей (¹) и одинъ разъ съ Перу въ 1864 г. (²). Извѣстенъ еще одинъ случай, относящійся къ самому послѣднему времени, къ октябрю 1879 г. Этотъ случай относится къ Франціи и республикѣ Никарагуа, предложившей поручить третейское разрѣшеніе, возникшаго между ними спора, французскому кассаціонному суду, на что и послѣдовало согласіе Франціи (³).

Болѣе многочисленны примѣры предоставленія функціи третейскаго суда, нарочно для того образуемой, коллегіи. Организація такихъ коллегій представляетъ три различныхъ формы: 1) или всѣ члены назначаются по соглашенію заинтересованныхъ сторонъ, 2) или каждая изъ сторонъ назначаетъ по равному числу членовъ, которые затѣмъ выбираютъ

(¹) Travers-Twiss, War p. 10. Croft's case 1858 и schortridge's case 1861.
(²) Calvo II p. 556 Храбро-Василевскій, стр. 35.
(³) Calvo II p. 569.

еще одного, (коэптація), или, наконецъ, 3) часть членовъ назначается заинтересованными сторонами поровну, часть, въ нечетномъ числѣ, сторонними державами, какъ это было въ судѣ по дѣлу Алабамы, когда сторонними державами было назначено три члена, и въ третейскомъ разбирательствѣ между Франціей и Соединенными Штатами, когда кромѣ двухъ членовъ, назначенныхъ заинтересованными сторонами, былъ еще только одинъ членъ, назначенный императоромъ бразильскимъ. Третейскій судъ въ формѣ смѣшанныхъ коллегій составляется изъ четнаго числа членовъ, обыкновенно 2, иногда 4, назначаемыхъ поровну каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, дѣло рѣшается, особо избираемымъ для этого, суперарбитромъ. Современная международная практика знаетъ три формы назначенія суперарбитра: 1) назначеніе главой сторонней державы ([1]); 2) выборъ членами суда, а въ случаѣ раздѣленія голосовъ и по этому вопросу—назначеніе сторонней державой ([2]), и 3) назначеніе по жребію изъ двухъ кандидатовъ, выбранныхъ членами суда отъ каждой изъ сторонъ ([3]).

§ 43. Реторзіи и репрессаліи.

Изъ насильственныхъ средствъ охраны международнаго права, мы остановимся здѣсь только на разсмотрѣніи *реторзій* и *репрессалій*, такъ какъ ученію о войнѣ посвященъ весь третій отдѣлъ особенной части.

Респрессаліи и реторзіи отличаются отъ войны тѣмъ, что онѣ суть отдѣльныя и одностороннія насильственныя дѣйствія, съ сохраненіемъ вообще мирныхъ отношеній между государствами, между тѣмъ какъ война есть неопредѣленный рядъ разнообразныхъ и взаимныхъ насильственныхъ дѣйствій, влекущій за собою прекращеніе мирныхъ отношеній.

Въ свою очередь репрессаліи и реторзіи отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что реторзія есть только отказъ въ при-

(1) Соединенные Штаты и Мексика 1839.

(2) Соединенные Штаты и Мексика 1839.

(3) Соединенные Штаты и Мексика 1868; Соединенные Штаты и Англія 1862; Соединенные Штаты и Перу 1882.

знанiи какого нибудь права за другимъ государствомъ или его подданными, а репрессалiя есть прямое насильственное осуществленiе своего притязанiя по отношенiю къ противной сторонѣ. Слѣдовательно реторзiя и репрессалiя относятся другъ къ другу какъ бездѣйствiе къ содѣянiю. Такъ опредѣляли эти понятiя Гроцiй и всѣ старые писатели до Клюбера. Но, по примѣру Клюбера ([1]), нѣкоторые новѣйшiе писатели Wheaton, ([2]) Phillimore, ([3]) Ф. Ф. Мартенсъ ([4]), иначе опредѣляютъ различiе реторзiи и репрессалiи, сводя его къ различiю права и справедливости.

Реторзiя «говоритъ Ф. Ф. Мартенсъ» вызывается недружелюбными дѣйствiями со стороны государства и имѣетъ своимъ основанiемъ различiе, существующее между правомъ (jus) и справедливостью въ обширномъ смыслѣ (comitas). Это сравнительно новое ученiе, по справедливому замѣчанiю Треверсъ-Твисса ([5]), во всѣхъ отношенiяхъ уступаетъ приведенному выше старому взгляду такихъ столповъ науки, какъ Гроцiй, Бинкерсгукъ, Ватель. Новое воззрѣнiе Клюбера не соотвѣтствуетъ во 1-хъ этимологическому значенiю словъ: реторзiя и репрессалiя; во 2-хъ оно основано не на различiи этихъ средствъ по ихъ существу, а на различiи поводовъ, что приводитъ къ соединенiю въ одно понятiе репрессалiи и положительныхъ насильственныхъ дѣйствiй, и простыхъ отказовъ отъ исполненiя обязательствъ. Наконецъ, въ 3-хъ, самое различiе права и справедливости въ обширномъ смыслѣ совершенно не опредѣлено. Принятiе стараго опредѣленiя репрессалiи, какъ насильственнаго дѣйствiя, устраняетъ подраздѣленiе репрессалiй на положительныя и отрицательныя. Точно также слѣдовало бы, кажется, отбросить потерявшее теперь всякое значенiе подраздѣленiе репрессалiй на частныя и общiя. Оно имѣетъ теперь лишь историческое значенiе. Въ прежнее время, начиная со среднихъ вѣковъ и затѣмъ еще и въ XVII вѣкѣ, правительства, въ случаѣ нарушенiя иностранцами правъ подданныхъ, давали послѣднимъ позволенiе возмѣ-

---

([1]) Klüber, § 254, Note M. Die Retorsion ist eine Reaction gegen eine Inqiusität, die Repressalien gegen eine Ungeseltzlichkeit.

([2]) Wheaton Elements I 275.

([3]) Phillimore, III, 17. Retorsion in the remedy for the departures from Comity.

([4]) Мартенсъ. Частная собственность, ср. 21.

([5]) Travers-Twiss. War. 2-й 1875. fr. 29

щать вредъ или убытокъ насильственными дѣйствіями противъ иностранныхъ подданныхъ, главнымъ образомъ противъ кораблей. Это и были т. н. «lettre de marine ou de repressalle». Смотря по тому, давалось ли такое позволеніе только непосредственно потерпѣвшему, или всѣмъ подданнымъ вообще, различали частныя и общія репрессаліи. Теперь репрессалія всегда есть актъ правительства, дѣйствующаго отъ лица всего государства, и въ этомъ смыслѣ можетъ быть признана общей репрессаліей. Но частныхъ—то репрессалій современная международная практика вовсе уже не знаетъ и потому противоположеніе частныхъ и общихъ репрессалій не имѣетъ теперь смысла. На мой взглядъ слѣдовало бы установить, взамѣнъ этого, другое подраздѣленіе репрессаліи, имѣющее болѣе существенное значеніе. Репрессалія можетъ быть совершаема или въ предѣлахъ юрисдикціи предпринимающаго ее государства, или же внѣ этихъ предѣловъ: въ открытомъ морѣ и даже на чужой территоріи. Сообразно съ этимъ, можно различать, такъ сказать, внутреннія и внѣшнія репрессаліи. Внутреннія репрессаліи имѣютъ болѣе мирный характеръ; внѣшнія болѣе воинственный. Внутреннія репрессаліи, имѣя своимъ объектомъ имущество или личности, находящіяся на территоріи репрессирующаго государства, не могутъ касаться третьихъ державъ; напротивъ внѣшнія, распространяясь на имущество и личности, находящіяся на чужой территоріи и въ открытомъ морѣ, могутъ весьма стѣснительно отозваться на интересахъ третьей державы, напр. препятствуя ея торговлѣ. Примѣромъ внутренней репрессаліи можетъ служить столкновеніе между Россіей и Пруссіей по поводу ареста барона Штакельберга. Онъ былъ по рожденію русскій, но затѣмъ водворился въ Пруссіи и поступилъ тамъ въ военную службу. Пруссія, узнавъ объ арестѣ, предписала въ 1740 г. задержать двухъ русскихъ, находившихся тогда на ея территоріи, и держала ихъ въ заключеніи, пока Штакельбергъ не былъ освобожденъ ([1]). Примѣрами внѣшнихъ репрессалій особенно богата исторія Англіи. Она примѣняла ихъ въ отношеніи къ королевству обѣихъ Сицилій въ 1840 г., относительно Греціи въ 1851 г. и наконецъ относительно Бразиліи въ 1861 г.

([1]) Travers-Twiss. War, 37.

Съ Сициліей столкновеніе произошло изъ за монополіи, данной неаполитанскимъ правительствомъ въ 1838 г. одной французской компаніи на добычу сѣры. Англійское правительство сочло это нарушеніемъ заключеннаго съ нимъ въ 1816 г. торговаго трактата и потребовало отмѣны монополіи. Получивъ отказъ, оно приказало своему флоту въ Средиземномъ морѣ захватывать неаполитанскія суда, а въ Мальтѣ наложило эмбарго на всѣ суда, стоявшія подъ флагомъ обѣихъ Сицилій. Дѣло было улажено посредничествомъ Франціи. Монополія была отмѣнена, но съ доплатой вознагражденія французской компаніи ([1]). Еще болѣе серіозный характеръ имѣло столкновеніе съ Греціей въ 1851 г., получившее громкую извѣстность подъ именемъ «дѣла Пачифико» ([2]). Пачифико былъ сыномъ нѣкоего еврея и Англія считала его своимъ подданнымъ, такъ какъ онъ родился въ Гибралтарѣ, хотя потомъ былъ много лѣтъ португальскимъ консуломъ въ Греціи и раньше, по поводу другаго дѣла, обращался за покровительствомъ не къ англійскому, а къ португальскому посольству. Во время народнаго волненія въ Аѳинахъ 4 апрѣля 1847 г. его домъ былъ разграбленъ. Пачифико оцѣнивалъ понесенный имъ убытокъ въ 21,295 ф. стерл. и это требованіе было поддержано правительствомъ Соединеннаго королевства вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими претензіями, по поводу ареста и предполагаемой пытки нѣсколькихъ іонійцевъ, ограбленія греками нѣсколькихъ іонійскихъ судовъ въ устьѣ Ахелоиса, неудовлетворенія за земли, отобранныя у нѣкоего Фиклея и спора о двухъ островахъ, на которыя Англія заявляла претензіи. Но претензія Пачифико была самой крупной и дала ходъ всему дѣлу. Завязавшіеся переговоры затянулись довольно долго. Между тѣмъ Пальмерстонъ отправилъ въ Грецію цѣлую эскадру, подъ начальствомъ адмирала Паркера, изъ 14 судовъ съ 734 орудіями и 7000 чел. экипажа, а Британскій посолъ въ Аѳинахъ (Wyse) обратился къ правительству короля Оттона съ ультиматумомъ. Греціи давалось сроку 24 часа для удовлетворенія претензій Англіи. Требованіе не было исполнено и англійская эскадра

([1]) Calvo, II p. p. 599. 600. Travers-Twiss War, 33—35. Phillimore, III. 35—37.
([2]) Calvo, II p. p. 601—604. Phillimore III p. p. 37—41. Cussy, Causes et phases, II p. p. 491—520.

блокировала порты Греціи и захватила много торговыхъ греческихъ судовъ. Такой образъ дѣйствій Англіи, притомъ по поводу очевидно недобросовѣстныхъ притязаній еврея, англійское подданство котораго было болѣе чѣмъ сомнительно, вызвалъ общее порицаніе. Во всякомъ случаѣ Англія должна была обратить Пачифико предварительно къ греческимъ судамъ, и только въ случаѣ отказа съ ихъ стороны въ правосудіи имѣлось бы основаніе приступить затѣмъ къ репрессаліямъ. Особенно рѣзко осуждался принятый Пальмерстономъ образъ дѣйствій въ русской нотѣ графа Нессельроде. «Times», воспроизводя эту ноту и указывая, что въ ней содержится весьма рѣшительное и рѣзкое осужденіе политики С. Джемскаго кабинета, признавала вмѣстѣ съ тѣмъ ея полную справедливость. Въ самомъ парламентѣ политика министровъ королевы Викторіи также подвергалась осужденію. Въ палатѣ лордовъ, по предложенію лорда Stanley, была принята большинствомъ 37 голосовъ резолюція, выражающая осужденіе политики министерства Ея Вел. Въ палатѣ общинъ подвергалась вотированію по тому же поводу резолюція, выражавшая осужденіе всей политики иностраннаго министерства, но была отвергнута большинствомъ 46 голосовъ. Франція и на этотъ разъ предложила свое посредничество. Дѣло было улажено такъ, что Пачифико получилъ вознагражденіе отъ Греціи, но только 150 ф. стр. вмѣсто 21,295 ф., какъ онъ требовалъ въ началѣ дѣла.

Новѣйшій случай примѣненія Англіей внѣшнихъ репрессалій имѣлъ мѣсто въ отношеніи къ Бразиліи. Въ іюнѣ 1861 г. комерческое англійское судно «Принцъ Валійскій» потерпѣло крушеніе у береговъ бразильской провинціи, Юж. Ріо-Гранде. Экипажъ утонулъ и грузъ погибъ, но нѣсколько ящиковъ и трупы четырехъ матросовъ были выброшены на берегъ. Англійскій консулъ утверждалъ, что тутъ имѣлъ мѣсто грабежъ и матросы эти были убиты бразиліанцами. Англія требовала денежнаго вознагражденія и, не получивъ его, приступила къ репрессаліи. Одинъ англійскій крейсеръ блокировалъ въ теченіи 6 дней Ріо-Жанейро (съ 31 дек. 1862 г. по 6 янв. 1863 г.), а въ то же время другой захватилъ 5 бразильскихъ судовъ и отвелъ ихъ въ бухту Пальма, недалеко отъ столицы. Въ виду этого Бразилія заплатила Англіи 3,200 ф. (вмѣсто 6,525, перво-

начально потребованныхъ), но сохранивъ за собою право протеста. 5 мая 1863 г. бразильскій посланникъ въ Лондонѣ, Морейра баронъ де Пенедо, обратился къ С. Джемскому кабинету съ нотой, содержавшей требованіе выразить сожалѣніе со стороны Англіи о совершенныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ и передать рѣшеніе вопроса о вознагражденіи третейскому суду. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ Джона Росселя, Пенедо потребовалъ возвращенія своихъ вѣрительныхъ грамотъ, и дипломатическія сношенія между Англіей и Бразиліей оставались прерванными до сентября 1865 г., когда посредничествомъ Португаліи были возстановлены ихъ дружественныя отношенія ([1]).

Частный видъ репрессалій составляютъ *эмбарго* и *мирная блокада*.

Эмбарго, отъ испанскаго слова embargar, есть видъ внутренной репрессаліи, состоящій въ наложеніи ареста на суда, находящіяся въ территоріальномъ морѣ даннаго государства. Мирная блокада есть видъ внѣшней репрессаліи, состоящій въ блокированіи береговъ противной стороны, безъ объявленія ей войны.

([1]) *Calvo*, II p. p. 605, 606.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

ОТДѢЛЪ I.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНАГО ОБЩЕНІЯ.

ГЛАВА I.

Средства международныхъ сообщеній.

§ 44. Открытое море.

Развитіе международнаго общенія требуетъ прежде всего надлежащихъ средствъ международныхъ сообщеній и потому международное право должно обезпечить международное пользованіе естественными и искуственными путями сообщеній, почтами и телеграфами.

Изъ естественныхъ путей сообщенія, самымъ важнымъ является для международной жизни открытое море. Современное международное право обезпечиваетъ международное пользованіе моремъ, прежде всего, тѣмъ, что признаетъ его *свободнымъ*.

Оно не можетъ стать предметомъ исключительнаго обладанія какого либо государства, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Оно находится въ общемъ международномъ пользованіи, какъ въ отношеніи мореплаванія, такъ и въ отношеніи рыболовства.

*

Свобода моря признана была не сразу и не безъ борьбы ([1]). Уже въ средніе вѣка довольно распространены были притязанія на исключительное обладаніе морями. Такъ Генуя считала подчиненнымъ своему господству Лигурійское море, Венеція—Адріатическое, Данія—моря, прилегающія къ Исландіи и Гренландіи. Но особенно широкое развитіе получили эти притязанія въ эпоху великихъ географическихъ открытій, когда Испанія, Португалія, а затѣмъ и Англія, стремились присвоить себѣ господство даже надъ океаномъ.

Принципъ свободы моря провозглашенъ впервые въ началѣ XVII вѣка Гуго Гроціемъ въ его сочиненіи Mare liberum, seu de jure quod Batavis competit ad indica commercia 1609 (анонимно; первое изданіе съ именемъ въ 1616 г.). Оспаривая притязанія Португаліи на исключительное право торговли съ Индіей, Гроцій выставляетъ, какъ общій принципъ, что море не можетъ быть ни въ чьемъ исключительномъ обладаніи. Поэтому его аргументація подрывала, опровергала не только въ частности притязанія Португаліи, но и всѣ подобныя притязанія вообще, отъ кого бы онѣ не исходили. Англійское правительство поручило Зельдену опровергнуть выставленное Гроціемъ начало свободы морей. Въ 1635 году явилось сочиненіе Зельдена «Mare Clausum». Авторъ согласенъ съ Гроціемъ, что притязанія Португаліи незаконны, но онъ признаетъ ихъ лишь недостаточно основанными. Возможность же исключительнаго господства надъ моремъ онъ не отрицаетъ и, въ частности, отстаиваетъ подобныя же притязанія со стороны Англіи. Книга Зельдена написана съ большою ученостью и искусствомъ. На сторонѣ Гроція было преимущество истинности защищаемаго имъ положенія, ставшаго теперь однимъ изъ самыхъ безспорныхъ началъ международнаго права.

Если каждое находящееся въ открытомъ морѣ судно подчиняется юрисдикціи своего отечественнаго правительства, (смотри выше стр. 77, 78) то, конечно, весьма важнымъ представляется опредѣленіе національности судовъ.

Каждое судно должно принадлежать какой нибудь націо-

([1]) *Perels*, Seerecht. 16—21. Calvo, I, §§ 248—255. pp. 352—361.

нальности и притомъ только одной, подъ страхомъ быть признаннымъ пиратомъ ([1]).

Опредѣленіе условій, при которыхъ за кораблемъ признается извѣстная національность, зависитъ отъ усмотрѣнія каждаго отдѣльнаго государства, могущаго установить какія угодно условія для признанія судовъ его судами; но нерѣдко также заключаются по этому предмету и договоры. Основаніемъ для опредѣленія національности судна принимается или 1) мѣсто постройки, или 2) національность собственника, или 3) національность экипажа.

Все, сказанное до сихъ поръ объ открытомъ морѣ, относится собственно къ морскимъ водамъ. Событія самаго послѣдняго времени выдвигаютъ на очередь вопросъ о морскомъ днѣ. Какъ извѣстно, по иниціативѣ Франціи, предпринято прорытіе подъ каналомъ подводнаго тунеля, долженствующаго соединить Францію съ Англіей сухимъ путемъ. Первоначально въ Англіи къ прорытію тунеля отнеслись довольно безразлично и допущено было образованіе съ этою цѣлью особой компаніи. Но, когда осуществленіе задуманнаго предпріятія стало уже довольно близкимъ, въ англійскомъ обществѣ возникли опасенія, что прорытіе тунеля лишитъ Англію выгодъ ея островнаго положенія, нанесетъ существенный вредъ защитѣ ея границы. Возникла сильная агитація, съ цѣлью воспрепятствовать устройству тунеля. Но тогда представился новый вопросъ: можетъ ли Англія, согласно съ дѣйствующими началами международнаго права, воспрепятствовать прорытію тунеля ([2]). Предѣлы англійской юрисдикціи ограничиваются предѣлами англійской территоріи. Открытое же море неподчинено ея власти и всякая другая держава вольна предпринимать въ немъ все, что ей вздумается, только бы это не явилось стѣсненіемъ свободы мореплаванія. Но тунель, конечно, ни въ чемъ не стѣснитъ судоходства по морю. Поэтому Франція можетъ, и не спрашиваясь Англіи, прорыть тунель, доведя его до линіи наибольшаго отлива. Эти доводы думаютъ обезсилить тѣмъ, что указываютъ: 1) на распространеніе юрисдикціи государства и на

([1]) *Calvo*, II, § 837, p. 101. Field, Code, § 273, p. 142.

([2]) *Coulson*, The Chantel tunel from the point of view of international low. Low Magazine 1882, August, X, 245.

море на 3 мили отъ берега, и 2) на возможность воспрепятствовать устройству выхода изъ тунеля на англійскомъ берегу. Но первое возраженіе весьма сомнительной силы. Какъ мы видимъ, эта трехъ мильная юрисдикція отнюдь не установляетъ собственности надъ территоріальнымъ моремъ. Оно все таки остается частью открытаго моря и весьма сомнительно, чтобы его дно было исключительно собственностью прибрежнаго государства. Что же касается втораго аргумента, то сила его всецѣло зависитъ отъ чисто техническаго вопроса: возможно или нѣтъ устроить выходъ изъ тунеля, не доводя его до линіи наибольшаго отлива?

Вопросъ этотъ объ юридическомъ положеніи дна морскаго только еще намѣченъ и не успѣлъ еще получить не только опредѣленнаго рѣшенія, но даже и обстоятельнаго обсужденія.

§ 45. Обезпеченіе безопасности и порядка на морѣ.

Такъ такъ открытое море находится въ общемъ пользованіи всѣхъ народовъ, то охрана безопасности на морѣ составляетъ общее дѣло всѣхъ государствъ. Нарушеніе безопасности на морѣ можетъ происходить или отъ злой воли человѣка —отъ морскаго разбоя, пиратства, или отъ дѣйствія стихійныхъ силъ и случая.

Пиратство (¹) въ старое время было очень развито. Средиземное море еще съ древности служило ареной подвиговъ пиратовъ. Цицеронъ въ своей рѣчи pro lege Manilia сохранилъ намъ описаніе подвиговъ пиратовъ, наводившихъ страхъ на все побережье Средиземнаго моря и имѣвшихъ свое пребываніе въ горныхъ мѣстностяхъ Киликіи. Дѣло дошло до того, что самому Риму грозила опасность отъ нихъ, такъ какъ корабли, направлявшіяся къ Риму съ грузомъ хлѣба, постоянно захватывались пиратами и въ Римѣ чувствовали недостатокъ хлѣба. Тогда преслѣдованіе пиратовъ было поручено Помпею, который собралъ для этого флотъ въ 500 судовъ, и на нихъ болѣе

(¹) *Perels*, Seerecht, 1882, P. 125.
Cussy Phases et causes, 1856, II, p. 443.
Dudley Field, Code, §§ 82—90.
Ортоланъ, Морское межд. право перев. Лохвицкаго, 1865, стр. 37.

100,000 солдатъ. Весь флотъ этотъ раздѣленъ былъ на 13 эскадръ, распредѣленныхъ по всему протяженію Средиземнаго моря, и затѣмъ началось отъ Гибралтарскаго пролива по направленію къ Киликіи преслѣдованіе пиратовъ, которые и были всѣ изловлены. Послѣ того римскіе императоры постоянно содержали два флота, въ Мизенахъ и Равеннѣ съ спеціальною цѣлью преслѣдованія пиратовъ.

Въ новѣйшее время особенную извѣстность получила цѣлая ассоціація пиратовъ въ Антильскомъ морѣ, извѣстныхъ подъ именемъ флибустьеровъ. Это были главнымъ образомъ французы и англичане, поджидавшіе у Антильскихъ острововъ испанскія суда съ грузомъ золота. Главнымъ мѣстомъ ихъ стоянокъ служили острова Черепаховый и Св. Кристофа. Они не ограничивались захватомъ торговыхъ судовъ, но нападали, и нерѣдко съ успѣхомъ, и на суда военныя и даже брали порты и прибрежные города, подвергавшіеся затѣмъ грабежу. Рѣшительный ударъ, сломившій силу флибустьеровъ, былъ нанесенъ имъ въ 1697 году, когда суда ихъ почти всѣ захвачены и потоплены соединенными эскадрами Англіи и Голландіи.

Подъ пиратами, строго говоря, разумѣютъ только лицъ совершающихъ, безъ уполномочія къ тому отъ какого либо правительства, въ открытомъ морѣ насилія съ корыстною цѣлью. Поэтому не могутъ быть признаны пиратами, 1) каперы, грябящіе на морѣ по уполномочію правительства: 2) лица, грябящія не въ открытомъ морѣ, а въ территоріальномъ, или, тѣмъ болѣе, по побережью; и 3) лица, совершающія въ морѣ насилія хотя и безъ уполномочія къ тому отпризнаннаго правительства, но не съ корыстною цѣлью и, притомъ, противъ судовъ только одной опредѣленной національности.

Каперы, снабженные надлежащими свидѣтельствами, въ войнѣ между государствами, не отмѣнившими еще каперства, приравниваются къ военнымъ судамъ. Суда, совершающія насилія въ территоріальномъ морѣ или по побережью, подпадаютъ спеціальной юрисдикціи отдѣльныхъ государствъ не на основаніи международнаго морскаго права, а на основаніи туземнаго права. Наконецъ, лица, совершающія насилія не съ корыстною цѣлью, должны быть приравниваемы къ крейсерамъ

непризнаннаго правительства. Такъ, едва ли можно считать пиратомъ, какъ это дѣлаетъ Кюсси, Лопеца, пытавшагося въ 1850 и 1851 годахъ освободить островъ Кубу отъ подчиненія Испаніи. Лопецъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, не уполномоченный къ тому никакимъ правительствомъ, и тѣмъ не менѣе, такъ какъ единственною его цѣлью была эманципація Кубы, то невозможно приравнивать его къ пиратамъ.

Преслѣдовать пиратовъ не только имѣетъ право, но и обязано каждое судно, безъ различія національностей. Пиратъ признается денаціонализированнымъ и потому подлежащимъ всегда суду того государства, которое его захватило. Въ старое время пираты признавались лишенными покровительства законовъ и потому ихъ можно было топить въ морѣ или вѣшать на реяхъ ихъ собственнаго судна безъ суда. Но теперь пиратъ подлежитъ наказанію не иначе какъ по суду, причемъ, какъ порядокъ суда, такъ и родъ наказанія опредѣляется согласно законодательству захватившаго пирата государства.

Судно пирата и грузъ, на сколько они принадлежатъ пирату, подлежатъ конфискаціи, причемъ однѣ законодательства предоставляютъ ихъ въ видѣ призоваго вознагражденія захватителю, другія, напротивъ, признаютъ ихъ собственностью казны. Награбленное пиратомъ имущество подлежитъ возврату собственникамъ, сколько бы времени оно не находилось во владѣніи пирата.

Подобно тому какъ преслѣдованіе пиратовъ есть общая международная обязанность, точно также и при всякомъ несчастіи на морѣ суда обязаны другъ другу помощью, безъ различія національностей ([1]). Онѣ обязаны давать другъ другу прѣсную воду, провіантъ, уголь, спасать людей и грузъ съ погибающихъ судовъ и т. п. Но суда, оказывающія ту или другую помощь судамъ, терпящимъ бѣдствіе, имѣютъ право требовать за то вознагражденія.

Въ прежнее время, когда суда или ихъ грузъ выбрасывались бурею на берегъ, то за прибрежными жителями или мѣстнымъ правительствомъ признавалось право собственности на выброшенные предметы. Правда еще въ средніе вѣка,

---

([1]) *Perels*, Seerecht, 145.

начиная съ XI вѣка, дѣлаются попытки къ уничтоженію этого права (droit de naufrage), частью со стороны папъ и соборовъ, напр. лютеранскаго, 1179 года, частью со стороны мѣстныхъ правительствъ, но тѣмъ не менѣе право это удержалось до XVII вѣка. Въ настоящее время оно повсюду уничтожено и взамѣнъ его установлена для мѣстныхъ властей обязанность заботиться о спасеніи и сохраненіи остатковъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Но собственники спасаемаго и сохраняемаго обязываются за то вознагражденіемъ.

Мореплаванію можетъ грозитъ опасность не отъ одной только злой воли людей, но и просто отъ несоблюденія судами, плавающими въ морѣ, опредѣленнаго порядка. Поэтому необходимо установленіе общеобязательныхъ правилъ мореходства.

Хотя между государствами не было формальнаго соглашенія о принятіи однѣхъ общихъ правилъ навигаціи, но фактически единство въ этомъ отношеніи установилось въ настоящее время, благодаря тому, что большинствомъ государствъ приняты правила, установленныя англійскимъ закономъ 25 and 26 Vict. c. 63, Regulations for preventing collisions at sea 29 іюня 1862 года. Эти правила приняты Австріей, Аргентинской республикой, Бельгіей, Бразиліей, Германіей, Даніей, Экуадоромъ, Франціей, Греціей, Гаити, Италіей, Марокко, Голландіей, Норвегіей и Швеціей, Перу, Португаліей, Испаніей, Турціей, Урагваемъ, Соединенными Штатами и Россіей. Эти правила требуютъ: 1) выставленія ночью фонарей краснаго и зеленаго по бокамъ, а на пароходахъ, кромѣ того, бѣлаго на передней мачтѣ; 2) во время тумана сигнальный звонокъ и замедленіе хода; 3) соблюденіе опредѣленнаго порядка при встрѣчахъ, во избѣжаніе столкновеній, и 4) особыхъ фонарей для судовъ, плавающихъ по нѣсколько вмѣстѣ.

Другое условіе безопасности мореплаванія есть установленіе общепонятныхъ морскихъ сигналовъ (¹). И въ этомъ отношеніи не состоялось формальнаго соглашенія между государствами, которымъ бы прямо установлялись общіе международные сигналы, но тѣмъ не менѣе въ общемъ употреб-

---

(¹) *Perels*, Seerecht, 135. *Dudley Field*, Code § 525.

ляются различными государствами сигналы, сходные между собой. Образцомъ и въ этомъ отношеніи послужилъ англійскій Merchant Shipping, Act. 1873 года.

Особыя соглашенія потребовалось установить относительно порядка морской рыбной ловли. Рыбная ловля, въ силу свободы открытаго моря, предоставляется всякому и даже во время войны рыбачьи суда пользуются неприкосновенностью. Но понятно, что одно рыбачье судно можетъ мѣшать и сталкиваться съ другими и кромѣ того огни, разводимые рыболовами на своихъ судахъ, могутъ быть приняты проходящими судами за сигнальные огни и они, такимъ образомъ, легко могутъ быть введены въ заблужденіе, стать на мель, приткнуться къ берегу и т. п. Потому относительно морской рыбной ловли тоже заключаются, издавна, общія международныя соглашенія (trèves pecheresses). Въ нихъ обыкновенно:

1) Опредѣляются правила для предупрежденія столкновеній рыбачьихъ судовъ съ другими и между прочимъ запрещается рыбакамъ выставлять другіе огни, кромѣ бѣлыхъ.

2) Установляется самый порядокъ рыбной ловли, для избѣжанія взаимныхъ столкновеній.

и 3) Установляется обязанность помогать другъ другу въ случаяхъ несчастій.

Морскія суда легко также могутъ занести съ собою заразительныя болѣзни и потому съ XIV столѣтія вводятся карантины. Впервые карантинъ былъ установленъ въ половинѣ XIV с. венеціанской республикой, которая подвергала всѣ приходящіе изъ Леванта суда 40 дневному изолированію, для предотвращенія занесенія чумы.

Карантинъ влечетъ за собой: 1) недопущеніе сообщенія экипажа судна и его пассажировъ съ берегомъ и съ другими судами, 2) дезинфекцію самаго судна, 3) выдержаніе людей, послѣ 8 дней на суднѣ, въ лазаретѣ на срокъ до 60 дней 4) дезинфекцію груза, 5) установленіе особенно строгой наказуемости для нарушеній карантинныхъ правилъ. Срокъ карантина, впрочемъ, мѣняется, смотря потому откуда пришло судно—изъ зараженнаго мѣста, или только подозрительнаго—и имѣлись ли случаи заразы на самомъ суднѣ. Судно, на-

ходящееся подъ карантиномъ, подымаетъ обыкновенно желтый флагъ ([1]).

Такъ какъ за судами въ открытомъ морѣ, а за военными судами и въ морѣ территоріальномъ, признается территоріальность, то встрѣча судовъ и соблюденіе при этомъ порядка не могутъ не возбуждать вопросовъ о взаимномъ уваженіи, о взаимномъ оказаніи почета, государствами, флагъ которыхъ носятъ суда. Отсюда вопросъ о т. н. морскомъ церемоніалѣ ([2]), выражающемся въ обрядахъ, которые соблюдались при встрѣчѣ судовъ въ открытомъ морѣ и при заходѣ военныхъ судовъ въ иностранные порты.

Въ старое время вопросы морскаго церемоніала нерѣдко даже давали поводъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ. Это проистекало, главнымъ образомъ, изъ того, что начало свободы морей не было вполнѣ признано, многія государства заявляли притязанія на господство надъ тѣми или другими морями, и внѣшними выраженіями этого господства должно было служить то, чтобы кораблю того государства всѣ другія первыя отдавали салютъ. Такъ Англія заявила претензію на господство надъ всѣми четырьмя морями, омывающими ея берега, и эта претензія служила причиной безконечныхъ пререканій въ особенности съ Франціей, а также съ Голландіей и Испаніей.

Съ признаніемъ свободы морей, всѣ флаги въ морѣ должны быть признаны равными и потому салютованіе потеряло значеніе, какъ выраженіе владычества и подчиненія, а сохранилось лишь какъ выраженіе международной вѣжливости.

Салютованіе совершается троякимъ образомъ: пушечными выстрѣлами, спусканіемъ флага и спусканіемъ парусовъ. Въ настоящее время военные корабли, при салютованіи иностранныхъ кораблей или крѣпостей, употребляютъ только салютъ выстрѣлами, а именно не болѣе 21 выстрѣла для судовъ различной національности. Во внутреннихъ отношеніяхъ употребляется и большее число выстрѣловъ.

([1]) *Perels*, Seerecht, 136—140. *Dudley Field*, Code, 239.

([2]) *Ортоланъ* «Морское межд. право, перев. Лохвицкаго стр. 74. *Cussy*, Phases et causes. I, 1856, p. 148. *Perels*, Seerecht 1884, s. 249. Calvo I, 397—411.

Въ открытомъ морѣ первые салютуютъ купеческіе корабли военнымъ, изъ военныхъ младшіе по флагу—старшимъ (напр. вице-адмиральскій адмиральскому), плавающіе отдѣльно—эскадрѣ. Всѣ вообще суда салютуютъ первыя судну, везущему правителя государства или посла. Суда, приходящія и отходящія изъ укрѣпленнаго порта, салютируютъ ему первыя. Исключеніе и въ этомъ отношеніи составляютъ суда, везущія правителя государства и посла. На каждый салютъ, который дается, отвѣчаютъ тѣмъ же и, при салютованіи выстрѣлами, отвѣчать должно выстрѣломъ за выстрѣлъ. Это соблюдается между военными кораблями. На салютъ купеческихъ кораблей военный отвѣчаетъ меньшимъ числомъ выстрѣловъ. Отвѣчаютъ, во первыхъ, только на салютъ не менѣе какъ пятью выстрѣлами и дѣлаютъ въ отвѣтъ не пять, а только три выстрѣла; на большее число выстрѣловъ отвѣчаютъ пятью, на салютъ нѣсколькихъ купеческихъ судовъ отвѣчаютъ семью выстрѣлами. Больше семи выстрѣловъ не даютъ.

Суда, на которыхъ находятся правители государствъ или послы, не отвѣчаютъ на салютъ вовсе. Но если онѣ подходятъ къ крѣпости, то получивъ отъ нея первый салютъ, суверену или послу, не отвѣчаютъ на него; салютуютъ суда крѣпости и на этотъ салютъ крѣпость въ свой чередъ отвѣчаетъ.

Прежде государства, владѣющія берегами проливовъ, требовали отъ проходящихъ судовъ особыхъ салютовъ, но теперь это почти повсемѣстно отмѣнено. Такъ еще въ 1865 г. была заключена конвенція, отмѣнившая отдачу особыхъ салютовъ при проходѣ черезъ Гибралтаръ.

Международный церемоніалъ требуетъ также, чтобы суда, находящіяся въ иностранномъ портѣ, разцвѣчивали себя флагами во дни народныхъ празднествъ и торжествъ. Размѣщеніе по мѣстамъ различныхъ національныхъ флаговъ нерѣдко давало поводъ къ взаимнымъ пререканіямъ, относительно помѣщенія флага на недостаточно почетное мѣсто, и потому обыкновенно теперь не поднимаютъ иностранныхъ національныхъ флаговъ, а только сигнальные. Наиболѣе почетнымъ считается поднятіе флага на главной мачтѣ; наиболѣе унизительнымъ—на бушпритѣ.

§ 46. Международныя рѣки.

Международными рѣками называются такія, которыя пересѣкаютъ или раздѣляютъ территоріи нѣсколькихъ государствъ. Безпрепятственное судоходство по такимъ рѣкамъ предполагаетъ соглашеніе между собой прибрежныхъ государствъ и уже въ силу этого является необходимость международной нормировки судоходства по этимъ рѣкамъ, хотя бы оно было ограничено одними только прибрежными государствами. Но европейское международное право признаетъ свободу международныхъ рѣкъ въ смыслѣ признанія безпрепятственнаго судоходства по нимъ, для судовъ всѣхъ націй безъ различія. Этотъ принципъ свободы международныхъ рѣкъ есть однако сравнительно новое начало. Впервые оно было установлено въ началѣ настоящаго столѣтія въ специальной конвенціи, относившейся къ Рейну и заключенной въ Парижѣ 15 августа 1804 г. Какъ общее же правило свобода международныхъ рѣкъ была признана на вѣнскомъ конгрессѣ. Постановленія по этому вопросу содержатся въ 108—117 статьяхъ акта вѣнскаго конгресса, и до сихъ поръ служатъ основаніемъ международнаго рѣчнаго права.

Въ нихъ опредѣляется, прежде всего, что державы, раздѣляемыя или пересѣкаемыя одной и той же судоходной рѣкой, обязываются регулировать съ общаго согласія все, что относится къ судоходству по этой рѣкѣ, причемъ онѣ должны руководствоваться слѣдующими принципами. Судоходство по всему теченію международныхъ рѣкъ отъ того мѣста, гдѣ онѣ дѣлаются судоходными, до устья должно быть совершенно свободно и никому не можетъ быть запрещаемо, причемъ, конечно, сохраняется обязанность соблюдать существующія правила судоходства, которыя должны быть одинаковы для всѣхъ и по возможности благопріятны для торговли всѣхъ народовъ. Судоходныя пошлины должны быть установляемы не иначе, какъ по соглашенію всѣхъ прибрежныхъ государствъ.

Примѣненіе этихъ общихъ началъ къ отдѣльнымъ международнымъ рѣкамъ должно было стать дѣломъ особыхъ коммисій изъ представителей прибрежныхъ государствъ. Относительно Рейна при этомъ Голландіей было заявлено притязаніе

на исключительное право судоходства по рукавамъ Рейна, ведущимъ въ море, на томъ основаніи, что въ актѣ вѣнскаго конгресса свобода плаванія по международнымъ рѣкамъ предоставляется только jusqu'à la mer, а не jusque *dans* la mer. По этому голландское правительство утверждало, что суда другихъ націй могутъ свободно плавать по Рейну до моря но не могутъ требовать, чтобы ихъ пропускали въ море. Этотъ доводъ подкрѣпляется еще и ссылкой на то, что ни одинъ изъ судоходныхъ рукавовъ Рейна, ведущихъ въ море, не носитъ названія Рейна, а Ваалъ, Леккъ, Иссель не могутъ быть признаны международными рѣками. Возникшее, въ силу этихъ притязаній Голландіи, разногласіе между прибрежными государствами, было представлено по требованію Англіи на разрѣшеніе Веронскаго конгресса, который призналъ притязанія Голландіи несправедливыми. Тѣмъ не менѣе Голландія продолжала упорствовать, такъ что конвенція о судоходствѣ по Рейну была заключена уже послѣ отдѣленія Бельгіи въ 1831 г.

Подобныя же конвенціи были заключены относительно *Эльбы* въ 1823 году, относительно *Шельды* въ 1839 г., *Везера* въ 1821 г. Въ 60-хъ годахъ сдѣланъ еще дальнѣйшій шагъ въ разрѣшеніи свободы рѣчнаго судоходства, а именно вовсе отмѣнены судоходныя пошлины. Для Рейна это сдѣлано конвенціей 1868 года, для Эльбы договоромъ сѣверо-германскаго союза съ Австріей 1870 года.

Начала, признанныя вѣнскимъ конгрессомъ, не были первоначально распространены на судоходство по *Дунаю*. Вопросъ этотъ впервые былъ возбужденъ на парижскомъ конгрессѣ 1856 года.

Въ статьяхъ 15—19 парижскаго трактата говорится, что постановленія вѣнскаго конгресса относительно международныхъ рѣкъ должны быть распространены и на Дунай. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было организовать *европейскую коммиссію* изъ представителей семи державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, которой поручено было завѣдываніе работами по углубленію и очисткѣ рукава Исакчи. Коммиссія эта, по мысли конгресса, послѣ выполненія своей задачи, должна была прекратить свое существованіе. На ряду съ нею организовалась другая, уже постоянная коммиссія, изъ представителей однѣхъ

прибрежныхъ государствъ, долженствовавшая выработать правила судоходства по Дунаю и наблюдать за соблюденіемъ ихъ. Правила, выработанныя коммиссіей прибрежныхъ государствъ, прежде введенія ихъ въ дѣйствіе, должны были быть подвергнуты разсмотрѣнію державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Въ ноябрѣ 1857 г. коммиссія выработала свой проектъ, но онъ не былъ утвержденъ великими державами (на конференціи въ Парижѣ 1858 г.), такъ какъ оказалось, что содержаніе его противорѣчитъ постановленіямъ вѣнскаго конгресса. Судоходство по Дунаю для судовъ, не принадлежащихъ прибрежнымъ государствамъ, было ограничено. Суда эти могли, по проекту, ходить изъ моря въ Дунай и изъ Дуная въ море, но не могли плавать между пристанями по Дунаю. Проектъ конвенціи прибрежныхъ государствъ остался въ силу этого нератификованнымъ и только черезъ 17 лѣтъ въ 1875 году состоялось наконецъ заключеніе конвенціи прибрежныхъ государствъ; однако и въ этой конвенціи сохранилось тоже самое ограниченіе для судовъ, не принадлежащихъ прибрежнымъ государствамъ.

Европейская коммиссія первоначально была учреждена всего на два года. Но, такъ такъ она не могла выполнить свою задачу въ этотъ короткій срокъ, то парижская конференція 1858 года продолжила ея существованіе. Коммиссія кончила свою работу лишь въ 1865 г., представивъ выработанный ею проектъ правилъ о судоходствѣ въ устьяхъ Дуная на разсмотрѣніе конференціи семи державъ, участницъ парижскаго трактата. собравшейся въ Парижѣ весною 1866 года. Проектъ былъ утвержденъ и существованіе коммиссіи продолжено еще на 5 лѣтъ. Лондонская конференція 1871 года продолжила ея существованіе еще на 12 лѣтъ, а лондонская конференція 1883 года на безсрочное время. Такимъ образомъ европейская коммиссія изъ временнаго учрежденія превратилась теперь въ постоянное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно расширялись и ея функціи. Берлинскій трактатъ 1878 г. расширилъ ея компетенцію завѣдываніемъ судоходствомъ по Дунаю отъ моря до Галаца, а лондонская конференція и до Браилова, предоставивъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное вліяніе на управленіе судоход-

ствомъ и въ среднемъ теченіи Дуная отъ Браилова до Желѣзныхъ Воротъ. Въ этой части Дуная судоходство, по постановленію лондонскаго трактата 1883 года, находится въ завѣдываніи смѣшанной коммиссіи изъ представителей прибрежныхъ государствъ и кромѣ того въ составъ ея входитъ делегатъ отъ европейской коммиссіи. Такимъ образомъ судоходство по Дунаю подчиняется тремъ различнымъ режимамъ. До Желѣзныхъ Воротъ судоходство по Дунаю находится въ исключительномъ завѣдываніи прибрежныхъ государствъ; отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова въ завѣдываніи смѣшанной коммиссіи съ участіемъ делегата отъ европейской коммиссіи; и отъ Браилова до моря въ завѣдываніи европейской коммиссіи.

§ 47. Почты, телеграфы, желѣзныя дороги.

Съ начала настоящаго столѣтія заключаемо было между государствами множество почтовыхъ конвенцій для удобнѣйшей организаціи международной корреспонденціи, но до послѣдняго времени дѣло ограничивалось лишь соглашеніями между отдѣльными государствами, такъ что каждому государству приходилось заключать конвенціи съ каждымъ, что, конечно, чрезвычайно осложняло дѣло. Только въ 1874 году въ Бернѣ собрался по мысли доктора Стефена, главнаго директора почтъ въ Германской имперіи, почтовый конгрессъ, въ которомъ приняли участіе Россія, Германія, Австро-Венгрія, Бельгія, Данія, Египетъ, Испанія, Соединенные Штаты, Франція, Англія, Греція, Италія, Люксембургъ, Норвегія, Швеція, Голландія, Португалія, Румынія, Сербія, Швейцарія и Турція. Работы этого конгресса привели къ заключенію, такъ называемаго, общаго почтоваго союза (Union générale de poste) 9 октября 1874 г. Въ основу соглашенія положено было, что почтовая такса опредѣляется исключительно вѣсомъ пересылаемаго. Въ 1878 году созванъ былъ новый конгрессъ. На немъ была заключена новая почтовая конвенція между Россіей, Германіей, Аргентинской республикой, Австріей, Бельгіей, Бразиліей, Даніей, Египтомъ, Испаніей, Соединенными Штатами, Франціей, Французскими колоніями, Англіей, Британской Индіей, Канадой, Греціей, Италіей, Японіей, Люксембургомъ, Мексикой, Черногоріей, Норвегіей,

Голландіей, Перу, Персіей, Португаліей, Румыніей, Сербіей, Сальвадоромъ, Швеціей, Швейцаріей и Турціей. Въ силу этой конвенціи всеобщій почтовый союзъ переименованъ во всемірный (Union postale universelle).

Всѣ члены этого союза образуютъ одну почтовую территорію (§ 1). Постановленія заключенной конвенціи распространяются на письма (въ томъ числѣ и открытыя cartes postales), печатныя произведенія всякаго рода, дѣловыя бумаги и образцы товаровъ (2). Свобода почтоваго транзита гарантируется на всемъ пространствѣ союза, но въ пользу государства, черезъ которое проходитъ транзитъ сухопутный, взимается: по 2 франка съ килограмма писемъ, и по 25 сантимовъ съ другихъ посылокъ; съ морскаго транзита, съ писемъ 1 фр. и другихъ предметовъ 15 сантим., но тамъ, гдѣ транзитъ уже теперь даровой или болѣе дешевый, эти болѣе льготныя условія сохраняютъ свою силу. Для всего почтоваго союза установляется однообразная такса, а именно: 1) за письма 25 сантимовъ или 7 копѣекъ за каждые 15 граммъ, хотя бы и не полные (за заказныя вдвое), 2) за открытыя письма 10 сантимовъ или 3 копѣйки за каждое, и 3) за печатныя произведенія, документы и образцы товаровъ 5 сантимовъ или 2 копѣйки за каждые 50 граммъ, хотя бы и не полные (5). Посылки могутъ быть и заказныя. За потерявшуюся заказную посылку уплачивается 50 фр. тѣмъ государствомъ, почтовое управленіе котораго виновно въ потерѣ, а если этого опредѣлить нельзя, на половину обоими государствами. Срокъ для взысканія этого вознагражденія установляется годовой (§ 6). Франкированіе должно быть производимо марками того государства, откуда корреспонденція отправляется (8). Запрещается пересылать въ письмахъ: 1) деньги и 2) вещи, подлежащія таможеннымъ пошлинамъ. Каждое правительство можетъ также отказать въ пересылкѣ такихъ корреспонденцій, изъ *надписи* которыхъ очевидно, что онѣ противны дѣйствующимъ въ странѣ законамъ (§ 11). Пересылка писемъ съ объявленной цѣнностью и денежныхъ приказовъ (mandats de postes) опредѣляется особыми соглашеніями между государствами (§ 13).

(¹) Archives diplomatiques 1878—79, I, p. 286—319.

Для завѣдыванія дѣлами учреждается постоянное международное бюро всемірнаго почтоваго союза и періодическіе конгрессы. Бюро собираетъ, приводитъ въ порядокъ и публикуетъ всякаго рода свѣдѣнія, касающіяся международной почты; даетъ свои мнѣнія, по требованію сторонъ, о спорныхъ между ними вопросахъ, подготовляетъ предложенія измѣненія актовъ конгресса, публикуетъ принятыя конгресомъ измѣненія и вообще совершаетъ всѣ работы, требующіяся въ интересахъ международной почты (§ 16). Въ случаѣ несогласія между членами союза, по вопросамъ толкованія этой конвенціи, дѣло рѣшается третейскимъ судомъ. Для этого каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ выбираетъ одного изъ незаинтересованныхъ членовъ союза. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, рѣшеніе предоставляется новому члену союза, по выбору арбитровъ (§ 17).

Конгрессъ уполномоченныхъ отъ договаривающихся странъ или просто административная конференція, смотря по важности подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ, собирается по требованію $^2/_3$ правительствъ или почтовыхъ администрацій. Но, во всякомъ случаѣ, конгрессъ созывается разъ въ пять лѣтъ. Члены союза могутъ быть на нихъ представляемы или однимъ или нѣсколькими депутатами, или же, не имѣя своихъ особыхъ депутатовъ, депутатами другой страны. Ни одинъ изъ членовъ конгресса не можетъ быть представителемъ болѣе, чѣмъ двухъ государствъ. Въ голосованіи каждая страна имѣетъ одинъ голосъ (§ 19). Особыми странами считаются также: 1) Британская Индія, 2) Канада, 3) Датскія, 4) Испанскія, 5) Французскія, 6) Голландскія, и 7) Португальскія колоніи (§ 21).

Рѣшенія постановляются, смотря по сложности вопросовъ или простымъ большинствомъ голосовъ (истолкованіе постановленій конвенціи), или большинствомъ $^2/_3$ (измѣненіе постановленій конвенціи, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ далѣе), или, наконецъ, не иначе, какъ единогласнымъ постановленіемъ (измѣненіе §§ 2, 3, 4, 5, 6 и 9) (§ 20). Всемірный почтовый союзъ заключенъ на неопредѣленное время, но каждый изъ контрагентовъ можетъ выйти изъ него, сдѣлавъ о томъ предварительное извѣщеніе за годъ (§ 22).

Подобныя же соглашенія существуютъ и относительно телеграфовъ. Въ Европѣ телеграфъ, также какъ и почта, состав-

ляетъ правительственную регалію, но въ Соединенныхъ Штатахъ устройство телеграфовъ предоставлено иниціативѣ частныхъ лицъ. Однако и тамъ къ устройству телеграфа можетъ быть приступлено не иначе, какъ съ согласія правительства того штата, гдѣ устраивается телеграфъ, и съ соблюденіемъ указываемыхъ имъ условій. Такъ еще, въ 1869 г., когда одна компанія приступила къ работамъ по устройству телеграфа, долженствовавшаго соединить Францію съ Соединенными Штатами, не спросивъ на то разрѣшенія мѣстнаго правительства, правительство Массачузета воспротивилось осуществленію этого дѣла. Потомъ, однако, состоялось соглашеніе.

Первоначально международныя телеграфныя сношенія регулировались посредствомъ частныхъ соглашеній между отдѣльными государствами. Но съ 1865 года было приступлено къ общему соглашенію; въ этомъ году въ Парижѣ была заключена конвенція между европейскими государствами, за исключеніемъ Россіи, Англіи, Сербіи, Румеліи, которыя однако позднѣе также присоединились къ ней.

Эта конвенція затѣмъ подвергалась два раза пересмотру въ 1868 г. и въ 1871 г. Наконецъ въ 1875 году была заключена новая телеграфная конвенція $^{10}/_{22}$ іюля въ Петербургѣ между Россіей, Франціей, Германіей, Австріей, Бельгіей, Даніей, Испаніей, Греціей, Италіей, Голландіей, Персіей, Португаліей, Швеціей, Швейцаріей и Турціей. Позднѣе къ ней присоединились Англія, Румелія, Сербія и Японія. Конвенція эта опредѣляетъ основные принципы международныхъ телеграфныхъ сношеній, такъ что Кальво называетъ ее телеграфной хартіей.

Договаривающіяся стороны признаютъ за всѣми право пользоваться телеграфными линіями (§ 1), и обязуются озаботиться исправностью и сохраненіемъ въ тайнѣ телеграфныхъ корреспонденцій (§ 2), но вмѣстѣ съ тѣмъ не принимаютъ на себя никакой отвѣтственности за ихъ содержаніе (§ 3). Онѣ обязуются предоставить для международныхъ корреспонденцій особыя проволоки въ достаточномъ количествѣ и исправномъ содержаніи (4). Всѣ телеграммы раздѣляются на три класса: 1) *правительственныя*, т. е. телеграммы правителей государствъ, министровъ, главнокомандующихъ военными и морскими силами, дипломатическихъ агентовъ и консуловъ, а также отвѣты на

*

нихъ; 2) *служебныя*, т. е. самой телеграфной администраціи, и 3) *частныя*. Правительственнымъ телеграммамъ при передачѣ должно быть предоставлено первенство (5). Правительственныя и служебныя телеграммы вездѣ должны быть принимаемы шифрованными, частныя—только между такими государствами, которыя это допускаютъ. Но транзитныя передачи шифрованныхъ телеграммъ должны быть допускаемы всѣми государствами (6). Договаривающіяся стороны сохраняютъ за собой право остановить передачу всякой частной телеграммы, которая будетъ признана опасной для безопасности государства, противной законамъ, общественному порядку или доброй нравственности (7). Кромѣ того, государства могутъ, когда найдутъ это необходимымъ, прекратить на неопредѣленное время международную телеграфную корреспонденцію, или вовсе, или по опредѣленнымъ линіямъ, но обязаны тотчасъ же увѣдомить объ этомъ всѣхъ контрагентовъ (8).

Завѣдываніе международными телеграфными сношеніями, выработка регламентовъ и тарифовъ, предоставляется особымъ періодически собирающимся административнымъ конференціямъ, при чемъ на каждой конференціи опредѣляется и мѣсто и время собранія слѣдующей (15). Конференціи эти составляются изъ депутатовъ телеграфныхъ администрацій отдѣльныхъ государствъ. Каждая администрація имѣетъ одинъ голосъ. Но постановленія конференціи получаютъ силу не прежде одобренія ихъ правительствами всѣхъ контрагентовъ (16). Кромѣ того, должно быть организовано центральное телеграфное бюро (14). По вопросамъ, не касающимся всѣхъ контрагентовъ, отдѣльные контрагенты могутъ вступать между собою въ особыя соглашенія (17).

Конвенція эта заключена была на неопредѣленное время, но прекращеніе ея дѣйствія, для всѣхъ или для одного изъ контрагентовъ, должно послѣдовать не иначе, какъ, послѣ предварительнаго о томъ заявленія, черезъ годъ (20) ([1]).

Постановленія этой конвенціи были дополнены затѣмъ международнымъ телеграфнымъ регламентомъ, составленнымъ на конференціи въ Лондонѣ, и утвержденнымъ 28 іюля 1879 г. ([2]).

([1]) Archives diplomatiques, 1876—1877, III, p. 88—93.
([2]) Archives diplomatiques, 1878—1879, III, p. 100—160.

Большая часть постановленій его чисто техническаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ седержитъ и болѣе подробное опредѣленіе относительно международной телеграфной организаціи. Центральному бюро придано названіе Международнаго телеграфнаго управленія (Bureau international des Administrations telégraphiques). Бюро это образуетъ высшее телеграфное управленіе Швейцаріи (§ LXXV). Содержаніе этого бюро не должно превышать 60,000 франковъ, не включая сюда издержекъ на собраніе конференцій; расходъ этотъ распредѣляется между контрагентами, сообразно ихъ величинѣ. Всѣ государства дѣлятся на 6 классовъ и суммы, вносимыя государствами этихъ шести классовъ, относятся другъ къ другу какъ 25 : 20 : 15 : 10 : 5 : 3. Къ первому классу отнесены: Россія, Германія, Бразилія, Франція, Англія, Британія, Индія, Италія, Турція;по шестому только Персія и Люксембургъ (§ XXVI). Бюро является посредникомъ между телеграфными управленіями контрагентовъ, оно собираетъ статистическія данныя, издаетъ телеграфный журналъ, составляетъ карты телеграфныхъ сѣтей и т. п. (677—78). Относительно конференцій регламентъ постановляетъ, что онѣ могутъ быть собираемы, кромѣ заранѣе опредѣляемыхъ сроковъ, еще и по требованію не менѣе какъ десяти контрагентовъ (§ 79).

Общаго международнаго тарифа для телеграфовъ не установлено. Тарифы опредѣляются частными соглашеніями между государствами. Опредѣлено только, что тарифъ долженъ быть пословный, безъ опредѣленія для европейской корреспонденціи минимума числа словъ; но отъ этого послѣдняго правила допускаются отступленія по частнымъ соглашеніямъ между государствами. Основной монетной единицей при опредѣленіи тарифовъ принятъ франкъ.

Договаривающіяся стороны могутъ установить для прессы абонементное пользованіе телеграфомъ ночью, за пониженную цѣну. Такое соглашеніе состоялось между Франціей и Англіей, но воспользовалась абонементомъ одна только Times. За 75,000 франковъ въ годъ она пользуется одной проволокой съ 9 час. вечера до 3 часовъ утра.

Каждое государство само опредѣляетъ на какихъ языкахъ допускаетъ оно телеграфную корреспонденцію. Въ настоящее

время число языковъ, на коихъ принимаются корреспонденціи, доходитъ до 28.

Введеніе желѣзныхъ дорогъ вскорѣ повело къ заключенію, по поводу ихъ постройки и эксплуатаціи, особыхъ международныхъ конвенцій. Первый примѣръ этому показали Франція и Бельгія, а за ними скоро послѣдовали и другія государства.

Желѣзно-дорожныя конвенціи заключаются по поводу постройки каждой данной дороги въ отдѣльности, такъ что нѣтъ общихъ желѣзнодорожныхъ конвенцій, которыя бы опредѣляли общимъ образомъ, всѣ отношенія между данными государствами, по поводу желѣзныхъ дорогъ вообще.

Обычное содержаніе такихъ желѣзнодорожныхъ конвенцій сводится къ слѣдующему.

Прежде всего дѣлаются постановленія о соединеніи желѣзнодорожныхъ путей. Для этого линіямъ, соприкасающимся съ границами государствъ, даютъ такое направленіе, чтобы онѣ сходились и чтобы рельсовый путь на нихъ былъ одинаковой ширины. Росписанія поѣздовъ также пригоняются такъ, чтобы прибытіе однихъ и отбытіе другихъ сходилось.

Соединеніе путей иногда требуетъ особыхъ общихъ сооруженій, а именно мостовъ черезъ рѣки, служащія границами государствъ. Если станцію удобно устроить на самой границѣ, то обыкновенно устраиваютъ однѣ общія станціонныя сооруженія, какъ-то, вокзалъ и проч. Если станцію приходится устроить не у самой границы, то для удобствъ эксплоатаціи ·быкновенно соглашаются о томъ, чтобъ участокъ дороги между пограничными станціями находился въ одномъ общемъ управленіи.

Тарифы, а также всѣ правила относительно движенія поѣздовъ и вообще эксплоатаціи дороги, установляются каждымъ правительствомъ въ отдѣльности, но въ желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ постановляютъ обыкновенно, что договаривающіяся стороны обязуются сдѣлать ихъ по возможности схожими.

Провозъ почтъ по смежному участку дороги для обоихъ государствъ предоставляется безвозмездно. Въ отношеніи под-

---

(1) *Calvo* II, 513, 514.

данныхъ договаривающихся государствъ выговаривается пользованіе на всемъ протяженіи обѣихъ дорогъ совершенно одинаковыми правами.

Самое сложное дѣло есть опредѣленіе порядка таможеннаго надзора. Договаривающіяся стороны выговариваютъ себѣ право отправлять свои таможенные конвои по чужой территоріи до ближайшей станціи, чтобы не дѣлать необходимую остановку поѣзда посреди дороги, на самой границѣ. Если станція находится на самой границѣ и вокзалъ общій, то, во избѣжаніе столкновеній между таможенной стражей различныхъ государствъ, постановляется въ конвенціи, чтобы при росписаніи поѣздовъ избѣгали встрѣчи, одновременнаго прихода поѣздовъ, идущихъ по встрѣчнымъ направленіямъ. Между приходами ихъ долженъ быть промежутокъ, достаточный для производства осмотра.

Для удобства путешественниковъ и по ихъ желанію осмотръ багажа вмѣсто границъ можетъ быть производимъ и въ мѣстѣ назначенія внутри страны. Въ такомъ случаѣ на границѣ багажъ опечатывается, и распечатывается лишь таможенными чиновниками въ мѣстѣ назначенія.

Грузъ транзитовъ помѣщается въ особыхъ запломбированныхъ вагонахъ.

ГЛАВА II.

Средства международныхъ оборотовъ.

§ 48. Объединеніе монетной системы.

Разнообразіе монетныхъ системъ представляетъ не мало неудобствъ для международныхъ оборотовъ и потому немудрено, что издавна уже явилась мысль объ установленіи единой монетной системы. Но на практическую почву этотъ вопросъ былъ поставленъ не ранѣе 1865 г., когда, по иниціативѣ Франціи, была созвана въ Парижѣ конференція изъ представителей Франціи, Бельгіи, Италіи и Швейцаріи, имѣвшая своею цѣлью выработать соглашеніе относительно объединенія монетной системы этихъ государствъ. Дѣло въ томъ, что уже раньше Бельгія, Италія и Швейцарія приняли собственно

французскую монетную систему, и какъ единицу—франкъ,но въ достоинствѣ мелкой монеты, особенно серебряной, послѣ открытія Калифорнскихъ пріисковъ, когда серебро вдругъ сильно вздорожало сравнительно съ золотомъ, не было у нихъ единства. Этому горю и должна была помочь означенная конференція. Конвенція дѣйствительно была заключена 23 декабря 1865 г. Содержаніе чистаго металла на ней было опредѣлено въ 0,900, для золотыхъ монетъ 100, 50, 20, 10 и 5 франковъ и для серебряныхъ монетъ въ 2 и 1 фр. въ 50 и 20 сантимовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ былъ нормальный діаметръ монетъ и ихъ нормальный вѣсъ, также какъ и терпимыя въ вѣсѣ ихъ колебанія. Монетамъ всѣхъ четырехъ государствъ предоставлялось свободное обращеніе въ каждомъ изъ нихъ наравнѣ съ туземной монетой. Въ 1868 году къ этой конвенціи присоединилась и Греція, такъ что теперь греческая драхма представляетъ точный эквивалентъ франка.

Въ 1867 г. въ Парижѣ была созвана новая монетная конференція, въ болѣе обширномъ составѣ. Кромѣ пяти государствъ, присоединившихся къ конвенціи 1865 г., въ ней приняли участіе Австрія, Баденъ, Баварія, Пруссія, Вюртенбергъ, Данія, Швеція, Норвегія, Голландія, Англія, Россія, Испанія, Португалія, Турція и Соединенные Штаты. Она имѣла восемь засѣданій подъ предсѣдательствомъ принца Наполеона съ 17 іюня по 6 іюля 1867 года.

Первый вопросъ, представившійся конференціи былъ вопросъ о томъ, должно ли выработать вполнѣ новую монетную систему, или же добиваться признанія всѣми государствами какой либо одной изъ существующихъ уже монетныхъ системъ.

Почти единогласно вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ послѣднемъ смыслѣ. Конференція полагала принять однометаллическую систему—именно золотую валюту, монетною единицей—монету въ 5 франковъ и дѣленіе по десятичной системѣ. Но депутаты, участвовавшіе въ этой конференціи, не имѣли надлежащихъ полномочій на заключеніе какой либо конвенціи и потому она имѣла лишь совѣщательный характеръ.

Въ 1878 году, по иниціативѣ Соединенныхъ Штатовъ, опять въ Парижѣ была созвана новая конференція для разсмотрѣнія того же вопроса. Тутъ были представители Фран-

ціи, Англіи, Австро-Венгріи, Россіи, Италіи, Голландіи, Бельгіи, Греціи, Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи. Депутаты Соединенныхъ штатовъ предлагали биметаллическую систему. Но и эта конференція не привела ни къ чему опредѣленному.

Конвенція 1865 г. была заключена всего на 5 лѣтній срокъ. Поэтому въ 1878 году она была возобновлена и сила ея дѣйствія продолжена до 1 янв. 1886 года (1).

§ 49. Вексельное право.

Для развитія международныхъ оборотовъ представлялось бы весьма желательнымъ установленіе единнаго вексельнаго права, такъ какъ при разнообразіи вексельныхъ законодательствъ весьма затрудняются международныя вексельныя операціи.

Всѣ вексельныя законодательства могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ системамъ: романской и германской. Но въ этихъ системахъ отнюдь не слѣдуетъ видѣть національнаго различія. Правда однѣ приняты преимущественно, въ романскихъ земляхъ, другія въ германскихъ и англійскихъ, но это объясняется сравнительною отсталостью вексельнаго законодательства романскихъ земель. Одна изъ этихъ системъ представляется болѣе древней, другая болѣе новой — и только. Но была эпоха, когда во всѣхъ странахъ, безъ исключенія, существовала та система, которая теперь называется романской. Но въ германскихъ странахъ она замѣнилась новою, а въ романскихъ сохранилась старая.

Основное различіе той и другой системы заключается въ томъ, что романская система признаетъ вексель, по старому, особаго рода заемнымъ обязательствомъ и потому требуетъ, чтобы въ векселѣ непремѣнно было обозначено полученіе валюты (какъ этого требуетъ и наше законодательство). Германская система, напротивъ, разсматриваетъ вексель независимо отъ матеріальнаго основанія, послужившаго поводомъ къ его выдачѣ. Имѣлось ли полученіе валюты или нѣтъ, все равно. Разъ выданъ документъ, облеченный въ вексельную

(1) Archives diplomatiques, 1875—77, III. p. 366—370.

(2) *Cohn* Beiträge zur Lehre vom einheitlichen Wechselrecht, 1880.

форму, онъ имѣетъ вексельную силу безусловно, и потому самое обозначеніе валютъ въ векселѣ по этой системѣ не требуется.

Романская система дѣйствуетъ теперь въ странахъ, имѣющихъ въ совокупности около 230 милліоновъ жителей, германская—350 м.

Мысль о необходимости установить единое международное вексельное право высказана была впервые въ 1850 г. англійскимъ писателемъ Леономъ Леви. Онъ не ограничился, впрочемъ, объединеніемъ одного вексельнаго права, а требовалъ объединенія всего торговаго и морскаго права, и для этой цѣли предлагалъ созвать конгрессъ, который бы состоялся изъ трехъ депутатовъ отъ каждаго столичнаго и портоваго города. Этотъ конгрессъ долженъ былъ выработать проэктъ международнаго торговаго кодекса, который бы затѣмъ долженъ быть подвергнутъ оцѣнкѣ юристовъ. Затѣмъ, такимъ образомъ составленный, кодексъ предполагалось подвергать періодическимъ пересмотрамъ въ особо созываемыхъ для того конференціяхъ. Леви обращался со своимъ предложеніемъ къ принцу Альберту, но тотъ нашелъ его практически неосуществимымъ. Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ этому дѣлу Наполеонъ III, назначившій для разсмотрѣнія этого вопроса особую коммиссію. Но дальше этого и тутъ дѣло не подвинулось. Въ 60-хъ годахъ энергическимъ защитникомъ и распространителемъ идеи объединенія вексельнаго законодательства явился Парье, бывшій вице-президентъ французскаго государственнаго совѣта, и затѣмъ извѣстный итальянскій юристъ и министръ Мингетти. Затѣмъ особенно ясно показала всю пользу объединенія вексельнаго законодательства франко-прусская война. Французскимъ правительствомъ было издано распоряженіе о продленіи на время войны срока предъявленія векселей къ протесту т. н., moratorium 13 авг. 1870 г. что косвенно приводило и къ продленію срока платежа по нимъ. Между тѣмъ не всѣ законодательства признаютъ допустимость такихъ мораторіевъ въ отношеніи къ вексельнымъ платежамъ и потому, при регрессныхъ искахъ, могло случиться, что лицо, само присужденное въ одномъ государствѣ къ уплатѣ по векселю, не могло однако въ другомъ государствѣ взыскать по тому же векселю съ предшествующихъ ему бланконадпи-

сателей (индоссантовъ), что конечно, не могло не представляться каждому крайнею несправедливостью, обусловленной однако ничѣмъ инымъ, какъ именно разнообразіемъ вексельныхъ законодательствъ. Вскорѣ послѣ войны вопросъ о необходимости объединенія вексельнаго законодательства сдѣлался предметомъ обсужденія на съѣздѣ германскихъ юристовъ.

Въ 1873 году были учреждены два общества, много содѣйствовавшія разработкѣ и развитію международнаго права: «Институтъ международнаго права» и «Ассоціація для реформы и кодификаціи международнаго права». Первое изъ нихъ представляетъ собою Академію извѣстнѣйшихъ ученыхъ и государственныхъ людей всѣхъ странъ, съ ограниченнымъ числомъ членовъ (25) ([1]). Ассоціація напротивъ есть совершенно свободное соединеніе лицъ, интересующихся международнымъ правомъ. Послѣднее изъ этихъ обществъ. Ассоціація, занялась въ 1875 г. разработкой вопроса объ объединеніи вексельнаго права. Дѣло началось съ разсылки всѣмъ выдающимся юристамъ вопросныхъ листовъ. Изъ поступившихъ отвѣтовъ было ясно, что рѣшительное большинство находитъ объединеніе вексельнаго права и желательнымъ и своевременнымъ. Въ силу этого была образована международная вексельная коммисія изъ 11 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Треверъ Твисса. Въ ней имѣли своихъ представителей всѣ великія державы, за исключеніемъ Россіи, и другія государства кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Бельгіи и Голландіи. Члены ее почти всѣ были извѣстные писатели по вексельному праву. Коммиссія сочла нужнымъ вновь повторить вопросъ — и не только юристовъ, а также торговыхъ палатъ, купцовъ и банкировъ. На основаніи собранныхъ этимъ путемъ матеріаловъ, членами коммиссіи Борхардтомъ и Джелкеномъ были выработаны основныя начала (19) предполагаемаго объединенія вексельнаго права, которыя и были приняты коммиссіей. Начала эти приближаются къ германской системѣ. Онѣ были обсуждены и приняты на четвертомъ годовомъ общемъ собраніи Ассоціаціи 23—29 сен-

---

([1]) Изъ русскихъ членами института состоятъ В. П. Безобразовъ и Ф. Ф. Мартенсъ.

тября 1886 года въ Бременѣ, но къ нимъ присоединено еще одно дополнительное положеніе. Затѣмъ, на собраніяхъ 1877 и 78 гг. онѣ дополнены были еще тремя, такъ что окончательная редакція вышла въ 23 положеніяхъ.

Независимо отъ того германское правительство взяло на себя починъ въ дѣлѣ объединенія вексельнаго права и обратилось къ различнымъ правительствамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ принять германскій вексельный уставъ. Такое предложеніе сдѣлано было и нашему Правительству, но пока это предложеніе не привело ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ.

ОТДѢЛЪ II.

ПРАВО ВОЙНЫ.

ГЛАВА I.

Общія понятія.

§ 50. Война и миръ.

Бѣдствія, причиняемыя войной человѣчеству, привели къ мысли о томъ, нельзя ли какимъ нибудь путемъ сдѣлать миръ между народами вѣчнымъ, совершенно прекративъ войны? Многіе государственные дѣятели и представители науки работали надъ проэктами установленія вѣчнаго мира между народами вообще или, по крайней мѣрѣ, между народами Европы. Но всѣ эти проэкты оказываются практически неосуществимыми. Первымъ изъ такихъ проэктовъ былъ проэктъ французскаго короля Генриха IV, или вѣрнѣе его министра Сюлли. Для осуществленія его требовалось прежде всего существенно перекроить карту Европы.

Чтобы привести этотъ проэктъ въ исполненіе, требовалось, конечно, начать войну съ Австріей, не могшей добровольно согласиться на умаленіе своего могущества. Убійство Генриха IV Равалькомъ не дало ему приступить къ этому дѣлу.

Въ самомъ началѣ XVIII ст. появился проэктъ установ-

ленія вѣчнаго мира аббата С. Пьера ([1]). Сущность этого проэкта заключается въ слѣдующихъ пяти пунктахъ:

1) Всѣ государства вступаютъ между собою въ вѣчный союзъ съ цѣлью обезпечить другъ друга полною безопасностью и защитою какъ отъ междоусобныхъ, такъ и отъ внѣшнихъ войнъ.

2) Соединившіяся государства отказываются на будущее время, для рѣшенія возникающихъ между ними споровъ, обращаться къ оружію, а предоставляютъ рѣшеніе возникающихъ споровъ общему конгрессу представителей государствъ, на которомъ сначала постановляется провизорное рѣшеніе простымъ большинствомъ голосовъ, а затѣмъ черезъ пять лѣтъ дѣло рѣшается окончательно большинствомъ $^3/_4$ государствъ.

3) Основаніе союзу должно быть положено 17 сильнѣйшими государями Европы. Каждый изъ членовъ союза имѣетъ на конгрессѣ по одному голосу, издержки по союзу распредѣляются между членами соразмѣрно ихъ доходамъ.

4) Не повинующіеся добровольно постановленіямъ конгресса принуждаются къ тому силою.

5) Постановленія конгресса принимаются большинствомъ голосовъ: провизорно—простымъ; окончательно—$^3/_4$. Но основанія союза могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ общаго согласія.

С. Пьеръ разослалъ этотъ проэктъ всѣмъ государствамъ и выдающимся людямъ того времени. Большинство, одобряя идею проэкта, сомнѣвалось въ ея практической осуществимости. Въ такомъ смыслѣ высказался, напримѣръ, Фридрихъ Великій. Лейбницъ отозвался болѣе рѣшительно. «Проэктъ, по его словамъ, напоминаетъ обычную надпись надъ кладбищами Pax aeterna. Мертвые и въ самомъ дѣлѣ не воюютъ, но у живыхъ другіе вкусы». Сторонникомъ и популяризаторомъ проэкта явился Руссо.

Къ концу XVIII ст. появились еще два проэкта установленія вѣчнаго мира: Бентама и Канта. Бентамъ полагаетъ, что для упроченія мира необходимо прежде всего ограничить размѣръ армій, содержимыхъ отдѣльными государствами, что,

---

([1]) Первоначально имъ было издано большое сочиненіе въ трехъ томахъ (1714—1717), позднѣе сокращенное: Abrégé du projet de paix perpetuelle. 1738

онъ думаетъ, можетъ быть достигнуто посредствомъ общаго соглашенія державъ о разоруженіи. Второй мѣрой, долженствующей обезпечить миръ, является освобожденіе колоній, такъ какъ изъ за нихъ главнымъ образомъ возникаютъ войны. Затѣмъ, возникающій между державами споръ долженъ быть разрѣшаемъ общимъ конгрессомъ, составленнымъ изъ представителей государствъ по два отъ каждаго. Постановленія конгресса, въ случаѣ надобности, могутъ быть приводимы въ исполненіе силою. Для этого каждое государство должно представлять въ распоряженіе конгресса опредѣленный контингентъ войска.

Всѣ эти проэкты грѣшатъ однимъ крупнымъ недостаткомъ. Всѣ они необходимо предполагаютъ неизмѣнное существованіе на вѣки всѣхъ наличныхъ государствъ, они обрекаютъ человѣчество на полный застой его политической жизни такъ какъ, конечно, немыслимо, чтобы какое-либо государство добровольно подчинилось рѣшенію конгресса, требующему прекращенія его независимаго существованія. Съ другой стороны принужденіе въ отношеніи къ отдѣльнымъ государствамъ, совершаемое по распоряженію конгресса, отнюдь нельзя приравнивать принужденію, какъ оно осуществляется во внутренней жизни государства. Тамъ оно примѣняется только въ отношеніи къ виновному, или по крайней мѣрѣ строптивому, при принудительномъ же исполненіи рѣшеній конгресса государствъ, принужденіе это неизбѣжно будетъ касаться и цѣлой массы совершенно невиннаго населенія, можетъ быть даже подававшаго голосъ за подчиненіе рѣшенію когресса. При сопротивленіи двухъ-трехъ великихъ державъ совмѣстно, успѣхъ экзекуцій противъ нихъ со стороны конгресса можетъ быть весьма сомнителенъ. По всему этому такая экзекуція сохранитъ всѣ характерныя особенности войны.

Не менѣе фантастическими являются проэкты, думающіе достичь установленія вѣчнаго мира, помимо всякой реорганизаціи международнаго общенія. Таково напр. предположеніе, заявленное на одномъ изъ конгрессовъ международнаго рабочаго союза, чтобы рабочіе отказались принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ они составляютъ громадное большинство населенія государствъ и ихъ армій, то при такомъ отказѣ войны сдѣлались бы фактически невозможными.

Или увѣреніе вежетаріанцевъ, что съ устраненіемъ мясной пищи, въ людяхъ само собой исчезнутъ всѣ кровожадные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воинственные, инстинкты и войны прекратятся само собой. Но противъ основательности этихъ увѣреній говоритъ прежде всего то, что длина пищевода у человѣка значительно короче, чѣмъ у травоядныхъ, и потому едвали человѣчество можетъ вовсе отказаться отъ мясной пищи, а во вторыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида и то соображеніе, что адепты подобныхъ ученій бываютъ обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и злѣйшіе фанатики, отличающіеся крайней нетерпимостью, а вовсе не миролюбіемъ.

§ 51. Война и право.

Что во время войны только видоизмѣняется, а отнюдь не уничтожается международная правовая охрана людскихъ интересовъ, въ этомъ не трудно убѣдиться.

Относительно нейтральныхъ это ясно съ перваго взгляда. Нейтральные сохраняютъ мирныя отношенія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и нѣтъ никакого основанія, чтобы эти отношенія утратили юридическій характеръ.

Болѣе сомнительнымъ можетъ показаться сохраненіе правовой охраны интересовъ во взаимныхъ отношеніяхъ воюющихъ.

Война и право не суть ли два совершенно несовмѣстимыхъ понятія? Война не составляетъ ли прямой антитезы праву? Существо права не заключается ли именно въ мирномъ разрѣшеніи столкновеній борющихся интересовъ? Не призвано ли право устранить проявленія грубой физической силы? Сказать, что право устраняетъ проявленіе силы, будетъ не точно: оно только регулируетъ его. Право не можетъ устранять силы уже потому, что само опирается на нее въ своемъ практическомъ примѣненіи. А если право только регулируетъ проявленіе силы, то проявленіе силы не есть антитеза права. И дѣйствительно мы говоримъ, напр., о правѣ необходимой обороны, какъ о регулированномъ примѣненіи личной силы. Тоже самое примѣнимо и къ проявленію силы въ военныхъ дѣйствіяхъ. И такое проявленіе силы можетъ быть урегулировано. Государство, стремясь войной достичь осуществленія извѣстныхъ интересовъ, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ при-

знавать безусловную неприкосновенность других интересовъ и уваженіе свое къ неприкосновенности этихъ интересовъ простирать до того, что не поступиться имъ даже въ видахъ осуществленія интересовъ, побудившихъ его начать войну. Въ такомъ образѣ дѣйствій нѣтъ ничего самопротиворѣчиваго. Если государство въ своей внутренней жизни отказывается безусловно отъ такихъ средствъ, какъ напр. вскрытіе частныхъ писемъ, примѣненіе пытки, или, въ отношеніи даже къ отъявленнѣйшимъ злодѣямъ, не примѣняетъ тѣлеснаго наказанія, обезпечещивающихъ карательныхъ мѣръ, квалифицированной смертной казни и т. п., то отчего и въ примѣненіи военной силы не можетъ оно также отказаться, да еще подъ условіемъ взаимности, отъ извѣстныхъ средствъ вредить врагу, когда онѣ нарушаютъ требованія нравственнаго чувства? Существо всякаго права заключается именно въ ограниченіи осуществленія однихъ интересовъ въ видахъ возможности осуществленія другихъ интересовъ на ряду съ ними. Согласно съ этимъ и право войны ограничиваетъ проявленіе военной силы въ интересахъ личной и имущественной неприкосновенности, на сколько это совмѣстимо съ природой войны. Существованіе такихъ правилъ войны фактъ несомнѣнный. Его отрицать невозможно. Отрицаніе права войны какъ совокупности, выработанныхъ исторіей международныхъ отношеній, правилъ, регулирующихъ проявленія военной силы, можетъ относиться лишь къ тому—желательно ли и возможно ли строгое соблюденіе такихъ правилъ на дѣлѣ?

Очень многіе, и особенно военные писатели даютъ на это отрицательные отвѣты, признавая строгое соблюденіе такихъ правилъ на практикѣ или нежелательнымъ, или невозможнымъ.

Нежелательность развитія и строгаго примѣненія на дѣлѣ права войны основываютъ прежде всего на чисто военныхъ соображеніяхъ: право войны стѣсняетъ свободу дѣйствій полководца. Но подобныя возраженія можно сдѣлать и противъ государственнаго права, такъ какъ и оно стѣсняетъ свободу дѣйствія правительства во внутреннемъ управленіи страной, и противъ существованія опредѣленныхъ правилъ судопроизводства, потому что онѣ стѣсняютъ свободу дѣйствій суда и т. д., и противъ любой отрасли права потому, что каждый за-

конъ стѣсняетъ чью либо свободу дѣйствія. Право только потому и существуетъ, что требованія справедливости признаются стоящими выше «свободы дѣйствія».

Другой аргументъ, приводимый противъ желательности развитія права войны, сводится къ пресловутому правилу: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Дѣло въ томъ, что современные защитники неограниченія средствъ и формъ проявленія военной силы сами иногда становятся на почву охраненія интересовъ человѣчности; бѣда только въ томъ, что взамѣнъ вполнѣ осязательныхъ и осуществимыхъ, хотя и болѣе частныхъ интересовъ, они ставятъ такую далекую и гадательную задачу, какъ совершенное прекращеніе войнъ.

«Чтобы война была коротка, говоритъ Бичъ-Лауренсъ, надо сохранить за ней всю ея энергію. Война должна быть ужасной для того, чтобы внушить народамъ и государямъ великій страхъ, ибо этотъ страхъ можетъ отвратить ихъ отъ пустыхъ ссоръ, сдѣлать ихъ болѣе умѣренными въ ихъ притязаніяхъ, даже самыхъ справедливыхъ, и такимъ образомъ устранить разрывъ и предотвратить вражду (1). Дѣлу гуманности, поясняетъ онъ, можно споспѣшествовать не иначе, какъ уничтоживъ самую войну (2).

Подобные же аргументы повторяетъ и Гартманъ и Рюстовъ. Послѣдній приводитъ весьма любопытную цитату изъ брошюръ Морэна (3), полагающаго, что войны ведутся еще лишь потому, что онѣ мало губятъ народу. По его разсчету, если раздѣлить вѣсъ пороха, свинца и желѣза, истребляемыхъ въ современныхъ сраженіяхъ, на число убиваемыхъ, то на каждаго убитаго придется вѣсъ, равный среднему вѣсу человѣка. Это обусловливается тѣмъ, что солдаты плохо стрѣляютъ. Если организовать хотя бы небольшія, но состоящія изъ искусныхъ стрѣлковъ арміи, то послѣ перваго залпа съ каждой стороны должна выбыть изъ строя по крайней мѣрѣ половина, а это произведетъ такой ужасъ на сражающихся, что они тотчасъ замирятся, и это будетъ послѣдняя война.

Эта аргументація хромаетъ на обѣ ноги. Вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ обсужденія правительствъ, ученыхъ,

---

(1) Revue de droit international 1875 p. 526.
(2) Revue, 1875 p. 529.
(3) Pierre Morin, L'armée de l'avenir, Nantes, 1875. Rüstow § 179.

ежедневной прессы; невозможно уже предполагать, что люди дѣйствовали далѣе въ этомъ дѣлѣ безсознательно. Но можно ли серьезно говорить о томъ, чтобы люди сознательно и нарочно дѣлали войну болѣе суровой, только для того, чтобы почувствовать къ ней ужасъ?

Если средство оказывается такимъ образомъ совершенно нецѣлесообразнымъ, то самая цѣль оказывается вообще едва ли осуществимой. Едва ли наступитъ такое время, когда войны вовсе не будетъ.

§ 52. Война дозволенная.

Подъ правомъ войны мы разумѣемъ совокупность правъ и обязанностей, имѣющихъ своимъ общимъ фактическимъ предположеніемъ состояніе войны. Но не всякія насильственныя дѣйствія обусловливаютъ собою установленіе права войны. Для этого онѣ должны удовлетворять условіямъ: 1) происходить между такими сторонами, въ отношеніи къ которымъ совершеніе насильственныхъ дѣйствій считается, по началамъ современнаго международнаго права, дозволеннымъ: иначе это будетъ преступленіе, 2) не ограничиваться однимъ опредѣленнымъ дѣйствіемъ, но представлять неопредѣленный рядъ различныхъ насильственныхъ дѣйствій: иначе это будетъ не война, а репрессалія, не влекущая за собою установленія права войны, и 3) относиться къ членамъ европейскаго международнаго союза: иначе установившіяся въ этомъ союзѣ нормы права войны необязательны.

У большинства писателей вопросъ о дозволенности насильственныхъ дѣйствій, по началамъ международнаго права, смѣшивается съ нравственной ихъ оцѣнкой и поэтому получалась весьма неопредѣленная и шаткая постановка. Не ограничиваясь разсмотрѣніемъ того, кому дозволены насильственныя дѣйствія, они подымаютъ вопросъ о различіи законныхъ и незаконныхъ поводовъ къ войнѣ. Такъ Блунчли не считаетъ достаточнымъ оправданіемъ войны одно лишь требованіе государственнаго интереса. Законнымъ поводомъ къ войнѣ, по его мнѣнію, можетъ быть только серьезное нарушеніе права, на-

сильственное нарушеніе владѣнія, или крупное нарушеніе общаго мироваго порядка (?). Затѣмъ онъ, однако, спѣшитъ оговориться, что не только нарушеніе, уже исторически признаннаго и пріобрѣтеннаго права, но и препятствованіе установленію новыхъ правъ или прогрессивному измѣненію существующихъ, также составляетъ законный поводъ начать войну (¹). Но измѣненіе существующаго права есть уже вопросъ цѣлесообразности, оно можетъ требоваться не ради защиты права а лишь ради охраны интереса, неукладывающагося въ рамки, установившагося юридическаго порядка. Такимъ образомъ, этой оговоркой Блунчли самъ противорѣчитъ себѣ, косвенно признавая возможнымъ оправдать начатіе войны однимъ лишь требованіемъ государственнаго интереса. Но что важнѣе всего, всѣ такія разсужденія о законныхъ поводахъ войны совершенно лишены всякаго практическаго значенія. Самъ Блунчли признаетъ совершенно одинаковую примѣнимость всѣхъ нормъ права войны какъ къ справедливой, такъ и къ несправедливой войнѣ, безразлично. «Иначе нормы эти, замѣчаетъ онъ, не имѣли бы никакой силы, такъ какъ каждая сторона считаетъ всегда свое только дѣло правымъ (²). И дѣйствительно, международная практика не признаетъ различія законныхъ и незаконныхъ поводовъ войны. Дѣйствующее международное право, въ различеніи правомѣрной и неправомѣрной войны, основывается исключительно на различіи того, кому дозволено и кому нѣтъ веденіе войны. Частная война современнымъ правомъ признается безусловно неправомѣрной и влечетъ за собою карательную репрессію. Поэтому всякія насильственныя дѣйствія, предпринимаемыя отдѣльными подданными государства по собственной инціативѣ, составляютъ преступленіе. Точно также военныя дѣйствія морскихъ разбойниковъ (пиратовъ, флибустьеровъ), не признающихъ надъ собою никакой власти, разсматриваются не какъ дозволенное международнымъ правомъ примѣненіе силы, а какъ преступленіе противъ международнаго права. Это общепризнанное положеніе. Правда, Гефтеръ относитъ пиратовъ и флибустьеровъ къ числу сторонъ, между которыми можетъ законно суще-

(¹) Международное право, §§ 516—518.

(²) Международное право § 519.

*

ствовать война (¹), но онъ самъ себя опровергаетъ, утверждая нѣсколькими страницами раньше, что «морской разбой есть особый родъ преступленія; пираты, захваченные на мѣстѣ преступленія и употребившіе въ дѣло оружіе, подвергаются смертной казни и судятся по законамъ того государства, которое ихъ захватило» (²). Прежде пираты, захваченные военнымъ судномъ, тутъ же безъ суда подвергались смертной казни; но теперь и въ отношеніи пиратовъ считается необходимымъ судебное разбирательство дѣла.

Къ пиратамъ приравнивается также возмутившійся экипажъ судна и вообще экипажъ отдѣльныхъ судовъ, совершающихъ самовольно насильственныя дѣйствія противъ другихъ судовъ своего правительства (revoltes isolées). Это начало было примѣнено въ дѣлѣ паровыхъ судовъ англійскаго «Fire Fly» и чилійскаго «Arauco», которыми завладѣли въ 1851 г. въ Чили партизаны Генерала Круца. Узнавъ объ этомъ захватѣ, чилійское правительство объявило «Arauco» лишеннымъ покровительства чилійскаго флага. Оба судна были затѣмъ захвачены англійскими крейсерами и возвращены адмираломъ Моресби ихъ собственникамъ (³).

Въ 1877 г. подобный же случай представился съ перуанскимъ мониторомъ «Huascar», экипажъ котораго возмутился подъ предводительствомъ нѣсколькихъ младшихъ офицеровъ, захватившихъ въ свои руки командованіе судномъ. Въ это время въ Перу не происходило никакихъ усобицъ. Встрѣтивъ англійскія суда «Santa Rosa» и «Yohn Uoler», командиръ Гуаскара потребовалъ отъ нихъ выдачи корреспонденціи, которую они везли перуанскому правительству. Получивъ отказъ, Гуаскаръ удалился, не совершивъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій. Затѣмъ онъ завладѣлъ портомъ Пизагой (Pisagua), куда вскорѣ пришелъ англійскій пароходъ «Colombia» съ правительственной корреспонденціей, которую онъ и передалъ командиру Гуаскара, а также передалъ въ ихъ руки безъ сопротивленія двухъ перуанскихъ должностныхъ лицъ. Кромѣ того, во время стоянки въ портѣ, Гуаскаръ потребовалъ отъ

(¹) Европ. Междун. право, стр. 218.

(²) Тамъ же, стр. 201.

(³) *Calvo*, II, 310.

англійскаго судна «Imuncіana» нѣкоторое количество угля, принадлежащаго перуанскому купцу, въ чемъ выдана была росписка. Узнавъ объ этихъ событіяхъ, контръ-адмиралъ англійскій Horsey обратился къ Гуаскару съ предостереженіемъ, что онъ не потерпитъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій противъ личности или имущества англичанъ, и затѣмъ, когда 29 мая два англійскихъ корабля «Шахъ» и «Аметистъ», подъ начальствомъ адмирала Горзея, встрѣтили Гуаскара, Горзей потребовалъ освобожденія задержанныхъ должностныхъ лицъ. За послѣдовавшимъ отказомъ, между ними завязалась битва въ предѣлахъ территоріальнаго моря, передъ самымъ городомъ Pacocha, и многіе выстрѣлы попали въ городъ, причинивъ значительныя поврежденія. Потерпѣвъ тяжкія аваріи, имѣя одного убитаго и нѣсколько раненыхъ, мониторъ скрылся, пользуясь покровомъ ночи. Этотъ поступокъ адм. Горзея сдѣлался предметомъ дипломатической переписки между перуанскимъ и англійскимъ правительствами. Перуанскій посланникъ въ Лондонѣ, Pedro Galvez, въ двухъ своихъ нотахъ, отъ 27 нояб. 1877 г. и 12 Іюля 1878 г., не отрицаетъ, что англійскій адмиралъ могъ бы обойтись съ Гуаскаромъ, какъ съ пиратомъ, если бы экипажъ его какъ нибудь нарушилъ личную или имущественную неприкосновенность англійскихъ подданныхъ и при томъ въ открытомъ морѣ, а протестовалъ только противъ того, чтобы въ поступкѣ Гуаскара можно было усмотрѣть посягательство на права англичанъ и въ особенности противъ допустимости нападенія на Гуаскара въ территоріальномъ морѣ Перу, передъ самымъ портомъ Пакоха(¹).

Признаніе или непризнаніе инсургентовъ воюющей стороной имѣетъ то практическое значеніе, что 1) для стороннихъ государствъ оно устанавливаетъ извѣстныя ограниченія, вытекающія изъ состоянія нейтралитета, которое необходимо предполагаетъ наличность войны, а не простаго мятежа, и 2) что только признанное государствомъ правительство можетъ признаваться въ судахъ государства. Къ сожалѣнію, въ литературѣ весьма мало обращается вниманія на эту практическую сторону вопроса. У Филлимора приводятся указанія на англійскую и американскую судебную практику, одинаково

(¹) Calvo, II, p. p. 302—310.

признающую, что непризнанное правительство считается на судѣ несуществующимъ (¹). Можно также указать любопытные прецеденты современной международной практики, разъясняющіе отношеніе стороннихъ государствъ къ крейсерамъ непризнанныхъ за воюющую сторону инсургентовъ. Этотъ вопросъ былъ поднятъ по поводу испанской междоусобной войны 1873 г. Въ Испаніи тогда было три правительства: 1) республиканское правительство въ Мадридѣ; 2) правительство конфедеративное (кантоналисты) и 3) карлистское правительство. Ни одно изъ этихъ правительствъ не было формально признано европейскими державами (за исключеніемъ Швейцаріи), но фактически всѣ относились, какъ къ представителю государственной власти въ Испаніи, къ республиканскому правительству въ Мадридѣ. Поэтому крейсеры этого правительства приравнивались ими къ крейсерамъ признанной воюющей стороны. Но относительно крейсеровъ конфедеративныхъ и карлистскихъ возбужденъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ихъ разсматривать какъ пиратовъ? Мадридское правительство естественно было на сторонѣ утвердительнаго рѣшенія. Но Англія, Германія и Франція приняли средній взглядъ. Исходя изъ того основнаго положенія, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія усобицы Испаніи, онѣ весьма послѣдовательно признали, что кантоналистскіе и карлистскіе крейсеры подлежатъ захвату лишь тогда, когда съ ихъ стороны будетъ сдѣлано какое либо посягательство на личность или имущество подданныхъ этихъ государствъ. Въ такомъ случаѣ, захваченные крейсеры могли быть передаваемы мадридскому правительству, съ нарочной оговоркой, что этимъ не выражается еще его признаніе (²).

Тѣ же самыя начала были выражены Бразильскимъ правительствомъ въ дѣлѣ аргентинскаго парохода «Portena» и испанскаго парохода «Montezuma». Пароходъ «Portena» былъ захваченъ въ октябрѣ 1873 г. партіей «жорданистовъ», т. е. инсургентовъ провинціи «Entre-Rios», возставшей тогда противъ союзнаго правительства аргентинской республики. Узнавъ объ этомъ, аргентинскій консулъ въ Монтевидео обратился къ бразильскому посольству, чтобы оно поручило бразильскимъ

(¹) *Phillimore*. II, p. p. 33—35.
(²) Calvo, II p. p. 292—297.

станціонерамъ, если они встрѣтятъ «Портенью», захватить этотъ пароходъ, какъ пирата. Хотя бразильское правительство не признало партію Лопецъ Жордана воюющей стороной, оно все таки не нашло возможнымъ удовлетворить желанію аргентинскаго правительства, и министръ иностранныхъ дѣлъ, Виконтъ Caravellas, заявилъ, что Бразилія будетъ руководствоваться тѣми началами, какія были примѣняемы европейскими государствами во время испанскихъ усобицъ. Подобный же случай представился съ испанскимъ пароходомъ «Montezuma», который въ началѣ 1877 г. былъ захваченъ кубанскими инсургентами и переименованъ въ «Cespedes» и затѣмъ, подъ кубанскимъ флагомъ, преслѣдовалъ испанскія торговыя суда. Испанскій повѣренный въ дѣлахъ въ Ріо-Жанейро (Estefani) обратился къ бразильскому правительству съ приглашеніемъ, въ случаѣ если «Монтезума» зайдетъ въ какой нибудь портъ имперіи, задержать его какъ пирата и поступить съ нимъ по всей строгости законовъ. Но бразильскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Cotejipe, отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на прецедентъ «Portena» (1).

Дозволенность насилія предполагаетъ непремѣнно наличность войны между сторонами. Не только во время мира, но и во время перемирія—насиліе не дозволено. Съ какого же момента слѣдуетъ считать войну начавшейся. Теперь признается началомъ войны фактическое начатіе военныхъ дѣйствій. Не такъ было однако прежде. До XVIII стол. существовалъ обычай, въ силу котораго считалось обязательнымъ предварительное объявленіе войны: безъ соблюденія этого условія, военныя дѣйствія не признавались актами правильной войны, и лица, принимавшія въ нихъ участіе, не пользовались покровительствомъ военнаго права.

Но съ XVIII ст., именно съ парижскаго мира 1763 (2) этотъ обычай перестаетъ быть обязательнымъ и причиной этому послужило то, что условія современной государственной жизни сдѣлали невозможнымъ такое подготовленіе войны. Публичное обсужденіе международной политики въ народныхъ собраніяхъ многихъ странъ; участіе общественнаго мнѣнія,

---

(1) *Calvo*, II p. p. 300—302.
(2) Calvo, 29.

развиваемаго и направляемаго печатью, во всѣхъ актахъ современныхъ правительствъ; чрезвычайная легкость сношеній между народами—все это дѣлаетъ теперь соблюденіе этой формальности торжественнаго объявленія войны безполезнымъ (1). Къ этому присоединяется еще и то соображеніе, что необходимое ограниченіе этой обязательности предварительнаго объявленія войны для одной лишь нападающей стороны даетъ часто поводъ къ безконечнымъ спорамъ о томъ, кто именно нападающая сторона. Такъ въ 1778 г. военныя дѣйствія между Англіей и Франціей начались безъ предварительнаго объявленія войны въ силу того, что каждая сторона признавала себя обороняющейся стороной (2).

Что касается писателей, то они до сихъ поръ по этому вопросу держатся противоположныхъ мнѣній. Гроцій, Ваттель, Гефтеръ, Кюсси отстаиваютъ обязательность объявленія войны. Бинкерсгукъ, Гейнекцій, Мартенсъ, Клюберъ, Филлиморъ высказываются противъ. Особенное положеніе занимаетъ Кальво: онъ полагаетъ, что этотъ обычай, отмѣненный было въ XVIII ст., снова возобновленъ, если и не прямо, постановленіями Парижскаго конгресса 1856 г. (3).

Въ отношеніи къ мѣсту, слѣдуетъ различать соотношеніе непріятелей на нейтральной территоріи и на территоріи воюющихъ, не входящей въ раіонъ военныхъ дѣйствій.

На нейтральной территоріи сохраняется состояніе мира и потому военное насиліе на ней, хотя бы и между непріятелями, не дозволено и даже составляетъ нарушеніе правъ нейтральныхъ правительствъ. Тоже самое должно сказать и относительно территоріи воюющихъ, не входящей въ раіонъ военныхъ дѣйствій. Каждый изъ воюющихъ можетъ, правда, потребовать удаленія съ его территоріи всѣхъ непріятельскихъ подданныхъ (ксенолазія), какъ это и было сдѣлано Франціей во время послѣдней Французско-Прусской войны, но разъ этого не сдѣлано, мѣстная власть обязана охранять личную и имущественную неприкосновенность непріятельскихъ подданныхъ, какъ и всякихъ другихъ иностранцевъ. Къ тому же

---

(1) Pradier Fodéré d. s. note sur vattel, droit des gens, 1863 II, 403.
(2) Cussy, Cause et phases, I, 182.
(3) Calvo, II, 33.

теперь ксенолазія составляетъ исключеніе. Такимъ образомъ насиліе между непріятелями дозволено только на театрѣ военныхъ дѣйствій. Къ театру военныхъ дѣйствій причисляется или, вѣрнѣе, приравнивается, впрочемъ, и *все открытое море*, во всѣхъ его частяхъ, какъ бы онѣ не были отдалены отъ раіона военныхъ дѣйствій.

ГЛАВА II.

Право воюющихъ.

§ 53. Открытый врагъ.

Для того, чтобы совершая противъ непріятеля насильственныя дѣйствія, пользоваться покровительствомъ права войны, необходимо удовлетворять двумъ условіямъ: 1) быть открытымъ врагомъ, и 2) быть законнымъ врагомъ.

Изъ перваго условія вытекаетъ, что всякій, кто принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, нанося вредъ непріятелю, скрываетъ свой непріятельскій характеръ, лишается покровительства права войны, и потому, въ случаѣ захвата непріятелемъ, подлежитъ наказанію за совершенныя имъ тайно непріязненныя дѣйствія. Таковы: шпіоны, проводники—предатели, переодѣтые солдаты, экипажъ судна, совершавшаго военныя дѣйствія подъ чужимъ флагомъ. Вопросъ о томъ, требуется ли для того, чтобы считаться открытымъ врагомъ, ношеніе военной формы, представляется спорнымъ.

1) *Шпіоны*. Въ международномъ правѣ издавна установилось правило, что шпіоны не пользуются покровительствомъ законовъ войны и, будучи захвачены, не считаются военноплѣнными. Сомнѣнія могутъ быть только относительно того, кого именно считать шпіономъ, при какихъ условіяхъ и какой именно карѣ подлежитъ онъ въ случаѣ захвата. Первое условіе шпіонства есть цѣль: только тотъ признается шпіономъ, кто проникаетъ къ непріятелю съ цѣлью собиранія свѣдѣній объ его положеніи. Нарушеніе этого правила Вашингтономъ заслужило общее осужденіе европейскихъ публицистовъ. Дѣло заключалось въ томъ, что англійскій маіоръ Андре, подъ чужимъ именемъ находившійся на терри-

торіи непріятеля, во время войны Америки за независимость, былъ сочтенъ за шпіона, хотя его пребываніе и не имѣло цѣлью собиранія свѣдѣній. Не была даже уважена его просьба, чтобы его не повѣсили, а разстрѣляли.

Второе условіе шпіонства есть то, чтобы проникновеніе было *скрытое, тайное*. Если будетъ схваченъ военно-служащій, производящій рекогносцировку, такъ что его можно распознать въ качествѣ непріятеля, то онъ не считается шпіономъ, а пользуется правами военноплѣннаго. Но если проникновеніе скрытое, напр. если офицеръ переодѣтъ, то военное званіе и собираніе свѣденій не по найму, а по долгу службы, не служитъ препятствіемъ признать такое лицо шпіономъ (¹).

Въ Американскихъ инструкціяхъ шпіонъ опредѣляется какъ «лицо, которое скрытно въ чужомъ костюмѣ или подъ ложными предлогами собираетъ свѣдѣнія съ цѣлію сообщить ихъ непріятелю, безразлично, успѣлъ ли онъ добыть и сообщить какія свѣдѣнія, или нѣтъ». Но необходимо, чтобы онъ былъ задержанъ во время самого шпіонства, «до возвращенія къ своей арміи» (§ 104).

Въ первоначальномъ русскомъ проэктѣ опредѣленіе шпіона значительно уже, такъ какъ въ него включено то условіе, чтобы лицо дѣйствовало «внѣ своей военной обязанности» (§ 18). Кромѣ того спеціально оговорено, что не считаются шпіонами «военныя лица, проникнувшія въ предѣлы дѣйствій непріятельскихъ войскъ, съ цѣлью собиранія свѣдѣній, если ихъ можно было распознавать въ качествѣ военныхъ» (22).

При обсужденіи этой главы проэкта на брюссельской конференціи, прежде всего, по предложенію французскаго генерала Arnaudau и итальянскаго полковника Lanza, были исключены слова «дѣйствуя внѣ своихъ служебныхъ обязанностей». Въ протоколахъ конференціи не указаны мотивы такого исключенія, но ихъ не трудно угадать. При сохраненіи этой оговорки, непріятельской арміи легко бы было сдѣлать неприкосновенными всѣхъ своихъ шпіоновъ, употребляя для этого лишь военно-служащихъ и вмѣняя имъ шпіонство въ служебную обязанность. При второмъ чтеніи, не смотря на сдѣланныя

(¹) Contra: Calvo, III p. 153, считающій наемничество существеннымъ условіемъ шпіонства.

нѣкоторыми членами возраженія противъ редакціи ст. 13, она принята безъ измѣненій.

Непремѣннымъ условіемъ наказуемости шпіона признается то, чтобы онъ былъ захваченъ во время шпіонства или до возвращенія его къ своей арміи. Захваченный потомъ, хотя бы относительно его несомнѣнно было доказано, что онъ прежде выполнялъ функціи шпіона, уже не подвергается взысканію. Ст. 21. русск. проэкта, содержащая это правило, была такъ редактирована, по крайней мѣрѣ, во французскомъ текстѣ, (retourne à son corps d'armée), что могло явиться сомнѣніе, не относитъ ли русскій проэктъ этого правила—что шпіономъ считается лишь тотъ, кто захваченъ во время шпіонства (pris sur le fait)—къ однимъ лишь военно-служащимъ. Прусскій генер. Voigts-Rhetz такъ и понималъ эту статью и настаивалъ на необходимости такого ограниченія, но всѣ другіе, высказавшіеся по этому вопросу, австрійскій генер. Schönfeld, швейцарскій полководецъ Hammer, итальянскій Lanza, шведскій Staat, бельгійскій бар. Lambermont, а также и оба русскіе, Жомини и Лееръ, высказались противъ такого ограниченія. Лееръ самъ предложилъ опустить слова «retourne à son corps d'armée». Это предложеніе было принято коммиссіей и въ принятой ею редакціи слова эти замѣнены болѣе общими «rejoint l'armée». Такимъ образомъ слѣдуетъ считать, что коммисія признала, что ст. 21 распространяется на всѣхъ шпіоновъ. Съ такимъ толкованіемъ согласенъ и Rolin Jacquemyn. Moynier (1), дающій другое толкованіе, вѣроятно не имѣлъ при этомъ въ виду протоколовъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать и принятую редакцію недостаточно ясной.

На практикѣ иногда къ шпіонамъ приравнивались другія лица, не подходящія прямо подъ понятіе шпіона. Такъ § 100 Амер. инструк. приравниваетъ къ шпіону «гонца или агента, пытающагося тайно проникнуть (2) чрезъ занятую непріятелемъ мѣстность, съ цѣлью содѣйствовать въ какомъ либо отношеніи интересамъ непріятеля». Тоже самое, но только отрицательно, выражаетъ и ст. 22 брюссельскихъ проэктовъ. Въ послѣднюю

(1) Revue, 1875. 497.
(2) Смт. § 42 arg a contraior.

восточную войну турки разстрѣливали гонцовъ и открыто провозившихъ депеши.

Во франко-прусскую войну изъ осажденнаго Парижа были пускаемы воздушные шары съ гонцами. Съ 23 октября 1870 г. было отправлено не менѣе 64 шаровъ съ 55 пассажирами. Это былъ первый примѣръ употребленія свободныхъ шаровъ и для цѣлей сообщенія осажденныхъ съ другими мѣстностями. Въ 1794 г. 26 іюня (bataille de Fleuress) французская армія употребляла шаръ для наблюденія за движеніемъ австрійскихъ войскъ. Въ 1812 г. русскіе пробовали бросать съ шаровъ снаряды на непріятелей. Употребленіе шаровъ при осадѣ Парижа также было неудачно. Многіе шары попали въ руки непріятелей и пруссаки приравнивали ихъ пассажировъ къ шпіонамъ, что и было прямо заявлено кн. Бисмаркомъ въ его нотѣ къ Сѣв.-Американскому посланнику въ Парижѣ «Washburne» отъ 19 ноября 1870 г. изъ Версаля. И дѣйствительно многіе изъ пассажировъ захваченныхъ шаровъ были судимы военнымъ судомъ. Принятая пруссаками система вызвала однако почти всеобщее осужденіе. Какъ остроумно замѣчаетъ Calvo, этихъ лицъ слѣдуетъ приравнивать къ пассажирамъ корабля, нарушающаго блокаду. Въ русскомъ проэктѣ, по ст. 22, было сдѣлано особое примѣчаніе, гласящее, что лица, захваченныя на воздушномъ шарѣ, должны считаться военноплѣнными. Противъ этого примѣчанія въ коммисіи высказался одинъ лишь прусскій генер. Voigts—Rhetz, но и то не по существу: онъ считалъ это примѣчаніе излишнимъ.

Захваченный шпіонъ подвергается смертной казни. Такъ нашъ воинскій Уст. О Нак. 1875 г. ст. 271, говоритъ, что непріятельскіе шпіоны подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за государственную измѣну. Способъ казни опредѣляется судомъ, отъ котораго зависитъ назначить повѣшеніе или разстрѣляніе. Въ американ. инструкц. назначается безусловное повѣшеніе за шею (§ 88). Въ русскомъ проэктѣ 1874 г., ст. XIX, говорится только, что шпіонъ подвергается суду. При обсужденіи этого проэкта въ коммисіи брюссельской конференціи, многіе члены представители высказались за исключеніе этой статьи: Horsford (англ.) предлагалъ замѣнить ее постановленіемъ, что шпіонъ можетъ быть наказанъ и безъ

суда. Энергичнаго защитника русскій проэктъ, по этому вопросу, нашелъ себѣ въ лицѣ Voigts Rhetz (Пруcc.) Если исключить этотъ параграфъ, то шпіоны будутъ поставлены внѣ закона; нельзя допустить, чтобы они могли быть разстрѣливаемы безъ суда. Кромѣ того въ этомъ же смыслѣ говорилъ и Жомини. Однако же, въ принятой при первомъ чтеніи редакціи о судѣ не упоминалось, а сказано было просто: «l'éspion.... est traité d'aprés les lois en vigueur dans l'armée qui l'a saisi». При второмъ чтеніи Lanza (итал.) опять требовалъ исключенія этой статьи. Lansberge (голл.) предложилъ такую редакцію: «l'espion pris sur le fait est punissable lors même que son intention n'aurait pas été définitivement accomplie, ou n'aurait pas été couronnée de succès. En aucun cas, il ne sera puni sans jugement». Voigts Rhetz возражалъ противъ этой редакціи, находя ее слишкомъ благосклонной для шпіоновъ. Но затѣмъ была принята поправка барона Ванде (фран.), заключающаяся въ замѣнѣ словъ «sera traite» словами «sera jugé et traite». При обсужденіи этой статьи членами института международнаго права, Den Beer Portugael и Moynier высказались за редакцію Lansberge.

2) *Переодѣтые солдаты.* Какъ въ америк. инструкціяхъ, такъ и въ брюссельскихъ проэктахъ одинаково постановляется, что переодѣтые солдаты считаются лишенными покровительства законовъ войны, и положеніе это вовсе не вызвало преній въ засѣданіи конференціи. Рѣчь шла только о редакціи. Такимъ образомъ запрещается одѣваніе непріятельскаго мундира и повязокъ съ краснымъ крестомъ. Brocher и Стояновъ касаются вопроса о томъ, позволительно ли заставлять плѣннаго трубача или барабанщика вводить въ заблужденіе непріятеля? Вопросъ этотъ долженъ быть, кажется, разрѣшенъ отрицательно на томъ основаніи, что военноплѣнный вообще не можетъ быть принуждаемъ къ участію въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ его соотечественниковъ.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о томъ, распространяется ли покровительство законовъ войны на лицъ, принимающихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, но не носящихъ военной формы, и что именно считать военной формой? Но объ этомъ скажемъ ниже.

3) *Проводники—предатели.* Въ Америк. инструк. § 97, установляется общее правило, что проводникъ — предатель

предается смертной казни. Въ русскомъ проэктѣ конвенціи объ этомъ ничего не было сказано, но при обсужденіи его въ Брюсселѣ, на засѣданіи 1 авг. 1874 г. (н. с.), г. Лееръ предложилъ дополнить проэктъ постановленіемъ о проводникахъ въ томъ смыслѣ, что проводникъ подлежитъ наказанію за измѣну даже тогда, если проводникомъ онъ служилъ по принужденію. Но при второмъ чтеніи предложеніе это русскими делегатами было взято обратно.

4) *Чужой флагъ.* Мы видѣли, что переодѣтый врагъ лишается покровительства права войны. Послѣдовательное проведеніе этого правила въ примѣненіи къ морской войнѣ должно бы было вести къ тому, что и непріятельское судно, плавающее подъ чужимъ флагомъ (нейтральнымъ), также должно было бы лишаться покровительства законовъ войны. Но морская практика не усвоила этого взгляда. Плавать можно подъ какимъ угодно флагомъ. Нельзя только нападать подъ чужимъ флагомъ. Истинный флагъ обязательно поднимать, когда дѣлаютъ опознавательный сигналъ (sèmonce) или отвѣчаютъ на него. Опознавательный сигналъ заключается въ холостомъ пушечномъ выстрѣлѣ, причемъ поднимается флагъ. Однако англійская практика идетъ еще дальше и допускаетъ поднятіе ложнаго флага и при такомъ холостомъ выстрѣлѣ. Согласно англійской практикѣ, только сражаться нельзя подъ ложнымъ флагомъ.

5) *Врагъ, неимѣющій военной формы.* Вопросъ о томъ, необходимо ли для того, чтобы быть признаннымъ открытымъ врагомъ, ношеніе военной формы, или же, напротивъ, достаточно для этого открыто носить оружіе, является однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ, и это объясняется тѣмъ, что при разрѣшеніи сталкиваются два противоположныхъ интереса: съ одной стороны интересъ непріятеля—имѣть возможность всегда легко распознать врага и не принять его за мирнаго обывателя, съ другой—интересъ народной защиты, для которой ношеніе военной формы было бы почти невыполнимымъ условіемъ. Къ этому присоединяется еще и то, что самое понятіе военной формы является довольно неопредѣленнымъ. Для того, чтобы достигать своей цѣли, военная форма должна удовлетворять двумъ условіямъ: 1) быть легко различимой, 2) не быть легко скрываемой. Поэтому такое однообразное

одѣяніе, которое не отличается замѣтнымъ образомъ отъ обыкновеннаго костюма мѣстныхъ жителей, или такая форма, которая вся сводится къ какому нибудь отличительному знаку (напр. кокардѣ), который легко можно снять и спрятать,—не достигаетъ той цѣли, ради которой требуютъ признанія обязательности военной формы, т. е. легкой распознаваемости врага.

Въ инструкціи Либера этотъ вопросъ не разрѣшенъ опредѣленнымъ образомъ (срав. §§ 57 и 81), но на практикѣ сѣверяне не держались строго признанія обязательности военнаго мундира. Отсутствіе формы, говоритъ Либеръ, въ случаѣ поголовнаго возстанія, не служитъ поводомъ для установленія наказанія. Бываютъ дѣйствительно случаи, когда отсутствіе формы можетъ быть принято какъ серьезное доказательство prima facie противъ захваченнаго врага, но должно помнить, что форменная одежда невозможна въ поголовныхъ возстаніяхъ, и что бываютъ случаи, когда регулярные солдаты оставались безъ формы по крайней мѣрѣ въ теченіи значительнаго промежутка времени. Я видѣлъ плѣнныхъ захваченныхъ въ фортѣ Донельсонъ: они не имѣли формы. Они, правда, были почти всѣ одинаково одѣты, но это былъ однообразный костюмъ мѣстныхъ сельскихъ жителей. Однако мы обращались съ ними, какъ съ военно-плѣнными и даже очень снисходительно» (On guerillas and guerilla parties, p. 15, 1882).

Во время франко-прусской войны этотъ вопросъ былъ предметомъ пререканій между воюющими. Бисмаркъ, въ нотѣ, переданной французскому правительству чрезъ посредство сѣверо-американскаго посланника, заявлялъ, между прочимъ, что солдатами будутъ признаваться лишь тѣ, которые на разстояніе ружейнаго выстрѣла могутъ быть распознаваемы какъ таковые, и затѣмъ въ частности указывалъ на то, что принятая нѣкоторыми вольными стрѣлками форма недостаточна. Такъ синяя блуза есть національный костюмъ французовъ, красный крестъ на рукавѣ можетъ быть распознанъ только на близкомъ разстояніи и во всякое время можетъ быть снятъ. Поэтому для пруссаковъ нѣтъ возможности распознавать лицъ, отъ которыхъ они должны ожидать враждебныхъ дѣйствій и по которымъ они должны стрѣлять. Въ виду этого

каждый, кто не можетъ быть распознанъ какъ врагъ издали, будетъ, въ случаѣ захвата, предаваться военному суду. Французское правительство отвѣчало, что синяя блуза съ краснымъ крестомъ, а у мобилей еще и кепи, составляютъ достаточное отличіе, чтобы служить формой, и что, если прусское правительство исполнитъ свою угрозу, французское прибѣгнетъ къ репрессаліямъ по отношенію къ людямъ ландвера и ландштурма (Revue, 1870, p. 660). Изъ отвѣта французскаго правительства видно, что оно не отрицало обязательности ношенія военной формы, но только расходилось съ прусскимъ въ вопросѣ о томъ, что должно считать достаточно распознаваемой формой.

Въ русскомъ проэктѣ, представленномъ на Брюссельскую конференцію, требуется «извѣстное внѣшнее отличіе», распознаваемое издали. Въ конференціи было обращено вниманіе на неопредѣленность этого выраженія. Шведскій делегатъ Staaff прямо поставилъ вопросъ о томъ, должно ли тутъ разумѣть *форму*, *форменное одѣяніе*, или только знакъ, носимый на обыкновенномъ платьѣ. Жомини и Лееръ отвѣчали, что русскій проэктъ требуетъ не формы, а только какого либо знака. Прусскій делегатъ Voigts-Rhetz находилъ, что общей формулой нельзя ограничиться, но что слѣдуетъ дать точное опредѣленіе, дабы избѣжать всякой двусмысленности. Отличіе, по его мнѣнію, должно состоять изъ креста, повязки, или какого нибудь другаго знака.

Въ проэктѣ, выработанномъ конференціей, однако, незамѣтно большей опредѣленности. Ст. 9, п. 2 требуетъ форменнаго и притомъ легко различаемаго отличія. Во всякомъ случаѣ, требованіе не знака только, а форменнаго одѣянія, никѣмъ не поддерживалось и даже, какъ видно изъ словъ Рейца, сама Пруссія отказалась поддержать тотъ взглядъ, который былъ выраженъ приведенной выше нотой князя Бисмарка.

§ 54. Законный врагъ.

Законнымъ врагомъ признается тотъ, кто соблюдаетъ законы и обычаи войны. Но въ виду того, что нарушенія законовъ войны причиняютъ, нерѣдко, неустранимое и даже

невознаградимое зло непріятелю, а также въ виду того, что карательная репрессалія такихъ дѣйствій представляется по необходимости случайной, ненадежной и падаетъ только на побѣжденныхъ и захваченныхъ во власть непріятеля, кромѣ самаго соблюденія законовъ войны, для признанія врага законнымъ, требуется еще наличность гарантій того, что законы войны будутъ имъ дѣйствительно соблюдаться.

Вопросъ въ томъ, каковы должны быть эти гарантіи? Достаточно ли, чтобы имѣлась у отряда военная организація или требуется еще сверхъ того, чтобы отрядъ организованъ былъ не иначе какъ по распоряженію правительства? Возможно, что и отрядъ, организованный по распоряженію правительства и вообще удовлетворяющій всѣмъ внѣшнимъ условіямъ военной организаціи, дѣлаетъ однако по своему составу весьма сомнительнымъ соблюденіе имъ законовъ войны. Это бываетъ, именно, когда государство, входящее въ составъ европейскаго международнаго союза употребляетъ въ войнахъ отрядъ, состоящій изъ населенія тѣхъ своихъ владѣній, которыя не достигли еще общаго уровня европейской культуры. Этотъ вопросъ былъ возбужденъ, по поводу употребленія Франціей тюркосовъ въ итальянскую войну 1859 г. и во франко-прусскую войну 1870 г. На упреки, сдѣланные въ этомъ смыслѣ германскимъ правительствомъ, Шодорди отвѣчалъ, однако, 25 января 1871 г. указаніемъ на то, что упреки эти совершенно безосновательны, такъ какъ не имѣютъ никакихъ фактическихъ данныхъ. И дѣйствительно, ни въ дипломатической перепискѣ, ни въ литературѣ не было указано ни одного факта, въ которомъ проявилась бы особая жестокость тюркосовъ.

Во всякомъ случаѣ, едва ли можно согласиться съ Блунчли([1]), чтобы употребленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ такихъ отрядовъ могло считаться общепринятымъ правиломъ дѣйствующаго международнаго права. Дудлей Фильдъ воспроизводитъ это правило съ такой оговоркой, что оно сводится къ общему требованію соблюдать правила войны, чтобы быть законнымъ

([1]) Völkerrecht 1878. § 559.
([2]) Code § 739.

врагомъ и при томъ говоритъ собственно только о дикихъ *союзникахъ*.

Положеніе поголовно возставшаго противъ врага населенія должно быть обсуждаемо на основаніи иныхъ началъ, нежели положеніе отдѣльныхъ партизанскихъ отрядовъ. Поголовное возстаніе предполагаетъ состояніе крайней необходимости организованной арміи и наличность угрожающей опасности родинѣ. Поголовное возстаніе съ полнымъ правомъ можетъ быть разсматриваемо какъ коллективная форма необходимой обороны и потому, конечно, къ нему непримѣнимы формальныя требованія, въ родѣ, напр. требованія военнаго мундира или даже только отличительнаго знака.

Но непріятель, совершающій нашествіе, склоненъ относиться къ возставшему населенію крайне сурово, такъ какъ поголовное возстаніе, разстраивая его расчеты и раздробляя его силы, причиняетъ ему весьма серьезный вредъ. И военная исторія дѣйствительно представляетъ примѣры того, что возставшее населеніе приравнивалось непріятелемъ къ разбойникамъ и, въ силу этого, захватываемые инсургенты не признавались военно-плѣнными, а подвергались смертной казни. Впрочемъ, въ литературѣ приводится всего три такихъ примѣра. Первый изъ нихъ относится къ распоряженіямъ маршала Ожеро въ Испаніи. Второй—къ Веллингтону, объявившему во время возстанія населенія южной Франціи въ 1814 г., что онъ будетъ вѣшать тѣхъ изъ возставшихъ, которые не присоединятся къ арміи Сульта. Но самый рѣзкій примѣръ такого рода есть поведеніе германскихъ войскъ во Франціи въ 1870 г. Тутъ дѣло не ограничивалось повѣшеніемъ возставшихъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, но доходило до сжиганія цѣлыхъ селеній съ женщинами и дѣтьми. Трудно представить себѣ что либо возмутительнѣе случаевъ въ Базейллѣ, Шатоденѣ, Базинвилѣ, Монтрету и Фонтенуа. Въ Базейллѣ, въ отмѣстку за оказанное сопротивленіе, свыше 1500 чел. съ женщинами и дѣтьми, спрятавшимися въ подвалахъ, сожжены живьемъ. Въ Шатоденѣ избивали раненыхъ и нѣсколькихъ сожгли въ ихъ постеляхъ. Въ Базинвалѣ и Монтрету сожиганіе домовъ и грабежъ ихъ продолжался даже послѣ того, какъ было заключено перемиріе.

Вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ партизанскіе отряды и поголовное возстаніе могутъ пользоваться правами воюющей стороны, есть одинъ изъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ современнаго права войны и возбуждаетъ цѣлый рядъ разногласій. Нѣкоторые, какъ Рюстовъ (1), даже совершенно отчаиваются въ возможности его разрѣшенія. Посмотримъ, что же даетъ по этому вопросу литература международнаго права?

Гуго Гроцій касается этого вопроса въ XVIII гл. III кн. «О томъ, что совершается частными лицами въ публичной войнѣ«. Приводя нѣсколько случаевъ, передаваемыхъ классическими писателями, изъ которыхъ видно, что греки и римляне считали непозволительнымъ совершать нападеніе на непріятеля безъ уполномочія на то со стороны правительства или даже вопреки его приказанію, оговаривается, что это не вытекаетъ изъ постановленій международнаго права, а изъ требованій военной дисциплины, такъ какъ произвольное начатіе военныхъ дѣйствій могло бы вовлечь войско въ неблагоразумныя битвы съ непріятелемъ.

Напротивъ, по естественному праву и по внутреннему праву (jus internum) всякій можетъ совершать въ справедливой войнѣ все, что онъ считаетъ полезнымъ для той стороны, которую онъ считаетъ правой.

У послѣдующихъ писателей мы не находимъ единогласія по этому вопросу, что вполнѣ соотвѣтствовало и неопрдѣленной постановкѣ этого вопроса на практикѣ.

Исходя изъ того начала, что война есть отношеніе между государствами и отожествляя государство съ правительствомъ, иные безусловно признавали законнымъ непріятелемъ лишь тѣхъ, кто совершаетъ военныя дѣйствія *по уполномочію правительства*. Такого взгляда держатся F. G. Martens (2) и Heffter въ прежнихъ изданіяхъ своего курса (3). Въ послѣднемъ изданіи, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ, старое мнѣніе осталось въ § 124, а въ § 124*a* вставлено новое, по которому достаточно: «предписанія начальника

---

(1) Rustow, Kriegspolitik und Kriegsgebrauch, 1876, 186.

(2) Precis, II. 228: La guerre ne doit se faire que par les troupes que l'Etat a appelées à son service ou par des compagnies farouches etc. dont il a autorisé le ressemblement.

(3) Напр. Фран. изд. 1866 г. р. 233.

*

своего отряда», что, впрочемъ, довольно неясно. Клюберъ считаетъ достаточнымъ и «подразумѣваемое приказаніе правительства» [1]. Wheaton [2], Pinheiro-Ferreira [3], Oppenheim [4] вовсе не считаютъ необходимой такую ауторизацію. За то Saalfeld требуетъ, кромѣ правительстеннаго уполномочія еще военной обмундировки [5].

Въ войнахъ прошедшаго и начала настоящаго столѣтія нерѣдко считались разбойниками и предавались военному суду не только партизаны, но даже и милиціонеры [6].

Особенное вниманіе, однако, этотъ вопросъ обратилъ на себя только въ новѣйшее время, начиная съ половины текущаго столѣтія. Это объясняется тѣмъ, что только въ настоящую эпоху мы находимъ на ряду съ сильной правительственной властью, прочнымъ господствомъ юридическаго порядка и относительнымъ развитіемъ международнаго юридическаго порядка, развитіе общественной дѣятельности, получающей самостоятельное значеніе, на ряду съ дѣятельностью правительственной. Къ этому надо присоединить еще и то, что, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, общественная дѣятельность существовала и прежде, но это не было сознаваемо. Только въ настоящемъ столѣтіи общество, на ряду съ государствомъ, стало самостоятельнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія.

Въ виду того, что самое ученіе объ обществѣ до сихъ поръ предметъ спорный, нѣтъ ничего удивительнаго, что и вопросъ о томъ, можно-ли признать законнымъ врагомъ отрядъ, образовавшійся самостоятельно, не по распоряженію или даже безъ вѣдома правительства, не получаетъ единогласнаго разрѣшенія. Но удивительно то, что непризнаніе такихъ отрядовъ законнымъ врагомъ дѣлается даже со стороны защитниковъ ученія объ обществѣ. Такъ проф. Мартенсъ, придающій особенное значеніе *общественнымъ* международнымъ отношеніямъ, тѣмъ не менѣе рѣшительно высказывается противъ народной защиты и даже присоединяется къ мнѣнію Арнольда, что

(1) Новѣйшее евр. народ. право. Москва, 1828 г. с. 304.
(2) Elements du troit intern. 1848, II. p. 18.
(3) Note sur Martens, Precis, II. p. 229.
(4) System des Vr. 1845, p. 258.
(5) Saalfeld. Handbuch des positiven Völckerrecht. 1833. s. 105.
(6) Ibidan, Martens, Precis, II. p. 229; Calvo. II. 121. Мартенсъ. Восточн. война. стр. 62.

правительства обязаны воспрещать всякія «такъ называемыя» патріотическія возстанія.

Г. Мартенсъ основывается на двухъ аргументахъ: на самомъ понятіи войны и на безполезности народной защиты. Война, такъ аргументируетъ онъ, есть отношеніе между государствами; законный органъ и представитель государства есть правительство и только правительство: слѣдовательно законными врагами могутъ быть только правительственныя войска. Проф. Мартенсъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что война принимаетъ характеръ народной только тогда, когда эти войска недостаточны. Безсиліе правительства не всегда тождественно съ безсиліемъ государства, и странно было-бы утверждать, что населеніе, имѣющее достаточно силы отстоять свою самостоятельность, не вправѣ это сдѣлать, что, напротивъ, безсильное правительство обязано воспретить ему самозащиту. Можно-ли серіозно думать, чтобы такія требованія когда нибудь и кѣмъ нибудь исполнялись? Государство—неотвлеченное понятіе; государственное общеніе—не фикція. Въ здоровомъ государственномъ тѣлѣ внутреннее единство и внѣшняя самостоятельность являются непреложными фактами, съ которыми никакъ не раздѣлаешься однимъ отвлеченнымъ представленіемъ о правительствѣ, какъ объ органѣ государства. Къ тому же жизнь государства отнюдь не исчерпывается дѣятельностью правительства; не только органы самоуправленія, но и свободные союзы въ государствѣ (Vereinswesen. Л. Штейна) и даже, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и частныя лица являются органами государства. Объемъ дѣятельности правительства не опредѣляется какимъ либо отвлеченнымъ началомъ; границы правительственной, общественной, частной дѣятельности складываются исторически, причемъ главнымъ факторомъ въ опредѣленіи этихъ границъ является, конечно, количество силы и способности, какое представляетъ каждый изъ этихъ различныхъ элементовъ народной жизни. И первое правило справедливости требуетъ, чтобы каждый изъ этихъ элементовъ не присвоивалъ своему исключительному вѣденію больше, чѣмъ дѣйствительно можетъ выполнить. Относительно внутренней государственной дѣятельности, начало это признано всѣми. Такъ, Гуго Гроцій, установляя различіе частной и публичной войны и указывая, что, съ установленіемъ публичной власти, частная

война, по общему правилу, уже не допускается, дѣлаетъ, однако, оговорку, что это запрещеніе надо понимать съ тѣмъ ограниченіемъ, что оно относится только къ случаямъ, въ которыхъ возможно обратиться къ защитѣ суда. Примѣненіе личной силы въ иныхъ случаяхъ нѣкоторые признаютъ даже обязанностью (Waitz, Politik. 320). Въ случаѣ необходимости, частная сила можетъ быть употреблена и противъ органовъ власти. Неужели-же врагъ—иностранецъ представляетъ изъ себя нѣчто столь священное, что, какъ это утверждаетъ Арнольдъ, угрожаемое имъ правительство должно охранять его отъ того, отъ чего не считаетъ справедливымъ охранять собственныхъ своихъ органовъ! Г. Мартенсъ говоритъ, что при допущеніи къ участію въ войнѣ отрядовъ, организовавшихся помимо распоряженій правительства, возгорится bellum omnium contra omnes. Опасеніе врядъ ли основательное: вѣдь не возгорается же такая bellum omnium contra omnes внутри отдѣльныхъ государствъ, гдѣ допускается частное насиліе во всѣхъ случаяхъ непримѣнимости публичной силы. Словомъ, если война и дѣйствительно есть отношеніе между государствами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была исключительно отношеніемъ между правительствами, такъ какъ есть много случаевъ, когда частная или общественная сила заступаетъ мѣсто государственной власти.

Что касается втораго аргумента безполезности народной защиты, то прежде всего надо замѣтить, что отъ безполезности еще нельзя заключать къ недопустимости. И во всякомъ случаѣ это аргументъ обоюдоострый: безполезной, народная защита можетъ быть признана лишь въ томъ предположеніи, что она не можетъ причинить серіознаго вреда непріятелю. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія и запрещать ее.

Въ прямой зависимости отъ того, какъ будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, стоитъ и то, что разумѣть подъ военной организаціей. Если законнымъ врагомъ считается только дѣйствующій по уполномочію отъ правительства, то имѣющимъ правильную военную организацію будетъ признанъ только тотъ отрядъ, который не только имѣетъ у себя во главѣ отвѣтственнаго начальника, но и кромѣ того подчиняется общему главнокомандующему.

При обсужденіи русскаго проэкта на Брюссельской кон-

ференціи особенно сильнымъ возраженіямъ подверглось требованіе ст. 9, чтобы отрядъ волонтеровъ подчинялся бы общему главнокомандующему. Баронъ Schönfeld (авст.) указывалъ на то, что такое подчиненіе на практикѣ встрѣчается очень рѣдко и это объясняется тѣмъ, что такого рода отряды имѣютъ не общее, а лишь мѣстное значеніе и организуются не съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Баронъ Lambermont (бельг.) обратилъ вниманіе на то, что это требованіе совершенно неосуществимо въ тѣхъ случаяхъ, когда главное военное начальство (l'Etat-major Général) отдѣльно отъ той части страны, гдѣ организуются волонтеры. Въ виду этихъ заявленій Arnaudeau (фран.) предложилъ вовсе исключить эти слова, а Voigts (прус.)—замѣнить слова «soumis au commandement général» словами «si ayant à leur tête un officier ou une personne, connaissant les lois de la guerre et reponsable de leur conduite», такъ какъ и онъ признаетъ затруднительнымъ, чтобы эти отряды находились подъ начальствомъ главнокомандующаго.

Примѣненіе этого требованія военной организаціи возбуждаетъ еще болѣе сомнѣній въ отношеніи поголовнаго ополченія. Ст. 45 русскаго проэкта безусловно признавала воюющей стороной «населеніе еще не занятой непріятелемъ мѣстности, взявшееся за оружіе для защиты отечества». На конференціи сами же русскіе представители, Жомини и Лееръ, и прусскій Voigts Rhetz предложили дополнить эту статью оговоркой, если оно соблюдаетъ законы войны. Nedel (Данія) замѣтилъ на это, что онъ тѣмъ охотнѣе присоединяется къ предложенію русскихъ делегатовъ, что этимъ самымъ будетъ еще яснѣе выражено, что никакихъ другихъ условій, въ отношеніи къ возставшему населенію, не ставится. Однако Жомини и Лееръ утверждали, напротивъ, что и ст. 45 предполагаетъ наличность тѣхъ условій, которыя опредѣлены ст. 9, особенно наличность какого нибудь отличительнаго знака. Lambermont (Бельгія) находилъ невозможнымъ требовать, чтобы населеніе, возставшее въ минуту опасности на защиту отечества, заботилось о снабженіи себя отличительными знаками.

§ 55. Объектъ насильственныхъ дѣйствій.

Мы разсмотрѣли въ предъидущемъ параграфѣ, кому дозволены военныя дѣйствія. Теперь намъ предстоитъ опредѣлить *противъ кого* онѣ могутъ быть предпринимаемы?

Общимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является признаніе допустимости военныхъ дѣйствій только противъ *непріятеля*. Но такимъ общимъ отвѣтомъ нельзя удовольствоваться, такъ какъ имъ не разрѣшаются всѣ могущіе встрѣтиться на практикѣ частные вопросы. Поэтому необходимо войти въ болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса.

Международное право различаетъ вообще непріятеля или врага de jure и непріятеля de facto. Врагъ de jure—всякій принадлежащій къ населенію враждебнаго государства, непріятельскій подданный, хотя бы онъ и не участвовалъ самъ лично въ какихъ либо непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Врагъ de facto всякій лично принимающій участіе въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, хотя бы онъ и не былъ вовсе непріятельскимъ подданнымъ. Это различіе имѣетъ то значеніе, что нарушеніе личной неприкосновенности допускается правомъ войны только въ отношеніи къ врагу de facto; посягательства же на имущественныя права (въ морской войнѣ) и въ отношеніи врага de jure: для признанія права захвата достаточно установить фактъ принадлежности имущества непріятельскому подданному.

Непріятелемъ de jure признаются непріятельскіе подданные. Но въ силу установившагося въ настоящее время территоріальнаго принципа, въ силу котораго господство и покровительство государственной власти распространяется на всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ государства, различаются постоянные и временные подданные. Къ постояннымъ подданнымъ относятся какъ природные подданные, такъ и натурализованные. Временными подданными считаются иностранцы, имѣющіе въ данномъ государствѣ мѣсто жительства. Во время войны мѣсто жительства въ непріятельской территоріи придаетъ лицу непріятельскій характеръ и, наоборотъ мѣсто жительства въ нейтральной территоріи придаетъ и непріятельскому подданному нейтральный характеръ. Слѣдовательно,

можно сказать, что во время войны мѣсто жительства имѣетъ рѣшающее значеніе. Такъ въ 1802 г. англійскій судъ призналъ, что англійскій природный подданный, имѣющій мѣсто жительства въ Португаліи, долженъ во время войны Англіи съ Голландіей разсматриваться какъ нейтральный португальскій подданный. Мѣсто жительства установляется просто постояннымъ пребываніемъ animo manendi. Но точно также и наоборотъ, оно уничтожается переѣздомъ. По этому признается, что временное подданство, установляемое мѣстомъ жительства, можетъ быть измѣняемо при началѣ войны. При этомъ достаточно добросовѣстное обнаруженное намѣреніе перемѣнить мѣсто жительства, и если приведенію этого намѣренія помѣшаютъ какія либо стороннія обстоятельства, временное подданство все-таки считается прекратившимся. Практика призовыхъ судовъ признаетъ, что судно или грузъ, принадлежащіе лицу, еще находившемуся въ моментъ отплытія судна на непріятельской территоріи, но уже выразившему намѣреніе ее оставить, и затѣмъ къ моменту захвата дѣйствительно оставившему непріятельскую территорію, подлежатъ возврату собственнику, какъ незаконный призъ (дѣло India Chiff). Точно также, если лицо не можетъ оставить непріятельскую территорію, не смотря на свое желаніе, въ силу насильственнаго задержанія мѣстною властью, это не должно служить препятствіемъ возстановленію за нимъ его первоначальнаго національнаго характера.

Можетъ случиться, что одно и то же лицо имѣетъ одновременно нѣсколько мѣстъ жительства, какъ это часто бываетъ съ купцами, имѣющими торговыя учрежденія въ разныхъ государствахъ. Въ такомъ случаѣ лицо можетъ быть признаваемо смотря по обстоятельствамъ то нейтральнымъ, то непріятелемъ. И принадлежащее ему имущество разсматривается непріятельскимъ или нейтральнымъ, смотря откуда оно идетъ.

При рѣшеніи вопроса о національности задерживаемаго въ открытомъ морѣ имущества, принимается во вниманіе исключительно моментъ отплытія судна изъ мѣста нагрузки. Перемѣны, происшедшія въ національности груза послѣ отплытія, во время плаванія (in transitu), не принимаются въ соображеніе. По этому, если, послѣ отправки, грузъ будетъ

проданъ нейтральному или собственникъ груза, по происхожденію нейтральный, прекратитъ затѣмъ свое пребываніе въ непріятельской территоріи, грузъ все-таки до конца плаванія считается непріятельскимъ. Другими словами, національность не можетъ быть измѣняема во время нахожденія его въ открытомъ морѣ (in transitu). Это правило установлено морскимъ международнымъ правомъ, ради устраненія возможности фиктивныхъ перемѣнъ національности во время плаванія, съ помощью которыхъ всякое непріятельское имущество могло бы укрыться отъ захвата ([1]).

Исполненіе функціи консула не вліяетъ на національность имущества. Поэтому если консулъ нейтральной державы есть вмѣстѣ купецъ, ведущій торговлю въ непріятельской территоріи, его товаръ имѣетъ непріятельскій характеръ ([2]).

Военное занятіе территоріи не вліяетъ на національность имущества. Это начало было признано въ 1854 г. судебнымъ комитетомъ Тайнаго Совѣта въ Англіи, по дѣлу судна «Герасимо», плававшаго подъ валашскимъ флагомъ и вышедшаго изъ Сулимы съ грузомъ маиса, взятымъ имъ изъ Галаца въ Молдавіи. Оно было захвачено англійскимъ крейсеромъ на томъ основаніи, что Молдавія была тогда занята русскими войсками. Судъ первой инстанціи призналъ призъ законнымъ, но судебный комитетъ Тайнаго Совѣта отмѣнилъ этотъ приговоръ на томъ основаніи, что занятіе это, какъ имѣвшее только временный характеръ, не могло измѣнить національности товара. Такъ какъ Молдавія и Валахія составляли вассальныя владѣнія Турціи, онѣ по отношенію къ Англіи не могли считаться непріятельской территоріей и фактъ военнаго занятія ихъ русскими войсками не могъ измѣнить національности ихъ населенія ([3]). Тоже самое начало было признано еще раньше относительно имущества лицъ, проживавшихъ въ Гамбургѣ во время занятія его французскими войсками ([4]).

([1]) Travers-Twiss, War. 322.
([2]) Travers-Twiss, War. 316.
([3]) Calvo, III p. 71.
([4]) Travers-Twiss, War. 319.

Другое дѣло, если часть территоріи завоевывается и уступается прежнимъ владѣльцемъ другому. Въ такомъ случаѣ національность мѣняется. Но перемѣна эта наступаетъ лишь съ того момента, когда имѣется на лицо и уступка территоріи по договору и дѣйствительный фактъ завладѣнія. Одно соглашеніе объ уступкѣ безъ дѣйствительнаго завладѣнія не влечетъ еще измѣненія національности. Такъ было признано англійской призовой практикой относительно Лузіаны, уступленной Испаніей Франціи по договору въ С. Ильдефрансо, 1796 г., но не перешедшей еще въ дѣйствительное владѣніе Франціи. По этому собственность лузіанцевъ и считалась въ 1803 г. англичанами непріятельской (¹).

Національность не можетъ также измѣниться въ силу возстанія совершившагося въ данной мѣстности и приведшаго къ фактическому ея отдѣленію. Это было признано англійскимъ призовымъ судомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, относительно С. Доминго, отдѣлившагося тогда фактически отъ Франціи. Такъ какъ Англія не признавала тогда независимости С. Доминго, то онъ и продолжалъ разсматриваться какъ французская колонія.

Врагомъ de facto признается только тотъ, кто дѣйствительно принимаетъ участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, какъ интеллектуальный или физическій ихъ виновникъ. Поэтому не всякій непріятельскій подданный есть врагъ de jure но и de facto, не только предполагаемый, но и дѣйствительный врагъ.

Непріятельскіе подданные, не являющіеся врагами de facto, могутъ быть подведены подъ слѣдующія главныя категоріи: 1) лица, не принадлежащія къ составу военныхъ силъ непріятеля, регулярныхъ или иррегулярныхъ, т. е. все мирное населеніе непріятельской національности; 2) лица, находящіяся при арміи, но исполняющія совершенно мирныя функціи; 3) строевые чины арміи, когда они отказываются отъ дальнѣйшей борьбы (враги просящіе пощады), и, наконецъ, 4) строевые чины арміи, не могущіе вслѣдствіе ранъ или болѣзни продолжать отправленіе воинской службы.

(¹) Ibidem, p. 321.

Мирное населеніе вообще признается изъятымъ отъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ личности, а въ сухопутной войнѣ и по отношенію къ имуществу. Но въ случаѣ военнаго занятія мѣстности, оно подчиняется власти оккупирующаго.

Лица, находящіяся при арміи, но не имѣющія военнаго характера, каковы священники, корреспонденты, маркитанты, пользуются и имущественной, и личной неприкосновенностью. Считается недозволеннымъ направлять непосредственно противъ нихъ насильственныя дѣйствія. Вопросъ о томъ, могутъ ли они быть захватываемы и удерживаемы въ плѣну, спорenъ. Но во всякомъ случаѣ, находясь при арміи, они подвергаются всѣмъ тѣмъ непріятельскимъ дѣйствіямъ, которыя имѣютъ общій характеръ.

Врагъ, просящій пощады, долженъ быть пощаженъ. Отказъ въ пощадѣ не допускается не только въ видѣ частной мѣры, но не допускается точно также и заранѣе дѣлаемое заявленіе о томъ, что никому не дано будетъ пощады. Войско, дѣлающее такое заявленіе, считается лишеннымъ покровительства законовъ войны.

Наиболѣе интереса представляетъ вопросъ о положеніи раненыхъ и больныхъ воиновъ и санитарнаго персонала, такъ какъ съ принятіемъ Женевской конвенціи по этому вопросу дѣйствуютъ относительно подробныя и опредѣленныя правила.

Женевская конвенція признаетъ нейтральными, т. е. изъятыми отъ военныхъ дѣйствій: 1) раненыхъ и больныхъ, которымъ воюющіе, безъ различія національности, обязаны подавать помощь; затѣмъ 2) лазареты и госпитали, когда въ нихъ находятся больные, 3) личный составъ госпиталей и походныхъ лазаретовъ, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненыхъ, а также включая священно-служителей, пока этотъ персоналъ будетъ въ дѣйствіи и пока будутъ оставаться раненые, коимъ требуется помощь, и, наконецъ, 4) мѣстные жители, подающіе помощь раненымъ и принимающіе ихъ у себя на дому.

Захваченные непріятелемъ раненые могутъ тотчасъ же послѣ сраженія быть переданы съ обоюднаго соглашенія на аванпосты противной стороны. Остающіеся во власти непріятеля, если по выздоровленіи окажутся неспособными къ про-

долженію военной службы, будутъ отправляемы обратно въ отечество. Остальные могутъ также быть возвращены подъ условіемъ не носить оружія до окончанія войны. Слѣдовательно, могутъ также быть удерживаемы, какъ военноплѣнные.

Санитарный персоналъ можетъ продолжать свои функціи безпрепятственно и по занятіи мѣста непріятелемъ, или же удалиться, чтобы присоединиться къ своему корпусу. Движимость госпиталей остается подчиненной дѣйствію законовъ войны и потому за исключеніемъ находящагося въ нихъ частнаго имущества, можетъ быть захватываема непріятелемъ.

Для отличія санитарныхъ учрежденій и санитарнаго персонала установляется особый знакъ: бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ и такая же перевязка на рукавѣ. Турція употребляетъ также бѣлый флагъ, но не съ крестомъ, а съ красной луной.

Эти постановленія относятся только къ сухопутной войнѣ. Въ проектѣ дополнительныхъ статей къ конвенціи 1868 г. заключаются постановленія, относящіяся къ морской войнѣ. Тутъ въ общемъ повторяются тѣ же правила съ слѣдующими особенностями. Военные санитарные корабли не изъемлются отъ захвата, но захватитель, собственностью котораго они дѣлаются, не имѣетъ права мѣнять назначенія судна во все продолженіе войны. Торговыя суда, везущія исключительно раненыхъ и больныхъ, какой бы національности ни было, пользуются нейтралитетомъ. Но уже одинъ фактъ осмотра судна непріятельскимъ крейсеромъ, отмѣченный въ корабельномъ журналѣ, лишаетъ находящихся на немъ раненыхъ и больныхъ права носить оружіе во все продолженіе войны. Воюющіе могутъ, если найдутъ нужнымъ, запрещать нейтрализованнымъ тѣ сообщенія и то направленіе, какія считаютъ неудобными.

Отличительный знакъ военныхъ санитарныхъ кораблей, кромѣ бѣлаго флага съ краснымъ крестомъ, есть бѣлая окраска съ зеленой каймой.

Проектъ Муанье. Одного опредѣленія обычаевъ войны, конечно, недостаточно. Необходимо позаботиться и о мѣрахъ обезпеченія ихъ дѣйствительнаго исполненія. Примѣры послѣднихъ войнъ показали, что въ этомъ отношеніи предстоитъ еще

сдѣлать весьма много. Въ обѣ послѣднія войны воюющія стороны взаимно обвиняли другъ друга въ нарушеніи законовъ войны и въ частности Женевской конвенціи, эти обвиненія и побудили Муанье выступить въ 1872 г. съ проектомъ учрежденія международнаго трибунала для предупрежденія и репрессіи нарушеній женевской конвенціи, въ засѣданіи международнаго комитета попеченія о раненыхъ воинахъ (1).

Содержаніе этого проэкта заключалось въ слѣдующемъ: Для обезпеченія соблюденія Женевской конвенціи въ случаѣ войны установляется международный трибуналъ, къ которому могутъ быть обращаемы жалобы на нарушенія этой конвенціи. (ст. 1) Трибуналъ этотъ составляется изъ 5 членовъ, изъ которыхъ 2 назначаются воюющими сторонами (если воюющихъ государствъ болѣе двухъ, союзники назначаютъ одного члена вмѣстѣ по взаимному соглашенію), а 3 остальныхъ—тремя нейтральными государствами, на которыхъ падетъ жребій. Жребій опредѣляется предсѣдателемъ Швейцарскаго союза. Если нейтральное государство, на которое падетъ жребій, затѣмъ приметъ участіе въ войнѣ, назначенный имъ арбитръ выбываетъ, и снова вынимается жребій, опредѣляющій, какое государство должно назначить новаго арбитра (ст. 2).

Подробности организаціи, порядокъ производства, мѣсто засѣданій, срокъ ихъ — все это опредѣляется самими арбитрами (ст. 3).

Трибуналъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ только по жалобамъ воюющихъ сторонъ (с. 4). Если виновность будетъ установлена, онъ опредѣляетъ наказанія, которыя должны быть опредѣлены особымъ дополнительнымъ къ Женевской конвенціи соглашеніемъ. Кромѣ наказаній, трибуналъ можетъ присудить и вознагражденіе за причиненный вредъ и убытокъ (ст. 7). Правительство того государства, къ которому принадлежитъ осужденный, отвѣтственно за исполненіе приговора (7 и 6). Издержки на содержаніе трибунала падаютъ на воюющихъ.

По поводу этого проекта тогда же высказались многіе публицисты: Либеръ, Гольцендорфъ, Вестлэкъ, Морэнъ, Роленъ-

---

(1) Note sur la création d'institution judiciaire internationale propre à prévenir et à reprimer les infactions à la convention de Genève, Bulletin international, 1872, № 11.

Жакеминъ и испанскіе юристы Antonio Balbin de Unguera и Gregorio Robledo ([1]).

Только Morin и испанцы Unguera и Robledo высказались въ смыслѣ принятія проекта Moynier во всѣхъ его существенныхъ чертахъ. Остальные нашли проектъ или вовсе неосуществимымъ или же находили возможнымъ учредить не трибуналъ съ опредѣленной юрисдикціей, а лишь коммисію для разслѣдованія событій, подающихъ поводъ ко взаимнымъ обвиненіямъ воюющихъ сторонъ. Либеръ и Вестлэкъ явились представителями перваго мнѣнія. Либеръ еще раньше (въ своей Political Ethics) высказался противъ осуществимости идеи о международномъ судѣ. Судъ, не имѣющій средствъ принудить къ исполненію своихъ рѣшеній, не судъ. Къ тому же, свободные народы всегда будутъ съ такимъ судомъ въ сравнительно худшемъ положеніи, ибо правительства, болѣе или менѣе деспотическія, болѣе способны проводить интриги. Вестлэкъ указывалъ на то, что невозможно будетъ въ этотъ судъ вызывать свидѣтелей, которыхъ пришлось бы для этого освобождать отъ ихъ воинскихъ обязанностей. Допущеніе же однихъ письменныхъ показаній невозможно, такъ какъ воюющія стороны не станутъ довѣрять показаніямъ, достовѣрность и подлинность которыхъ засвидѣтельствованы лишь военнымъ начальствомъ того государства, противъ котораго возбуждается обвиненіе. Кромѣ того, учрежденіе такого трибунала не можетъ не уменьшить въ военныхъ начальникахъ чуство личной отвѣтственности за нарушенія Женевской конвенціи, совершаемыя въ ихъ отрядахъ. Они станутъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣйствія подчиненныхъ, зная, что передъ судомъ каждый отвѣчаетъ самъ за свои дѣйствія. Holtzendorf и Rolin Jacquemyns находили необходимымъ ограничить функціи предполагаемаго учрежденія однимъ разслѣдованіемъ дѣла.

Если государства, говоритъ Гольцендорфъ, не выдаютъ на судъ другаго государства своихъ подданныхъ, даже убійцъ, даже во время мира, то невозможно ожидать, чтобы они признали авторитетъ такого трибунала въ отношеніи къ своимъ, быть можетъ, храбрымъ воинамъ и притомъ во время войны.

([1]) Revue de droit internat. 1872, 325—346.

Къ тому же, какъ это показалъ опытъ франко-прусской войны, нейтральные далеко не остаются безпристрастными и безразличными свидѣтелями войны.

§ 56. Личныя права непріятеля.

Личныя права непріятеля, долженствующія быть принятыми во вниманіе при разсмотрѣніи права воюющихъ, суть: право личной неприкосновенности и право личной свободы. И то и другое право сохраняются за непріятелемъ во время войны лишь весьма условно. Нарушенія личной неприкосновенности и личной свободы врага считаются дѣйствіями дозволенными, ограниченія нѣкоторыя существуютъ только относительно средствъ и формы. Не всякія средства допустимы при посягательствахъ на личную неприкосновенность врага, и не во всякой формѣ возможно ограничивать его свободу. Въ настоящемъ параграфѣ мы разсмотримъ первый вопросъ.

Современное международное право признаетъ недозволеннымъ употребленіе цѣлаго ряда средствъ вредить врагу. Прежде всего запрещается употребленіе яда и отравленнаго оружія. Это запрещеніе признавалось еще въ средніе вѣка, но еще и теперь встрѣчаются его нарушенія. Такъ, въ послѣднюю восточную войну турки отравляли иногда колодцы, напр. въ гор. Эскизагры.

Протоколомъ $^{11}/_{23}$ декабря 1868 г., подписанномъ въ Петербургѣ, запрещено употребленіе разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ менѣе 400 грам. Пруссія предложила было расширить это запрещеніе, распространивъ его на цѣлый рядъ подобныхъ снарядовъ, но Англія не нашла возможнымъ на это согласиться, полагая, что это ограничило бы слишкомъ значеніе техническихъ улучшеній и изобрѣтеній, что было бы невыгодно для государствъ съ немногочисленными арміями. За франко-прусскую войну и это правило международнаго права войны подало поводъ ко взаимнымъ нареканіямъ воюющихъ въ его несоблюденіи.

Недозволеннымъ средствомъ считается также тайное вѣроломное убійство врага не въ открытомъ бою. Въ 1806 году, одинъ иностранецъ предложилъ тогдашнему министру ино-

странныхъ дѣлъ Англіи Фоксу убить Наполеона. Тотъ не только не принялъ его предложенія, но и извѣстилъ французское правительство, задержавъ нѣкоторое время этого иностранца подъ арестомъ.

Считается также недозволеннымъ употребленіе въ войнѣ между цивилизованными государствами отрядовъ, состоящихъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ дикому еще племени. Но вопросъ о томъ, какъ именно должно понимать это запрещеніе, на практикѣ возбуждалъ сомнѣнія. Во франко-прусскую войну Германское правительство утверждало, что Франція нарушаетъ это начало международнаго права употребленіемъ отрядовъ зуавовъ. Но французское правительство доказывало, съ своей стороны, что это запрещеніе, имѣющее въ виду собственно недисциплинированныя дикія орды, не можетъ относиться къ зуавамъ, входящимъ въ составъ регулярной французской арміи и проходящимъ наравнѣ со всѣми другими французскими солдатами строгую школу военной дисциплины. Если принять во вниманіе основаніе этого запрещенія, которое очевидно заключается въ опасеніи со стороны дикихъ отрядовъ частаго нарушенія законовъ войны, въ силу отсутствія у нихъ должной дисциплины, то слѣдуетъ принять толкованіе французскаго правительства. Такъ понимаетъ это запрещеніе, напр. и Дудлей-Фильдъ.

Къ числу недозволенныхъ средствъ вредить непріятелю относится также бомбардированіе неукрѣпленныхъ селеній и отдача на разграбленіе солдатамъ взятыхъ селеній. Однако и въ новѣйшія войны можно указать примѣры бомбардированія неукрѣпленныхъ городовъ: таково, напр., бомбардированіе Вальпарайзо въ 1866 г. испанской эскадрой подъ начальствомъ адмирала Mendes Nunez. Онъ, правда, далъ четыре дня срока для удаленія изъ города некомбатантовъ, но въ отношеніи къ такому большому городу этотъ срокъ былъ, конечно, недостаточенъ.

Хотя хитрость считается дозволеннымъ средствомъ вредить непріятелю, но отъ дозволенныхъ стратегемъ отличаютъ недозволенное вѣроломство. Недозволеннымъ вѣроломствомъ считается пользованіе такими знаками, употребленіе которыхъ основано на взаимномъ довѣріи между непріятелями. Таково

напр., вѣроломное употребленіе краснаго креста, парламентерскаго флага, сигнала бѣдствія и т. д.

Ограниченіе личной свободы непріятеля допускается современнымъ международнымъ правомъ лишь въ формѣ военнаго плѣна. Военный плѣнъ есть ограниченіе свободы лица, принимавшаго участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ цѣлью недопущенія его къ дальнѣйшему въ нихъ участію. Такъ какъ врагу, просящему пощады, она *должна* быть дана, то можно говорить не только о правѣ брать въ плѣнъ, но и о правѣ быть взятымъ въ плѣнъ, принадлежащемъ каждому, открытому и законному врагу.

Ученіе о военномъ плѣнѣ распадается на ученіе: 1) о субъектѣ и объектѣ; 2) о правахъ и обязанностяхъ, обусловливаемыхъ военнымъ плѣномъ, или о юридическомъ содержаніи военнаго плѣна, и 3) объ установленіи и прекращеніи военнаго плѣна.

Субъектомъ военнаго плѣна признается теперь только и исключительно государство. Частныя лица не получаютъ никакой власти надъ военноплѣнными.

Объектъ военнаго плѣна есть тотъ, кто захватывается въ плѣнъ. Для опредѣленія его необходимо опредѣлить: 1) кого нельзя брать въ плѣнъ, и 2) кому нельзя отказать въ правѣ быть взятымъ въ плѣнъ. Изъ самаго опредѣленія военнаго плѣна слѣдуетъ, что военному плѣну подлежатъ лишь лица, принимавшія участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому военному плѣну не подлежатъ слѣдующія лица:

1) Мирные непріятельскіе подданные. Признаваемое въ принципѣ, это правило подвергается нѣкоторымъ ограниченіямъ. Лица, хотя бы и не принимающія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и не принадлежащія къ арміи, но косвенно могущія содѣйствовать успѣху военныхъ дѣйствій, какъ дипломатическіе агенты, или занимающіе особо видное положеніе въ государствѣ, какъ глава государства, могутъ быть захватываемы въ плѣнъ.

2) Лица, хотя и находящіяся при арміи, но не несущія въ ней собственно воинскихъ функцій. Понятно, однако, что разграниченіе военныхъ и не военныхъ обязанностей представляется дѣломъ довольно труднымъ и можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ. Поэтому положительное право

войны, не допуская этого втораго ограниченія, какъ общаго правила, изъемлетъ отъ военнаго плѣна только точно опредѣленные разряды лицъ, а именно:

а) Личный составъ госпиталей и походныхъ лазаретовъ, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненыхъ, а также включая священнослужителей (жен. кон. § 2). Въ русскомъ проектѣ конвенціи была включена статья, прямо опредѣлявшая, что врачи, аптекаря, фельдшера и священники не подлежатъ захвату въ плѣнъ. Но на конференціи было рѣшено, ограничиться общей ссылкой на Женевскую конвенцію.

б) Корреспондентовъ, находящихся при арміи.

Что касается лицъ, которымъ не можетъ быть отказано въ правѣ быть взятымъ въ плѣнъ, то сюда относятся всѣ, удовлетворяющіе условіямъ открытаго и законнаго врага. Врагу, не удовлетворяющему этимъ условіямъ, и потому не пользующемуся покровительствомъ законовъ войны, можетъ быть отказано въ пощадѣ. Незаконный врагъ, кромѣ того, будучи захваченъ живой, считается не военноплѣннымъ, а преступникомъ, подлежащимъ военному суду.

Права и обязанности военноплѣнныхъ опредѣляются тѣмъ, что они суть: 1) *не преступники*, 2) *враги*: захватъ въ плѣнъ не дѣлаетъ ихъ подданными захватившаго, и 3) *военные*.

Изъ того, что военноплѣнные не преступники, вытекаетъ: 1) что они имѣютъ право на обращеніе съ ними соотвѣтственно положенію, которое они занимали въ отечественной арміи; положеніе ихъ общественное не принимается во вниманіе; 2) что они имѣютъ право на приличное ихъ рангу содержаніе; однако они могутъ быть принуждаемы къ работѣ, плата за которую идетъ на ихъ содержаніе; 3) работа, къ которой они принуждаются, не должна имѣть характера наказанія и потому: а) должна соотвѣтствовать ихъ воинскому рангу, б) не должна быть чрезмѣрно тяжела.

Изъ того, что военноплѣнные остаются врагами, непріятельскими подданными, вытекаетъ, что: 1) ихъ нельзя принуждать къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ ихъ отечества; не слѣдуетъ ихъ употреблять даже на крѣпостныя работы въ мѣстности, прилегающей къ театру войну; 2) что они имѣютъ право бѣжать; конечно, воюющій вправѣ прини-

мать всѣ мѣры предосторожности для воспрепятствованія бѣгства, но все таки плѣнный имѣетъ право бѣжать, такъ какъ въ случаѣ поимки онъ не подлежитъ за попытку къ бѣгству никакому наказанію: значитъ бѣгство считается дѣйствіемъ законнымъ; но можно усилить надъ ними надзоръ: во франко-прусскую войну германское правительство установило между плѣнными круговую поруку, такъ что въ случаѣ бѣгства, жившіе вмѣстѣ съ бѣжавшимъ подвергались заключенію; 3) что отъ нихъ нельзя вынуждать честное слово о непринятіи участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Изъ того, что плѣнный сохраняетъ не только свой непріятельскій, но и свой военный характеръ, вытекаетъ, что они 1) подчиняются условіямъ военной дисциплины, 2) подсудны военному суду и подлежатъ дѣйствію военныхъ законовъ.

Установленіе военнаго плѣна опредѣляется самымъ фактомъ захвата. Прекращеніе его можетъ наступить или по заключеніи мира, или и до того времени. Освобожденіе по заключеніи мира есть общее и безусловное (1). Освобожденіе до мира—частное и условное, оно обусловливается именно обмѣномъ равнаго числа плѣнныхъ. Въ 1810 г., при переговорахъ о размѣнѣ плѣнныхъ между Англіей и Франціей, былъ возбужденъ вопросъ о положеніи плѣнныхъ, союзныхъ подданныхъ. Во Франціи находилось сравнительно малое количество плѣнныхъ англичанъ, за то много было плѣнныхъ союзниковъ Англіи. Франція соглашалась на обмѣнъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что Англія приметъ въ обмѣнъ какъ собственныхъ подданныхъ, такъ и союзныхъ. Англія, соглашаясь на это, требовала, чтобы обмѣнъ начался съ англичанъ. Франція, опасаясь, что С. Джемскій кабинетъ, вымѣнявъ англичанъ, прекратитъ дальнѣйшій обмѣнъ, не согласилась на такое условіе и обмѣнъ не состоялся. Авторитеты международнаго права признаютъ недопустимымъ различіе, какое Англія въ этомъ случаѣ дѣлала между англичанами союзниками. По мнѣнію публицистовъ союзники должны въ этомъ отношеніи быть безусловно приравниваемы къ собственнымъ подданнымъ (2).

---

(1) Сравните, однако § 70.

(2) Calvo, III, p. 170.

§ 57. Имущественныя права непріятеля.

Въ отношеніи къ имуществу непріятеля слѣдуетъ различать истребленіе и захватъ имущества. Истребленіе само по себѣ не допускается ни въ отношеніи къ частному, ни въ отношеніи къ государственному непріятельскому имуществу. Законы войны оправдываютъ истребленіе лишь на столько, на сколько это необходимо при военныхъ дѣйствіяхъ. Истребленіе какъ цѣль не допускается. Такъ, когда въ 1814 году англійскія войска сожгли и разрушили Вашингтонъ, этотъ проступокъ не только вызвалъ протестъ со стороны американскаго правительства, но даже подвергся осужденію въ самой палатѣ общинъ, гдѣ по этому поводу была сказана замѣчательная рѣчь Джемсомъ Мекинтошемъ. Въ отношеніи же къ нѣкоторымъ видамъ имущества даже предписывается особая осторожность. Таковы именно историческіе памятники и художественныя произведенія, истребленія которыхъ воюющіе должны избѣгать съ особымъ стараніемъ. Въ 1815 г. Блюхеръ предлагалъ взорвать іенскій мостъ и свалить вандомскую колонну. Но союзныя правительства отвергли это предложеніе. Во франко-прусскую войну нѣмцы не соблюдали этого требованія и при бомбардированіи Страсбурга они нарочно направляли свои снаряды на колокольню Страсбургскаго собора. И въ отвѣтъ на нареканія французовъ, нѣмцы не отрицали этого факта, но оправдывались лишь тѣмъ, что колокольня эта якобы служила осажденнымъ обсерваціоннымъ пунктомъ.

Въ отношеніи къ *захвату* слѣдуетъ различать государственное и частное имущество, морскую войну и сухопутную. Захватъ считается безусловно дозволеннымъ только по отношенію къ государственному имуществу; по отношенію же къ частному имуществу, онъ считается дозволеннымъ только въ войнѣ морской.

Государственное и общественное имущество непріятеля вообще подлежитъ захвату. Въ отношеніи движимости захватъ установляетъ право собственности; въ отношеніи недвижимости только владѣніе на время войны. Въ 1815 году возбужденъ былъ вопросъ о допустимости захвата научныхъ и художе-

ственныхъ коллекцій. Въ Луврѣ находилось большое число предметовъ, пріобрѣтенныхъ Франціей по праву военной добычи въ Италіи и Голландіи. Правительство Тосканское, папы и Голландское требовали возвращенія захваченныхъ у нихъ предметовъ. И это требованіе было поддержано С. Джемскимъ кабинетомъ (нота Кэстльри). Это дало поводъ къ оживленнымъ дебатамъ въ палатѣ общинъ, гдѣ Ромильи доказывалъ совершенную неосновательность подобныхъ требованій. Какой смыслъ, говорилъ онъ, требовать напр. Венеціи возвращенія ея коринѳскихъ коней и мириться съ потерей ея политической независимости? Мирясь съ большимъ зломъ, приходится мириться и съ меньшимъ. Въ этомъ смыслѣ высказываются и нѣкоторые авторитеты международнаго права, напр. Уитонъ, Галлекъ. Но большинство современныхъ писателей (Треверъ-Твисъ, Кальво, Блунчли и др.) признаютъ, согласно съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ дипломатической нотѣ Кэстльри, что такіе предметы составляютъ неотъемлемую принадлежность той территоріи, въ которой они находятся, и потому не могутъ быть объектомъ военной добычи. Въ такомъ же смыслѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ и англійская призовая практика. Въ 1812 г. англійскій крейсеръ захватилъ коллекцію итальянскихъ картинъ и книгъ, составлявшихъ собственность филадельфійской академіи художествъ. Призовой судья, разсматривавшій дѣло объ этомъ призѣ (sir Alexander Croke) постановилъ возвратить коллекцію академіи, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что предметы художествъ и наукъ считаются изъятыми отъ дѣйствія законовъ войны и какъ бы составляющими не отдѣльное достояніе (peculium) той или другой націи, а общее достояніе всего человѣчества [1].

Можно указать далѣе примѣры того, что художественные памятники, воздвигнутые непріятелемъ во время военнаго занятія, не разрушались, при возстановленіи власти туземнаго правительства. Таковъ извѣстный случай съ симплонской аркой, воздвигнутой Наполеономъ въ Миланѣ въ воспоминаніе своихъ побѣдъ надъ Австрійцами. Рельефныя украшенія арки изображаютъ эти побѣды и послѣднее изъ нихъ представляетъ Наполеона, диктующаго въ Вѣнѣ миръ Францу.

---

[1] Travers-Twiss, War. pr 132.

Когда власть этого послѣдняго надъ Миланомъ была возстановлена, онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ дополнить эти изображенія еще однимъ, изображающимъ отреченіе Наполеона въ Фонтенебло.

Другое изъятіе составляетъ имущество церквей, благотворительныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній ([1]).

Частная собственность въ сухопутной войнѣ признается теперь неприкосновенной. Но, если того требуетъ военная необходимость, воюющій можетъ потребовать отъ непріятельскаго населенія представленія извѣстныхъ предметовъ, напр. перевозочныхъ средствъ, съѣстныхъ припасовъ, даже безъ вознагражденія. Впрочемъ цивилизованныя государства, по возможности, воздерживаются отъ безмездныхъ реквизицій, Такъ, напр. Англія держится этого правила даже въ войнахъ съ государствами, не принадлежащими къ европейскому международному союзу. Въ абисинскую войну она вовсе не допускала безмезднаго пользованія имуществомъ мирнаго населенія непріятельской территоріи ([2]). И во всякомъ случаѣ это изъятіе допускаетъ только употребленіе непріятельской частной собственности для военныхъ цѣлей. Безусловно не допускается присвоеніе частной непріятельской собственности въ частную собственность, развѣ дѣло идетъ объ оружіи, лошади и другихъ военныхъ принадлежностяхъ врага, побѣжденнаго въ бою. Но деньги плѣнныхъ, раненыхъ и убитыхъ признаются неприкосновенными ([3]).

Въ морской войнѣ до сихъ поръ сохраняется право военной добычи. Суда воюющихъ могутъ захватывать на морѣ, какъ государственную, такъ и частную собственность непріятеля безразлично. До 1856 г. включительно державами во время войны давались, т. н. lettres de marque, каперскія свидѣтельства, уполномочивавшія частныхъ судохозяевъ къ захвату непріятельскихъ судовъ и непріятельскаго груза такъ, что право военной добычи не ограничивалось собственно военными силами государства, а распространялось и на такихъ частныхъ судохозяевъ, снабженныхъ особыми свидѣтельствами

([1]) Брюссельс. проэктъ § 8; Блунчли, § 648.

([2]) Блунчли, § 653, Note 1.

([3]) Блунчли, § 659.

и называвшихся каперами, приватирами, арматорами или корсарами. Но въ 1856 г., изданной тогда морской парижской декларацiей, ст. 1, каперство, просуществовавшее не менѣе 5 вѣковъ, отмѣнено, и къ этой декларацiи присоединились всѣ члены европ. межд. союза, за исключенiемъ Соед. Штатовъ, Испанiи и Мексики. Въ отмѣнѣ каперства слѣдуетъ видѣть лишь переходную мѣру къ отмѣнѣ права военной добычи и въ морской войнѣ, хотя нельзя сказать, чтобы было необходимо начать именно съ этой мѣры. Но при первомъ возбужденiи вопроса о признанiи неприкосновенности частной непрiятельской собственности на морѣ, вопросъ этотъ былъ связанъ съ вопросомъ объ отмѣнѣ каперства и это повлiяло на дальнѣйшее развитiе этого вопроса.

Первымъ, кто высказался противъ каперства и за его отмѣну, былъ аббатъ Мабли. Онъ требовалъ отмѣны каперства, такъ какъ полагалъ, что невозможно обезпечить на время войны неприкосновенность частной собственности и свободу плаванiя торгующимъ, не отмѣнивъ раньше выдачи каперскихъ свидѣтельствъ (¹). И такъ непосредственнымъ предметомъ стремленiй Мабли было признанiе и огражденiе неприкосновенности частной собственности во время морской войны, отмѣна каперства—только средствомъ. Но сдѣланную имъ постановку вопроса, нельзя назвать правильной. Почему, въ самомъ дѣлѣ, каперство должно быть отмѣнено *раньше*? Съ признанiемъ неприкосновенности частной собственности каперство должно пасть само собою. Слѣдовательно, признанiе неприкосновенности частной собственности не только не требуетъ предварительной отмѣны, но даже, наоборотъ, дѣлаетъ такую отмѣну ненужной, такъ какъ она фактически послѣдуетъ тогда, какъ неизбѣжное слѣдствiе. Между тѣмъ эта постановка вопроса, сдѣланная Мабли, имѣла рѣшительное влiянiе на послѣдующую литературу и сторонниками декларацiи сохраняется до сихъ поръ.

Иначе былъ поставленъ вопросъ въ практикѣ политической жизни. Тутъ, напротивъ, мы видимъ, что на первомъ планѣ, всѣми государствами, стремившимися дѣйствительно къ *общей*

(¹) Мартенсъ, частная собственность, стр. 521; Cussy, Phases et causes célèbres de droit maritime. I, p. 240.

свободѣ торговаго мореплаванія, ставится признаніе неприкосновенности частной собственности; отмѣна же каперства является лишь слѣдствіемъ этой главной реформы морскаго права. И только одна Англія, т. е. государство, располагающее большимъ военнымъ флотомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывающееся признать неприкосновенность частной собственности, придаетъ отмѣнѣ каперства первенствующую важность и самостоятельное значеніе. Первыя попытки отмѣнить каперство относятся къ концу прошлаго столѣтія къ 1785 и 1792 гг. Правда, еще раньше, въ русско-турецкую войну 1764—1774 гг., не было выдаваемо русской императрицей каперскихъ свидѣтельствъ, но патенты были ею заготовлены (1).

Въ 1785 г. былъ заключенъ, при участіи Франклина, трактатъ между Пруссіей и Соединенными Штатами. § 23 этого трактата гласитъ слѣдующее: «Если между договаривающимися сторонами случится война, купцы одной изъ нихъ, находящіеся въ другой, могутъ оставаться въ непріятельской территоріи еще 9 мѣсяцевъ, для совершенія расчетовъ и устройства дѣлъ, послѣ чего они могутъ уѣхать совершенно свободно и увезти все свое имущество безъ всякихъ препятствій». «Женщины, дѣти, люди науки всѣхъ спеціальностей (gens de lettres—свободныхъ професій), земледѣльцы, ремесленники, рыболовы, кто не вооруженъ и живетъ въ городахъ, деревняхъ и мѣстахъ неукрѣпленныхъ, и вообще всѣ, призваніе которыхъ направлено къ поддержанію существованія и общему благу всего человѣческаго рода, будутъ пользоваться свободой продолжать свои занятія и неприкосновенностью какъ личной, такъ и ихъ жилища; ихъ имущество не будетъ ни сжигаемо, ни инымъ образомъ истребляемо, ихъ поля не будутъ опустошаемы войсками непріятеля, подъ власть котораго они могутъ подпасть, въ силу случайности войны; если встрѣтится надобность воспользоваться чѣмъ нибудь изъ ихъ имущества, владѣльцу будетъ выплачена равноцѣнная сумма денегъ» (2). Такимъ образомъ, этой, такъ называемой, «статьей квакера» обезпечивалась полная неприкосновенность частной собственности. Но это постановленіе не получило практиче-

(1) Мартенсъ, Част. собств. стр. 297.
(2) Wheaton, Histoire du droit des gens, I, p. 369.

скаго примѣненія и даже было опущено при возобновленіи трактата въ 1799 г., причемъ переговоры на этотъ разъ велись чрезъ посредство Дж. Кинси Адамса.

Вторая попытка въ томъ же направленіи—это рѣшеніе французскаго національнаго собранія 1792 г. поручить исполнительной власти войти въ переговоры съ иностранными державами объ отмѣнѣ въ предстоящихъ войнахъ каперства и обезпеченія свободы торговаго мореплаванія. Этому постановленію предшествовали весьма оживленныя пренія. Вопросъ былъ возбужденъ соединенными комитетами дипломатіи, морскихъ силъ и торговли, которые чрезъ своего докладчика депутата Керсена (Kersaint) представили въ засѣданіи 29 мая 1792 г. проэктъ закона объ обезпеченіи частной собственности, на случай морской войны, и объ отмѣнѣ каперства. При обсужденіи его было высказано довольно много различныхъ воззрѣній на предметъ, иные высказывались за сохраненіе каперства (Руве и Гуле), но никто изъ высказывавшихся за его отмѣну, не предлагалъ сохранить, вмѣстѣ съ тѣмъ, права захвата торговыхъ судовъ для кораблей военныхъ. Рѣшеніе, принятое собраніемъ, было предложено депутатомъ Верньо (Vergniaut) [1]. Но это рѣшеніе не имѣло послѣдствій; только Ганзейскіе города присоединились къ предложенію французскаго правительства. Испанія представила многочисленныя возраженія, Англія даже не отвѣчала оффиціально [2] на сдѣланное ей чрезъ французскаго посла въ Лондонѣ, Шовелина (Chauvelin) предложеніе [3].

Попытки установить въ международной практикѣ неприкосновенность частной собственности, возобновились затѣмъ не ранѣе 1823 г., когда президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Монро, вошелъ въ переговоры съ Россіей, Англіей и Франціей. Переговоры, тянувшіеся восемь лѣтъ, кончились ничѣмъ и, главнымъ образомъ, по винѣ Англіи, потому что Соединенные Штаты требовали непремѣнно и отмѣны каперства, и неприкосновенности частной собственности [4]. Одновременно съ этимъ, Франція, въ войнѣ противъ революціоннаго правитель-

(1) Pistoye et Duverdis, traité des prises, I, 7—14.

(2) Частный отвѣтъ былъ данъ см. у Phillimore Commentaries III. Приложенія

(3) Calvo, Droit international II. p. 251; Cussy. Causes et phases, I, p. 242.

(4) Calvo, l. c. p. 252, Мартенсъ. Частн. Собст. стр. 302.

ства Испаніи, рѣшилась не выдавать каперскихъ свидѣтельствъ: она желала придать войнѣ именно характеръ войны только противъ правительства, какъ бы вмѣшиваясь въ дѣла Испаніи, ради блага испанскаго народа ([1]). Въ войну между Даніей и Германіей въ 1848 г., также не было выдаваемо каперскихъ патентовъ ([2]).

Во время восточной войны Англія заботилась только объ отмѣнѣ каперства и на парижскомъ конгрессѣ поставила эту отмѣну непремѣннымъ условіемъ принятія съ ея стороны началъ, обезпечивающихъ свободу нейтральной торговли. Какъ мало видѣла Англія въ отмѣнѣ каперства ступень, условіе для признанія неприкосновенности частной собственности, видно изъ того, что она самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонила поправку Марси, направленную именно къ этой цѣли. Такимъ образомъ, парижская декларація 16 Апрѣля нисколько не выражаетъ собою осуществленія долгихъ стремленій европейскихъ государствъ къ обезпеченію болѣе прочнаго юридическаго порядка на морѣ: эти стремленія имѣли постоянною и главною цѣлью—признаніе неприкосновенности частной собственности, и отмѣна каперства присоединялась къ этому, какъ необходимое слѣдствіе. Декларація представляетъ скорѣе отступленіе отъ послѣдовательнаго проведенія этихъ стремленій въ пользу компромиса съ Англіей. Ей сдѣлали уступку, допустивъ отмѣну каперства безъ одновременнаго признанія неприкосновенности частной собственности; она признала права нейтральной торговли.

Но какъ мы говорили уже, не всѣ державы согласились на этотъ компромисъ: Соед. Штаты, Испанія и Мексика отказались присоединиться къ деклараціи. Относительно двухъ послѣднихъ государствъ, мы можемъ только догадываться, что именно послужило основаніемъ для такого образа дѣйствій, но основанія, которыми руководствовались Соед. Штаты, извѣстны. Выраженіемъ ихъ служитъ извѣстная нота статсъ-секр. Марси 26 Іюля 1856 года въ отвѣтъ на предложеніе, сдѣланное французскимъ посломъ при Вашингтонскомъ кабинетѣ, граф. Сартижъ (compte de Sartiges), присоединиться къ

([1]) Pistoye et Duverdis, Traité des prises. I p. 21.
([2]) Мартенсъ, Част. Собст. 305.

парижской декларацiи 16-го апр. того же года, первая статья которой содержитъ постановленiе объ отмѣнѣ каперства. Эта нота на столько интересна, какъ потому, что исходитъ отъ правительства, подобно нашему, располагающаго незначительными морскими силами, такъ и по содержащейся въ ней искусной аргументацiи, направленной противъ первой статьи, названной декларацiи, что я позволю себѣ нѣсколько остановиться на ней.

Утверждать, говорится въ этой нотѣ, чтобы отмѣна каперства могла установить неприкосновенность частной непрiятельской собственности на морѣ, невозможно. Оставляя въ принципѣ право захвата, декларацiя въ дѣйствительности ограничиваетъ осуществленiе этого права извѣстнаго рода судами—судами собственно военными, правительственными. Но установленiе такого ограниченiя болѣе чѣмъ безполезно. Въ здравой логикѣ не найти достаточнаго основанiя для проведенiя подобнаго различiя между военными судами и каперами, представляющими полную аналогiю съ волонтерами сухопутной армiи. Не найти ума, который былъ бы въ состоянiи провести разграничительную линiю, не найти суда, имѣющаго достаточный и общепризнанный авторитетъ, чтобы рѣшить всѣ сомнѣнiя, всѣ споры, которые породитъ проведенiе этого разграниченiя, между тѣмъ, что такое каперъ и что военное судно. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что государства, располагающiя большимъ постояннымъ флотомъ, хлопочутъ объ отмѣнѣ каперовъ: въ этомъ ихъ прямая выгода. Другое дѣло, государство, постоянный флотъ котораго представляется вовсе незначительнымъ. Но ни одна нацiя, сколько нибудь уважающая себя, не допуститъ иностранныя государства вмѣшиваться въ опредѣленiе характера ея вооруженiй. И что касается Соед. Штатовъ, правительство этого государства твердо убѣждено, что содержанiе большихъ постоянныхъ силъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, всегда угрожаетъ и народному благосостоянiю и гражданской свободѣ, и самому миру. Поэтому оно не можетъ принять первой статьи декларацiи, въ ея настоящей редакцiи,—редакцiи, которая, будучи принята Соед. Штатами, принудила бы ихъ или явиться вовсе беззащитными въ случаѣ войны съ государствами, имѣющими большой постоянный флотъ, или самимъ завести такой же, измѣ-

нивъ этимъ самымъ основнымъ началамъ своей государственной политики. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, Соед. Штаты соглашались присоединиться къ декларацiи только подъ условiемъ дополненiя ея первой статьи слѣдующими словами: «частная собственность подданныхъ, или гражданъ одной изъ воюющихъ державъ не можетъ быть захватываема кораблями другой, если только она не заключается въ военной контрабандѣ». Это дополненiе извѣстно подъ именемъ поправки Марси.

Какъ всѣмъ извѣстно, именно Англiя воспротивилась принятiю этой поправки и Соед. Штаты остались чуждыми декларацiи. Но, когда въ 1861 г. въ средѣ американскаго союза вспыхнула междоусобная война и союзное правительство очутилось какъ разъ въ обратномъ положенiи тому, какое бы ему пришлось занять въ борьбѣ съ Англiей, Вашингтонскiй кабинетъ, какъ бы въ подтвержденiе имъ же самимъ выраженнаго убѣжденiя, что сохраняя вѣрность правиламъ благоразумiя, только то государство можетъ желать отмѣны каперства, которое располагаетъ сравнительно большимъ наличнымъ флотомъ (военнымъ), началъ переговоры съ великими европейскими державами о принятiи имъ парижской декларацiи, но исполненiе этого намѣренiя до окончанiя войны было найдено неудобнымъ. Война окончилась при такихъ обстоятельствахъ, что Вашингтонскому правительству всего ближе, всего возможнѣе представлялся раздоръ съ Англiей, т. е. съ державой, обладающей первымъ въ свѣтѣ военнымъ флотомъ. Дѣйствительно, до рѣшенiя, возникшихъ между Англiей и союзомъ, недоразумѣнiй женевскимъ третейскимъ судомъ, отношенiя между этими государствами представлялисъ крайне натянутыми. Можно было поэтому ожидать, что охота, выказанная было Соединенными Штатами къ отмѣнѣ каперства съ измѣнившимися обстоятельствами, исчезнетъ. Такъ и случилось. Начатые переговоры по окончанiи войны не были возобновлены и Соед. Штаты до сихъ поръ остаются неприсоединившимися къ декларацiи 16 апрѣля [1]).

(1) Ortolan. Diplomatie de la mer, II, 2 ed. p. 72, Calvo, Le droit internationale, II, p. 255.

Въ правосознанiи европейскихъ народовъ парижская декларацiя никогда не переставала представляться, какъ всякiй компромисъ, лишь самымъ неполнымъ и даже искаженнымъ выраженiемъ дѣйствительныхъ стремленiй новѣйшаго времени и потому въ послѣдующихъ войнахъ мы видимъ, что государства стремятся дополнить декларацiю въ томъ смыслѣ, чтобы установить тотъ общiй принципъ, одно послѣдствiе котораго освящено декларацiей. Въ 1866 г. этому первая подала примѣръ Австрiя: 13 марта она обнародовала указъ, въ первой статьѣ котораго говорится, что суда и грузы не могутъ быть, подъ условiемъ взаимности, захватываемы, по причинѣ одной лишь принадлежности непрiятельской державѣ и, объявляемы австрiйскими судами законнымъ призомъ военныхъ кораблей.

Берлинскiй и Флорентiйскiй кабинеты не задумались присоединиться къ почину Австрiи. [1]

Черезъ два года въ засѣданiи сѣв.-германскаго рейхстага 18 апр. 1868 г. док. Эгиди сдѣлалъ предложенiе, поддержанное 16 другими членами и единогласно принятое, уполномочить союзнаго канцлера войти въ сношенiя съ иностранными государствами, съ цѣлiю установить признанiе неприкосновенности частной собственности на морѣ. Возбужденныя этимъ предложенiемъ пренiя представляли не мало интереса. Депутатъ Лессе (Lesse), изъ Данцига, представилъ въ своей рѣчи историческiй очеркъ попытокъ къ установленiю этого начала въ международной практикѣ. Онъ остановился, между прочимъ, на постановленiяхъ въ пользу признанiя неприкосновенности на морѣ частной собственности города Бремена, принятыхъ коммерческими совѣтами стараго и новаго свѣта (между прочимъ и англiйскими), и на инициативѣ, сдѣланной въ томъ же направленiи Нидерландами, которая нашла себѣ поддержку во всѣхъ второстепенныхъ государствахъ. Самъ Эгиди, поддерживая свое предложенiе, обратилъ вниманiе рейхстага на то, что его предложенiе направлено не только къ дальнѣйшему развитiю морскаго права, но также и къ упроченiю и утвержденiю того, что принято на парижскомъ конгрессѣ. Безъ того шага впередъ, какой онъ предлагаетъ, постановленiя декларацiи

---

[1]) Calvo, ibidem p. 262.

16 апр. останутся не только неполными, незаконченными, но даже безсильными, въ виду отказа согласиться на отмѣну каперства такой морской державы, какъ Соед. Штаты (¹).

Подобное же предложеніе было сдѣлано во французскомъ законодательномъ корпусѣ Гарнье Паже, но оно не имѣло практическихъ результатовъ (²). Въ началѣ франко-прусской войны, сѣверо-германское правительство выразило рѣшимость признавать неприкосновенность частной собственности на морѣ, но Франція отказала во взаимности въ этомъ отношеніи, находя, что это создало бы болѣе благопріятное положеніе для Германіи (³).

Въ 1872 г. Соединенные Штаты заключили съ Италіей трактатъ, въ которомъ признана полная неприкосновенность частной собственности (⁴).

§ 58. Права непріятельской власти.

Право власти подвергается ограниченію во время войны, тогда, когда какая либо мѣстность подвергается военному непріятельскому занятію. Военное занятіе или оккупація непріятельской территоріи ведетъ къ фактическому прекращенію въ ней туземной власти и замѣнѣ ея властью того государства, войсками котораго занята страна. Къ этой новой власти переходятъ временно всѣ права туземной власти, права законодательныя, судебныя, финансовыя, административныя. Поэтому она вправѣ издавать новые законы, организовать новые суды, установлять новые налоги, вводить новую систему управленія. Но, такъ какъ военное занятіе не есть завоеваніе, а только *временное* занятіе, не предполагающее окончательнаго перехода страны во власть занявшаго ее непріятеля, то непріятелю, оккупирующему страну, не стоитъ тратить время и силы на сколько нибудь коренное преобразованіе управленія, на выработку новыхъ законовъ, учрежденій, мѣропріятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ непріятель не можетъ только

(¹) Calvo, l. c. p. 265.
(²) Ibidem p. 267.
(³) Calvo, II, p. 269.
(⁴) Ibidem p. 270.

разрушать, существующій уже въ странѣ, порядокъ, не замѣняя его другимъ, такъ какъ для безопасности и удобства самой оккупирующей арміи, необходимо поддержаніе мирнаго и по возможности прочнаго, строгаго порядка. Отсюда само собой вытекаетъ, что въ интересахъ самой оккупирующей власти въ общемъ сохранять порядокъ, уже существующій въ странѣ, измѣняя его лишь на столько, на сколько этого безусловно требуютъ условія войны и оккупаціи.

Такъ прежде всего въ отношеніи къ законодательству при оккупаціи обыкновенно измѣняютъ немногіе полицейскіе и уголовные законы, оставляя въ полной силѣ всѣ остальные законы. Измѣнить же полицейскіе и уголовные законы необходимо для огражденія спокойствія и безопасности оккупирующей арміи, что не можетъ быть достигнуто безъ усиленія строгости полицейскаго и уголовнаго законодательства, при враждебно настроенномъ въ отношеніи къ непріятелю мѣстномъ населеніи. Измѣнять же напр. законы о наслѣдованіи была бы совершенно безплодная трата времени и труда.

Осуществленіе гражданскаго суда, а въ большей части и суда уголовнаго сохраняется также за туземными судебными учрежденіями и только юрисдикція по нѣкоторымъ преступленіямъ, получающимъ во время войны особенное значеніе и близко затрогивающимъ возбужденную войной національную вражду, передается военнымъ судамъ оккупирующаго. Во время франко-прусской войны возникъ вопросъ, какъ туземные суды должны редижировать свои приговоры. Французскіе суды, дѣйствовавшіе въ занятыхъ нѣмецкими войсками мѣстностяхъ, продолжали было писать ихъ отъ имени французскаго императора; нѣмцы требовали, чтобы приговоры напротивъ писались отъ имени ихъ правительства. Дѣло уладилось безличной формулой, во имя закона. Такъ какъ высшая судебная инстанція обыкновенно для всего государства одна, то на занятыхъ мѣстностяхъ не можетъ быть всѣхъ судебныхъ инстанцій. Непріятель не можетъ допустить, чтобы жалобы на рѣшенія судовъ, дѣйствующихъ въ занятой имъ мѣстности, приносились въ судъ высшей инстанціи, находящійся внѣ сферы непріятельскаго владычества; поэтому для аппеляціоннаго и касаціоннаго производства организуется въ такихъ

случаяхъ временныя учрежденія въ самой оккупированной мѣстности.

Тоже самое примѣняется и къ административнымъ учрежденіямъ. Управленіе страной переходитъ въ руки непріятеля, который получаетъ права въ этомъ отношеніи не только мѣстныхъ властей, но и властей—центральныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ непріятель пользуется услугами низшихъ туземныхъ властей, такъ какъ замѣнить ихъ всѣхъ своими подданными у него не хватило бы людей и люди эти, не зная условій мѣстности и мѣстнаго языка, были бы плохими помощниками. Однако мѣстныя административныя власти и сами могутъ отказаться отъ исполненія своихъ служебныхъ функцій, не желая служить врагу отечества. Можно ли ихъ къ тому принуждать? Вопросъ сомнительный. Впрочемъ нѣмцы нерѣдко принуждали къ тому французскихъ мэровъ.

Государственное имущество, находящееся въ занятой мѣстности, поступаетъ во власть непріятеля, движимое—въ собственность, недвижимое—во временное владѣніе. Къ непріятелю же переходитъ и право сбора налоговъ и установленія новыхъ.

ГЛАВА III.

Право нейтральныхъ.

§ 59. Нейтралитетъ.

Во время каждой войны, на ряду съ воюющими государствами оказываются такія, которыя и сами воздерживаются отъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и со стороны воюющихъ не подвергаются прямымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Эти государства называются нейтральными и состояніе ихъ—нейтралитетомъ.

Такимъ образомъ, нейтралитетъ есть прежде всего фактическое состояніе (1). Въ какомъ же смыслѣ можно говорить о правѣ нейтралитета? Обыкновенно отъ голаго факта отли-

(1) Bluntschli, das moderne Kriegsrecht. 2 Aufl. 1874 S. 101 (§ 744).

ТИП. МОРСК. МИН.

чаютъ право на нейтралитетъ съ соотвѣтствующей ему обязанностью для нейтральнаго—соблюдать свой нейтралитетъ, для воюющаго—уважать его. Съ этой точки зрѣнія, нейтральнымъ по праву можетъ быть признано только то государство, которое соблюдаетъ ограниченія, налагаемыя юридическимъ понятіемъ нейтралитета, какъ институтомъ международнаго права. Не фактическій, а только юридическій нейтралитетъ налагаетъ обязанности на воюющаго и сообщаетъ права нейтральному.

При такой постановкѣ вопроса очень важно дать опредѣленіе нейтралитета, какъ юридическаго института, въ отличіе отъ фактическаго состоянія нейтральности. Такого рода опредѣленія, различныя у отдѣльныхъ писателей, могутъ однако быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ.

Во 1-хъ, руководствуясь очевидно значеніемъ самаго названія—нейтральный—считаютъ юридическимъ нейтралитетомъ такое состояніе государства, когда оно относится одинаково безпристрастно къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Но, такъ какъ при такомъ опредѣленіи нейтралитета пришлось бы признать нейтральнымъ государство одинаково воюющее съ двумя воюющими между собою, то къ этому опредѣленію присоединяютъ еще другой признакъ: абсолютное воздержаніе отъ участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ ([1]). Но и съ такимъ добавленіемъ приведенное опредѣленіе представляется несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Трудно найти нейтральное государство, которое бы относилось совершенно одинаково къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Мало того, очень часто нейтральное государство, не принимая прямаго участія въ войнѣ, оказываетъ рѣшительное вліяніе на исходъ военныхъ дѣйствій. Стоитъ вспомнить роль Австріи въ восточную войну 1853—6 годовъ, роль Россіи въ франко-прусскую, роль Австріи и Англіи въ послѣднюю войну. Наконецъ, не трудно понять, что полное равенство въ отношеніи къ воюющимъ и невозможно въ дѣйствительности, потому что сами отношенія эти въ силу географическихъ, историческихъ, экономическихъ причинъ представляются неодинаковыми. Поэтому,

---

([1]) Vattel, droit des gens ed. Pradièr. Fodéré. II p. 443.

если только сношенія между нейтральнымъ и воюющими не прерываются, неравенство въ нихъ неизбѣжно (1).

На неудовлетворительность приведеннаго опредѣленія нейтралитета указываетъ уже и то, что международное право знаетъ нейтралитетъ *благопріятный* (neutralité bienveillante). Новѣйшіе писатели, какъ Блунчли, Гесснеръ, Роленъ-Жакеменъ, прямо говорятъ, что нейтралитетъ вовсе не означаетъ равнодушія и безпристрастности (2).

Сознавая неудовлетворительность разсмотрѣннаго нами опредѣленія, другіе писатели опредѣляютъ нейтралитетъ, какъ сохраненіе государствомъ въ отношеніи къ воюющимъ того же положенія, какое оно занимало до войны (3). Это опредѣленіе имѣетъ за собою то несомнѣнное преимущество, что не вноситъ въ юридическое опредѣленіе такихъ неопредѣленныхъ признаковъ какъ безпристрастіе. Но и оно страдаетъ полнымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительному порядку вещей. Еще Отфейль указалъ на то, что война порождаетъ для нейтральныхъ рядъ новыхъ интересовъ, отказываться отъ которыхъ для нихъ нѣтъ никакого основанія. (4) Не ограничиваясь этимъ, можно указать, что при современныхъ тѣсныхъ связяхъ между государствами война не только побуждаетъ, но и рѣшительно вынуждаетъ нейтральныя государства, сообразуясь съ измѣнившимися, благодаря начатію военныхъ дѣйствій, обстоятельствами, измѣнить и свои отношенія и притомъ не только къ воюющимъ, но и къ другимъ нейтральнымъ.

Итакъ обѣ попытки опредѣлить нейтралитетъ, какъ юридическое понятіе, привели къ наложенію на нейтральныхъ совершенно невозможныхъ обязанностей. Остается принять, слѣдуя примѣру Ок-Манинга и, въ особенности, Кальво, такое опредѣленіе нейтралитета, которое ограничивается однимъ признакомъ—неучастіемъ въ войнѣ (5).

Но, скажутъ, это не юридическое опредѣленіе, а простое описаніе фактическаго состоянія нейтральности. Я понимаю

---

(1) Brocher, revue de droit intern. 1873. p. 566.
(2) Bluntschli. S. 104 (№ 753); Gessner, le droit des neutres. 1876 p. 26.
(3) Напр. Martens (Précis § 305).
(4) Hautefeuille, I, p. 186.
(5) Calvo, II, p. 316, 317.

это, и если считаю указанное опредѣленіе удовлетворительнымъ, то не почему иному, какъ потому, что въ нейтралитетѣ не вижу вовсе никакихъ признаковъ юридическаго института, а голый фактъ. Въ оправданіе такого взгляда позволю себѣ указать на то, что различеніе нейтралитета, какъ юридическаго института, отъ нейтральности, какъ фактическаго состоянія, еслибъ оно даже могло удасться кому нибудь впослѣдствіи, представляется, по крайней мѣрѣ на современной ступени развитія положительнаго международнаго права, совершенно безплоднымъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть практическая цѣль такого различенія? Единственно-выясненіе того, въ какомъ случаѣ, при какихъ условіяхъ воюющія могутъ перестать уважать нейтралитетъ даннаго государства, другими словами: начать противъ него непріязненныя дѣйствія. Но въ настоящее время уже сознали: что разсужденія о томъ, когда государство можетъ, когда не можетъ объявлять войны, совершенно безцѣльны, потому что государства руководствуются при объявленіи войны единственно своими собственными интересами. Если имѣются достаточные шансы на побѣду, если потери и жертвы, которыхъ требуетъ война, окупаются тѣмъ интересомъ, для охраненія котораго предполагается вести войну, законный поводъ къ войнѣ, такъ или иначе, всегда найдется. (1)

Точно такой же характеръ имѣютъ и разсужденія о правѣ государства на нейтралитетъ. Нейтральность государства обусловлена не только его собственнымъ неучастіемъ въ войнѣ, но также и тѣмъ, чтобы другое государство не предпринимало противъ него военныхъ дѣйствій. Слѣдовательно прекращеніе нейтральности даннаго государства зависитъ и отъ произвола воюющихъ. Какую же цѣну, какое значеніе можетъ имѣть это пресловутое право быть нейтральнымъ?

Внесеніе въ положеніе такихъ праздныхъ разсужденій прямое наслѣдство схоластики; оно не только по-пусту отнимаетъ время, но и отзывается самымъ вреднымъ образомъ на общемъ характерѣ и достоинствѣ изложенія. Оно затемняетъ дѣйствительные предѣлы того круга вопросовъ международной жизни, гдѣ имѣетъ и можетъ имѣть примѣненіе права. Обле-

(1) Hautefeuille, I, p. 275.

кая чисто фактическія отношенія между государствами обманчивымъ обликомъ правовыхъ отношеній, такое изложеніе не можетъ дать яснаго и опредѣленнаго понятія ни о фактической, ни о правовой сторонѣ международной жизни въ отдѣльности, не говоря уже о соотношеніи этихъ двухъ сторонъ между собою.

По всему этому мнѣ представляется гораздо цѣлесообразнѣе, отбросивъ совершенно безцѣльное и невыполнимое различеніе факта и права въ понятіи нейтралитета, отправляться въ своемъ изложеніи отъ представленія о нейтралитетѣ какъ голомъ фактѣ.

Но если нейтралитетъ есть просто фактическое состояніе, то это еще не значитъ, чтобы не существовало, или не было надобности въ юридическомъ ученіи о нейтралитетѣ. Измѣненіе фактическихъ отношеній измѣняетъ содержаніе и соотношеніе между собой людскихъ интересовъ, а вмѣстѣ съ этимъ измѣняются и права въ субъективномъ смыслѣ: одни исчезаютъ другія нарождаются, третьи видоизмѣняются, такъ какъ при видоизмѣнившемся соотношеніи интересовъ, юридическая охрана ихъ ставится въ другія условія.

Такъ и фактическое отношеніе нейтралитета имѣетъ большое вліяніе на права участниковъ въ международной жизни. Состояніе войны подрываетъ господство юридическаго порядка въ международной жизни, хотя и не вовсе устраняетъ его, даже въ отношеніи къ воюющимъ. Прямой интересъ нейтральныхъ въ томъ, чтобы чужая распря по возможности меньше отзывалась на нихъ, чтобы по возможности менѣе ограничивалось въ отношеніи къ нимъ господство международнаго юридическаго порядка. Къ опредѣленію степени ограниченія этого господства, какъ оно установлено международной практикой и какъ оно можетъ быть согласовано съ самымъ существомъ отношеній, и сводится все юридическое ученіе о нейтралитетѣ. Мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, что при такой постановкѣ вопроса, съ одной стороны, устраняются сами собою всѣ праздныя, не имѣющія никакого юридическаго значенія разсужденія, а съ другой—получается возможность въ простой и естественной системѣ изложить послѣдовательно всѣ практическіе вопросы о юридическомъ положеніи нейтральныхъ.

Содержаніе праву дается тѣми интересами, которые оно охраняетъ. Въ различіи этихъ интересовъ и лежитъ основаніе различія самыхъ правъ. Такъ и содержаніе права нейтралитета опредѣляется тѣмъ интересомъ, который составляетъ его материальную подкладку. Я только что указалъ на этотъ интересъ, заключающійся въ полномъ сохраненіи международнаго юридическаго порядка въ отношеніи нейтральныхъ (1). Блунчли, высказывая въ сущности тоже самое (2), говоритъ однако о «мирномъ», а не просто юридическомъ порядкѣ. Мнѣ кажется, говорить о сохраненіи мирнаго порядка не точно: все ученіе о нейтралитетѣ и возникаетъ лишь потому, что сохранить вполнѣ тотъ же порядокъ, какой существуютъ въ мирное время, невозможно, даже и для нейтральныхъ. Иначе права нейтральныхъ были бы тождественны съ правами мирныхъ государствъ вообще. Но въ ограниченномъ, стѣсненномъ объемѣ юридическій порядокъ продолжаетъ господствовать и въ отношеніи воюющихъ между собою. Современныя войны не влекутъ за собою наступленія вполнѣ безправнаго состоянія. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ право нейтральныхъ отличается отъ права воюющихъ.

Сохраненіе юридическаго порядка въ томъ смыслѣ, что подданные другаго государства продолжаютъ разсматриваться не какъ объекты, а какъ субъекты правъ, имѣетъ мѣсто и въ отношеніи между воюющими. Общечеловѣческія права, признанныя во всемъ международномъ союзѣ и независящія отъ принадлежности лица къ данному государству, охраняются и за непріятельскими подданными (3). Въ отношеніи къ нейтральнымъ, юридическій порядокъ полнѣе. Воюющіе признаютъ исключительное господство надъ нейтральными ихъ собственнаго правительства (4). Между тѣмъ въ отношеніи къ подданнымъ непріятельскимъ, дѣлается какъ разъ противное. Военныя дѣйствія прямо направлены къ изъятію непріятельскихъ

---

(1) Bischof, Seerecht, 1868 § 54.

(2) Bluntschli, § 101 (№ 742/: Neutralität heisst Nichtbetheiligung an dem Kriege Dritter und daher Behauptung des Friedensordnung für den eigenen Bereich. § 119 783 : Fur den neutralen Staaten dauert das Friedensrecht fort, auch im Verhältness (zu den kriegführenden Staaten.

(3) Bluntschli (№ 529. 3).

(4) Bluntschli, § 119 (№ 784); Kaltenborn, Seerecht, II, § 382.

подданныхъ изъ подъ власти ихъ правительства и къ подчиненію ихъ собственной, или вообще новой власти.

Воюющее государство въ силу военныхъ операцій, необходимо ставится въ непосредственное отношеніе къ непріятельскимъ подданнымъ. Въ этомъ смыслѣ публицисты называютъ непріятельскихъ подданныхъ, пассивными участниками войны(¹). Поэтому избытокъ правъ нейтральныхъ подданныхъ, сравнительно съ правами непріятельскихъ, выражается въ томъ, что они сохраняютъ возможность подчиняться исключительно существующей въ ихъ государствѣ власти. Этотъ интересъ— подчиненіе лишь собственному правительству—есть конечно, интересъ производный, заключающійся въ лучшей надежнѣйшей охранѣ другихъ правъ, въ основѣ которыхъ лежатъ уже первичные бытовые интересы. Но и этотъ интересъ имѣетъ значеніе не исключительно формальное, юридическое, но и матеріальное, именно—экономическое, такъ какъ болѣе надежная охрана имущества, и вообще благъ, сообщаетъ имъ относительно большую цѣнность (²).

Изъ сдѣланнаго опредѣленія содержанія права нейтралитета само собою вытекаетъ то, при какихъ условіяхъ возможно было возникновеніе этого права.

Вопервыхъ необходимо, чтобы былъ признанъ международный порядокъ, чтобы граждане другаго государства не считались вовсе безправными и чтобы этотъ порядокъ сохранялся хотя бы и съ ограниченіями и во время войны.

Во 2-хъ, необходимо было возникновеніе тѣсныхъ и постоянныхъ связей между отдѣльными государствами, установленіе между ними близкаго общенія. Покуда этого общенія не было, или оно было еще въ зачаточномъ состояніи, война не могла значительно вліять на интересъ государствъ, не сопричастныхъ ей. Кого станетъ интересовать нейтралитетъ какой нибудь бирманской имперіи въ прошедшую войну?

Разъ эти два условія на лицо, фактическое состояніе нейтралитета влечетъ само собою юридическія послѣдствія.

Какое же значеніе имѣютъ деклараціи о нейтралитетѣ? Установительной, конститутивной силы онѣ не имѣютъ: ней-

---

(¹) Calvo, II p. 167.

(²) См. объ этомъ Schlossman, Der Vertrag, 1876. § 32.

тралитетъ установляется фактическимъ состоянiемъ неучастiя въ войнѣ (1). Тѣмъ не менѣе обычай издавать при началѣ каждой войны такiя декларацiи представляется какъ нельзя болѣе разумнымъ и важнымъ. Преимущественное значенiе въ этихъ декларацiяхъ имѣетъ не самое объявленiе о нейтралитетѣ—о немъ узнаютъ обыкновенно раньше и помимо декларацiи,—но тѣ правила, которыя нейтральное правительство признаетъ обязательными для себя и своихъ подданныхъ. Съ этой стороны представляютъ такое же значенiе и декларацiи воюющихъ о томъ, какими началами намѣрены они руководствоваться въ своихъ отношенiяхъ къ нейтральнымъ (2).

Кромѣ этихъ декларацiй, издаваемыхъ уже при началѣ войны, послѣ ея объявленiя, нейтралитетъ государства и его условiя могутъ быть заранѣе обезпечены международными договорами и притомъ не въ виду какой нибудь опредѣленной войны, а въ виду всѣхъ войнъ вообще. Такой договорный нейтралитетъ представляетъ особенное значенiе въ отношенiи небольшихъ слабыхъ государствъ, раздѣляющихъ своей территорiей владѣнiя могущественныхъ сосѣдей. Имъ грозитъ постоянная опасность стать театромъ военныхъ дѣйствiй своихъ сосѣдей, и потому для нихъ прямой интересъ обезпечить себѣ въ этомъ отношенiи безопасность международными трактатами. Весьма естественно поэтому, что Швейцарiя, сначала своего существованiя, стремилась обезпечить себѣ нейтралитетъ договорами съ сильными державами, въ особенности съ Францiей и Австрiей. Во время революцiонныхъ войнъ нарушенiя нейтралитета Швейцарiи повторялись съ обѣихъ сторонъ нѣсколько разъ.

Въ 1803 году Наполеонъ далъ въ актѣ медiацiи формальную гарантiю ея нейтралитета и уважалъ его до конца своего царствованiя. Но союзники считали его для себя необязательнымъ, и въ 1813 году австрiйскiя войска, подъ начальствомъ Шварценберга, прошли черезъ Швейцарiю, направляясь къ Бельфору. На Вѣнскомъ конгрессѣ вѣчный нейтралитетъ Швейцарiи былъ торжественно подтвержденъ. Но возвращенiе Наполеона съ Ельбы побудило союзниковъ заставить швей-

---

(1) Bluntschli, § 103 (№ 749).

(2) Hautefeuille, I. p. 233, Calvo, II, p. 389.

царскія войска принять участіе въ походѣ противъ Франціи. Окончательно нейтралитетъ Швейцаріи былъ провозглашенъ только парижской декларацией 1815 г., ноября 20. Кромѣ Швейцаріи въ настоящее время пользуются вѣчнымъ договорнымъ, или гарантированнымъ нейтралитетомъ, еще Бельгія (по лондонскому трактату 15 ноября 1831 г.) и Люксембургъ (лондонскій договоръ 11 мая 1867 г.).

Обезпеченіе нейтралитета Бельгіи во время франко-прусской войны послужило предметомъ особыхъ договоровъ Англіи съ обѣими воюющими сторонами. Въ этихъ договорахъ Англія и каждая изъ воюющихъ державъ обязались содѣйствовать другъ другу въ охранѣ, если понадобится и вооруженными силами, нейтралитета Бельгіи противъ возможныхъ нарушеній его со стороны другой воюющей державы. Сила этихъ договоровъ была опредѣлена на все время продолженія войны и на 12 мѣсяцевъ послѣ заключенія мирнаго договора (Revue, 1878, p. 698).

Англія одно время возбудила вопросъ о подобной же нейтрализаціи Афганистана съ тѣмъ, чтобы создать между владѣніями ея и Россіи въ Средней Азіи нейтральный поясъ. Въ 1869 г. лордъ Кларендонъ обратился съ такимъ предложеніемъ къ русскому посланнику въ Лондонѣ, барону Бруннову. Русское правительство, какъ это видно изъ депеши кн. Горчакова, отъ 24 февраля 1869 г., отнеслось къ этому предложенію съ полнымъ сочувствіемъ. Однако, взгляды Англіи за это время уже успѣли измѣниться: она сама отказалась отъ своего предложенія. Ссылаясь на то, что границы недостаточно опредѣлены, она предлагала признать за линію, имѣющую раздѣлить владѣнія двухъ державъ, рѣку Оксусъ въ той части ея, которая лежитъ къ югу Бухары. Въ этомъ смыслѣ поручено было сдѣлать петербургскому кабинету заявленіе отъ имени Англіи ея повѣренному въ дѣлахъ, г. Румбольду, въ этомъ же смыслѣ высказался и лордъ Кларендонъ при личномъ свиданіи въ сентябрѣ 1869 г. съ кн. Горчаковымъ. Русское правительство съ своей стороны не нашло возможнымъ принять новое предложеніе Англіи, такъ какъ Хива лежитъ къ югу отъ Оксуса и Россія не можетъ отказаться отъ вліянія на хивинскаго хана, который въ такомъ случаѣ могъ бы безнаказанно совершать свои набѣги

на наши предѣлы. Хотя переговоры продолжались и послѣ того въ Петербургѣ чрезъ посредство со стороны Англіи Догласа Форента, но окончательнаго соглашенія, которымъ бы былъ признанъ обязательный нейтралитетъ Афганистана или какой либо другой полосы въ Средней Азіи, не состоялось (Мартенсъ, Россія и Англія въ Средней Азіи, 41—48).

Договорный нейтралитетъ (neutralité conventionelle) составляетъ частный видъ нейтралитета. Въ сочиненіяхъ по международному праву выставляютъ и другіе виды нейтралитета, частный и общій, полный и ограниченный и проч. Но всѣ эти дѣленія не имѣютъ большаго значенія (¹).

Для того, чтобы разсмотрѣть подробности содержанія права нейтралитета, необходимо анализировать общую формулу, выражающую это содержаніе, и разобрать ее въ примѣненіи къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ положенія нейтральныхъ. Всѣ эти случаи мы сведемъ къ тремъ: положеніе нейтральнаго на нейтральной же территоріи, положеніе его на непріятельской территоріи, и наконецъ въ открытомъ морѣ.

§ 60. Положеніе нейтральныхъ на нейтральной территоріи.

Общій интересъ, составляющій содержаніе права нейтралитета или права нейтральныхъ—сохраненіе господства юридич. порядка въ примѣненіи къ нейтральной территоріи, выражается въ стремленіи оградить ея неприкосновенность, съ одной стороны, прямымъ недопущеніемъ на ней какихъ либо военныхъ операцій, а съ другой устраненіемъ всего, что можетъ повлечь за собой перенесеніе театра военныхъ дѣйствій на нейтральную территорію.

Такъ какъ государственная территорія слагается какъ изъ суши, такъ и изъ той части открытаго моря, которую покрываетъ береговая артиллерія, и такъ какъ свойства этихъ двухъ составныхъ частей территоріи существенно различны, то я разсмотрю ихъ отдѣльно.

Суша, или собственно территорія государства, гораздо полнѣе подчиняется господству государственной власти; поэтому

(¹) Hautefeuille. I, p. 203, Calvo. II, p. 381; Phillimore, Comentaries, III, p. 226; Saalfeld, Handbuch, 272.

и неприкосновенность ея уважается строже, безусловнѣе, нежели неприкосновенность морской территоріи. Не только примѣненіе силы со стороны воюющей державы въ отношеніи къ непріятельскимъ подданнымъ или ихъ имуществамъ, находящимся на нейтральной территоріи ([1]), но и самый проходъ войскъ чрезъ нее не допускается ([2]). Это запрещеніе не устраняется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обычный путь сообщенія пролегаетъ через нейтральную территорію. Такъ, жители нѣкоторыхъ округовъ Бадена и французскіе савояры ѣздятъ обыкновенно въ свои столицы по желѣзнымъ дорогамъ, идущимъ частію по швейцарской территоріи. Во время франко-прусской войны, призванные къ отправленію воинской повинности, они выбрали естественно тотъ же путь. Въ виду этого швейцарское союзное правительство предписало допускать такихъ лицъ лишь подъ условіемъ, чтобы они не были вооружены и не носили военной формы ([3]). Старые писатели полагали напротивъ, что государство, ведущее справедливую войну, можетъ требовать безпрепятственнаго прохода для своихъ войскъ, и въ случаѣ отказа даже пройдти самовольно ([4]). Но большинство новѣйшихъ писателей, опираясь на то, что предоставленіе воюющимъ такого права было бы равносильно отрицанію суверенности нейтральной государственной власти и подчиняло бы косвенно нейтральную территорію власти воюющихъ сторонъ, не только отвергаютъ это воззрѣніе, но и считаютъ даже, что нейтральный обязанъ самъ не допускать прохода войскъ воюющей державы чрезъ свою территорію. Во всякомъ случаѣ допущеніе такого прохода на дѣлѣ всегда грозитъ тѣмъ, что нейтральная территорія сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій и нейтралитетъ, такимъ образомъ, будетъ нарушенъ ([5]). Въ виду этой фактической опасности нарушенія нейтралитета, со стороны другой воюющей державы, не можетъ, кажется, какъ думаютъ

([1]) Calvo, II, p. 405. Phillimore, III, p. 203.

([2]) Martens, Precis, II, p. 308 и 310; Saalfeld, Handbuch, § 277; Wheaton, Elements, II, p. 86.

([3]) Bluntschli, § 112, № 770.

([4]) Wattel, II, p. 473.

([5]) Hautefeuille, I, p. 246 и 309.

иные ([1]), имѣть большаго значенія предварительное установленіе договоромъ обязанности на случай войны пропускать войска контрагента. Существованіе такого договора не можетъ помѣшать другой воюющей сторонѣ вторгнуться въ нейтральную территорію, если тамъ находится непріятельская армія. Къ тому же, и для внутренняго порядка нейтральнаго государства проходъ иноземныхъ войскъ представляетъ большую опасность, такъ какъ войско пользуется экстерриторіальностію и потому не подчиняется территоріальной власти ([2]). На основаніи правила, что нейтральная территорія не можетъ служить мѣстомъ военныхъ дѣйствій, признается и недопущеніе по ней провоза военныхъ транспортовъ и военно-плѣнныхъ ([3]). Такъ какъ военный плѣнъ обусловленъ исключительно состояніемъ войны, и такъ какъ на нейтральной территоріи сохраняется миръ, то плѣнные, попавшіе на нее, уже тѣмъ самымъ дѣлаются свободными. Такъ плѣнные нѣмцы, находившіеся при арміи Бурбаки, были швейцарскимъ правительствомъ отпущены на свободу. Поэтому нельзя признать согласнымъ съ началами международнаго права поведеніе Баваріи въ 1859 г., дозволившей Австріи проводъ плѣнныхъ французовъ ([4]). Во время франко-прусской войны возникъ вопросъ можно ли допустить проводъ по нейтральной территоріи раненыхъ? Германское правительство обратилось къ бельгійскому съ просьбою разрѣшить по бельгійской территоріи проводъ раненыхъ прусскихъ и французскихъ безразлично. Ничего не имѣя съ своей стороны противъ такого разрѣшенія, бельгійское правительство сочло нужнымъ обратиться предварительно къ французскому правительству, которое и заявило, что проводъ раненыхъ по бельгійской территоріи оно сочтетъ нарушеніемъ нейтралитета. Въ виду этого заявленія французскаго правительства, просимаго Пруссіей разрѣшенія дано не было ([5]).

Запрещеніе прохода войскъ, воюющихъ державъ, по нейтральной территоріи не исключаетъ, однако, права убѣжища

([1]) Bluntschli, § 113 p. № 171.
([2]) *Calvo*, I, p. 679.
([3]) Saalfeld, s. 280 и 283
([4]) *Calvo*, II, p. 407.
([5]) Revue, 1870, p. 708.

на ней войскамъ, преслѣдуемымъ непріятелемъ. (¹) Но такія войска и даже отдѣльные солдаты, должны подчиняться требованіямъ нейтральнаго правительства, направленнымъ къ тому, чтобы лишить ихъ пребываніе всякаго непріязненнаго характера для другой воюющей стороны. Ихъ обезоруживаютъ и даже удаляютъ по возможности отъ границы, прилегающей къ театру военныхъ дѣйствій (²). Нейтральное правительство обязано ихъ содержать, но можетъ требовать за это вознагражденія отъ того государства, которому принадлежатъ войска. Новѣйшая практика предоставляетъ даже нейтральному jus retentionis въ отношеніи къ артиллерійскому парку и обозу, имѣющимся при войскѣ. Во франко-прусскую войну въ Швейцарію зашла цѣлая армія генерала Бурбаки. Поэтому поводу 1 февр. 1871 г. Швейцарія, черезъ посредство генерала Герцога, заключила договоръ съ французскимъ генераломъ Кленшаномъ (Clinchamp) по которому, все имущество арміи должно было быть передано швейцарскому правительству и возвращено Франціи только по вознагражденіи за содержаніе арміи. Впрочемъ, въ ту же войну Бельгія не только возвратила безъ задержки всѣ попавшія къ ней военныя принадлежности, оружіе и лошадей но и вовсе отказалась отъ вознагражденія за содержаніе, скрывшихся на ея территоріи, французскихъ солдатъ (³).

Еще несомнѣннѣе представляется обязанность нейтральнаго правительства укрыть на своей территоріи раненыхъ и больныхъ воиновъ (⁴). Тѣ изъ нихъ, которые не могутъ расчитывать на выздоровленіе, или, если могутъ, то не скоро, могутъ даже быть по обезоруженіи отпущены домой, между тѣмъ, какъ здоровые и легко раненые удерживаются въ нейтральной территоріи до конца войны. (⁵) Во время франко-прусской войны, въ Бельгіи въ палатахъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, нельзя ли такихъ лицъ выпускать изъ Бельгіи, но только не съ той части границы, которая приле-

---

(¹) Bluntschli. § 114. (№ 774).
(²) Bluntschli. § 114. № 776.
(³) Calvo. II, p. 400.
(⁴) Bluntschli. § 116. (№ 776).
(⁵) Calvo, II, p. 401.

егатъ къ территоріи воюющихъ, и былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ [1].

Понятно, что требуя отъ воюющихъ уваженія неприкосновенности своей территоріи, само нейтральное правительство должно заботиться о томъ, чтобы на ней не происходило прямыхъ непріязненныхъ дѣйствій въ отношеніи къ воюющимъ. Точно опредѣлить, что именно нейтральное правительство не должно допускать на своей территоріи—невозможно. Слабое государство можетъ быть въ этомъ отношеніи вынуждено воюющимъ къ большимъ стѣсненіямъ, нежели сильное, могущественное. Такъ, во время франко-прусской войны, Бельгія и Швейцарія уважали требованія германскаго правительства относительно продажи Франціи оружія, но Англія и Америка отклонили это требованіе, какъ вовсе не оправдываемое международнымъ правомъ [2].

Публицисты проводятъ вообще строгое различіе между дѣйствіями самаго государства, какъ юридическаго лица, и дѣйствіями отдѣльныхъ нейтральныхъ подданныхъ. Въ отношеніи государства установляются вообще болѣе строгія начала. Такъ признается недозволеннымъ продажа нейтральнымъ государствомъ оружія воюющимъ [3]. Но практика представляетъ нерѣдко отступленія отъ этого. Такъ, во время франко-прусской войны Соед. Штаты продавали Франціи оружіе, оставшееся отъ междоусобной войны въ значительномъ количествѣ [4]. Въ отношеніи къ отдѣльнымъ подданнымъ установляется менѣе стѣсненій. Можно сказать, что обыватели нейтральной территоріи могутъ дѣлать безпрепятственно все то, что дѣлаютъ въ мирное время. Поэтому простое выраженіе сочувствія или несочувствія къ одному изъ воюющихъ [5], сборы пожертвованій на раненыхъ [6], подписка на правительственныя займы

---

(1) Revue 1871, p. 355, 6.

(2) Calvo, II, p. 395.

(3) Calvo, III, 461.

(4) Geffeken, Die Lieferung von Contrabanda seitens Neutralen, Zeitschrift für Staatsw. 1881. № 1.

(5) Bluntschli. § 104 (753 a).

(6) Calvo, II, p. 397; Brocher, Revue de droit intern. 1873. p. 570.

воюющаго ([1]), продажа съѣстнаго ([2]) и даже оружія ([3]), и кораблей, отъѣздъ въ непріятельскую землю, хотя бы съ цѣлью поступить волонтеромъ ([4]), созывъ и отправка непріятельскихъ подданныхъ, подлежащихъ призыву, къ отбыванію воинской повинности ([5]), все это такія дѣйствія, допущеніе которыхъ на нейтральной территоріи не даетъ права воюющимъ нарушить ея неприкосновенность. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нейтральное правительство не могло запретить своимъ подданнымъ такихъ дѣйствій. Но это не есть обязанность, налагаемая международнымъ правомъ, а вопросъ внутренней политики. Такъ въ Австріи, во время франко-прусской войны, были запрещаемы публичныя празднованія побѣдъ прусскихъ войскъ, но при этомъ прямо было заявлено, что это дѣлается не ради соблюденія обязанностей нейтралитета, а по соображеніямъ внутренней политики ([6]). Но если дѣйствія имѣютъ непосредственное отношеніе къ военнымъ дѣйствіямъ и по своимъ размѣрамъ принимаютъ угрожающій характеръ, то допущеніе ихъ лишаетъ нейтральное государство права требовать отъ воюющаго уваженія неприкосновенности его владѣній. Таковы: устройства въ нейтральномъ государствѣ арсеналовъ, или военныхъ магазиновъ, мастерскихъ ([7]) и, въ особенности, наборъ рекрутъ и образованіе цѣлыхъ отрядовъ волонтеровъ для отправки въ воюющую армію. ([8]) Принятіе обязанности (emploi) въ чемъ либо содѣйствовать воюющимъ, снаряженіе корабля ([9]).

Но, какъ я уже замѣтилъ, границы между тѣмъ, что можетъ быть допущено и что нѣтъ, крайне неопредѣленны и обусловливаются въ каждомъ данномъ случаѣ фактическимъ соотношеніемъ силъ и положеніемъ нейтральнаго. Немудрено, поэтому, что по каждому отдѣльному вопросу, какъ въ прак-

---

([1]) Bluntschli, § Ш (№ 768), Brocher. Revue de droit intern. 1873 г. p. 571.

([2]) Bluntschli, § III (767); Calvo, II, p. 398.

([3]) Martens. Precis, II. p. 319. Bluntschli, § 110. (№ 705) contra: Gessner, p. 226 et. ss.

([4]) Bluntschli, s. 106 (758); Brocher, Revue de droit intern. 1873. p. 568.

([5]) Calvo, II, 393; Bluntschli; § 112 (№ 770.

([6]) Revue. 1871 (p. 368).

([7]) Bluntschli, § 113 (№ 777).

([8]) Calvo, II, 392.

([9]) Revue 1871 г. p. 359.

тикѣ, такъ и въ теоріи, мы замѣчаемъ колебанія то въ ту, то въ другую сторону.

Вопросъ о допущеніи нейтральныхъ подданныхъ опредѣляться волонтерами въ арміи воюющихъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе разъясненныхъ, вопросовъ. Недопущеніе прямой вербовки со стороны воюющихъ еще не предполагаетъ запрещенія свободной отправки самихъ нейтральныхъ подданныхъ волонтерами. Если обратиться къ внутреннимъ государственнымъ законамъ и декларaціямъ о нейтралитетѣ, то участіе въ войнѣ нейтральныхъ волонтеровъ представляется вовсе запрещеннымъ ([1]). Кажется этотъ вопросъ можно рѣшить такимъ образомъ: на своей территоріи нейтральное правительство не должно допускать ни организаціи цѣлыхъ отрядовъ добровольцевъ, ни зачисленія въ армію воюющихъ отдѣльныхъ лицъ, покуда они остаются еще на нейтральной территоріи. Но нейтральное правительство не обязано вовсе запрещать отъѣздъ въ воюющія государства, и въ частности не обязано производить розысканія о цѣляхъ отъѣзда, уже въ силу самой невыполнимости такихъ розысканій. Поступленіе въ войско воюющаго нейтральнаго подданнаго, уже находящагося на территоріи воюющаго, влечетъ для него лишеніе права на неприкосновенность личности, присвоенную нейтральнымъ, но разъ онъ удовлетворяетъ условіямъ открытаго и законнаго врага, то нѣтъ основанія отказывать ему въ покровительствѣ законовъ войны. Нейтральное же правительство не можетъ нести никакой отвѣтственности за такое зачисленіе въ армію его подданнаго, не находящагося на его территоріи: оно обязано заботиться о недопущеніи непріязненныхъ дѣйствій только на своей территоріи. Другое дѣло, если это не частное лицо, а лицо, принадлежащее къ составу нейтральной арміи: государство несетъ отвѣтственность за ихъ дѣйствія, какъ за дѣйствія своихъ органовъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности не обходится ни одной войны безъ участія въ большей или меньшей степени нейтральныхъ волонтеровъ. Какъ на новѣйшіе, болѣе крупные примѣры

([1]) См. Pрillimore 7, III. p. 277; Ortolan Diplomatie de la mer. Примѣры декларацій о нейтралитетѣ во второмъ томѣ въ приложеніяхъ.

можно указать на итальянскихъ волонтеровъ въ франко-прусскую войну и русскихъ въ сербско-турецкую.

Что касается территоріальнаго моря, то и въ немъ не допускаются непріязненныя дѣйствія. Неприкосновенность береговаго моря иные ограничиваютъ, допуская преслѣдованіе непріятельскаго судна, скрывающагося въ территоріальное море. Для каперовъ такое преслѣдованіе безусловно запрещено (1). Для военныхъ судовъ это право отстаивалъ Бинкерсгукъ и Гальяни. Но теперь оно всѣми отвергается и для нихъ (2). Ортоланъ допускаетъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло происходитъ передъ пустыннымъ, необитаемымъ берегомъ (3). Но и съ такимъ ограниченіемъ оно не признается другими авторами (4), а также и международной практикой. Французскій призовый судъ призналъ безусловную неприкосновенность нейтральнаго территоріальнаго моря въ приговорѣ своемъ по дѣлу португальскаго корабля «Nossa senhora do Carmedo» 27 фрукт. VIII года онъ былъ захваченъ французскимъ крейсеромъ «Venus de Medicis» въ береговомъ морѣ Марокко противъ неукрѣпленнаго берега. Тѣмъ не менѣе призъ былъ признанъ незаконнымъ. Тоже начало было принято и англійской призовой практикой по дѣлу корабля «Анна» въ 1805 году. Въ американскую междоусобную войну этотъ вопросъ былъ возбужденъ по поводу извѣстнаго случая съ пароходомъ сѣверянъ «Чизапикъ» (Cheasapeak) въ 1863 г.

Простой, несопровождаемый непріязненными дѣйствіями, проходъ кораблей воюющей державы чрезъ нейтральное территоріальное море не составляетъ нарушенія его неприкосновенности, развѣ это прямо было запрещено нейтральнымъ правительствомъ (5). Эта особенность обусловлена самой природой морской территоріи. Проходъ по ней совершенно безопасенъ для нейтральнаго и часто можетъ остаться даже вовсе ему неизвѣстнымъ.

Относительно стоянки въ нейтральныхъ гаваняхъ примѣняются также болѣе либеральныя начала. Допускается не

(1) Martens, Essaie sur les armateurs p. 66.
(2) Phillimore, III, p. 285; Wheaton, Element, II, p. 88.
(3) Ортоланъ. Морское международное право стр. 181.
(4) Calvo, II, p. 410; Hautefeuille, I, p. 320—331.
(5) Bluntschli, § 113 (№ 772); Calvo, II, p. 407; Hautefeuille, I, p. 314.

только вынужденная стоянка (relâche forcée), но и добровольная (relâche volontaire), такъ что въ отношенiи къ кораблямъ воюющихъ державъ признается не только собственно право убѣжища (refuge), но и, если позволено такъ перевести, droit d'asyle, право пристанища (¹). Мало того, если корабль воюющей державы входитъ въ нейтральный портъ, это не влечетъ за собою его разоруженiя и задержанiя до окончанiя войны (²). Обратный выходъ свободенъ. Но для того, чтобы стоянка въ нейтральной гавани не могла служить средствомъ болѣе легкаго, удобнаго нападенiя на непрiятельскiе корабли, судно, одной воюющей стороны, не можетъ выдти изъ гавани раньше, чѣмъ черезъ 24 часа послѣ выхода изъ нея судна, другой воюющей державы. Притомъ, если одновременно желаютъ выдти оба судна, преимущество отдается тому, которое вошло въ гавань раньше. О своемъ желанiи выдти изъ гавани, каждое судно воюющихъ державъ обязано сообщить за 24 часа портовому начальству. Если въ гавани находятся суда другаго воюющаго, вошедшiе притомъ раньше въ гавань, онѣ могутъ воспользоваться преимуществомъ перваго выхода въ теченiи слѣдующихъ 24 часовъ. Если же не пожелаютъ выдти, это право предоставляется просившему въ теченiи тѣхъ же 24 часовъ. Если въ этотъ срокъ оно не выполнитъ своего намѣренiя, оно потомъ должно просить новаго позволенiя тѣмъ же порядкомъ (³). Самое пребыванiе кораблей воюющихъ въ нейтральной гавани подлежитъ цѣлому ряду ограничительныхъ условiй. Съ призами они допускаются только на вынужденную стоянку (relâche forcée) или только на 24 часа; запрещается продажа призовъ, еще не присужденныхъ, и высадка плѣнныхъ, развѣ подъ условiемъ ихъ освобожденiя (⁴). Какъ и на сушѣ, такъ и на морской территорiи нейтральное правительство не можетъ терпѣть, чтобы подданные дружественной ей державы удерживались въ плѣну (⁵). Впрочемъ, высадка можетъ быть иногда необходима въ инте-

---

(¹) Calvo, II, p. 419; Bluntschli, § 114 (№ 773).

(²) Calvo, II, p. 420; Hautefeuille, I, 374.

(³) Hautefeuille, I, p. 364—367, Calvo, II, p. 425.

(⁴) Hautefeuille, I, p. 393—495 и деклараціи Франціи 10 Іюня 1861 г. и Италіи 17 Іюня 1861 г. у Ortolan, Diplomatie de la mer, II, приложенія.

(⁵) Calvo, II, p. 428.

ресахъ самихъ плѣнныхъ, напр., въ случаѣ распространенія на кораблѣ заразительной болѣзни ([1]). Плѣнные, находящіеся на бортѣ корабля, считаются въ силу экстерриторіальности военнаго корабля, внѣ нейтральной земли.

Относительно всѣхъ вообще военныхъ кораблей установляется то ограниченіе, что одновременно можетъ находиться въ нейтральной гавани лишь опредѣленное число ихъ, отъ 4 до 8 ([2]). Находясь въ нейтральной гавани кромѣ, само собою понятной и общей для всѣхъ, даже нейтральныхъ кораблей, обязанности соблюдать миръ, военные корабли воюющихъ не могутъ: 1) увеличить число пушекъ и вообще усиливать свое вооруженіе; 2) умножить число экипажа, хотя бы, набирая охотниковъ изъ своихъ соотечественниковъ; 3) принимать мѣры къ выслѣживанію непріятельскихъ кораблей и разузнанію ихъ силы и средствъ ([3]).

Всѣ эти ограниченія, какъ и ограниченія относительно выхода изъ гавани, не примѣняются къ судамъ торговымъ, хотя бы грузъ ихъ состоялъ изъ военной контрабанды ([4]).

Какъ въ отношеніи къ сушѣ, такъ и въ отношеніи къ своимъ гаванямъ, нейтральное правительство, требуя уваженія ихъ неприкосновенности, само должно заботиться о томъ, чтобы въ нихъ не совершалось никакихъ непріязненныхъ, угрожающихъ одной изъ воюющихъ сторонъ, дѣйствій. Особенный практическій интересъ представляетъ вопросъ о вооруженіи въ нейтральныхъ гаваняхъ крейсеровъ для воюющихъ. Я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на извѣстномъ дѣлѣ Алабамы: «Alabama Claims».

29 іюня 1862 г., Алабама, небольшая канонерка, вышла, не имѣя на себѣ ни одной пушки, ни даже ружья, изъ Мерсея, направилась къ Азорскимъ островамъ и дорогою получила подкрѣпленіе экипажа. Въ виду Терсейры она соединилась съ двумя кораблями, изъ которыхъ одинъ былъ изъ Лондона, другой изъ Ливерпуля. Эти корабли привезли ей командира, офицеровъ, все вооруженіе и провіантъ. Перегрузка была совершена въ порядочномъ разстояніи отъ португальскаго бе-

---

([1]) Hautefeuille, I, p. 396.
([2]) Hautefeuille, p. 352; Calvo, II, p. 423.
([3]) Hautefeuille, I, p. 354; Calvo, II, p. 424.
([4]) Hautefeuille, I, p. 405; Calvo, II, p. 427.

рега. Потомъ подняли южно-американскій флагъ и Алабама отправилась въ крейсерство. Изъ всѣхъ крейсеровъ, которые были сооружены южанами, благодаря терпимости Англіи, Алабама принесла сѣверянамъ наибольшій вредъ, почему и дала свое имя всему дѣлу.

Первая нота, со стороны вашингтонскаго правительства, въ которой указывалось на виновность Англіи, способствовавшей своимъ бездѣйствіемъ сооруженію крейсеровъ, и требовалось вознагражденіе, была адресована американскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, Адамсомъ, къ сенъ-джемскому кабинету отъ 7 апр. 1865 г. Она вызвала обмѣнъ цѣлаго ряда нотъ съ обѣихъ сторонъ. Хотя англійское правительство признавало притязанія вашингтонскаго правительства неосновательными и считало несогласнымъ съ достоинствомъ Англіи подвергнуть ихъ третейскому обсужденію, однако, для избѣжанія подобныхъ столкновеній на будущее время, оно составило комисію изъ извѣстныхъ юристовъ, возложивъ на нее обязанность разсмотрѣть вопросъ о томъ, требуются ли и какія именно измѣненія въ англійскомъ дѣйствующемъ законодательствѣ въ этомъ отношеніи. Коммисія пришла къ тому заключенію, что необходимо воспретить не только оснастку, вооруженіе и отправку крейсеровъ для воюющихъ, но и самую постройку ихъ въ Англіи, когда она остается нейтральной. Одинъ только членъ коммисіи Вернонъ Гаркуръ (пишущій подъ псевдонимомъ «Historicus») находилъ такое запрещеніе несогласнымъ съ интересами Англіи. Министерство не приняло цѣликомъ заключеній коммисіи, и, составляя проэктъ новаго закона объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на англійскихъ подданныхъ нейтралитетомъ ихъ отечества, выбрало средній путь. Между тѣмъ, во время обсужденія еще этого проэкта, новый американскій посланникъ въ Лондонѣ, Реверди Джонсонъ, снова поднялъ дѣло объ Алабамѣ. По соглашенію съ лордомъ Стенли, а потомъ Кларендономъ, онъ выработалъ проэктъ конвенціи, по которой дѣло должно быть передано на разрѣшеніе коммисіи изъ двухъ англичанъ и двухъ американцевъ. Но американскій сенатъ не принялъ этого проэкта. Наконецъ, въ началѣ 1871 г., достигнуто было соглашеніе, выразившееся окончательно въ вашингтонскомъ договорѣ 8 мая, который передавалъ все дѣло на разрѣшеніе третей-

скаго суда и установлялъ самые принципы, которыми судъ долженъ былъ руководствоваться при постановленіи приговора. Эти принципы выражены въ т. наз. «трехъ правилахъ». Вотъ ихъ содержаніе:

«Нейтральное правительство обязано:

«1) Употреблять всевозможное стараніе, чтобы воспрепятствовать въ своихъ владѣніяхъ оснасткѣ и вооруженію всякаго судна, въ отношеніи къ которому имѣются достаточныя основанія предполагать, что оно предназначается для крейсеровки, или для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ государства, съ которымъ нейтральное сохраняетъ миръ, а также употреблять такое же стараніе для предотвращенія отправки изъ своихъ владѣній судовъ съ такимъ назначеніемъ, если они, частію или вполнѣ, были вооружены на его территоріи».

«2) Не допускать, чтобы воюющіе пользовались его водами или гаванями, какъ базисомъ военныхъ дѣйствій, или для обновленія и усиленія вооруженія и набора экипажа».

«3) Употреблять должное стараніе для предотвращенія нарушенія вышеуказанныхъ обязанностей въ его водахъ и портахъ и со стороны всѣхъ людей, находящихся подъ его юрисдикціей».

Третейскій судъ составился изъ пяти членовъ, назначенныхъ Англіей, Соединенными Штатами, Италіей, Швейцаріей и Бразиліей. Со стороны обѣихъ сторонъ были, кромѣ того, представители (¹). Приговоръ состоялся въ Женевѣ, 14 сентября 1872 г. Приведу изъ него тѣ мѣста, которыя относятся къ Алабамѣ, и которыми опредѣляется размѣръ вознагражденія.

«Такъ какъ въ отношеніи къ судну «Алабама», изъ всѣхъ фактовъ, относящихся къ постройкѣ судна, первоначально обозначеннаго № 290, въ портѣ Ливерпуля и его вооруженія въ сосѣдствѣ Терсейры съ помощью судовъ «Агриппина» и «Бигама», пришедшихъ съ этою цѣлью изъ Англіи, ясно вытекаетъ, что британское правительство не оказало должнаго старанія къ соблюденію обязанностей, налагаемыхъ нейтралитетомъ и въ частности, не смотря на предупрежденія и оффиціальныя представленія, дипломатическихъ агентовъ Соед.

(¹) Calvo, p. 357—377.

Штатовъ, во время постройки № 290, не приняло во время предупредительныхъ мѣръ, и что его распоряженіе, наконецъ послѣдовавшее о задержаніи судна, дано было такъ поздно, что не могло быть выполнено».

«И такъ какъ послѣ выхода этого судна мѣры къ его преслѣдованію и задержанію были такъ неудовлетворительны, что не привели ни къ какимъ результатамъ, и потому не могутъ быть признаны достаточными для освобожденія Великобританіи отъ отвѣтственности».

»И такъ какъ, въ усугубленіе нарушеній нейтралитета Великобританіи, причиненныхъ № 290, это самое судно, позднѣе извѣстное какъ конфедеративный крейсеръ, Алабама, было, въ разныхъ случаяхъ, свободно допускаемо въ порты англійскихъ колоній, вмѣсто того, чтобы, какъ это должно бы было быть въ каждомъ англійскомъ портѣ, поступить совершенно наоборотъ;

»И такъ какъ правительство ея величества не можетъ извиняться въ недостаткѣ должнаго старанія къ соблюденію нейтралитета недостаточностію тѣхъ средствъ, какія ему предоставлены дѣйствовавшимъ закономъ:

»Четверо судей, на основаніи вышеизложеннаго, а одинъ по особо изложеннымъ соображеніямъ полагаютъ:

«Что Великобританія виновна въ неисполненіи обязанностей, предписанныхъ первымъ и третьимъ изъ правилъ, установленныхъ шестою статьею вашингтонскаго договора».

Отклонивъ тремя голосами противъ двухъ вознагражденіе за издержки по преслѣдованію крейсеровъ, по невозможности отдѣлить ихъ отъ общихъ издержекъ на войну, третейскій судъ опредѣлилъ затѣмъ общую сумму вознагражденія, слѣдуемаго съ Англіи Соединеннымъ Штатамъ, въ 15 мил. долларовъ, большинствомъ 4 голосовъ противъ одного ([1]).

Въ этомъ приговорѣ, кромѣ частнаго вопроса объ обязательности нейтральныхъ не допускать у себя сооруженія кораблей для воюющихъ, затронутъ болѣе общій вопросъ о томъ значеніи, какое имѣютъ въ международныхъ отношеніяхъ внутренніе законы государства. Третейскій судъ находилъ, что недостаточность ихъ не можетъ служить основаніемъ

([1]) Phillimore, III, p. 255—263.

освобожденія нейтральнаго отъ отвѣтственности. Но издержки на вознагражденіе должны быть въ такихъ случаяхъ обращены на обще-государственныя средства, а не на имущество тѣхъ лицъ, которыя совершили дѣйствія, составлявшія нарушеніе нейтралитета. Если эти дѣйствія не были запрещены въ моментъ ихъ совершенія, онѣ не могутъ служить основаніемъ позднѣйшихъ взысканій.

§ 61. Положеніе нейтральныхъ на территоріи воюющихъ.

Положеніе нейтральныхъ на непріятельской территоріи возбуждаетъ наименѣе сомнѣній и затрудненій въ примѣненіи къ нимъ началъ междунар. права.

На сушѣ всѣ мирные жители, даже непріятельскіе подданные, пользуются и личной и имущественной неприкосновенностью. Паспорты, выданные нейтральнымъ правительствомъ, считаются и на территоріи воюющихъ достойными довѣрія (1). Нейтральные подданные продолжаютъ находиться подъ покровительствомъ дипломатическихъ агентовъ и консуловъ своего отечества (2). Они не могутъ быть заложниками, не платятъ контрибуцій (3). Эта неприкосновенность нейтральныхъ подданныхъ, конечно, отпадаетъ, когда они входятъ въ составъ непріятельской арміи. Въ такомъ случаѣ, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, они, въ силу этого самаго, перестаютъ быть нейтральными, и положеніе ихъ должно опредѣляться тѣми же началами, какъ и положеніе непріятелей. Надо, однако, замѣтить, что практика послѣдней восточной войны представляется несогласной съ этимъ положеніемъ. Но въ этой практикѣ и вообще трудно подмѣтить какой либо опредѣленный принципъ, котораго бы держались послѣдовательно. Съ нашей стороны было нѣсколько случаевъ захвата англійскихъ офицеровъ, врачей и другихъ некомбатантовъ, принадлежавшихъ къ составу турецкихъ армій. Согласно съ установившимися началами междунар. права слѣдовало бы офицеровъ, не смотря на ихъ англійскую національность,

(1) Bluntschli, § 122 (№ 792).
(2) Bluntschli, § 123 (№ 798).
(3) Saalfeld, § 285.

удерживать военноплѣнными. Тоже должно сказать и относительно некомбатантовъ, за исключеніемъ священниковъ и лицъ санитарнаго персонала. Но мы, съ одной стороны, отпускали, признавая неподлежащими военному плѣну, корреспондентовъ и притомъ такихъ, которые имѣли турецкіе военные чины (случай съ капитаномъ Кри, отпущеннымъ генераломъ Гейманомъ), съ другой, задерживали, вопреки постановленіямъ Женевской конвенціи, военноплѣнными докторовъ (случай докторовъ Киссона и Бокбая, задержанныхъ въ качествѣ военно-плѣнныхъ Ген. Ад. Лорисъ-Меликовымъ) (1).

Завоеваніе, конечно, не можетъ вліять на подданство нейтральныхъ, находящихся на завоеванной землѣ. (2)

Въ отношеніи къ территоріальному морю является интересный вопросъ о допустимости нейтральной каботажной торговли. Въ мирное время каботажная торговля предоставляется только собственнымъ подданнымъ. Во время войны потребность въ перевозочныхъ средствахъ усиливается чрезвычайно, да къ тому же провозъ товаровъ на нейтральныхъ судахъ представляется болѣе безопаснымъ, удобнымъ. Вопросъ о нейтральной торговлѣ былъ впервые поднятъ голландцами въ 1674 г., доказывавшими, что Англія, какъ нейтральное государство, не могла вести каботажную торговлю у французскихъ береговъ. Но англійское правительство доказало, что существующіе трактаты положительно уполномочиваютъ Англію вести эту торговлю. Послѣ того это право нейтральныхъ было подтверждено въ цѣломъ рядѣ трактатовъ, между прочимъ, между Россіей и Голландіей трактатъ 1715 г., отвергалъ это право. Между тѣмъ, актомъ вооруженнаго нейтралитета 1780 г., это право было признано. Въ настоящее время оно признается не только авторитетами, но и практикой самой Англіи (3).

Положеніе нейтральныхъ въ мѣстахъ, подвергающихся бомбардированію, одинаково будетъ ли это крѣпость или портъ. Международной практикой установленъ обычай, что воюющій

(1) Мартенсъ. Восточная война, 564—579.
(2) Calvo, II, p. 301.
(3) Gessner, p. 283—288.

предупреждаетъ нейтральныхъ о бомбардированіи и даетъ имъ возможность удалиться изъ осажденнаго мѣста. Во франко-прусскую войну нѣмецкое правительство не соблюдало этого обычая, что вызвало со стороны нейтральныхъ протестъ, особенно по поводу бомбардированія Парижа. Въ своемъ отвѣтѣ Бисмаркъ указывалъ на то, что косвенно нейтральные были объ этомъ предупреждены публикаціями военнаго начальства, изъ которыхъ можно было видѣть, что есть основаніе ожидать бомбардированія (1).

Въ ту же осаду Парижа возникъ еще и другой вопросъ. Дипломатическій корпусъ почти въ полномъ составѣ остался въ Парижѣ и на время осады. Только четверо дипломатическихъ агентовъ, англійскій, австрійскій, итальянскій и турецкій удалились въ Туръ, а потомъ въ Бордо вслѣдъ за Кремье. На четвертый день осады, 22 оставшихся дипломатическихъ агента собрались, по приглашенію декана—папскаго нунція. Согласно заявленія представителя Швеціи было признано, что нѣтъ надобности оставлять Парижъ, покуда не будетъ получено отъ осаждающихъ извѣщенія о предстоящемъ началѣ бомбардированія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено обратиться чрезъ Жюля Фавра къ германскому канцлеру съ просьбой предувѣдомить дипломатическій корпусъ о началѣ бомбардированія и разрѣшить разъ въ недѣлю отправлять изъ Парижа дипломатическаго курьера. Графъ Бисмаркъ отвѣчалъ на это отказомъ. Все, что онъ нашелъ возможнымъ предложить дипломатическому корпусу, это то, чтобы депеши препровождались къ нему открытыми и чтобы онъ, просмотрѣвъ ихъ содержаніе, рѣшалъ каждый разъ можно пропустить депешу или нѣтъ. Дипломатическій корпусъ единодушно протестовалъ противъ такихъ притязаній прусскаго кабинета. Швейцарское и особенно Сѣверо-Американское правительство энергично поддержали этотъ протестъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что американскому посланнику Washburney разрѣшено было отправлять курьера съ депешами, безъ ихъ просмотра (2).

Слѣдуетъ още упомянуть объ эмбарго и ангаріи. Эбмарго (отъ испанскаго слова embargar—арестовать) заключается въ

(1) Calvo, II, p. 125; Hautefeuille, II, p. 266.
(2) Gessner, p. 283—288.

временномъ задержаніи имущества иностранцевъ, находящагося въ данномъ государствѣ. Оно примѣняется большею частію въ качествѣ репрессаліи. Но въ отношеніи къ кораблямъ нейтральныхъ оно можетъ быть примѣнено и съ другою цѣлью, для предотвращенія распространенія извѣстій о такихъ предметахъ, которые въ интересахъ воюющаго должны сохраняться въ тайнѣ (¹).

Подъ ангаріей разумѣется употребленіе нейтральныхъ или вообще иностранныхъ судовъ для цѣлей воюющаго. Она можетъ быть оправдана только необходимостію (²) и во всякомъ случаѣ нейтральный судохозяинъ имѣетъ право на вознагражденіе. Такъ, Пруссія вознаградила англійскихъ судохозяевъ, суда которыхъ были захвачены прусскими войсками на Сенѣ у Дюклера въ декабрѣ 1870 г. (³). Комаровскій поэтому ошибочно утверждаетъ вслѣдъ за Гефкеномъ, что ангарія въ настоящемъ столѣтіи уже не прилагается (Межд. Суд., 35,2).

§ 62. Положеніе нейтральныхъ въ открытомъ морѣ.

Положеніе нейтральныхъ въ открытомъ морѣ есть самый важный вопросъ во всемъ ученіи о нейтралитетѣ. Положеніе ихъ на нейтральной и на непріятельской территоріи можетъ быть опредѣлено и внутренними законами государствъ. Въ открытомъ морѣ они могутъ быть подчинены только нормамъ международнаго права, которое одно лишь можетъ имѣть примѣненіе къ отношеніямъ между нейтральными воюющими въ открытомъ морѣ, не знающемъ власти никакого правительства. Вполнѣ естественно потому, что въ литературѣ международнаго права этотъ вопросъ разработанъ преимущественно предъ всѣми другими.

По началамъ международнаго права (морскаго) каждый корабль, находящійся въ открытомъ морѣ, разсматривается какъ часть территоріи того государства, національный флагъ котораго онъ носитъ. Обыкновенно это свойство корабля обозначаютъ именемъ экстерриторіальности. Если имѣть въ

(¹) Revue, 1571 г. 371—4.
(²) Gessner, p. 337.
(³) Gessner, p. 340.
(⁴) Calvo, II, p, 191—193; Bluntschli, p. 123 (№ 795 a).

виду пребываніе корабля въ иностранныхъ гаваняхъ, то такое названіе является соотвѣтствующимъ дѣлу. Но разсматривая положеніе кораблей въ открытомъ морѣ, прилично, какъ мнѣ кажется, слѣдуя примѣру Отфейля, говорить о *территоріальности* корабля ([1]). Дѣйствительно слово «экстерриторіальность» предполагаетъ фактическое нахожденіе въ какой нибудь территоріи. Между тѣмъ какъ особенность положенія корабля, находящагося въ открытомъ морѣ, въ томъ и заключается, что онъ находится внѣ всякой территоріи.

Такъ какъ общій интересъ нейтральныхъ состоитъ въ томъ, чтобы въ отношеніи къ нимъ, по возможности съ меньшими ограниченіями, сохранялся юридич. порядокъ, существующій для юридич. отношеній въ мирное время, то въ примѣненіи къ ихъ положенію въ открытомъ морѣ этотъ интересъ сводится къ тому, чтобъ и въ военное время территоріальность судовъ признавалась какъ можно полнѣе. Разъ корабль продолжаетъ признаваться частію территоріи, то къ нему и ко всему, находящемуся на немъ, примѣняются тѣ же правила, что и къ самой территоріи; нейтральный корабль долженъ считаться со всѣмъ грузомъ неприкосновеннымъ, а на непріятельскомъ кораблѣ неприкосновенною считается частная собственность и онъ самъ, если это частный корабль. Изъ дальнѣйшаго изложенія увидимъ, въ какой степени полно и послѣдовательно эти начала проводятся современной международной практикой.

Въ мирное время всѣ суда въ открытомъ морѣ одинаково неприкосновенны; поэтому точное опредѣленіе національности не представляетъ надобности при обыкновенныхъ условіяхъ. Не такъ во время войны: непріятельскія военныя суда даже торговыя, по общему правилу, считаются подлежащими захвату. Отсюда понятно, что для воюющихъ точное и надежное опредѣленіе національности судна представляетъ большой практическій интересъ. Для того, чтобы обезпечить себѣ возможность удостовѣриться въ истинной національности каждаго даннаго судна, а также и для надзора за исполненіемъ нейтральными, налагаемыхъ на нихъ военнымъ временемъ, ограниченій въ свободѣ торговли и навигаціи, воюющіе, признавая

([1]) Hautefeuille, I, p. 290.

неприкосновенность нейтральныхъ судовъ, сохраняютъ за собою право осматривать суда, плавающія подъ нейтральнымъ флагомъ, съ цѣлію провѣрки правильности этого флага. Въ случаѣ, если судно воспротивится осмотру, или корабельныя бумаги окажутся не въ порядкѣ, или ихъ даже вовсе не окажется— судно подлежитъ захвату ([1]).

Обычай осмотра очень древній. Consolato del maré уже называетъ его старымъ обычаемъ ([2]). Но тѣмъ не менѣе и позднѣе нейтральные иногда не признавали за воюющими права осмотра. Такъ, Гроцій разсказываетъ, что во время войны между Англіей и Испаніей королева Елизавета просила французскаго короля дозволить осмотръ французскихъ кораблей, но тотъ не согласился ([3]). Наиболѣе обстоятельно право осмотра было опредѣлено въ пиренейскомъ договорѣ 1659 г. между Франціей и Испаніей, постановленія котораго примѣняются и теперь. Еще точнѣе это право было опредѣлено въ торговомъ трактатѣ между Франціей и Даніей 1742 г. и трактатѣ между Англіей и Россіей 1797 г. ([4]).

Въ настоящее время это право признается и международной практикой и громаднымъ большинствомъ писателей. Въ числѣ немногихъ, отрицающихъ его, заслуживаютъ упоминовенія Борнеманъ и Мено-Пельсъ. Первый предлагаетъ его замѣнить осмотромъ въ той гавани, гдѣ грузится корабль, для чего образовать особыя коммисіи изъ представителей обѣихъ воюющихъ сторонъ и правительства того государства, гдѣ происходитъ нагрузка ([5]).

Осмотръ можетъ быть совершаемъ какъ военными судами, такъ и каперами ([6]). Объектомъ осмотра можетъ быть только торговое судно, военныя суда не подлежатъ осмотру ([7]). Это основано на томъ уваженіи, къ какому правительства обязаны въ отношеніи другъ къ другу. Вопросъ о томъ, приравниваются ли въ этомъ отношеніи не военныя казенныя суда

([1]) Если найдется контрабанда, то только она составляетъ призъ. См. объ этомъ ниже,

([2]) Gessner, 295, Calvo. II p. 608.

([3]) Книга III. ч. I, § V 6 примѣч. (въ переводѣ Pradier-Fodéré III с. 18).

([4]) Calvo, II, 610—12.

([5]) Calvo, II, p. 615.

([6]) Cussy. Phases et causes. I, p. 228. Martens, Essai sur les armateurs. p. 71.

([7]) Calvo, II, 621.

военнымъ, не находитъ себѣ опредѣлительнаго разрѣшенія. При обсужденіи ученія объ осмотрѣ судовъ въ 1874 г. Институтомъ международн. права, только одинъ Бульмеринкъ коснулся этого вопроса: онъ рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ (1). На томъ же основаніи торговыя суда, конвоируемыя военными, освобождаются отъ осмотра; онъ замѣняется въ этомъ случаѣ словеснымъ спросомъ конвоирующаго офицера (2). Это правило установилось, однако, не сразу. Въ XVII стол. оно вовсе не уважалось, вслѣдствіе чего Шведская королева Христина предписала своимъ кораблямъ, конвоирующимъ торговыя суда, сопротивляться силою осмотру воюющихъ (3). Но рѣшительнымъ шагомъ къ признанію того, что конвоируемыя суда не подлежатъ осмотру, были лишь договоръ о нейтралитетѣ между Даніей и Швеціей 1794 г. и второй вооруженный нейтралитетъ 1800 г. (4). Англія до сихъ поръ не признаетъ свободы конвоируемыхъ судовъ отъ осмотра (5). Въ трактатѣ съ Россіей 1801 г. она воспретила осмотръ конвоируемыхъ только каперамъ, сохранивъ эти права за военными крейсерами (6). Соед. Штаты не допускаютъ осмотра конвоируемыхъ (7). Однако, еще въ 1874 г. Woolsey при обсужденіи этого вопроса въ Институтѣ междунар. права утверждалъ, что это запрещеніе нельзя считать установившимся правиломъ международ. права. Бульмеринкъ и Вестлэкъ (Westloke) полагали, что оно подлежитъ ограниченію, когда имѣется основаніе подозрѣвать непріятельскій характеръ груза. Исключеніе допускается еще и по отношенію къ тѣмъ судамъ, которыя присоединяются къ конвою уже послѣ выхода изъ мѣста отправленія (8).

Интересный вопросъ возникаетъ въ отношеніи къ нейтральнымъ судамъ, конвоируемымъ непріятелемъ: сохраняютъ

---

(1) Revue, 1875 p. 614.
(2) Hautefeuille, III, p. 120—166.
(3) Gessner, p. 319.
(4) Calvo, II, p. 626.
(5) Gessner, p. 324, Phillimore, III, p. 485.
(6) Calvo, II, p. 630.
(7) Calvo, II, p. 627.
(8) Revue, 1875, 614—616.

ли онѣ свою неприкосновенность ([1]). Вопросъ этотъ обратилъ на себя особенное вниманіе въ 1810 г., когда Данія объявила подлежащими захвату всѣ такія суда, что повело къ захвату большаго числа американскихъ судовъ. Пререканія поэтому поводу между датскимъ и вашингтонскимъ правительствами окончились только въ 1830 г., при чемъ Данія обязалась вознаградить американскихъ судохозяевъ, но съ тѣмъ, чтобъ это не могло служить прецедентомъ на будущее время. Такимъ образомъ вопросъ въ принципѣ остался неразрѣшеннымъ. Онъ остается спорнымъ и въ литературѣ. Уитонъ ([2]) и Ортоланъ ([3]) отрицаютъ, чтобы фактъ плаванія подъ непріятельскимъ конвоемъ велъ за собою конфискацію судна. Гесснеръ держится противнаго мнѣнія ([4]).

Лучези Палли полагаетъ, что конвой и иностраннаго военнаго корабля освобождаетъ отъ осмотра. Но большинство писателей держится противнаго мнѣнія, ограничивая эту свободу только случаями конвоированія отечественными кораблями ([5]).

Что касается мѣста, то осмотръ можетъ быть совершаемъ только въ территоріальномъ морѣ обѣихъ воюющихъ сторонъ и въ открытомъ морѣ. Институтъ международнаго права высказался по этому вопросу въ 1874 г. въ томъ смыслѣ, что ограниченіе права осмотра однимъ территоріальнымъ моремъ и невозможно, и не желательно ([6]).

Когда военный крейсеръ намѣревается осмотрѣть нейтральное судно, онъ долженъ сдѣлать ему условный знакъ (semonce), обыкновенно выстрѣлъ (coup de semonce). Предупрежденное такимъ образомъ судно должно остановиться, крейсеръ же подходитъ къ нему не ближе пушечнаго выстрѣла. Это обыкновенное правило. Какъ исключенія, могутъ быть указаны: русско-французскій договоръ, допускающій разстояніе въ полъ-выстрѣла, и договоръ Соед. Штатовъ 1832 г., требующій, чтобы крейсеръ останавливался какъ

([1]) Wheaton, Elements, II, p. 192—204.
([2]) Ортоланъ, с. 177.
([3]) Gessner, p. 331.
([4]) Gessner, p. 326.
([5]) Gessner, p. 315; Hautefeuille, III, p. 36.
([6]) Revue, 1875, 615.

можно дальше. Для производства осмотра, крейсеръ посылаетъ шлюпку съ бѣлымъ флагомъ, и два или три человѣка высаживаются на судно, которое требуется осмотрѣть. Крейсеръ можетъ также ограничиться вызовомъ къ себѣ на бортъ капитана, осматриваемаго судна, съ бумагами. Капитанъ осматриваемаго судна долженъ представить осматривающимъ корабельныя бумаги, свидѣтельствующія о національности и назначеніи судна. Если судно направляется въ непріятельскій портъ, то требуется предъявленіе бумагъ, свидѣтельствующихъ о грузѣ. Если бумагъ нѣтъ, судно подлежитъ захвату. Необходимыми бумагами считаются паспорты и свидѣтельства о принадлежности корабля и груза, списокъ экипажа, корабельный журналъ, коноссаментъ и чертепартіи. Неимѣнію бумагъ приравнивается и то, если при осмотрѣ онѣ будутъ выброшены въ море, или уничтожены. Употребленіе фальшивыхъ бумагъ само по себѣ еще не составляетъ основанія для захвата, хотя оно установляетъ презумцію о нарушеніи судномъ обязанностей нейтралитета (¹).

Если нейтральное судно послѣ выстрѣла не остановится, а обратится въ бѣгство, крейсеръ можетъ его преслѣдовать и остановить силою. Но если потомъ окажется, что судно не подлежитъ захвату, оно отпускается на свободу. Другое дѣло активное сопротивленіе осмотру. Это обстоятельство само по себѣ установляетъ право захвата, дѣлаетъ судно законнымъ призомъ (²). Но какова въ этомъ случаѣ судьба груза, не принадлежащаго хозяину судна? Англійская практика дѣлаетъ различіе въ этомъ вопросѣ, смотря по тому, окажется ли судно нейтральнымъ или непріятельскимъ. Если судно нейтральное, грузъ также подлежитъ захвату, ибо нейтральный капитанъ, оказавъ сопротивленіе, нарушилъ падающія на него обязанности нейтралитета. Если же судно непріятельское, то сопротивленіе съ его стороны есть дѣло законное и потому въ такомъ случаѣ грузъ признается неприкосновеннымъ.

Осмотръ можетъ быть совершаемъ не только для повѣрки собственно національности судна, но и для того, чтобы

(¹) Calvo, II, p. 641, 642, 644; Hautefeuille, III, 50—86; Gessner, p. 312; Martens, Essai. p. 78; Pistoye и Duverdy, Traite, p. 235, etc.

(²) Hautefeuille, III, p. 108—120; Calvo, II, p. 622.

убѣдиться, не нарушены ли судномъ какія либо обязанности, налагаемыя нейтралитетомъ, а именно: не имѣется ли на немъ военной контрабанды, причемъ, въ случаѣ сомнительности коноссаментовъ, можетъ быть приступлено къ осмотру самаго груза; не завѣдомо ли пытается нарушить блокаду: въ такомъ случаѣ бумаги разсматриваются для того, чтобы убѣдиться, не было ли уже судну дѣлаемо извѣщеніе облокадѣ. Послѣдствіемъ обнаруженія всѣхъ этихъ нарушеній обязанностей нейтральнаго служитъ захватъ или груза при контрабандѣ, или и самаго судна при нарушеніи блокады. Но законность призовъ подлежитъ обсужденію особыхъ призовыхъ судовъ; только послѣ постановленія ими приговора, захватъ считается окончательнымъ.

Признаніе за кораблями въ открытомъ морѣ территоріальности ведетъ, какъ я сказалъ, къ тому, что къ нимъ примѣняются тѣ же начала, какъ и къ территоріи. Въ частности это приводитъ: во 1-хъ къ свободѣ морской нейтральной торговли, такъ какъ на нейтральной территоріи торговля свободна и во время войны, и, во 2-хъ къ признанію неприкосновенности нейтральной собственности на непріятельскихъ корабляхъ и непріятельской собственности на нейтральныхъ, такъ какъ на сушѣ неприкосновенна всякая частная собственность.

Оба эти вывода допущены международной практикой, но второй только въ новѣйшее время, а первый подъ двумя весьма важными ограниченіями.

Нейтральный можетъ вести морскую торговлю во время войны съ воюющими, но только съ тѣмъ, чтобы предметомъ торговли не была военная контрабанда и чтобы торговля эта не вела къ нарушенію блокады. Я разсмотрю оба эти ограниченія въ отдѣльности.

§ 63. Военная контрабанда.

Въ литературѣ существуютъ различныя теоріи, объясняющія происхожденіе контрабанды. Во 1-хъ нѣкоторые писатели

(Кокцей, Клюберъ, Лампреди, Гальяни) полагаютъ, что теоретическаго понятія контрабанды установить вовсе невозможно и существованіемъ своимъ оно обязано исключительно положительнымъ опредѣленіямъ международныхъ договоровъ. Не будь этихъ договоровъ торговля съ воюющими и предметами, составляющими военную контрабанду, была бы свободна. Но эта теорія представляется противной дѣйствительности. Въ международной практикѣ запрещеніе торговать военной контрабандой признается всегда и всѣми, независимо отъ существованія особыхъ на то договоровъ, которые имѣютъ цѣлью лишь точнѣе опредѣлить, что именно составляетъ контрабанду.

Ученія же, предполагающія собственно теоретическое объясненіе контрабанды, распадаются на двѣ группы. Одни, слѣдуя еще Гроцію, выводятъ понятіе военной контрабанды изъ права воюющаго запрещать нейтральнымъ всякую торговлю, которая мѣшаетъ его военнымъ операціямъ и планамъ. Эта теорія ведетъ къ признанію полнѣйшаго произвола со стороны воюющихъ.

Поэтому въ настоящее время общепринята теорія, выставленная Отфейлемъ и выводящая понятіе контрабанды изъ обязанностей нейтральнаго (¹).

Территоріальность корабля, перенося на него неприкосновенность, присвоенную нейтральной территоріи, установляетъ и въ отношеніи къ нему для нейтральнаго тѣ же обязанности, какъ и въ отношеніи къ территоріи. Я говорилъ, что уваженія неприкосновенности своей территоріи нейтральный можетъ требовать только подъ условіемъ, чтобы его территорія не была мѣстомъ непріязненныхъ дѣйствій и предпріятій, прямо угрожающихъ воюющему. Правда, простая торговля оружіемъ и военными припасами не относится къ числу такихъ дѣйствій. Но и на нейтральномъ кораблѣ дозволяется *возить* оружіе и военныя принадлежности. Это еще не составляетъ военной контрабанды само по себѣ. Только *подвозъ* этихъ предметовъ къ непріятельскимъ портамъ дѣлаетъ ихъ военной контрабандой и влечетъ за собой ихъ конфискацію (²). Это потому,

(¹) Gessner, p. 96—110; Кантакузинъ Сперанскій, Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды. Одесса, с. 46—76; Hautefeuille, III p. 114—127.

(²) Gessner, p. 139.

что подвозъ военной контрабанды есть дѣйствіе непріязненное, прямо угрожающее воюющему. Такое обоснованіе ученія о военной контрабандѣ принято и большинствомъ членовъ Института Международнаго права въ засѣданіи 1874 г. ([1]).

Но этимъ установляется только самое общее понятіе военной контрабанды. Такое определеніе того, что именно составляетъ предметъ контрабанды, едва ли возможно теоретически. По крайней мѣрѣ это до сихъ поръ не удается. Гроцій установилъ дѣленіе всѣхъ вообще предметовъ морской торговли на 3 группы. Къ первой группѣ онъ отнесъ такіе, которые служатъ спеціально для военныхъ цѣлей, ко второй—такіе, которые, напротивъ, употребляются исключительно для мирныхъ цѣлей; наконецъ, третью группу составили такіе предметы, которые могутъ служить какъ для мирныхъ, такъ и для военныхъ цѣлей. Но не трудно понять, что оно крайне несостоятельно, такъ какъ между первой и третьей групой невозможно провести сколько нибудь определенную границу. Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ такихъ предметовъ, которые служили бы исключительно для военныхъ цѣлей: пушки и тѣ употребляются для пальбы на самыхъ мирныхъ торжествахъ.

Бинкерсгукъ, указавъ на неопредѣленность Гроціевой классификаціи, самъ отправляется отъ различія вещей, служащихъ для веденія войны и того сыраго матеріала, изъ котораго онѣ дѣлаются. Только первыя онъ относитъ къ военной контрабандѣ (quae sive instrumenta bellica sunt, sive materia per se bello apta), торговля сырыми матеріалами признается имъ свободной. Но, не говоря уже о несогласіи такого опредѣленія контрабанды съ практикой и постановленіями трактатовъ, самъ Бинкерсгукъ не остается вѣрнымъ своему опредѣленію, относя, къ числу предметовъ, составляющихъ контрабанду, и селитру. Гюбнеръ рѣшается исправить и дополнить классификацію Гроція, установленіемъ различія контрабанды первой степени и контрабанды второй степени. Контрабанда первой степени подвергается конфискаціи, контрабанда второй степени только задержанію. Контрабанду первой степени составляютъ предметы первой категоріи Гроція, когда они направляются не въ коммерческую гавань,

([1]) Revue, 1875, p. 605.

и предметы второй категоріи (usus ancipitis), когда они отправляются къ осадному или блокированному мѣсту. Контрабанду второй степени составляютъ предметы первой категоріи, когда они направляются къ коммерческой гавани, и предметы второй категоріи, когда они направляются къ военной, но не осажденной гавани (¹). Теорія Гюбнера, при всей своей сложности, не даетъ удовлетворительнаго рѣшенія: она не устраняетъ неопредѣленности классификаціи Гроція. Отвергая старыя классификаціи, новѣйшіе писатели сами выставляютъ, однако, далеко неточные признаки для опредѣленія того, что должно быть относимо къ военной контрабандѣ. Они относятъ къ ней оружіе и военныя принадлежности. Но «военныя принадлежности»—выраженіе довольно неопредѣленное.

Что касается опредѣленій, даваемыхъ трактатами, то первый трактатъ, дающій перечисленіе того, что составляетъ военную контрабанду, есть договоръ, заключенный 19 авг. 1604 г. между Англіей и Испаніей. Съ тѣхъ поръ, по 1871 г., кн. Кантакузинъ насчитываетъ 133 договора, изъ нихъ въ 19 участвовала Россія (послѣдній договоръ, содержащій опредѣленіе контрабанды, заключенъ нами съ Греціей въ 1850 г. Іюня 12-го). Но основнымъ опредѣленіемъ того, что составляетъ военную контрабанду, до сихъ поръ служатъ постановленія въ этомъ отношеніи пиренейскаго договора 1659 г. и утрехтскаго 1713 г., которые почти повторяютъ другъ друга. Ст. 19 утрехтской торговой конвенціи относитъ къ предметамъ контрабанды оружіе, военные припасы и снаряды, въ томъ числѣ селитру и лошадей. Ст. 20 опредѣляетъ, что къ предметамъ контрабанды не должны быть относимы одежда, матеріи, золото, серебро, всякіе металлы, уголь, зерно, табакъ, съѣстное, корабельныя снасти, смола, деготь, лѣсъ и все, что потребно для постройки и починки корабля. Отфейль насчитываетъ всего девять трактатовъ, которые даютъ болѣе широкое опредѣленіе контрабанды (²). Оба вооруженные нейтралитета и русско-англійская конвенція 1801 г. въ существѣ повторяютъ постановленія утрехтской торговой конвенціи. Но тутъ нельзя не помянуть еще о двухъ трактатахъ, заключенныхъ С.-Ам. Соед. Штатами съ Пруссіей въ 1783 г. и съ

(¹) Кантакузинъ, 52; Gessner, 100.
(²) Кантакузинъ, стр. 18, Gessner, p. 87.

Англіей въ 1794 г. Въ трактатѣ съ Пруссіей говорится (ст 13) что во избѣжаніе затрудненій и споровъ, возникающихъ обыкновенно относительно товаровъ, носившихъ наименованіе контрабанды, договаривающимися державами постановляется, что никакіе предметы, нагруженные на корабляхъ подданныхъ одной изъ нихъ и назначенные непріятелю другой, не должны подлежать конфискаціи, но за то дозволяется задерживать корабли съ подобнаго рода предметами въ тѣхъ случаяхъ, когда воюющая держава сочтетъ это необходимымъ, съ обязательствомъ уплатить владѣльцамъ убытки, происходящіе отъ такого ареста, при чемъ захватившей сторонѣ разрѣшается употребить въ свою пользу припасы военные, уплачивая за нихъ по существующимъ цѣнамъ. Этотъ договоръ былъ подтвержденъ и въ 1799 г. въ договорѣ съ Англіей; ст. 17, давая перечисленіе предметовъ, составляющихъ военную контрабанду, затѣмъ прибавляетъ, что такъ какъ весьма затруднительно опредѣлить тѣ случаи, когда съѣстные припасы и другіе предметы, несоставляющіе вообще контрабанды, могутъ быть признаны таковою, то во избѣжаніе неудобствъ и недоразумѣній, могущихъ отъ того возникнуть, опредѣляется, что, когда подобные предметы на основаніи существующаго международ. права становятся контрабандой и подлежатъ захвату, воюющій не долженъ оные конфисковать, но обязанъ немедленно полностію уплатить товарохозяину стоимость его товаровъ и сверхъ того умѣренный процентъ на барыши. Въ 1803 г. Англія заключила подобный же договоръ со Швеціей, въ которомъ опредѣляется 10% барыша. (¹)

Въ послѣднее время перечисленіе предметовъ, составляющихъ военную контрабанду, встрѣчается въ трактатахъ все рѣже и рѣже, и въ 1874 г. Институтомъ Межд. права даже прямо была признана невозможность ограничительнаго перечисленія (énumeration limitative) предметовъ военной контрабанды въ трактатахъ (²).

Въ силу этой разногласицы и теоретическихъ и договорныхъ опредѣленій контрабанды, большое значеніе на практикѣ имѣютъ опредѣленія національныхъ законодательствъ. Такого

(¹) Кантакузинъ, 23—35.
(²) Revue, 75 p. 607.

рода узаконенія развились, главнымъ образомъ, въ XVII вѣкѣ. Такъ англійское законодательство о контрабандѣ основывается на законѣ 1669 г., изданномъ во время войны съ Франціей и относящемъ къ контрабандѣ и съѣстные припасы. Закономъ 1744 г. контрабандой былъ признанъ и корабельный лѣсъ. Основаніемъ французскаго законодательства служитъ ordonnance de la marine, 1681 г. Въ Пруссіи, до присоединенія ея къ вооруженному нейтралитету, не было вовсе закона, опредѣлявшаго понятіе военной контрабанды.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что практика Англіи и С.-Ам. Соед. Штатовъ знаетъ еще понятіе *«случайной контрабанды»*, а именно англійскіе и американскіе призовые суды признаютъ подлежащимъ захвату и такой грузъ, который не подходитъ подъ понятіе военной контрабанды, но въ данномъ случаѣ направляется къ военному порту или арсеналу и такимъ образомъ является предположеніе, что онъ предназначается хотя бы косвенно для военныхъ цѣлей.

Такъ какъ торговыя суда, кромѣ перевоза товаровъ, могутъ служить для перевозки пассажировъ и писемъ, то и въ этомъ отношеніи установляется ограниченіе, подобное тому, какое установлено въ отношеніи къ товарамъ. Военной контрабандѣ приравнивается перевозка непріятельскихъ солдатъ и военныхъ депешъ и наконецъ доставка судовъ. При этомъ захватывается не только самый грузъ, но и судно. Исключеніе установлено лишь въ отношеніи къ собственно почтовымъ судамъ, несущимъ постоянную почтовую службу. Въ первый разъ неприкосновенность почтовыхъ судовъ признана была конвенціей 14 іюня 1838 г., заключенной между Франціей и Англіей. Съ тѣхъ поръ это правило повторялось въ почтовыхъ конвенціяхъ всѣхъ морскихъ державъ.

Подвозомъ военной контрабанды не считается подвозъ мирныхъ непріятельскихъ подданныхъ и дипломатическихъ агентовъ враждебнаго государства. Это начало подверглось обстоятельному изслѣдованію въ новѣйшее время, по поводу дѣла «Трента». При самомъ началѣ американской междоусобной войны, южное правительство отправило въ качествѣ своихъ представителей во Францію и Англію Мазона и Слайделля, съ порученіемъ добиться признанія независимости союзныхъ Штатовъ. Не смотря на блокаду, имъ удалось достигнуть острова

Кубы и тамъ они сѣли на англійскій пакетботъ «Трентс». Такъ какъ порученіе, данное Мазону и Слайделлю огласилось въ Кубѣ, то крейсеръ сѣверянъ «San Iacinto», направился вслѣдъ за Трентомъ, остановилъ его въ морѣ и захватилъ Мазона, Слайделля и секретарей. Этотъ поступокъ американскаго крейсера вызвалъ, однако, энергическій протестъ со стороны Англіи, къ которой присоединились и другія державы, особенно Франція.

При объявленіи войны, воюющіе, обыкновенно, издаютъ деклараціи, въ которыхъ опредѣляютъ, что именно они будутъ считать военной контрабандой. Такъ это было сдѣлано и при началѣ послѣдней войны, причемъ Россія осталась вѣрною тѣмъ либеральнымъ началамъ, которыя она провозгласила, будучи нейтральной, въ актѣ вооруженнаго нейтралитета 1780 г.

Грузъ, составляющій контрабанду, подлежитъ конфискаціи и притомъ съ самаго момента выхода изъ той гавани, гдѣ судно взяло грузъ ([1]). Это начало было признано извѣстнымъ англійскимъ призовымъ судьей В. Скотомъ въ 1800 г., по дѣлу о захватѣ корабля «Imina». Вопросъ о томъ мѣняется ли характеръ груза отъ измѣненія назначенія судна, послѣдовавшаго во время плаванія, представляется спорнымъ въ томъ случаѣ, если новое назначеніе и есть непріятельскій портъ. Разъ, судну удалось доставить контрабанду по назначенію на обратномъ пути, оно не подлежитъ никакимъ взысканіямъ, хотя бы отвозъ контрабанды и сдѣлался извѣстнымъ воюющему. Самая конфискація, какъ осмотръ судна, могутъ быть произведены только въ открытомъ морѣ и въ водахъ воюющихъ. Вопросъ о томъ, подлежитъ ли конфискаціи и самый корабль, представляется спорнымъ. По общему правилу, конфискуется только грузъ, составляющій контрабанду, но англійскіе писатели выставляютъ цѣлый рядъ исключеній ([2]). Нѣкоторые французскіе и германскіе писатели держатся того же мнѣнія, но практика большинства государствъ, согласно мнѣнію Ваттеля, строго держится началъ неприкосновенности корабля и того груза, который не составляетъ контрабанды, развѣ капитанъ

([1]) Calvo, II, p. 468.
([2]) Phillimore, III, p. 511.

станетъ силою сопротивляться выдачѣ контрабанды. Самая контрабанда подлежитъ конфискаціи только тогда, когда хозяинъ зналъ о свойствѣ груза. Въ противномъ случаѣ, воюющій долженъ вознаградить его за убытки, причиненные захватомъ (¹).

§ 64. Блокада.

Вторымъ ограниченіемъ свободы нейтральной навигаціи служитъ *блокада*. Подъ блокадой разумѣется обложеніе какого нибудь порта, или просто берега, непріятельскимъ флотомъ, съ цѣлью воспрепятствовать всякимъ морскимъ сношеніямъ съ нимъ. Этимъ блокада отличается отъ осады, имѣющей цѣлью собственно овладѣніе осаждаемымъ мѣстомъ. Попытка со стороны нейтральнаго пройти въ блокируемое мѣсто была бы прямымъ вмѣшательствомъ въ военныя операціи, и потому влечетъ за собою потерю неприкосновенности судна и его захватъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что блокада не должна быть относима къ военнымъ операціямъ въ открытомъ морѣ. И, дѣйствительно, существуетъ воззрѣніе, по которому блокада есть только частный видъ военнаго захвата непріятельской территоріи (occupatio bellica). Такой взглядъ раздѣляется двумя извѣстными французскими писателями по международному праву Отфейлемъ (¹) и Ортоланомъ (²). Но не трудно убѣдиться, что такое воззрѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру блокады. Блокирующія суда находятся обыкновенно въ открытомъ морѣ, а открытое море, какъ не подлежащее вовсе частному обладанію, не можетъ быть предметомъ военнаго завладѣнія, и самое территоріальное море можетъ быть присвоено лишь какъ принадлежность береговой территоріи. Отфейль, предвидя это возраженіе, пытался опровергнуть его. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, блокирующія суда могутъ находиться въ открытомъ морѣ, но ихъ артиллерія господствуетъ надъ территоріальнымъ моремъ

(¹) Gessner, p. 144—149; Vattel, II, p. 459, Bluntschlu, § 811.
(²) Hautefeuille, II, p. 190.
(³) Ортоланъ, стр. 193.

и обезпечиваетъ ихъ власть (leur assure la juridiction) надъ этой частію непріятельскихъ владѣній точно также, какъ пушка, находящаяся на берегу, обезпечивала прежнему суверену всю часть моря, носящую названіе территоріальнаго. Впрочемъ, если бы даже предположить, что блокирующія суда держатся такъ далеко отъ берега, что артиллерія ихъ не достигаетъ территоріальнаго моря, то все же здѣсь примѣняется установленное выше начало, что всякое судно пріобрѣтаетъ своему суверену дѣйствительное владѣніе и слѣдовательно господство надъ тою частію даже открытаго моря, какое оно занимаетъ ([1]).

Эта аргументація опирается на совершенно новую теорію, составляющую собственное изобрѣтеніе Отфейля и вовсе не принятую положительнымъ правомъ. Господство надъ территоріальнымъ моремъ допускается международнымъ правомъ только какъ надъ принадлежностью берега—не иначе. Что же касается того случая, когда блокирующія суда стоятъ такъ далеко отъ берега, что артиллерія ихъ не можетъ господствовать надъ территоріальнымъ моремъ, то разсужденія Отфейля представляются и вовсе непонятными. Въ первомъ томѣ своего изслѣдованія онъ самъ отвергаетъ, какъ невѣрное воззрѣніе, будто вся часть открытаго моря, надъ которымъ господствуетъ артиллерія плывущаго судна, находится подъ властію суверена. Онъ допускаетъ это только относительно той части моря, которую занимаетъ судно (les eaux qui le portent) ([2]). Конечно, нейтральное судно не можетъ пройти чрезъ то самое мѣсто, на которомъ стоитъ блокирующее. Но этого простаго положенія еще недостаточно, чтобы обосновать право блокады, такъ какъ блокирующая эскадра не можетъ, особенно на далекомъ разстояніи отъ берега, составлять непрерывной цѣпи: достаточно, если суда находятся другъ отъ друга на разстояніи пушечнаго выстрѣла, такъ какъ при такихъ условіяхъ блокада является вполнѣ дѣйствительной.

Но если объясненіе права блокады, предложенное Отфейлемъ, является несостоятельнымъ, то и болѣе старая, до сихъ поръ господствующая теорія, выводящая это право изъ права

([1]) Hautefeuille, II, p. 194.
([2]) Hautefeuille, I, p. 294.

необходимости, не можетъ быть признана удовлетворительною ([1]). Блокада далеко не всегда вызывается необходимостью. Можно ли напр. утверждать, что блокада нашихъ черноморскихъ береговъ представлялась для турокъ необходимостью. Сомнительно даже, чтобы она имъ приносила ощутительную пользу. И въ дѣйствительности, въ международной практикѣ никогда не заходитъ рѣчь о степени необходимости блокады, а только о степени ея дѣйствительности.

Такимъ образомъ, обѣ теоріи, выставляемыя для объясненія *права* блокады, представляются одинаково несостоятельными. И я не вижу ни основанія, ни цѣли вообще говорить о правѣ блокады; мало того, мнѣ представляется даже невозможнымъ говорить о правѣ блокады, въ субъективномъ, конечно, смыслѣ. О правѣ можно говорить только тамъ, гдѣ интересъ одного, приходящій въ столкновеніе съ интересами другихъ, охраняется въ извѣстныхъ предѣлахъ, границахъ. Въ опредѣленіи этихъ границъ, этихъ ограниченій и заключается практическій интересъ всякой юридической теоріи. Но стоитъ только повернуть вопросъ о правѣ блокады другой стороной, чтобъ увидѣть, что всѣ эти теоріи, стремящіяся объяснить право блокады и независимо отъ ихъ несостоятельности, представляются вовсе лишенными практическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, на вопросъ о томъ, какимъ ограниченіямъ подлежитъ право блокированія, приходится отвѣчать: *никакимъ*. Власть воюющаго въ отношеніи къ блокадѣ—власть безграничная: блокада можетъ имѣть мѣсто всегда и при всякихъ условіяхъ, лишь бы хватило на это морскихъ силъ. Правда, высказывалось и противное этому воззрѣніе. Въ декретѣ Наполеона I отъ 21 ноября 1806 г. извѣстномъ подъ именемъ «берлинскаго декрета», въ мотивахъ, предшествующихъ самому тексту декрета, между прочимъ сказано: «что Великобританія распространяетъ на неукрѣпленные города и коммерческіе порты, на заливы и устья рѣкъ право блокады, которое согласно разуму и обычаю всѣхъ цивилизованныхъ народовъ примѣнимо только къ укрѣпленнымъ мѣстамъ». Этотъ взглядъ былъ поддержанъ только однимъ итальянскимъ публицистомъ Лучези-Палли, но общимъ мнѣніемъ авторитетовъ международнаго права признанъ совершенно несогласнымъ съ началами положительнаго международнаго

права и даже съ требованіями разума (¹). И такъ блокадѣ можетъ подлежать любая часть непріятельскаго берега. Точно также блокада можетъ быть распространяема и не на часть только, а на все протяженіе непріятельскихъ береговъ. Новѣйшіе примѣры такой общей блокады относятся къ крымской кампаніи и къ междоусобной американской войнѣ. Съ другой стороны блокада можетъ относиться только къ непріятельской территоріи. По этому въ тѣхъ случаяхъ, когда блокируется устье рѣки, принадлежащей разнымъ государствамъ, то блокада имѣетъ лишь весьма условное значеніе: она влечетъ за собою запрещеніе входа въ устье рѣки лишь для тѣхъ судовъ, которыя направляются въ непріятельскіе порты. Для тѣхъ же судовъ, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ нейтральную территорію, проходъ долженъ быть свободенъ. Это начало выражено въ рѣшеніи Сѣверо-Американскаго призоваго суда по дѣлу «Петергофа» (судья Чесъ), англійскаго судна, захваченнаго около о. Св. Ѳомы американскимъ крейсеромъ «Вандербильтъ». Онъ везъ грузъ въ Мексику, въ городъ Метаморзъ, лежащій по Ріо-Гранде въ 40 миляхъ отъ устья. Не смотря на то, что устье рѣки было блокируемо, призъ былъ признанъ незаконнымъ Точно также нѣтъ ограниченія для блокады въ отношеніи ко времени. Предшествующее формальное объявленіе войны не составляетъ необходимаго условія. Международная практика знаетъ и такъ называемыя мирныя блокады.

Первый случай мирной блокады относится къ 1827 г., когда Россія, Франція и Англія объявили въ блокадѣ всѣ берега Греціи, гдѣ находились турецкія войска, лишивъ такимъ образомъ Порту возможности сноситься съ своими войсками, поддерживать и пополнять ихъ. Союзныя державы увѣряли при этомъ Турцію, что не смотря на блокаду, они сохраняютъ съ ней дружественныя отношенія. Извѣстенъ отвѣтъ реисъ-эфенди на эти увѣренія «Это тоже самое, какъ если бы, разбивая человѣку черепъ, я бы увѣрялъ его въ дружбѣ». Извѣстно также, что дѣло кончилось уничтоженіемъ турецкаго флота при Наваринѣ. Кромѣ этого перваго случая, насчитываютъ еще три позднѣйшихъ, изъ которыхъ

(¹) Hautefeuille, II, p. 210; Gessner, p. 212; Calvo, 547; Ортоланъ.

въ каждомъ принимала участіе Франція или одна, или вмѣстѣ съ Англіей. Такъ, въ 1831 г. правительство Луи-Филиппа, не объявляя войны, блокировало берега Португаліи, въ видѣ репрессаліи за тѣ обиды, какимъ подвергались французскіе подданные со стороны Донъ-Мигуэля. Эта блокада привела къ соглашенію 14 іюля 1831 г. Въ 1835 г. Франція вмѣстѣ съ Англіей блокировали берега Голландіи, чтобы принудить короля Нидерландовъ признать уже признанное трактатомъ 15 ноября 1831 г. отдѣленіе Бельгіи, что и было достигнуто. Не такъ удачна была блокада Франціею мексиканскихъ береговъ. Впрочемъ, сама Франція, не ограничившись блокадой, овладѣла фортомъ С. Жакъ-д'Уллоа, что побудило мексиканское правительство объявить Франціи войну. Наконецъ, въ 1838 г. Франція опять вмѣстѣ съ Англіей блокировали берега аргентинской республики во время диктатуры Розаса ([1]).

Мирныя блокады, со стороны однихъ публицистовъ, какъ Отфейль, Гесснеръ, вызываютъ весьма рѣзкія осужденія, напротивъ, другіе, какъ Гефтеръ, Коши, Кальво, не только высказываются за допустимость такихъ блокадъ, но и положительно рекомендуютъ ихъ взамѣнъ непосредственнаго объявленія войны. И надо сказать правду, тѣ доводы, которые приводятъ Отфейль и Гесснеръ въ осужденіе мирныхъ блокадъ, которыми они стремятся доказать ихъ безсмысленность ихъ внутреннюю противорѣчивость, могутъ быть съ равнымъ успѣхомъ выставлены противъ всякой вообще репрессаліи. Въ одномъ только мирная блокада отличается отъ нихъ она болѣе, чѣмъ всѣ остальные виды репрессалій, затрогиваетъ интересы нейтральныхъ, или правильнѣе, стороннихъ третьихъ державъ, но все не такъ, какъ война, и потому врядъ ли было бы въ интересахъ этихъ третьихъ державъ требовать непремѣнно вслѣдъ за блокадой и формальнаго объявленія войны.

И такъ, положительное международное право не ставитъ никакихъ ограниченій въ отношеніи возможности блокировать непріятельскіе берега. Эта возможность ограничивается единственно фактической силой государства. Отсюда ясно, что блокада есть отношеніе чисто фактическое, и что нельзя

([1]) Calvo, II. p. 509 et ss.; Gessner, p. 254 ss.; Hautefeuille, II, p. 278 ss.

говорить о правѣ на блокаду, а только о правахъ изъ блокады, т. е. о томъ, какъ это фактическое отношеніе вліяетъ на юридическое признаніе и охрану интересовъ нейтральныхъ и воюющихъ. При такой постановкѣ вопроса, все ученіе (юридическое, конечно) о блокадѣ представляется и проще, и, главное, болѣе соотвѣтствующимъ, дѣйствительнымъ, практическимъ потребностямъ. Достаточно указать, что, какъ это видно будетъ изъ всего послѣдующаго изложенія, всѣ стремленія нейтральныхъ государствъ для огражденія своихъ интересовъ на случай блокады сводятся къ тому, чтобы, съ одной стороны, фактическое состояніе блокады имъ всегда было поставляемо въ извѣстность, а съ другой, чтобъ ограниченія юридической охраны ихъ интересовъ, вытекающія изъ этого фактическаго состоянія, не налагались по произволу воюющаго, независимо отъ этого фактическаго состоянія, простымъ объявленіемъ блокады. Словомъ, нейтральныя государства никогда не думали оспаривать у воюющаго возможность и власть установлять блокаду всегда, какъ только онъ это найдетъ нужнымъ; а съ другой стороны, они вовсе, ни подъ какими условіями, не признаютъ за нимъ права объявлять блокаду, не установляя ее. Порядокъ извѣщенія о блокадѣ будетъ разсмотрѣнъ ниже. Что же касается другой стороны стремленій нейтральныхъ государствъ, то не трудно видѣть, что она не содержитъ никакого юридич. ограниченія власти воюющаго блокировать непріятельскіе берега, могущаго превратить эту власть въ право. Напротивъ въ ней заключается стремленіе къ тому, чтобы понятіе блокады строго ограничивалось фактическимъ состояніемъ обложенія берега флотомъ, а не расширялось за предѣлы фактической блокады. Дѣйствительно допущеніе въ противоположность фактической блокадѣ-блокады чрезъ простое объявленіе, (per notificationem) или такъ наз. фиктивной, кабинетной, бумажной блокады-составило бы нарушеніе общепризнанныхъ правъ нейтральныхъ государствъ. Мы видѣли, что морское международное право признаетъ за нейтральными судами въ открытомъ морѣ полную свободу движенія, такъ что фактъ направленія нейтральнаго судна къ непріятельской гавани, если на суднѣ нѣтъ военной контрабанды, не можетъ служить основаніемъ законному призу. Но блокада, имѣя непосредственно цѣлью

порвать сношенія съ блокируемымъ портомъ и въ особенности торговлю съ нимъ, конечно, ведетъ къ тому, что проникновеніе къ блокируемому мѣсту не допускается, и въ случаѣ попытки къ этому, судно захватывается. Само собою понятно, что еслибъ такія же послѣдствія соединялись съ простымъ объявленіемъ берега въ блокадѣ, то это повело бы къ совершенному уничтоженію права свободнаго движенія нейтральныхъ судовъ въ открытомъ морѣ, и притомъ это стѣсненіе нейтральныхъ государствъ, не оправдываясь никакимъ фактическимъ отношеніемъ, ибо простое объявленіе не установляетъ дѣйствительной блокады, зависѣло бы исключительно отъ произвола воюющаго. Подобной зависимости общепризнанныхъ правъ нейтральныхъ государствъ отъ простаго произвола воюющихъ допустить, конечно, невозможно. Что нибудь одно: или нейтральныя государства не имѣютъ права свободнаго движенія по открытому морю, и тогда фиктивная блокада ни къ чему не нужна, или имѣютъ, но тогда она не можетъ быть допущена. Слѣдовательно различіе между фактической блокадой и блокадой черезъ объявленіе, выставляемое англійскими писателями и государственными людьми, не можетъ быть принято ([1]). Блокада не есть право, а фактическое состояніе, и потому только фактическая блокада и можетъ существовать. Если же говорятъ о какой то не фактической блокадѣ, то только для того, чтобъ именемъ блокады прикрыть самое грубое и произвольное, ничѣмъ не оправдываемое, нарушеніе признанныхъ правъ нейтральныхъ государствъ, оспаривать которыя открыто не рѣшаются.

Защитниками фиктивной блокады являются,—что весьма естественно,—сильныя морскія державы, въ особенности Голландія и въ позднѣйшее время-Англія. Для державы, обладающей большимъ флотомъ, представляется весьма соблазнительнымъ возмѣщать на нейтральномъ торговомъ флотѣ тѣ потери и траты, которыя неизбѣжно влечетъ за собою даже счастливая война.

Изобрѣтательницей фиктивной блокады Отфейль называетъ Голландію ([2]). Но Кальво ([3]) приводитъ болѣе ранніе

([1]) Calvo, II p. 535.
([2]) Hautefeuille, II. p.
([3]) Calvo, II. p. 577.

примѣры, гдѣ эта мѣра практиковалась другими государствами. Въ половинѣ XIV в., около 1346 г. Эдуардъ III король Англіи, ведя войну съ Франціей, постановилъ, что всякое судно, которое попытается войти въ какой либо французскій портъ, должно быть захвачено и сожжено. Подобное распоряженіе было сдѣлано въ 1560 г. шведскимъ правительствомъ въ войну съ Россіей. Въ 1584 г. во время войны за независимость съ Испаніей въ первый разъ эта мѣра была примѣнена Голландіей и именно въ отношеніи къ берегамъ Фландріи. Нѣсколько послѣдующихъ декретовъ подтверждали ее, но особенное значеніе имѣетъ эдиктъ 26 іюня 1630 г., заключающій въ себѣ полное законодательство фиктивной блокады. Согласно этому эдикту, конфискаціи подлежало всякое судно, изъ бумагъ котораго можно было видѣть, что оно направляется въ непріятельскій портъ. Прямой попытки войти въ него не требовалось: достаточно было, если судно было застигнуто не далеко отъ порта. Послѣ того Голландія употребляла фиктивную блокаду противъ Англіи въ 1652 г. и вмѣстѣ съ Англіей противъ Франціи въ 1689 г., согласно трактату заключенному въ Уайтголлѣ (22 авг.). Эта блокада береговъ Франціи вызвала энергическіе протесты со стороны нейтральныхъ державъ, и Швеція съ Даніей даже заключили 17 марта 1693 г. союзъ съ цѣлію вынудить Голландію и Англію уважить ихъ требованія, что частью и было достигнуто. Точно также, въ трактатѣ 30 апр. 1725 г. между Испаніей и Австріей постановлялось, что блокированнымъ долженъ считаться только такой портъ, войти въ который нельзя, не подвергаясь дѣйствію артиллеріи блокирующихъ судовъ. Въ нѣкоторыхъ трактатахъ опредѣлялось даже число кораблей, необходимыхъ для дѣйствительной блокады; такъ напр., датско-французскій договоръ 1742 г. требовалъ присутствія двухъ кораблей и береговой батареи; договоръ 1753 г. между Голландіей и королевст. Двухъ-Сицилій—присутствія шести судовъ. Между тѣмъ Англія продолжала практиковать бумажную блокаду, именно въ 1756 и 1775 г.г. относительно Франціи. Эти мѣры Англіи вызвали со стороны Россіи извѣстный актъ вооруженнаго нейтралитета 28 февр. 1780 г. Не опредѣляя числа судовъ, актъ этотъ требовалъ для блокады, чтобы присутствіе достаточно близкихъ судовъ установляло дѣйстви-

тельную опасность для всякаго пытающагося войти въ блокируемое мѣсто. Къ этому акту присоединились и другія нейтральныя державы. Во время революціонныхъ войнъ бумажная блокада опять получила примѣненіе и притомъ между Франціей и Англіей взаимно. Первая впрочемъ объявила ее только въ видѣ репрессаліи. Въ 1800 г. Россія, Пруссія, Данія и Швеція заключили актъ втораго вооруженнаго нейтралитета. Въ 1801 г. Россія заключила съ Англіей конвенцію, въ которой Англія признала положеніе, выставленное первымъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, но съ тѣмъ измѣненіемъ что союзъ «и» замѣненъ союзомъ «или»: требовалось для блокады существованіе дѣйствительной опасности отъ тутъ же стоящихъ *или* достаточно близкихъ судовъ. Но и послѣ того фиктивная блокада примѣнялась неоднократно, и только въ 1856 г., въ силу деклараціи 14 апр. 1856 г., Англія окончательно отказалась отъ открытаго, по крайней мѣрѣ, примѣненія фиктивной блокады. Къ сожалѣнію, самыя выраженія, въ которыхъ декларація 1856 г. отвергаетъ допустимость фиктивной блокады, недостаточно опредѣлены. Впрочемъ, уже въ крымскую кампанію, Англія примѣняла только дѣйствительную блокаду ([1]).

Такимъ образомъ, въ настоящее время признается только фактическая, дѣйствительная блокада, и споръ можетъ идти только о томъ, при какихъ условіяхъ блокада должна быть почитаема дѣйствительной: сомнѣнія въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе возможны, что, какъ мы только что видѣли, постановленія объ этомъ парижской деклараціи 14 апр. крайне неопредѣленны. Дѣйствительность блокады не установляется, конечно, однимъ фактомъ случайнаго захвата судна. Требуется, чтобы имѣлась на лицо очевидная опасность захвата для проникающаго въ портъ судна. Это было признано англійскимъ призовымъ судомъ по дѣлу русскаго судна «Франциска» (25 янв. 1855 г., судья Лешингтонъ). Впрочемъ, такое общее опредѣленіе, если не прибѣгать къ совершенно несоотвѣтствующему существу дѣла опредѣленію самаго числа блокирующихъ судовъ, и не можетъ быть на столько точно, чтобы обезпечить дѣйствительность блокады. Это обезпеченіе

([1]) Calvo, II. p. 576—599; Gessner, p. 171.

гораздо надежнѣе достигается нормированіемъ порядка извѣщенія о блокадѣ.

Извѣщеніе о блокадѣ, согласно съ началами современнаго международ. права, требуется въ троякой формѣ. Въ 1-хъ требуется общее оповѣщеніе объ установленіи блокады дипломатическимъ путемъ. Не слѣдуетъ думать, что это извѣщеніе совершается исключительно въ интересахъ самого блокирующаго, и потому есть дѣло merae facultatis. Если бы блокирующій имѣлъ всегда единственно въ виду прекратить съ непріятельскимъ портомъ сношенія нейтральныхъ, то дѣйствительно, его собственный интересъ требовалъ бы извѣщенія нейтральныхъ о блокадѣ, чтобы отвратить ихъ отъ поѣздки къ блокируемому порту. Но на практикѣ воюющему можетъ представляться весьма выгоднымъ захватъ нейтральныхъ кораблей, а потому и желательнымъ, чтобы нейтральные чаще пытались нарушить блокаду. Къ тому же, интересамъ нейтральной торговли не могутъ не причинить значительнаго ущерба напрасныя поѣздки къ порту, о блокадѣ котораго имъ ничего неизвѣстно. По всему этому вполнѣ разумнымъ представляется международный обычай, вмѣняющій въ прямую обязанность воюющимъ дипломатическое оповѣщеніе о блокадѣ. Однако, это оповѣщеніе не имѣетъ установительной конститутивной силы. Начало блокады со всѣми ея послѣдствіями считается не со времени оповѣщенія, а со времени фактическаго обложенія порта непріятельскимъ флотомъ ([1]).

Но въ моментъ установленія блокады, нейтральныя суда могутъ находиться и въ самомъ блокируемомъ портѣ. Поэтому кромѣ общаго оповѣщенія, требуется, во 2-хъ, извѣщеніе объ установленіи блокады портоваго начальства. Однако, для нейтральныхъ судовъ, застигнутыхъ блокадой въ непріятельскомъ портѣ, можетъ быть крайне неудобнымъ оставаться въ немъ до снятія блокады. Въ виду этого, въ международной практикѣ принято давать такимъ нейтральнымъ судамъ льготный срокъ, въ теченіи котораго онѣ свободно могутъ выходить изъ блокированнаго мѣста, не подвергаясь захвату, причемъ онѣ могутъ увезти съ собою и товаръ, пріобрѣтенный до установленія блокады ([2]).

([1]) Gessner, p. 198, 208, 243; Calvo, II, p. 540, 542.
([2]) Calvo, II. p. 533; Cussy. Phases et causes, I, p. 217.

Въ отношеніи къ судамъ, *входящимъ* въ блокируемое мѣсто, требуется еще, такъ наз. спеціальное, нарочитое извѣщеніе о блокадѣ (notification speciale) ([1]). Такъ какъ блокада есть состояніе исключительно фактическое, то и послѣ дипломатическаго извѣщенія о блокадѣ нейтральныя суда могутъ направляться къ блокированному мѣсту, не съ намѣреніемъ нарушить блокаду, а въ надеждѣ, что блокада фактически и не установилась, или же прекратилась, хотя бы временно. Поэтому, прежде чѣмъ нейтральное судно можетъ быть подвергнуто захвату, какъ намѣренно, завѣдомо нарушающее блокаду, необходимо принять мѣры къ тому, чтобы наличность блокады сдѣлалась ему дѣйствительно извѣстной. Этой цѣли и служатъ частныя извѣщенія о блокадѣ каждаго отдѣльнаго нейтральнаго судна ([2]). Всѣ писатели, преимущественно англійскіе и американскіе, которые различаютъ блокаду фактическую и блокаду по праву, утверждаютъ, что только при первой требуются такого рода извѣщенія ([3]). Но разъ это различіе отвергается, частныя извѣщенія признаются существеннымъ условіемъ того, чтобы проходъ нейтральнаго судна въ блокируемое мѣсто могъ составлять наказуемое нарушеніе блокады и все равно—было или нѣтъ сдѣлано дипломат. оповѣщеніе ([4]). Во время крымской войны Англія не признавала этого начала. Такъ въ концѣ мая 1854 г., англійскіе крейсеры захватили датское судно, направлявшееся къ состоявшему въ то время въ блокадѣ рижскому порту. Хотя изъ корабельныхъ бумагъ можно было видѣть, что капитану было предписано, если блокада Риги окажется не снятой, отправиться въ Мемель—призъ былъ признанъ законнымъ. Въ отвѣтѣ на сдѣланный по этому поводу запросъ въ палатѣ общинъ, Джемсъ Грагамъ прямо заявилъ, что общее оповѣщеніе о блокадѣ устраняетъ необходимость частныхъ извѣщеній ([5]).

([1]) Gessner. p. 220, 222; Calvo, II. p. 584; Wheaton, Elements, II, p. 175—177.
([2]) Wheaton, Elements, II, p. 176; Calvo, II, p. 535.
([3]) Gessner, p. 223.
([4]) Calvo, II, p. 544.
([5]) Calvo, II, p. 537.

Датскій регламентъ 15 февр. 1864 г. выставилъ теорію, хотя и ближе подходящую къ общепризнанной, но тѣмъ не менѣе крайне неблагопріятную для нейтральной торговли. Обязательность частныхъ извѣщеній признана въ немъ не безусловно, а въ зависимости отъ индивидуальныхъ фактическихъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая. Въ практическомъ примѣненіи это сводится, конечно, къ произволу начальника блокирующей эскадры. Практика Соед. Штатовъ не установилась опредѣленно ([1]). Напротивъ, Франція строго держится начала безусловной необходимости частныхъ извѣщеній, и начало это особенно опредѣлительно выражено бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Моле (Molet) въ его письмѣ (1838) къ морскому министру. Практика ея въ этомъ отношеніи не измѣнилась и въ послѣднюю войну 1870 г. ([2]).

Что касается формы частныхъ извѣщеній, то въ этомъ отношеніи установленъ такой порядокъ: когда блокирующія суда замѣтятъ, что какое нибудь нейтральное судно направляется къ блокируемому мѣсту, то, не захватывая, его предупреждаютъ о блокадѣ, причемъ на корабельныхъ бумагахъ дѣлаютъ отмѣтку о томъ, что извѣщеніе было сдѣлано. Если затѣмъ то же судно и съ тѣми же самыми бумагами, т. е. въ тотъ же рейсъ, снова попытается войти въ блокируемое мѣсто—оно подлежитъ непосредственному захвату ([3]).

Я сказалъ уже, что частныя извѣщенія требуются только въ отношеніи входящихъ судовъ. Въ отношеніи выходящихъ, ихъ замѣняетъ извѣщеніе портовому начальству, да къ тому же, имъ легче, нежели входящимъ, знать о томъ, продолжается блокада или нѣтъ ([4]).

Такъ какъ блокада есть фактич. состояніе, то установлять ее можетъ тотъ, у кого есть къ тому средства. Но, конечно, уваженіемъ со стороны нейтральныхъ можетъ пользоваться только блокада, установленная законнымъ непріятелемъ, т. е. или самимъ правительствомъ воюющаго, или уполномоченнымъ къ тому военноначальникомъ. Суда самовольно, безъ уполно-

---

([1]) Ортоланъ. Морское междун. право, ст. 200.
([2]) Calvo, II, p. 541.
([3]) Hautefeuille, II p. 230. Calvo, II, p. 544.
([4]) Hautefeuille, II p. 232.

мочія къ тому, общаго или частнаго, установившія блокаду, сами бы подлежали захвату даже со стороны нейтральныхъ, какъ пираты (1).

Объектомъ блокады можетъ быть всякій вообще непріятельскій и, если это мирная блокада, всякій чужой берегъ. Я указывалъ уже, что въ этомъ отношеніи международное право не ставитъ никакихъ ограниченій. Но изъ самой цѣли блокады прекратить торговлю съ тѣмъ или другимъ берегомъ, съ тѣмъ или другимъ портомъ, а не вообще препятствовать морской торговлѣ и морскимъ сношеніямъ,—слѣдуетъ уже, что объектомъ блокады не можетъ быть само открытое море. О блокадѣ собственно открытаго моря врядъ ли кто въ настоящее время станетъ думать. Вопросъ можетъ быть развѣ о такихъ проливахъ, которые соединяютъ открытыя моря. Блокада такого пролива прекратила бы сношенія не только съ непріятельскими берегами, но и съ нейтральными. На томъ же основаніи не допускается блокада устьевъ рѣкъ, находящихся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ государствъ (2).

Вопросъ о томъ, можно ли блокировать не отдѣльныя гавани и мѣста, но цѣлые берега, есть вопросъ чисто фактическій: если воюющій располагаетъ къ тому достаточными средствами, то нѣтъ основанія считать такую блокаду неправильной (3).

Такъ какъ блокада есть фактическое состояніе, то она продолжается пока блокирующая эскадра не удалится, причемъ причина ея удаленія безразлична (4). Объявленія о прекращеніи ея не требуется (5). Но временный перерывъ блокады не влечетъ при возобновленіи необходимости новаго дипломатическаго оповѣщенія (6).

Запрещеніе проѣзда въ блокируемое мѣсто распространяется на всѣ нейтральныя суда, не однѣ торговыя, но и военныя (7). Но если заходъ въ блокируемое мѣсто является необходимымъ

(1) Calvo, II, p. 520; Phillimore, III. p. 474.
(2) Hautefeuille II, p. 208; Calvo, II, p. 549.
(3) Gessner, p. 210; Calvo. II. p. 551.
(4) Hautefeuille, II. p. 213; Gessner; p. 208, Calvo, II. p. 557.
(5) Gessner, p. 209; Calvo, II, p. 555.
(6) Gessner, p. 208.
(7) Bluntschli, § 137 (№ 833 и 834).

*

для возможности продолженія рейса, то онъ не составляетъ нарушенія блокады, напр., если заходятъ за лоцманомъ, (1) или, что еще несомнѣннѣе, если вынуждаются къ тому какимъ нибудь несчастіемъ (2). Составляетъ ли нарушеніе блокады— проникновеніе къ данному мѣсту сухимъ путемъ? Такъ какъ цѣль блокады воспрепятствовать морскимъ сношеніямъ, то вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно (3). Развѣ блокада соединяется съ осадой (4) (blockade by sea and land).

Для того, чтобы имѣлось нарушеніе блокады, недостаточно одного намѣренія проникнуть въ блокируемое мѣсто, хотя бы и обнаруженное; необходимо покушеніе на осуществленіе этого намѣренія (actus aliquis, non solum consilium) (5). Поэтому простое отправленіе корабля къ блокируемому мѣсту еще не составляетъ нарушеніе блокады. Требуется для того, чтобъ, подошедши къ мѣсту и убѣдившись въ существованіи блокады, онъ все таки силою или хитростью старался пройти къ мѣсту своего назначенія (6). Вопросъ о томъ, убѣдилось ли судно въ существованіи дѣйствительной блокады, есть вопросъ факта (7) и въ пользу извѣстности блокады не дѣлается никакихъ презумпцій (8). Доказательствомъ извѣстности служитъ отмѣтка въ корабельныхъ бумагахъ, сдѣланная по началу частнаго извѣщенія о блокадѣ.

Нарушеніе блокады ведетъ за собою конфискацію судна (9). Грузъ по общему правилу свободенъ отъ конфискаціи. Онъ раздѣляетъ судьбу судна только тогда, когда принадлежитъ или самому хозяину судна, или такому лицу, которое можетъ отвѣчать за дѣйствіе кораблехозяина (10). Частная собственность пассажировъ, не заинтересованныхъ ни въ судьбѣ

---

(1) Hautefeuille, II. p. 219; Gessner, p. 236. Calvo, II. p, 524.
(2) Ортоланъ, 202; Gessner. 225; Calvo, II. 576.
(3) Hautefeuille, II. p. 220. Gessner, p. 226.
(4) Calvo, II. p. 523, Gessner, p. 215; Wheaton, Elements, p. 184.
(5) Phillimore, III. p. 475.
(6) Bischof. 60; Gessner, 244; Wheaton, II. p. 179.
(7) Calvo, II. p. 560 и 564; Wheaton, II. p. 574 и 181.
(8) Gessner, 220. Calvo, II. p. 563.
(9) Cessner. p. 226 Calvo, II, p. 569.
(10) Gessner, p 229, 230; Calvo, II, p. 570.

груза, ни судна, совершенно свободна отъ конфискаціи. Такова, по крайней мѣрѣ практика американскихъ призовыхъ судовъ ([1]).

Кромѣ двухъ указанныхъ и общепризнанныхъ ограниченій свободы нейтральной навигаціи, англійская практика выставляетъ еще третье извѣстное въ международномъ правѣ подъ именемъ «правила 1756 г.» (the rule of the war of 1756, or the seven years war). Ведя въ то время войну съ Франціей, Англія утверждала, что нейтральные не могутъ вести во время войны такую торговлю, которую въ мирное время воюющія имъ запрещали, и именно, торговлю съ колоніями, и подвергала конфискаціи такія нейтральныя суда, которыя нарушали это правило. Въ войну за независимость Америки, Англія не принимала этого правила и возобновила его примѣненіе только въ революціонныя войны Франціи, причемъ стремилась распространить запрещеніе не только на торговлю непріятельскими товарами, но и нейтральными. Континентальныя державы не приняли этого правила даже въ отношеніи Англіи. Такъ, когда въ 1801 г. Англія дозволила, вынужденная голодомъ, подвозить иностранцамъ хлѣбъ въ свои порты, Франція не отрицала за нейтральными права воспользоваться этимъ дозволеніемъ ([2]).

§ 65. Частная собственность на морѣ.

Территоріальность судна, плавающаго въ открытомъ морѣ, кромѣ признанія за нимъ свободы навигаціи съ указанными ограниченіями, ведетъ еще къ признанію неприкосновенности всего находящагося на немъ, ([3]) отсюда неприкосновенность непріятельской собственности на нейтральномъ суднѣ, и нейтральной—на непріятельскомъ ([4]). Этотъ выводъ изъ основнаго начала, опредѣляющаго положеніе нейтральныхъ въ открытомъ морѣ, въ настоящее время признанъ международнымъ правомъ, но это признаніе является лишь результатомъ

([1]) Calvo, II, p. 571.

([2]) Gessner p. 288—292.

([3]) Wheaton, II p. 169.

([4]) Вопросъ о неприкосновенности непріятельской частной собственности на непріятельскихъ же судахъ, см выше.

долгихъ стараній нейтральныхъ оградить свои интересы. Поэтому не безъинтереснымъ представляется исторія этого вопроса.

Первыя юридическія опредѣленія о занимающемъ насъ вопросѣ, находимъ въ средневѣковомъ сборникѣ морскихъ обычаевъ: Consolato del mare. Эти опредѣленія отражаютъ на себѣ общій характеръ той эпохи. Система національныхъ правъ, господствовавшая въ то время, привела къ тому, что Consolato del mare обращаетъ исключительное вниманіе на то, *чей грузъ*, и совершенно игнорируетъ вопросъ о томъ, на *чемъ суднѣ* онъ находится. Нейтральный грузъ свободенъ и на непріятельскомъ суднѣ, непріятельскій подлежитъ конфискаціи и на нейтральномъ (¹).

Возникновеніе новыхъ государственныхъ идей повлекло за собой измѣненіе этихъ началъ, выраженныхъ въ Consolato. Основаніемъ господства стала территорія, а не національность. Сообразно съ этимъ, въ особенности со стороны Франціи, которая въ установленіи новыхъ государственныхъ началъ опередила другія государства, было выставлено новое воззрѣніе, по которому на нейтральномъ суднѣ подлежитъ конфискаціи и нейтральный грузъ. Послѣдовательное проведеніе этого территоріальнаго принципа должно бы было привесть къ признанію того, что на нейтральномъ суднѣ непріятельскій грузъ свободенъ (vaisseaux libres, biens libres; vaisseaux ennemis, biens ennemis). Такъ это начало и было признано во многихъ трактатахъ, особенно Франціи съ Ганзой. Но въ отношеніи къ Англіи, Франція держалась того начала, по которому нейтральное судно, нагруженное непріятельскимъ товаромъ, подлежитъ и само конфискаціи (robe d'ennemi confisque celle d'ami) и, въ ордонансѣ 1681 г. это начало выражено какъ общее правило. Эта теорія, очевидно, основывалась на чисто внѣшнемъ пониманіи равенства: если непріятельское судно лишаетъ неприкосновенности нейтральный грузъ (это выводъ изъ территоріальнаго принципа), то и непріятельскій грузъ долженъ лишать неприкосновенности нейтральное судно. Эта поправка территоріальнаго принципа въ интересѣ формальнаго равенства дѣлала, конечно, положеніе нейтральныхъ крайне

(¹) Bischof., 66.

незавиднымъ. Да и безъ нея примѣненіе территоріальнаго принципа представлялось для нихъ немногимъ лучше теоріи Consolato del mare, которая частью и сохранилась до самого XVIII ст. (утрехтскій трактатъ). Для того, чтобы получить общее признаніе, территоріальный принципъ дѣйствительно нуждался въ поправкѣ, но совершенно въ обратномъ смыслѣ, нежели правило robe d'ennemi confisque celle d'ami. Сохраненіе юридическаго порядка во время войны и въ отношеніи къ воюющимъ ведетъ къ тому, что частная собственность и на непріятельской территоріи признается неприкосновенной. Въ примѣненіи къ судамъ, это начало еще не признано на морѣ, частная непріятельская собственность подлежитъ конфискаціи. До сихъ поръ удалось достигнуть только частичнаго примѣненія этого начала и къ собственности, находящейся на морѣ: неприкосновенность признается только за нейтральной собственностью на непріятельскомъ суднѣ. Это начало освящено парижской деклараціей 16 апрѣля 1856 г. (ст. 3) (¹).

Признаваемое теперь правило: нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ; нейтральный грузъ свободенъ на непріятельскомъ суднѣ,—не представляется такимъ простымъ и цѣльнымъ, какъ правило Consolato del mare, или правило, основывающееся исключительно на территоріальномъ принципѣ. Но это оттого, что морское международное право переживаетъ теперь само переходную эпоху. Если неприкосновенность частной собственности на морѣ будетъ признана, а къ этому, очевидно, идетъ дѣло, то мы получимъ правила, не только по либеральности, но и по простотѣ, по послѣдовательности превосходящія всѣ прежнія.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на вопросѣ о томъ, что заставляетъ соблюдать всѣ изложенныя опредѣленія, касающіяся юридическаго положенія нейтральныхъ подданныхъ на нейтральной территоріи, на непріятельской и въ открытомъ морѣ. Что, въ особенности, можетъ заставить нейтральныхъ уважать свои обязанности?

Отвѣтъ на это не труденъ. Разъ государство остается нейтральнымъ, значитъ большая или, по крайней мѣрѣ, вліятельнѣйшая часть населенія желаетъ мира. Но, на ряду съ этимъ,

(¹) Wheaton, II, p. 99—138; Gessner, p. 246—282.

въ каждомъ государствѣ можетъ быть болѣе или менѣе значительная группа лицъ или прямо заинтересованная въ томъ, чтобы помогать одной изъ воюющихъ сторонъ или, по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобы совершать такія именно дѣйствія, которыя, по началамъ международнаго права, не могутъ быть допущены со стороны нейтральныхъ. Если бы внутреннее законодательство и правительственныя распоряженія и мѣропріятія нейтральнаго правительства не устранили возможность нарушенія обязанностей нейтральныхъ со стороны этой группы лицъ, воюющее государство приступило бы къ репрессаліямъ, которыя могли бы отозваться на благосостояніи не однихъ нарушителей, но и всего нейтральнаго населенія. Отсюда понятно, что вліятельнѣйшая часть нейтральнаго общества всегда стремится къ тому, чтобы устранить возможность подобныхъ нарушеній, вызывающихъ репрессаліи.

Но все это относится только къ положенію и дѣйствіямъ отдѣльныхъ нейтральныхъ подданныхъ; что касается положенія и дѣйствій самаго нейтральнаго правительства, то тутъ, на мой взглядъ, не можетъ быть выставлено юридическихъ опредѣленій, которыя могли бы имѣть международное значеніе. Юридическія лица суть только волевыя машины (Ihering), у нихъ нѣтъ своихъ собственныхъ интересовъ, онѣ служатъ сами интересамъ отдѣльныхъ лицъ, такъ или иначе соединенныхъ въ извѣстныя группы. Поэтому ихъ дѣйствія подчиняются только законамъ цѣлесообразности, благоразумія, но не права. И если взять любое изложеніе международнаго права, не трудно подмѣтить, что весь интересъ въ немъ сосредоточивается на положеніи отдѣльныхъ нейтральныхъ подданныхъ. Если же и говорится о дѣйствіяхъ самаго государства, то только для порядка: эти опредѣленія не имѣютъ практическаго интереса, потому что въ концѣ концовъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, сводятся къ пресловутому вопросу о различіи справедливой и несправедливой войны.

ГЛАВА IV.

Призовое право.

§ 66. Призы.

Время. Призы могутъ быть захватываемы только съ момента объявленія войны. Это правило допускаетъ исключенія только по отношенію къ судамъ, нарушающимъ мирную блокаду и судамъ, виновнымъ въ торговлѣ невольниками.

Нерѣдко однако, и по объявленіи войны, непріятельскимъ судамъ дается извѣстный срокъ для возвращенія въ отечественные порты. Такъ французская декларація 27 марта 1854 года опредѣляла такой срокъ въ 6 недѣль (1). Въ 1870 г. продолжительность этого срока была ограничена 30 днями (2). Однако, это надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ теченіи льготнаго времени не могутъ быть дѣлаемы только призы, но осмотръ можетъ быть совершаемъ и, въ случаѣ нахожденія контрабанды, можно потребовать, чтобы судно измѣнило свое назначеніе.

Англія, напротивъ, нерѣдко захватывала призы и въ мирное время. Такъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 г., когда война не была объявлена, адмиралъ Гендерсонъ, командиръ, крейсеровавшей около Бразильскихъ береговъ, англійской эскадры, потребовалъ, чтобы «Рогнѣда»—шхуна императорскаго яхтъ-клуба (командиръ кн. Лобановъ-Ростовскій), находившаяся въ Ріо-Жанейро, не выходила въ море, грозя иначе захватить ее. Хотя Лобановъ-Ростовскій протестовалъ противъ этого и потребовалъ содѣйствія графа Медема, русскаго посланника въ Бразиліи, но изъ этого ничего не вышло. Яхта была продана и команда воротилась, скрываясь отъ англійскихъ судовъ, въ Антверпенъ и оттуда въ Россію сухимъ путемъ; «Рогнѣда» переименовалась въ «Колибри» и стала возить кофе (3).

---

(1) Pistoye et Duverdy, Traité, I, p. 122; Bulmerinq. Le droit des prises (Revue, 78, p. 301).

(2) Bulmerinq (Revue, 78, p. 391; 79, p. 569, 570).

(3) Морск. Сборн. 1854 г. № 9, с. 26—36.

Ограниченіе права призовъ по мѣсту. Призы не могутъ быть дѣлаемы въ нейтральномъ территоріальномъ морѣ (1) или, какъ выражается Гесснеръ, призы могутъ быть дѣлаемы только тамъ, гдѣ можетъ быть осуществляемо право осмотра (2). Англійскіе писатели толкуютъ, однако, это такъ, что призъ, сдѣланный въ нейтральномъ морѣ, незаконенъ только въ отношеніи къ нейтральному, но между врагами онъ законенъ (entre ennemis). Поэтому возстановленія такого приза — можетъ требовать только нейтральное правительство (3). Практика американскихъ призовыхъ судовъ признаетъ, кромѣ того, что въ этихъ случаяхъ обязательно только возвращеніе захваченнаго приза, но не вознагражденіе за причиненный вредъ (4). Бинкерсгукъ допускаетъ изъятіе изъ этого запрещенія дѣлать призы въ нейтральномъ морѣ на тотъ случай, когда преслѣдованіе, начатое крейсеромъ въ открытомъ морѣ, заканчивается въ нейтральномъ. Это мнѣніе раздѣлялъ и лордъ Стоуель. Но теперь и американцы и англичане признаютъ недопустимость захвата призовъ въ нейтральномъ морѣ безусловно (5).

Указанное ограниченіе права призовъ примѣняется безразлично какъ къ военнымъ крейсерамъ, такъ и къ каперамъ. Но въ отношеніи послѣднихъ указывается еще одно спеціальное ограниченіе: они не могутъ дѣлать призовъ въ непріятельскихъ рѣкахъ (6).

Кто можетъ дѣлать призы? Призы могутъ быть дѣлаемы тремя родами судовъ: 1) военными судами; 2) каперами въ отношеніи тѣхъ государствъ, которыя не присоединились къ Парижской деклараціи 1856 г., и 3) всякимъ торговымъ судномъ по отношенію къ судну, нападающему на него или на другое судно одной съ нимъ или союзной національности (7).

---

(1) Phillimore, III, 561. Bulmering. Le droit des prises maritimes (Revue, 78, p. 389; p. 440: итальянскій декретъ 20 іюня 1866 г. ac. IV). Martens, Essai, p. 66; Люшингтонъ, стр. 1.

(2) Droits des neutres, 2 ed., 344.

(3) Phillimor, III, p. 563.

(4) Ibidem, p. 567.

(5) Ibidem, p. 567—568.

(6) Martens, Essai, p. 66.

(7) Bulmerinq. Revue 1870, p. 567—569, Phillimore, III, p 598. Итальянскій уставъ торг. мореплаванія ст. 209, 210.

За взятелями послѣдней категоріи, англійская и французская практика не признаетъ права на призовое вознагражденіе. Но итальянское и русское законодательство приравниваютъ ихъ ко взятелямъ другихъ двухъ категорій.

Кто признается участникомъ въ совмѣстныхъ призахъ? Въ этомъ отношеніи проводится различіе между военными крейсерами и каперами. Военный крейсеръ признается не только *могущимъ*, но и *обязаннымъ* брать призы, а потому одно присутствіе его признается достаточнымъ для того, чтобы считаться участникомъ приза. Каперъ не обязанъ, а только можетъ брать призы, поэтому онъ считается участникомъ только въ тѣхъ совмѣстныхъ призахъ, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе.

Другое различіе въ этомъ отношеніи между военными крейсерами и каперами обусловливается тѣмъ, что каперы дѣйствуютъ самостоятельно и отдѣльно, а крейсеры въ составѣ эскадръ. Начальникъ эскадры считается участникомъ каждаго приза, сдѣланнаго крейсеромъ его эскадры.

Призъ дѣлается собственностью захватителя только послѣ того, какъ онъ будетъ присужденъ ему судомъ, какъ законный или добрый призъ. Поэтому захватитель обязанъ сохранять свой призъ въ цѣлости до постановленія приговора призоваго суда. Но бываютъ случаи, когда это требованіе оказывается невыполнимымъ. Въ такихъ случаяхъ взятелю предоставляется или отпустить захваченный призъ за выкупъ, или истребить его. Русскія правила о призахъ 1869 г. слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ случаи, когда допускаютъ сжечь или потопить судно, предварительно снявъ людей и по возможности весь или часть груза:

1) когда оно въ бою такъ избито, что отъ сильной течи трудно поддержать его на водѣ.

2) когда взятое судно ходитъ такъ дурно, что подвергается опасности быть отбитымъ непріятелемъ.

3) когда взятель изъ собственной безопасности не можетъ отдѣлить на призъ часть своей команды, и

4) когда призъ слишкомъ малоцѣненъ и не стоитъ его отводить, особенно, когда портъ отдаленъ.

Взятый призъ по правилу долженъ быть отведенъ въ оте-

чественный портъ лица, взявшаго его (1). Но это только по правилу. Въ случаѣ необходимости, допускается отводить взятый призъ въ иностранную гавань.

Подъ необходимостью разумѣется опасность случайной гибели въ морѣ или преслѣдованіе непріятеля; нѣкоторые писатели присоединяютъ еще и простой фактъ отдаленности (2). Конечно, и въ призовой практикѣ, какъ и въ уголовной, вопросъ о наличности необходимости есть прежде всего вопросъ факта и въ самой значительной степени обусловливается индивидуальными особенностями каждаго конкретнаго случая, предусмотрѣть которыя напередъ невозможно.

При отводѣ приза въ иностранный портъ могутъ имѣть мѣсто три различныхъ случая: портъ можетъ оказаться непріятельскимъ или нейтральнымъ и притомъ того именно государства, которому принадлежитъ захваченный призъ, или же, наконецъ, также нейтральнымъ, но посторонняго не заинтересованнаго государства.

Первый случай, когда портъ непріятельскій, представляется въ одно время и наиболѣе рѣдкимъ и наиболѣе простымъ. Каперъ, конечно, до послѣдней возможности будетъ уклоняться отъ входа въ непріятельскую гавань. Если же это случится, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что призъ будетъ отнятъ и самый каперъ будетъ взятъ въ плѣнъ. Но если онъ имѣетъ законное свидѣтельство и притомъ одно, съ нимъ слѣдуетъ обращаться, какъ съ законнымъ непріятелемъ, а не какъ съ пиратомъ (3).

Что касается втораго случая, т. е. когда призъ будетъ отведенъ въ гавань того нейтральнаго государства, которому принадлежитъ, то репризъ не наступаетъ при этомъ ipso facto потому, что нейтральныя государства защищаютъ своихъ подданныхъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ соблюдали добросовѣстно всѣ обязанности, налагаемыя на нихъ нейтралитетомъ ихъ отечества. Поэтому, если захваченъ корабль, капитанъ котораго нарушилъ эти обязанности, призъ законенъ и въ глазахъ нейтральнаго правительства. Кто же рѣшаетъ

(1) Martens, Essai, p. 85. Phillimore, Commentaries, VIII, p. 577.

(2) Kaltenborn. Seerecht. II, § 476.

(3) Martens, Essai, p. 106, Hautefeuille, Droits des neutres, I, p. 394. Saalfeld Handbech. § 344.

въ этомъ случаѣ вопросъ о законности приза? По общему признанію правительство нейтральнаго государства (1). Основаніемъ его компетенціи въ этомъ случаѣ служитъ общее начало, воспрещающее правительствамъ выдавать собственныхъ своихъ подданныхъ суду другаго государства. Правда въ самомъ призовомъ процессѣ хозяинъ захваченнаго груза или корабля является только истцомъ, но тѣмъ не менѣе основаніемъ признанія или непризнанія приза законнымъ является ничто иное, какъ судъ надъ законностью дѣйствій захваченныхъ предметовъ.

Остается разсмотрѣть еще третій и послѣдній случай: когда призъ будетъ отведенъ въ гавань нейтральнаго не заинтересованнаго въ призѣ государства. Въ отношеніи къ этому случаю слѣдуетъ разрѣшить два вопроса: 1) измѣняется ли при этомъ подсудность приза, и если нѣтъ, то 2) можетъ ли приговоръ быть постановленъ въ то время, когда еще призъ находится въ нейтральной гавани или, вообще территоріи? Azuni полагалъ что въ этихъ случаяхъ всегда компетентенъ судъ нейтральнаго государства, которому принадлежитъ портъ, и основывалъ это мнѣніе на весьма оригинальномъ пріемѣ толкованія трактатовъ. Въ извѣстныхъ ему договорахъ всегда говорилось о томъ, что нейтральное государство, которому принадлежитъ портъ, не имѣетъ юрисдикціи въ этихъ случаяхъ. Основываясь на этомъ, Azuni утверждалъ, что по общему правилу оно имѣетъ юрисдикцію въ этихъ случаяхъ, такъ какъ иначе не зачѣмъ бы было особо оговаривать его некомпетентность во всѣхъ трактатахъ. Но практикой, а въ настоящее время и литературой, принятъ противоположный взглядъ, высказанный еще Лампреди, что призъ, отведенный въ гавань нейтральнаго незаинтересованнаго государства, не подлежитъ его юрисдикціи, за исключеніемъ только того случая, когда призъ сопровождался нарушеніемъ нейтралитета этого государства, именно если онъ былъ сдѣланъ въ предѣлахъ его территоріальнаго моря (2).

Но если призъ, отведенный въ гавань нейтральнаго государства незаинтересованнаго, подлежитъ все таки суду госу-

(1) Hautefeuille, III, p. 323. Cussy. Phaseset Causes, I, p. 289. II. p. 79.
(2) Hautefelle, Droits des neutres, III p. 336 Phillimore. Commentaries, VIII. p. 592.

дарства взятеля, то какому именно: обыкновенному ли призовому суду, засѣдающему въ его отечествѣ или суду консуловъ и вообще дипломатическихъ агентовъ. Въ прежней практикѣ можно указать примѣры призовой юрисдикціи консуловъ и именно въ концѣ прошлаго столѣтія. Такой практики держались Англія, Франція (даже до 1854 г.) и Россія. (1) Но теперь это вывелось изъ обычая (2). Во всякомъ случаѣ нейтральное государство можетъ не допустить такого расширенія власти консула. Впрочемъ надо оговориться, что консулъ не имѣетъ только права постановлять приговоръ о законности приза, но ему принадлежитъ право осмотра приведеннаго судна и допроса экипажа; составленный консуломъ протоколъ вмѣстѣ съ протоколомъ самаго захвата и корабельными документами захваченнаго судна можетъ служить основаніемъ приговора. (3)

Итакъ, отведеніе приза въ гавань нейтральнаго незаинтересованнаго государства не мѣняетъ юрисдикціи. Что же касается втораго вопроса, можетъ ли отечественный судъ постановить приговоръ о законности приза, находящагося еще въ нейтральной гавани, то онъ рѣшается въ настоящее время практикой въ утвердительномъ смыслѣ. Основаніемъ такому рѣшенію служитъ то, что владѣніе капера призомъ въ нейтральной гавани разсматривается какъ владѣніе его суверена и потому sub potestate curiae (4). Но въ литературѣ встрѣчаются и другія воззрѣнія, напр. у Гесснера.

По мнѣнію Гесснера (5) подсудность приза не измѣняется отведеніемъ въ портъ нейтральнаго незаинтересованнаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не допускаетъ и возможности постановленія приговора отечественнымъ судомъ à distance. Гесснеръ полагаетъ, что это начало принято и практикой всѣхъ государствъ, за исключеніемъ Россіи и Бразиліи. Но уже изъ того, что авторъ говоритъ при этомъ о Франціи,

---

(1) Hautefeuille, Droits des neutres, III, p. Phillimore. 323. Commentaries v. III, p. 592.

(2) Martens, Essai, p. III; Dictionnair de la politique M. Block. art. Prises.

(3) Calvo, Droit international, II, p. 690.

(4) Kent. Commentaries, I, 396; Wheaton, Elements, II, p. 44.

(5) Le droit des neutres 1865 г., p. 334.

а въ особенности изъ разсмотрѣнія его ссылокъ, не трудно убѣдиться, что особенность воззрѣній Гесснера коренится въ смѣшеніи двухъ вопросовъ: вопроса о призовой юрисдикціи консуловъ и вопроса о возможности обсужденія отечественнымъ судомъ приза, находящагося въ нейтральной территоріи. Такъ, Wheaton [1] въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается Гесснеръ, говоритъ какъ разъ противоположное. Точно также въ положеніи о частныхъ арматорахъ [2] говорится о юрисдикціи по призовымъ дѣламъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Ливорно и Венеціи, а вовсе не о постановленіи приговоровъ судомъ, засѣдающимъ въ Россіи, о призахъ, находящихся въ иностранныхъ портахъ, въ чемъ не было и никакой надобности, такъ какъ призовая коммисія была учреждена въ то время на нашемъ флотѣ, посланномъ въ Средиземное море. Считаю не лишнимъ замѣтить, что Георгъ Мартенсъ видитъ оригинальность этого русскаго устава о каперахъ въ томъ, что призовая юрисдикція была имъ предоставлена дипломатическимъ агентамъ [3]. Оригинальная особенность бразильскаго закона 30 дек. 1822 г. заключается въ томъ, что онъ предоставляетъ каперамъ *полную* свободу отводить призы въ иностранные порты [4]. Ссылка Гесснера на Англію имѣетъ основаніе. Въ Англіи дѣйствительно возникало сомнѣніе въ возможности постановлять приговоръ о законности приза, находящагося въ нейтральной гавани. В. Скотъ и В. Грантъ высказывались противъ этого начала и можно указать примѣры того, что приговоръ англійскаго суда адмиралтейства основывался на противоположномъ началѣ, защищаемомъ Гесснеромъ, [5] что дало поводъ также и Кальтенборну нерѣшительно высказаться по этому вопросу въ отношеніи къ Англіи [6]. Но какова бы не была старая практика, въ новѣйшее время и въ Англіи признано, что владѣніе капера взятымъ призомъ въ нейтральной гавани

---

[1] Elements, II, p. 44 (2 ed).
[2] Пол. Соб. Зак. Р: И. № 16599.
[3] Essai, p. 110.
[4] Kaltenborn, Seerecht, II, p. $^{362}/_{39}$.
[5] Ibidem, $^{388}/_{73}$.
[6] Ibidem, $^{489}/_{267}$. Vielleicht erkennt man dies auch in England an.

разсматривается, какъ владѣніе его суверена и потому sub potestate curiae (¹).

Итакъ, призъ, приведенный въ гавань нейтральнаго незаинтересованнаго государства, обсуждается отечественнымъ судомъ взятеля. Основаніемъ приговора въ этомъ случаѣ служатъ, какъ уже сказано, донесеніе мѣстнаго консула и документы (²).

§ 67. Призовые суды.

Призовая юрисдикція принадлежитъ національнымъ судамъ воюющихъ, и при этомъ засѣдающимъ на территоріи воюющихъ государствъ. Въ старое время, правда, нѣкоторыя государства предоставляли призовую юрисдикцію своимъ консуламъ въ нейтральныхъ портахъ, но теперь это вывелось изъ обычая въ силу того, что нейтральныя правительства въ настоящее время не допускаютъ обыкновенно привода призовъ въ ихъ порты. Дольше всѣхъ призовую юрисдикцію консуловъ сохраняла Франція, но и она отказалась отъ этой системы съ 1854 г.

Хотя призовые суды суть національные органы воюющихъ, но все-таки они не лищены и международнаго характера. Это выражается въ томъ, что нормами, согласно которымъ они должны рѣшать дѣла, признаются не только нормы, устанавливаемыя законодательствомъ воюющихъ, но и нормы международнаго права. Это признается даже англійской призовой практикой. Но какъ же рѣшаются случаи противорѣчія національнаго законодательства съ нормами международнаго права? Согласно мнѣнію англійскаго призоваго судьи. W. Scotta (Lord Stowell), постановленія національнаго законодательства должны всегда предполагаться не противорѣчащими началамъ международнаго права (³). Это предположеніе имѣетъ, конечно, то практическое значеніе, что при истолкованіи національнаго законодательства всякое сомнѣніе должно рѣшаться въ смыслѣ наиболѣе соотвѣтствующемъ началамъ междуна-

---

(¹) Каченовскій, о каперахъ, с. 87; Phillimore, Commentaries, III, 594 и 760.

(²) Calvo, Droit international, II.

(³) Calvo, IV 229.

роднаго права. Въ частности королевскія распоряженія (orders) обязательны безусловно только для моряковъ, но не для призовыхъ судовъ ([1]).

Къ компетенціи призовыхъ судовъ относится разрѣшеніе двухъ вопросовъ: 1) вопроса о законности приза и 2) въ случаѣ признанія приза незаконнымъ, разрѣшеніе вопроса о томъ, кто и въ какомъ размѣрѣ обязанъ возмѣстить убытки, проистекающіе отъ неправильнаго захвата приза.

Въ случаѣ признанія приза незаконнымъ, убытки несутъ одинаково и хозяинъ задержаннаго судна и самъ захватитель, такъ какъ оба они при этомъ напрасно теряютъ время. Кто же долженъ нести убытки? Для разрѣшенія этого вопроса надо различать три возможныхъ случая. Обстоятельства, во 1-хъ, такъ могутъ сложиться, и при томъ сами собой, что захватитель съ полнымъ правомъ могъ предполагать наличность повода къ захвату. Въ такомъ случаѣ никто не виновенъ, и потому никто не долженъ вознаграждать другаго за понесенный убытокъ. Въ 2-хъ можетъ быть такъ, что капитанъ захваченнаго судна своимъ поведеніемъ ввелъ захватителя въ заблужденіе, вселивъ въ него своимъ образомъ дѣйствій основательное подозрѣніе, что имѣются основанія къ захвату. Въ такомъ случаѣ капитанъ захваченнаго судна обязанъ вознаградить капера за причиненныя ему аваріи (при захватѣ) и за напрасную трату времени. Наконецъ, въ 3-хъ, можетъ быть и такъ, что захватъ произошелъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли или не должны были возбудить во взятелѣ подозрѣніе о наличности законныхъ поводовъ къ захвату. Въ такомъ случаѣ виновенъ захватитель, который и долженъ вознаградить хозяина задержаннаго судна за причиненный ему вредъ и убытки.

Окончательные приговоры призовыхъ судовъ имѣютъ, подобно всякимъ судебнымъ рѣшеніямъ, законную силу. Но безусловно это признается только въ отношеніи къ подданнымъ государства взятеля. Нейтральные же, такъ какъ они не принимаютъ участія въ призовомъ разбирательствѣ, не признаютъ для себя обязательными тѣ рѣшенія прозовыхъ судовъ, которыя по ихъ мнѣнію несогласны съ общепризнанными на-

([1]) Это признано судьей Джономъ Мэкинтономъ въ 1803 г. Calvo W. 301.

чалами международнаго права. Приравнивая такіе приговоры къ отказу въ правосудіи, нейтральныя правительства, заинтересованныя въ дѣлѣ, считаютъ себя вправѣ обращаться въ этихъ случаяхъ къ дипломатическому воздѣйствію и даже къ репрессаліямъ, съ цѣлью вынудить со стороны воюющаго удовлетвореніе интересовъ своего подданнаго, права котораго были нарушены состоявшимся приговоромъ призоваго суда.

Въ современной организаціи призоваго суда можно различать четыре типа.

Призовая юрисдикція можетъ быть во 1-хъ предоставлена общимъ судамъ. Такая система принята въ С. Америк. Штатахъ, гдѣ призовая юрисдикція принадлежитъ общимъ союзнымъ судамъ. Таже система принята и голландскимъ закономъ 1 октября 1838 г., предоставившимъ призовую юрисдикцію верховному суду (Hoege Raad) одинаково и въ первой и въ ревизіонной инстанціи.

Другая система организаціи призовой юрисдикціи есть предоставленіе ея судамъ же, но судамъ особеннымъ. Такъ, въ Англіи призовымъ судомъ является судъ адмиралтейства. Аппеляціи на его приговоры приносятся въ судебный комитетъ тайнаго совѣта королевы.

Третья система есть система предоставленія призовой юрисдикціи административнымъ учрежденіямъ. Такая система принята во Франціи, Италіи и Испаніи. Во Франціи первой инстанціей является призовой совѣтъ, состоящій изъ лицъ административнаго вѣдомства. До 1861 г. этотъ совѣтъ организовался особо для каждой войны, какъ это и было дѣлаемо въ 1854 и 1859 гг. Но декретомъ 1861 г. совѣтъ, учрежденный въ 1859 г. былъ объявленъ постояннымъ учрежденіемъ. Однако, во франко-прусскую войну, большинство приговоровъ по дѣламъ о призахъ было постановлено не этимъ совѣтомъ, а другимъ совѣтомъ, организованнымъ по случаю осады Парижа въ Турѣ. Онъ былъ составленъ изъ членовъ, назначенныхъ въ равномъ числѣ отъ министерства юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и морскаго. Второй инстанціей является государственный совѣтъ.

Четвертая система есть смѣшанная или административно-судебная. Она принята въ Пруссіи, Австріи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. Въ Пруссіи на каждую войну организуется

призовой совѣтъ, какъ судъ первой инстанціи, и высшій призовой совѣтъ, какъ вторая инстанція. Составъ обоихъ двойственный, частію судебный, частію административный. Въ первой инстанціи эти элементы представлены по ровну; но во второй судебный. Въ Швеціи и Норвегіи второй инстанціей служитъ общій судъ. Въ Даніи судебный элементъ преобладаетъ въ низшей инстанціи.

Призовая юрисдикція принадлежитъ національному суду взятеля. Въ литературѣ издавна указывалось на неудовлетворительность такой организаціи. Еще въ половинѣ XVIII в. датскій публицистъ Мартинъ Гюбнеръ первый указалъ на то, что при такомъ порядкѣ одна изъ сторонъ является судьею въ дѣлѣ. Національный судъ взятеля не можетъ считаться въ дѣлахъ о призахъ судомъ безпристрастнымъ. Онъ естественно склоненъ рѣшать всякое дѣло въ пользу взятеля, а, между тѣмъ, нѣтъ основанія, почему нейтральные должны подчиняться такому пристрастному суду. И на практикѣ не рѣдко встрѣчаются случаи такого рода, что окончательный приговоръ призоваго суда, постановляемый противъ нейтральнаго, служитъ поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству въ дѣло нейтральнаго правительства, съ цѣлію вызвать пересмотръ или обезсиленіе такого приговора, что конечно, не можетъ поколебать силу окончательныхъ рѣшеній призоваго суда. Исходя изъ такихъ соображеній, Гюбнеръ требовалъ передачи призовой юрисдикціи смѣшаннымъ коммисіямъ, слѣдовательно такъ сказать, суду международному. Однако, мысль Гюбнера не нашла себѣ въ то время поддержки, и Гальяни выступилъ съ другимъ проектомъ, значительно уступающимъ въ достоинствѣ проекту Гюбнера. Онъ предложилъ именно призовую юрисдикцію предоставить національному же суду, но не взятеля, а взятаго, слѣдовательно не воюющаго, а нейтральнаго, замѣняя такимъ образомъ одну несправедливость другою. Защитниками мнѣнія Гюбнера выступили въ началѣ настоящаго столѣтія Мартенсъ и Клюберъ. Но и между современными писателями большинство защищаетъ юрисдикцію національнаго суда воюющаго. Такъ, даже Отфейль, рьяный защитникъ вообще правъ нейтральныхъ, высказывается противъ предложенія Гюбнера, утверждая, что осуществленіе его вызвало бы большія практическія не-

удобства. Только въ самое новѣйшее время вопросъ, возбужденный Гюбнеромъ, нашелъ себѣ серьезную поддержку и разработкой его занялся институтъ международнаго права. Первый докладъ по этому вопросу, сдѣланный въ 1876 г., принадлежитъ Вестлэку (Westloke). Онъ предлагалъ сохранить юрисдикцію національныхъ судовъ воюющихъ въ первой инстанціи, а международную организацію примѣнить только къ призовому суду второй инстанціи. Функцію аппеляціоннаго суда онъ предлагалъ предоставить смѣшанной международной коммиссіи, состоящей изъ 3-хъ членовъ. Одинъ изъ членовъ долженъ назначаться заинтересованной воюющей державой, другой—заинтересованной нейтральной, и наконецъ третій—нейтральной незаинтересованной въ дѣлѣ. Проектъ Вестлэка возбудилъ, однако, много возраженій. Въ особенности указывали на то, что при принятіи предложенія Вестлэка пришлось бы при началѣ каждой войны учреждать множество отдѣльныхъ международныхъ призовыхъ коммиссій. Въ ближайшей будущей сессіи института международн. права, имѣющей быть осенью 1882 г. будетъ обсужденъ проектъ, составленный по тому же вопросу Бульмеринкомъ (бывшимъ дерптскимъ профессоромъ). Проектъ этотъ, какъ и сопровождающій его обширный докладъ, уже напечатанъ (1) и обсуждался въ этомъ году въ коммиссіи института, засѣдавшей въ Висбаденѣ. Бульмеринкъ предлагаетъ сохранить за національнымъ судомъ воюющихъ только слѣдственную функцію (juge d'instruction). Собственно же судебную функцію, какъ въ первой, такъ и во второй инстанціи предоставить международнымъ коммиссіямъ. Международные призовые суды обѣихъ инстанцій имѣютъ одну и туже организацію и засѣдаютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и непремѣнно въ нейтральной территоріи. Членами ихъ не могутъ быть ни дипломаты, ни администраторы, а только судьи, получившіе юридическое образованіе. Коммиссіи состоятъ изъ трехъ членовъ, изъ коихъ двое назначаются двумя воюющими державами, каждой по одному, а третій членъ назначается по общему соглашенію нейтральныхъ державъ. Предсѣдателемъ считается по каждому отдѣльному дѣлу тотъ судья, который назначенъ незаинтере-

(1) Revue de droit internationale, 1881 г. № 5.

сованной въ дѣлѣ державой. Въ виду того, что Бельгіи великими державами гарантированъ вѣчный нейтралитетъ, Бульмеринкъ предлагаетъ предоставить разъ на всегда назначеніе третьяго судьи Бельгіи и Бельгію же назначить постояннымъ мѣстомъ засѣданій призоваго суда.

§ 68. Русское законодательство о призахъ.

Первыя русскія постановленія о призахъ относятся къ царствованію Петра Великаго. Во время сѣверной войны, шведскіе каперы причиняли большой вредъ торговлѣ съ нашими портами, что и вызвало въ 1715 г. предположеніе объ устройствѣ флотиліи крейсеровъ, которая бы изгнала шведскихъ каперовъ изъ Балтійскаго моря (1). Въ то же время были выдаваемы и каперскія свидѣтельства. Въ матеріалахъ для исторіи русскаго флота напечатанъ любопытный указъ Сената о выдачѣ поручику Лодыженскому и подпор. Лауренсу Берлогену паспортовъ, чтобы имъ «каперить» шведскія суда на шнявахъ Натальѣ и Діанѣ (2). Тамъ же есть указанія на порядокъ раздѣла призовъ, причемъ не можетъ не обратить на себя вниманія необыкновенно значительный процентъ, отчислявшійся на государя 62% (3). Также въ деклараціи 1719 г. іюня 28 о дозволеніи подданнымъ Великобританіи и Нидерландовъ свободно торговать со Швеціей, говорится о томъ, чтобы арматоры брали только тѣ нейтральные корабли, на которыхъ будетъ военная контрабанда, и привозили ихъ въ русскіе порты «и по суду яко добрые призы декларовать» (4). Но подробныя правила о призахъ были изложены только въ вышедшихъ уже въ концѣ царствованія Петра Великаго «въ Морскомъ Уставѣ» и Регламентѣ объ управленіи адмиралтейства и верфи.

Въ Морскомъ Уставѣ Петра Великаго правила о призахъ изложены, конечно, преимущественно для призовъ, дѣлаемыхъ военными судами, но въ немъ же прямо оговорено, что эти

(1) Матеріалы для исторіи русскаго флота. Т. IV. Спб. 1867 стр. 84. Проектъ объ учрежденіи крейсеровъ.

(2) Томъ II № 1334 стр. 70. указъ 1716 г. мая 22-го.

(3) Ibidem № 1952, стр. 376.

(4) П. С. З. № 3398.

правила распространяются и на призы, сдѣланные «каперомъ отъ партикулярныхъ людей, на свои деньги вооруженномъ»[1]: При захватѣ судна запрещалось что либо съ него растаскивать и утаивать; камеры, въ которыхъ лежатъ корабельные припасы или товары, запечатываются корабельнымъ секретаремъ. Захваченный корабль приводится или къ флоту, или, если посланъ изъ гавани,—въ гавань и по приводѣ рапортуется подробно «какъ тотъ корабль взятъ, въ которомъ мѣстѣ, подъ которымъ градусомъ. Такожъ опускалъ-ли парусъ, и хотѣлъ или не хотѣлъ казать свои патенты и пашпорты, гораздо ли себя оборонялъ, какой флагъ имѣлъ и о прочихъ обстоятельствахъ, о взятьѣ его и о куплѣ». Покидать призъ на морѣ, истребить или приводить въ иностранные порты запрещалось, безъ самой крайней нужды, подъ смертнымъ штрафомъ или инымъ жестокимъ наказаніемъ по изобрѣтенію военнаго суда [2]. Если экипажъ судна не сопротивлялся, запрещалось оказывать противъ него насиліе или грабить подъ страхомъ, за причиненный убытокъ, заплатить вдвое. Какъ экипажъ, такъ и грузъ корабля предписывалось сохранять, покамѣсть о призѣ не будетъ постановленъ приговоръ въ адмиралтействѣ [3]. Опредѣлялось и вознагражденіе за захватъ корабля; за флаги: за первый адмиральскій — 10 т. руб. за второй—9 т. и за третій—8 т., за вице-адмиральскій— 7 т. за тоутбенантскій — 6 т., кромѣ того, за корабли по разсчету съ пушки по калибрамъ: 30 ф.—300 р.; 24 ф.—250 р. За сожженіе непріятельскаго корабля—одну треть того, что слѣдовало бы за захватъ [4]; за сожженіе брандера 31 т. р. [5]. За отнятіе русскаго корабля, пробывшаго въ непріятельскомъ владѣніи больше 24 часовъ, въ половину противъ того, какъ за захватъ непріятельскаго корабля [6]. Часть вознагражденія, слѣдуемая убитымъ, выдавалась ихъ вдовамъ и дѣтямъ [7].

---

(1) П. С. З. № 3485, кн. IV, гл. IV, отд. 5.
(2) Кн. III, гл. I, ст. 32.
(3) Ibid. ст. 33.
(4) Кн. IV, гл. IV, ст. I.
(5) Ibid. ст. II.
(6) Ibid. ст. 3.
(7) Ibid. ст. 6.

Въ главѣ V четвертой книги устава опредѣлялся и самый порядокъ раздѣла вознагражденія между кораблями, участвовавшими въ захватѣ, и между чинами экипажа каждаго изъ кораблей ([1]). Кромѣ этого, въ кн. V, гл. XI запрещалось добровольно сдавшихся въ плѣнъ лишать жизни. Эти правила дополнены постановленіями, содержащимися въ изданномъ черезъ два года (1722 г. апр. 5). «Регламентѣ о управленіи адмиралтейства и верфи» и второй части морскаго регламента ([2]). Въ Регламентѣ о управленіи адмиралтейства повторяется опредѣленіе, что къ призамъ, сдѣланнымъ частными арматорами, примѣняются тѣ же правила, что и къ военнымъ ([3]). Судебныя пошлины взыскивались, если призъ былъ признанъ незаконнымъ, съ «напрасно» взявшаго въ размѣрѣ, опредѣленномъ указомъ 1715 г. янв. 28 ([4]), т. е. по гривнѣ съ рубля. Въ этомъ указѣ предписывается также взыскивать и съ праваго по алтыну, но, кажется, что это послѣднее предписаніе къ призовымъ дѣламъ не примѣнялось, по крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ рѣшила вопросъ импер. Екатерина, вообще воспроизводя въ регламентѣ Адмиралтейской коллегіи петровскія постановленія ([5]). Если дѣло будетъ рѣшаться между купцами, то берется и съ праваго и съ виновнаго по означенному указу. Екатерининскій регламентъ предписываетъ въ этомъ случаѣ съ обоихъ брать по гривнѣ. При вывозѣ изъ Россіи незаконно захваченныхъ призовъ не требуется платить пошлинъ ([6]). Точно также и съ товаровъ, признанныхъ законнымъ призомъ, не берется никакой пошлины ([7]). Товары, подлежащіе порчѣ, продаются до постановленія приговора ([8]), а вырученныя деньги хранятся въ казначействѣ ([9]). Изъ вырученныхъ отъ продажи приза денегъ

([1]) Ibid. гл. V, ст. 1—6.
([2]) П. С. З. № 3937.
([3]) Ibid. гл. I, ст. 100.
([4]) П. С. З. № 2879
([5]) П. С. З. № 12489.
([6]) Регламентъ адмиралтейства, гл. I, ст. 95.
([7]) Ibid. ст. 96.
([8]) Ibid. ст. 97.
([9]) Ibid. ст. 98.

вычитаются предварительно слѣдуемыя въ вознагражденіе за издержки по выгрузкѣ и караулу ([1]). Изъ содержащихся въ этомъ регламентѣ постановленій видно также, что при Петрѣ частнымъ арматорамъ давались казенныя суда, причемъ требовались отъ нихъ поруки въ томъ, что они возвратятъ судно въ цѣлости ([2]). Въ случаѣ, оказавшихся въ кораблѣ поврежденій, починку должно было совершать на счетъ сдѣланныхъ арматоромъ призовъ ([3]). Изъ остальныхъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи приза, вычиталось еще 10% на коллегію и 3% начальнику порта ([4]). Въ изданной одновременно съ регламентомъ адмиралтейства, второй части морскаго устава опредѣляются обязанности главнаго командира надъ портомъ. Когда призъ будетъ приведенъ въ портъ, то онъ долженъ осмотрѣть все и свѣрить съ описью, сдѣланной корабельнымъ секретаремъ: осмотръ совершается въ присутствіи офицеровъ, шкипера или матросовъ взятаго корабля и, кромѣ того, при капитанѣ надъ портомъ, контролерѣ и интендантѣ; всѣ эти лица закрѣпляютъ опись своею подписью. Затѣмъ призъ съ этою описью предъявляется въ адмиралтейскую коллегію, вмѣстѣ съ подлинными корабельными документами и шкиперомъ захваченнаго корабля. По возможности всѣ призы должны быть доставляемы въ Кроншлотъ ([5]). Если корабль приведенъ безъ договорныхъ грузовыхъ записей (коносаментовъ) или безъ описей товаровъ, то призываются «искусные купецкіе люди, чтобы узнать по товарамъ, отколь оной корабль» ([6]). Въ остальномъ повторяются опредѣленія первой части ([7]).

Въ 1725 и 1726 г.г. было, кажется, захвачено значительное количество призовъ на Каспійскомъ морѣ ([8]). Въ 1727 г. еще въ царствованіе импер. Екатерины I велѣно было пріостановить израсходованіе вырученныхъ за призы денегъ, а въ 1730 г. велѣно было всѣ эти призы возвратить хозяе-

---

([1]) Ibid. ст. 99.
([2]) Ibid. ст. 109.
([3]) Ibid, ст. 104.
([4]) Ibid. ст. 105.
([5]) Морской Уст. ч. II, гл. I, ст. 26.
([6]) Ibid. ст. 29.
([7]) Ibid. ст. 27, 28, 30.
([8]) П. С. З. № 5962 апр. 26, 1747 г.

вамъ и впредь на Каспійскомъ морѣ судовъ, плавающихъ безъ паспортовъ, ни за что въ плѣнъ не брать, для поощренія торговли ([1]).

Въ изданномъ въ царствованіе Екат. II, въ 1765 г. регламентѣ адмиралтейской коллегіи воспроизведены, какъ уже сказано, относительно призовъ, петровскія постановленія ([2]). Но затѣмъ въ договорахъ съ иностранными государствами ([3]) и въ особенности въ положеніи о частныхъ арматорахъ 31 декабря 1787 г. ([4]) эти постановленія получили дальнѣйшее развитіе.

Для полученія каперскаго свидѣтельства требовалось представить залогъ въ 20 т., или поручительство въ такой же суммѣ. Но, въ случаѣ нарушенія своихъ обязанностей, арматоръ, кромѣ потери залога, могъ быть привлекаемъ «къ личному отчету» ([5]). Получившему свидѣтельство сообщалось, относительно непріятельскихъ кораблей, какъ военныхъ, такъ и торговыхъ не только права захвата, но и истребленія ([6]), относительно же нейтральныхъ торговыхъ судовъ предоставлялось право осмотра, но только тогда, если съ ними не было военнаго конвоя, такъ какъ въ этомъ случаѣ предписывалось ограничиваться словеснымъ опросомъ ([7]). Непріятельская собственность на нейтральномъ суднѣ считается неприкосновенной ([8]). Конфискаціи подлежитъ только военная контрабанда, т. е. оружіе и снаряды, служащіе къ употребленію войскъ, исключая количества потребнаго для самаго экипажа и пассажировъ ([9]). Если нейтральный корабль добровольно объявилъ находящіеся на немъ заповѣдные товары и выдаетъ ихъ арматору, то самый корабль свободенъ отъ конфискаціи. Не лишаетъ неприкосновенности корабля и то обстоятельство,

---

([1]) П. С. З. № 5516, март. 16.

([2]) П. С. З. 12459, ч. I гл. XIII (1765 г.).

([3]) Напр. съ королев. обѣихъ Сицилій 1787 г. П. С. З. № 16498, съ Португаліей № 16544.

([4]) П. С. З. № 16599.

([5]) Ibid. ст. 1.

([6]) Ibid. ст. 2.

([7]) Ibid. ст. 13.

([8]) Ibid. ст. 3.

([9]) Ibid. ст 8.

если онъ непріятельской постройки ([1]). Но если конфискованные товары не могутъ помѣститься на суднѣ арматора, то нейтральное судно отводится съ ними въ ближайшую гавань для сгрузки. Шкиперъ, добровольно объявившій заповѣдные товары, получаетъ еще въ вознагражденіе провозныя деньги вдвое противъ того, какъ условился съ непріятелемъ ([2]). Если же заповѣдные товары не будутъ добровольно объявлены, а откроются при осмотрѣ, то конфискуется и самое судно ([3]). Самый осмотръ долженъ быть произведенъ «со всякою благопристойностію» кѣмъ нибудь изъ штурмановъ—человѣкомъ благоразумнымъ; отъ шкипера осматриваемаго судна требуется предъявленіе корабельныхъ паспортовъ, коносаментовъ, чертепартій и другихъ бумагъ, касающихся груза, и кромѣ того, аттестатъ о здоровьѣ ([4]). Если окажется неправильность въ документахъ, напр., они будутъ двойные, то судно конфискуется независимо отъ качества, находящагося на немъ, товара ([5]). Взятый призъ, до прибытія въ Средиземное море русскаго флота, отвозился въ Неаполь къ графу Скавронскому или въ Венецію къ Мордвинову, гдѣ русскіе дипломатическіе агенты обсуждаютъ законность приза ([6]). Съ прибытіемъ флота, главнокомандующій образуетъ на немъ призовую комисію, которая затѣмъ уже и будетъ судить всѣ призовыя дѣла ([7]). Аппеляціи на рѣшенія дипломатическихъ агентовъ, а по прибытіи флота, и на рѣшенія призовой коммисіи приносятся къ Императорскому Двору ([8]). Отпускать взятый корабль за выкупъ воспрещается безусловно ([9]). Признанный судомъ призъ продается съ аукціона. Если захваченный корабль торговый, то изъ вырученныхъ денегъ вычитается въ

([1]) Ibid. ст. 17.

([2]) Ibid. ст. 12. см. № 16, 498 ст. XXII, № 16594, ст. XXVII.

([3]) № 16599 ст. 6.

([4]) Ibid. ст. 4.

([5]) Ibid. ст. 6.

([6]) Ibid. ст. 6 и 7.

([7]) Ibid. ст. 23.

([8]) Ib. ст. 24. Martens понялъ дѣло такъ, какъ будто призовая юрисдикція была предоставлена дипломатическимъ агентамъ не только до прибытія флота, а на все время войны и что агенты эти, коммисія и наконецъ Имп. Дворъ составляли 3 послѣдовательныя инстанціи. Essai, p. III.

([9]) Ib. ст. 27.

пользу казны 10% ([1]), если же военный, то не только все сполна отдается арматору, но еще приплачивается по 5 руб. за каждаго плѣннаго «и сверхъ того можетъ надѣяться и вящей милости» ([2]). Принесеніе аппеляціи пріостанавливаетъ исполненіе приговора ([3]).

Эти правила относились только къ арматорамъ въ Левантѣ и Архипелагѣ. Но врядъ ли въ этомъ можно видѣть особое ограниченіе въ пользу нейтральныхъ: при войнѣ съ Турціей такое ограниченіе было слишкомъ естественно. Къ тому же арматорами въ эту войну были одни греки ([4]).

Въ 1806 г. изданы были новыя правила о призахъ ([5]). Онѣ вызваны были неудовлетворительностью прежде существовавшихъ, заставлявшею призовую коммисію, во время предшествовавшей войны со Швеціей и Турціей, постоянно обращаться къ испрашиванію Высочайшихъ разъясненій. Проэктъ ихъ былъ составленъ призовой коммисіей, разсмотрѣнъ Адмиралтейской коммисіей и потомъ представленъ въ морское министерство. Правила эти относятся, главнымъ образомъ, къ опредѣленію порядка распредѣленія призоваго вознагражденія между кораблями и чинами экипажа. Опредѣляется также вознагражденіе за истребленіе. За отбитіе отъ непріятеля русскаго корабля, пробывшаго въ непріятельскомъ владѣніи сверхъ 24 часовъ, вознагражденіе слѣдуетъ какъ за захватъ непріятельскаго. Правительство всегда имѣетъ право оставить за собою, за опредѣленную цѣну захваченное судно. Вознагражденіе, причитающееся убитымъ, если имѣются наслѣдники,—переходитъ къ нимъ; если же нѣтъ, то поступаетъ въ инвалидный капиталъ.

По дѣлу о раздѣлѣ призовъ, взятыхъ эскадрою вице-адмирала Сенявина, бывшею въ Средиземномъ морѣ, опять возникли въ коммисіи сомнѣнія, вслѣдствіе чего въ 1829 г. февр. 20 изданы были дополненія къ этимъ правиламъ ([6]).

([1]) Ibid. ст. 9.
([2]) Ibid. ст. 15.
([3]) Ibidem, ст. 25.
([4]) Каченовскій, о каперахъ, ст. $^{10}/_{60}$
([5]) П. С. З. № 22206.
([6]) П. С. З. № 27694.

Кромѣ подробностей о порядкѣ раздѣла призовъ, въ состоявшемся, при разсмотрѣніи этихъ дополнительныхъ правилъ, мнѣніи государствен. Совѣта опредѣлено, чтобы выдача суммъ за призъ совершалась не ранѣе возвращенія взятелей въ отечественные порты.

Въ Сводѣ Законовъ 1832 г. правила о призахъ изложены были во второй части XI тома въ Уставѣ Торговомъ, на основаніи закона 1805 г. По привозѣ приза въ русскій портъ, требуется тотчасъ же заявить о немъ портовому начальству, призовой коммисіи и таможнѣ. Если, при освидѣтельствованіи предъявленныхъ бумагъ, какъ о принадлежности бумагъ такъ и груза, явится какое сомнѣніе, то для повѣрки производится допросъ. Затѣмъ, товаръ сгруживается и составляется ему опись. По признаніи законнымъ, призъ можетъ быть проданъ. Подробныя же правила для сужденія о правильности призовъ излагаются въ особыхъ инструкціяхъ призовымъ коммисіямъ «смотря по роду войны и состоянію политическихъ отношеній». Указывается только, что если захвачено нейтральное судно съ непріятельскимъ грузомъ, то судно свободно а грузъ конфискуется, и что нейтральнымъ считается только такое судно, на которомъ матросовъ, непріятельскихъ подданныхъ, не больше одной трети и на которомъ нѣтъ непріятельскаго коммисара или чиновника. Въ случаѣ сомнѣній, призовая коммисія обращается за разъясненіями къ морскому министерству.

Во второмъ изданіи Свода эти правила воспроизведены безъ измѣненій, но въ третьемъ онѣ исключены, такъ что теперь въ Уставѣ Торговомъ сохранилась одна только статья, говорящая о захватѣ при оборонѣ. Кромѣ того въ V томѣ, въ приложеніи ст. 410, 1-й части «О сухопутныхъ и морскихъ добычахъ» говорится о призахъ и притомъ даже дѣлаемыхъ каперами.

Постановленія торговаго устава о призахъ исключены на томъ основаніи, что онѣ относились къ призамъ, дѣлаемымъ купеческими судами, а Парижская декларація отмѣнила каперство. Въ виду этого слѣдуетъ, кажется, признать, что, если намъ придется воевать съ державой, неприсоединившейся къ этой декларації, то, по отношенію къ каперскимъ призамъ, должны примѣняться эти постановленія Торговаго Устава,

хотя онѣ и помѣчены II Отдѣленіемъ безусловно отмѣненными; и, наоборотъ, сохраненные II отдѣленіемъ въ XI и X т. т. постановленія о призахъ, дѣлаемыхъ при оборонѣ, должно считать отмѣненными, потому что въ 1869 г. были изданы новыя правила о призахъ и репризахъ, въ которыхъ имѣются постановленія о такихъ призахъ при оборонѣ. Сводъ Законовъ безусловно предоставляетъ взятелю при оборонѣ право на призовое вознагражденіе, а правила 1869 г. только условно: если шкиперъ купеческаго судна, для защиты себя на морѣ отъ непріятельскихъ крейсеровъ, получитъ въ морскомъ вѣдомствѣ особые оборонительные листы, въ силу которыхъ суда снабжаются пушками, снарядами и оружіемъ для обороны (ст. 61).

Дѣйствующій теперь «сводъ правилъ о морскихъ призахъ и репризахъ» составленъ, какъ сказано, въ 1869 г. Онъ составляетъ собою весьма важный законодательный актъ, такъ какъ, сравнительно съ предъидущими, онъ гораздо полнѣе опредѣляетъ международно-правовую сторону вопроса. Въ немъ довольно подробно опредѣляются условія дѣйствія призоваго права по времени, мѣсту, о субъектахъ его, объ объектахъ, о блокадѣ, объ осмотрѣ, о конвоѣ, о корабельныхъ документахъ, удостовѣряющихъ національность и назначеніе судна и груза, объ обязанностяхъ взятеля и о репризахъ. Однако и этотъ сводъ далеко не полонъ: въ немъ нѣтъ постановленій относительно раздѣла призовъ и относительно призоваго судоустройства и судопроизводства. Эта неполнота побудила, еще въ 1871 г, образовать коммисію подъ предсѣдательствомъ Истомина, для выработки проэкта новаго положенія о призахъ, болѣе полнаго. Коммисія составила въ прошломъ году такой проэктъ, но онъ пока не получилъ дальнѣйшаго движенія. Тѣмъ не менѣе этотъ проэктъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ есть первая попытка кодификаціи всѣхъ постановленій, касающихся призовъ. Кромѣ того, во многомъ онъ представляетъ значительныя улучшенія, сравнительно со сводомъ 1869 г. Наиболѣе важныя измѣненія въ нашемъ проэктѣ касаются репризовъ. Сводъ 1869 г. сохраняетъ старыя, еще петровскія постановленія, согласно которымъ, репризомъ считается отбитіе судна, находившагося во владѣніи непріятелей менѣе 24 часовъ. Согласно съ этимъ, постановлялось, что

отбившій русское судно послѣ 24 часовъ владѣнія непріятелемъ, получаетъ на него право, какъ на призъ, и прежній собственникъ теряетъ на него всякое право. Если же отбитіе произойдетъ до истеченія 24 часовъ владѣнія, судно возвращается прежнему собственнику и взятель не получаетъ никакого вознагражденія. О нейтральныхъ репризахъ ничего не говорится. Эти постановленія представляютъ двоякое неудобство: съ одной стороны нарушаютъ права собственности нашихъ же судохозяевъ; съ другой, лишаютъ крейсеровъ интереса торопиться отбитіемъ, такъ какъ, въ случаѣ скораго отбитія, они не получаютъ никакого вознагражденія. Къ тому же 24 часовой срокъ очень коротокъ. Проэктъ становится на совершенно иную почву. Отбитіе русскаго судна онъ признаетъ всегда репризомъ, а не призомъ, и потому всегда возвращаетъ его прежнему собственнику. Но, чтобы заинтересовать крейсеровъ въ отбитіи, онъ опредѣляетъ отбившему вознагражденіе въ $^1/_8$ стоимости реприза, которое, въ случаѣ особенной трудности или опасности отбитія, можетъ быть судомъ увеличено до $^1/_4$. Что касается нейтральныхъ судовъ, отбитыхъ у непріятеля, то онѣ считаются репризомъ и возвращаются нейтральному собственнику только тогда, когда отбиты до присужденія ихъ непріятельскимъ призовымъ судомъ. Въ противномъ случаѣ онѣ считаются непріятельскою собственностью и слѣд. призомъ, а не репризомъ.

Что касается судоустройства, то проэктъ установляетъ двѣ инстанціи: призовой судъ и Адмиралтействъ-Совѣтъ; рѣшеніе Адмиралтействъ Совѣта по этимъ дѣламъ считается окончательнымъ. Призовой судъ состоитъ: 1) изъ предсѣдателя; на берегу—не ниже капитана 1-го ранга, а въ плаваніи—изъ старшихъ командировъ судовъ. 2) Помощника юрисконсульта, или лица отъ морскаго судебнаго вѣдомства. 3) Четырехъ членовъ, назначаемыхъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ морскаго судебнаго вѣдомства. 4) Четырехъ членовъ, назначаемыхъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ морскаго вѣдомства, въ числѣ которыхъ одинъ долженъ быть изъ корпуса инженеръ-механиковъ, и 5) сверхъ того, члена отъ мѣстнаго торговаго сословія, по приглашенію мѣстнаго начальства.

Жалобы на призовой судъ въ Адмиралтействъ-Совѣтъ подаются въ 7 дневный срокъ и притомъ жалоба хозяина захва-

ченнаго судна останавливаетъ исполненіе, а отзывъ взятеля не останавливаетъ его.

Дѣла эти въ Адмиралтействъ-Совѣтѣ рѣшаются по предварительномъ истребованіи заключенія юрисконсульта морскаго Министерства.

Если въ призъ взято частное судно, оно продается и вырученныя деньги раздаются взятелямъ. Если взято судно военное, оно составляетъ достояніе правительства, и взятель получаетъ за него вознагражденіе, которое вычисляется по такой формулѣ:

$$x.\ 75 + y.\ 40.000 + z.\ 25,$$

гдѣ x есть вѣсъ залпа въ фунтахъ, y—наибольшая толщина брони въ дюймахъ, а z—индикаторная сила машины.

Если судно истреблено или потоплено, онъ получаетъ $^1/_5$ того вознагражденія, какое слѣдовало за приведенное судно.

Если захвачено судно флагманское, за него выдается добавочное вознагражденіе отъ 30,000 до 7,500 руб., смотря по флагу.

ГЛАВА V.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій.

§ 69. Временное прекращеніе военныхъ дѣйствій.

Военныя дѣйствія между непріятелями могутъ прекращаться или на время, или окончательно. Временнымъ прекращеніемъ считается пріостановка военныхъ дѣйствій на опредѣленный срокъ и притомъ безъ прекращенія состоянія войны. Такая пріостановка можетъ быть частной или общей. Частная пріостановка можетъ относиться, или 1) къ *опредѣленнымъ только лицамъ*, 2) къ опредѣленнымъ только *дѣйствіямъ*, или, наконецъ, 3) къ опредѣленной только *мѣстности*.

Частная пріостановка военныхъ дѣйствій въ отношеніи къ лицамъ имѣетъ мѣсто относительно парламентеровъ, экипажа картельныхъ судовъ и лицъ, снабженныхъ опасной грамотой. Парламентеромъ считается лицо, уполномоченное одною изъ

воюющихъ сторонъ на вступленіе въ переговоры съ другою и являющееся съ бѣлымъ знаменемъ въ сопровожденіи трубача или барабанщика и знаменосца (ст. 43 брюссельскаго проэкта). Парламентеры, равно какъ и сопровождающіе ихъ лица, пользуются неприкосновенностью. Но военноначальники не обязаны принимать парламентеровъ всегда и при всѣхъ условіяхъ. Они могутъ отказывать въ пріемѣ парламентера. Точно также они могутъ принимать мѣры для предотвращенія, могущихъ произойти отъ пріема парламентера, неудобствъ. Такъ, напр. нерѣдко ему завязываютъ глаза при проводѣ въ лагерь. Если случится такъ, что парламентеръ сдѣлается свидѣтелемъ такихъ обстоятельствъ, разглашеніе которыхъ непріятелю можетъ неблагопріятно повліять на исходъ военныхъ операцій, то принятый парламентеръ можетъ быть задержанъ, но лишь въ теченіи того времени, пока можетъ имѣть значеніе разглашеніе этихъ фактовъ. Военноначальникъ не только имѣетъ право принимать мѣры предосторожности противъ отдѣльныхъ парламентеровъ, но также, если находитъ это необходимымъ, можетъ сдѣлать общее заявленіе, что въ теченіи опредѣленнаго времени онъ вовсе не будетъ принимать парламентеровъ. Парламентеры, отправляемые послѣ такого заявленія, не могутъ имѣть претензіи на личную неприкосновенность. Одно появленіе парламентерскаго флага во время битвы не обязываетъ къ прекращенію огня. Поэтому, ненамѣренное причиненіе вреда парламентеру не влечетъ за собою никакой отвѣтственности. Злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ приравнивается шпіонству.

Картельными судами называются суда съ парламентерскимъ флагомъ. Ихъ положеніе приравнивается къ положенію парламентеровъ въ сухопутной войнѣ. Слѣдуетъ замѣтить только, что картельнымъ судномъ можетъ быть и нейтральное и такая услуга воюющему не считается нарушеніемъ нейтралитета.

Опасная или охранная грамота (sauf conduits) сохраняетъ лицу неприкосновенность лишь на столько, на сколько онъ находится на томъ пути, какой указанъ въ грамотѣ и въ теченіи опредѣленнаго ею срока. Охранныя грамоты имѣютъ строго личный характеръ и потому не могутъ быть передаваемы.

Частная пріостановка можетъ также имѣть мѣсто для совершенія опредѣленныхъ дѣйствій, напр. погребенія мертвыхъ, размѣна плѣнныхъ, удаленія изъ города, подлежащаго бомбардированію, женщинъ, старцевъ, дѣтей, больныхъ, нейтральныхъ.

Частная пріостановка въ отношеніи къ опредѣленному мѣсту, влечетъ за собою совершенно тѣ же послѣдствія, какъ и общая пріостановка на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, только въ отношеніи къ меньшему раіону. Поэтому нѣтъ основанія разсматривать ихъ порознь. Пріостановка военныхъ дѣйствій въ части или на всемъ театрѣ войны называется *перемиріемъ*. Оно отличается отъ мира тѣмъ, что влечетъ за собою только прекращеніе военныхъ дѣйствій, но не состоянія войны. Поэтому перемиріе не влечетъ за собою: 1) прекращенія военнаго занятія непріятельской территоріи; 2) прекращенія обложенія осажденныхъ и блокируемыхъ мѣстностей; 3) прекращенія военнаго плѣна. Это въ отношеніи воюющихъ между собою. Но затѣмъ оно точно также, не прекращая состоянія войны, не прекращаетъ и состоянія нейтралитета. Поэтому, во время перемирія сохраняется: 1) право осмотра; 2) запрещеніе подвоза военной контрабанды и нарушенія блокады; 3) запрещеніе всѣхъ вообще дѣйствій на нейтральной территоріи, нарушающихъ нейтралитетъ и 4) обязанность удерживать въ предѣлахъ нейтральной территоріи солдатъ, нашедшихъ на ней убѣжище отъ преслѣдованія непріятеля. Перемиріе обыкновенно бываетъ срочное. Въ старое время бывали примѣры весьма продолжительныхъ сроковъ перемирія. Такъ въ 16 ст. было заключено перемиріе на 12 лѣтъ, а въ 1684 г. на 20. Но обыкновенно опредѣляется срокъ гораздо короче.

Перемиріе имѣетъ обыкновенно своимъ условіемъ сохраненіе statu quo. Примѣненіе этого условія къ осажденнымъ мѣстностямъ представляетъ существенныя затрудненія. Обложеніе осажденнаго мѣста непріятельскими силами въ силу перемирія не устраняется, поэтому возникаетъ вопросъ, обязанъ ли осаждающій дозволять осаждаемымъ снабжаться во время перемирія съѣстными припасами? Безусловно отрицательный, какъ и безусловно положительный, отвѣтъ на этотъ вопросъ одинаково представляется несостоятельнымъ. И безу-

словное сохраненіе во время перемирія запрещенія подвозить съѣстные припасы, и безусловное дозволеніе такого подвоза одинаково бы имѣло значеніе продолженія военныхъ дѣйствій или со стороны осаждающихъ, или со стороны осажденныхъ. Поэтому признается, что осажденные имѣютъ право требовать во время перемирія допущенія подвоза припасовъ лишь въ пропорціональномъ ихъ числу и продолжительности перемирія количествѣ, такъ чтобы положеніе ихъ въ этомъ отношеніи не ухудшилось и не улучшилось. Когда при первоначальномъ возбужденіи въ 1871 г., по инціативѣ нейтральныхъ державъ, переговоровъ о перимиріи, германское правительство отказалось предоставить парижскому гарнизону право такого пропорціональнаго снабженія съѣстными припасами, то французское правительство сочло невозможнымъ далѣе продолжать переговоры о перемиріи, и, позднѣе, германское правительство согласилось на это требованіе.

Для предупрежденія возможныхъ столковеній съ непріятельскими солдатами, иногда на время перемирія установляется между двумя арміями опредѣленная нейтральная полоса, на которую не должны заходить ни тѣ, ни другіе солдаты. Такъ было сдѣлано, напр., при заключеніи перемирія 28 января 1871 года.

§ 70. Окончаніе войны.

Окончаніе войны, или установленіе мира, въ противоположность перемирію, есть прекращеніе не только военныхъ дѣйствій, но и всего вообще состоянія войны. Поэтому, съ окончаніемъ войны прекращается само собою и военное занятіе, и состояніе военнаго плѣна и состояніе нейтралитета. Конечно, и по заключеніи мира, части территоріи могутъ оставаться во власти непріятеля, но уже не по праву военнаго занятія, а, или по праву завоеванія, когда часть территоріи уступается по мирному договору непріятелю, или по праву залога, когда часть территоріи оставляется временно во власти непріятеля, въ видѣ залога, обезпечивающаго дѣйствительное выполненіе, принятыхъ стороной по мирному трактату, обязательствъ. Понятно, что и тотъ и другой случай суще-

ственно отличаются отъ военнаго занятія. Завоеваніе и уступка влекутъ за собой включеніе мѣстности въ общій составъ непріятельской территоріи, какъ интегральной ея части. Залогъ, хотя и сходенъ съ военнымъ занятіемъ временнымъ своимъ характеромъ, но отличается отъ него тѣмъ, что оккупаціонная такимъ образомъ армія не считается уже арміей *непріятельской*, а только *иностранной*, въ отношеніи къ которой обязательно сохранять мирныя отношенія. Кромѣ того, права оккупирующаго, въ этомъ случаѣ, опираются не на силу, а на постановленія трактата и потому имѣютъ юридическій характеръ, имѣютъ юридически опредѣленныя границы. Оккупирующая армія однако и въ этомъ случаѣ не подчиняется мѣстной власти и мѣстнымъ законамъ, а пользуется правомъ экстерриторіальности.

Состояніе военнаго плѣна прекращается само собою съ возстановленіемъ мира. Но, по соображеніямъ полицейскимъ или политическимъ, иногда установляются въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія. Во 1-хъ освобожденіе сразу большаго числа плѣнныхъ можетъ представляться опаснымъ для внутренняго порядка страны, въ которой находятся военно-плѣнные. Поэтому, въ случаѣ большаго числа, они освобождаются постепенно отдѣльными партіями. Во 2-хъ франко-прусская война представила примѣръ ограниченій, установленныхъ изъ политическихъ видовъ. А именно Германія, освобождая плѣнныхъ, поставила условіемъ, что изъ числа тѣхъ плѣнныхъ, срокъ военной службы которыхъ еще не истекъ, опредѣленный контингентъ (20 т.) немедленно долженъ быть отправленъ для службы въ Алжирію, остальные же изъ нихъ должны находиться на востокъ отъ р. Лоары.

Прекращеніе нейтралитета съ установленіемъ мира не знаетъ никакихъ ограниченій.

Прекращеніе состоянія войны можетъ послѣдовать или фактически, или въ силу особо заключеннаго о томъ мирнаго трактата. Такъ какъ воюющіе обыкновенно имѣютъ своею цѣлью не только полученіе опредѣленной частной выгоды, но и установленіе обязательности извѣстной правовой нормы, и такъ какъ такое установленіе требуетъ прямаго его выраженія, то обыкновенно окончаніе войны не обходится безъ заключенія мирныхъ трактатовъ, которые имѣютъ какъ уста-

новительный, такъ и опредѣлительный характеръ. Такъ какъ заключеніе мирнаго договора нерѣдко требуетъ много времени, переговоры о немъ затягиваются, то въ такихъ случаяхъ между договаривающимися заключается предварительное соглашеніе о мирѣ (préliminaires de paix), ради скорѣйшаго возстановленія мирныхъ отношеній. Такъ во франко-прусскую войну предварительное соглашеніе состоялось 26 февр. 1871 г., между тѣмъ окончательный мирный договоръ былъ подписанъ только 10 мая 1871 г. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мирный трактатъ заключается безъ предварительнаго установленія перемирія, въ договорѣ обыкновенно опредѣляется особо срокъ, къ которому должны быть прекращены военныя дѣйствія, для того, чтобы стороны могли своевременно извѣстить о томъ своихъ крейсеровъ. Но, если крейсеръ узнаетъ о прекращеніи войны раньше этого срока, то для него обязательно прекратить захватъ призовъ. Послѣ же истеченія этого срока незаконными считаются и призы, дѣлаемые крейсерами, почему либо еще не знающими объ окончаніи войны.

Договоры въ настоящее время обыкновенно пишутся на французскомъ языкѣ. Но употребленіе его не обязательно, и во многихъ договорахъ, написанныхъ на немъ, содержится спеціальная оговорка, что употребленіе въ данномъ случаѣ французскаго языка не предрѣшаетъ вопроса на будущее время. Таковъ, напр. ахенскій 1748 г., парижскій 1763 г., вѣнскій 1815 г.

Если мирный трактатъ содержитъ въ себѣ уступку территоріи, то обыкновенно въ немъ постановляется также, что населеніе уступленной территоріи можетъ свободно выселиться въ теченіи опредѣленнаго срока и въ такомъ случаѣ не мѣняетъ своей національности. Такія постановленія включены были, напр., въ парижскій трактатъ 1814 г., франкфуртскій договоръ 1871 г.

Средствами обезпеченія выполненія мирныхъ трактатовъ въ настоящее время служатъ гарантіи со стороны нейтральныхъ и временное занятіе части территоріи обязавшагося. Притомъ содержаніе оккупаціоннаго корпуса возлагается нерѣдко на правительство занятой территоріи. Такъ было постановлено, напр., по окончаніи франко-прусской войны. Другіе способы обезпеченія вышли теперь изъ употребленія.

Такъ, прежде, довольно часто трактаты скрѣплялись *присягой*, таковы, напр., Вердюнскій 1643 г., Мадридскій—1526 г. между Франциском I и Карломъ V; Пиренейскій—1659 г. Послѣдній примѣръ такого рода относится къ 1777 г., когда былъ заключенъ союзный трактатъ между Франціей и Швейцаріей.

Точно также вышла теперь изъ употребленія и другая практиковавшаяся прежде форма обезпеченія—*дача заложниковъ*. Послѣдній примѣръ относится къ 1748 г., когда возвращеніе Англіей Франціи Бретонскаго мыса въ С. Америкѣ было обезпечено нѣсколькими перами Англіи, присланными въ Парижъ въ качествѣ заложниковъ.

Право постлиминія есть собственно институтъ римскаго права. У римлянъ признавалось неограниченно право военной добычи какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, и военная добыча признавалась законнымъ средствомъ пріобрѣтенія права собственности, какъ въ отношеніи къ имуществу врага, такъ и въ отношеніи къ его личности, такъ какъ захваченный непріятель становился рабомъ захватившаго. По заключеніи мира для того, чтобы устранить пораженіе правъ римскихъ гражданъ, вытекавшихъ изъ обстоятельствъ военнаго времени, установлялось т. наз. право постлиминія, въ силу котораго все совершившееся, въ отношеніи къ отдѣльнымъ гражданамъ, считалось какъ бы несовершившимся и потому всѣ ихъ права, личныя и имущественныя, возстановлялись неприкосновенными.

Съ измѣненіемъ въ настоящее время общаго характера войны должно было, конечно, измѣниться существенно и право постлиминія. Теперь, какъ мы видимъ, и состояніе войны не признается состояніемъ безправымъ; поэтому было бы внутреннимъ противорѣчіемъ допустить игнорированіе всего того, что совершается во время войны, отказывать ему въ юридическомъ значеніи. Разъ и во время войны сохраняется въ извѣстныхъ предѣлахъ юридическій порядокъ, то совершившееся въ это время уже не можетъ считаться юридически ничтожнымъ Поэтому тѣ права, существованіе которыхъ не предполагаетъ состоянія войны, будучи пріобрѣтены во время войны сообразно дѣйствовавшимъ тогда обязательнымъ правиламъ, считаются пріобрѣтенными и неприкосновенными и

по заключенiи мира. Но съ другой стороны всѣ тѣ измѣненiя въ правахъ, которыя предполагаютъ, какъ непремѣнное свое условiе, состоянiе войны, отпадаютъ сами собой съ прекращенiемъ этого состоянiя.

И современное право постлиминiя можетъ быть разсматриваемо какъ въ отношенiи къ личности, такъ и въ отношенiи къ имуществу.

Въ отношенiи къ личности, за уничтоженiемъ рабства, можетъ идти рѣчь только о тѣхъ ограниченiяхъ свободы, которыя установляются по судебному приговору какъ въ отношенiи къ населенiю мѣстности, подвергшейся военному занятiю, такъ и въ отношенiи военно-плѣнныхъ.

Что касается населенiя оккупированной мѣстности, то, по устраненiи военнаго занятiя, туземное правительство дѣлается тутъ полнымъ хозяиномъ и можетъ, конечно, если найдетъ нужнымъ, тотчасъ же освободить всѣхъ заключенныхъ во время военной оккупацiи. Но это вообще признается несогласнымъ съ требованiями справедливости. Не считается допустимымъ освобожденiе такихъ лицъ, которыя лишены свободы по приговору суда, обвиняющаго ихъ въ какомъ либо *общемъ* преступленiи, и только тѣ заключенные, которые осуждены за дѣянiя, имѣющiя специальный характеръ и непосредственное отношенiе къ факту военнаго занятiя, подлежатъ освобожденiю.

Что касается, затѣмъ, военно-плѣнныхъ, подвергшихся специальному ограниченiю свободы по судебному приговору, то также различаются общiя ихъ преступленiя и дисциплинарные проступки. Подвергшiеся лишенiю свободы за общiя преступленiя не освобождаются до отбытiя полнаго срока заключенiя. Напротивъ, дисциплинарныя взысканiя считаются обыкновенно само собой отпадающими съ установленiемъ мира. Основанiемъ этому служитъ то, что особенная дисциплина, устанавливаемая въ отношенiи къ плѣннымъ, предполагаетъ именно состоянiе военнаго плѣна и прекращается вмѣстѣ съ прекращенiемъ этого состоянiя. Одна Германiя не держалась этого различiя, она не освобождала и тѣхъ плѣнныхъ, которые подверглись лишенiю свободы за дисциплинарные проступки, и въ отношенiи къ нѣкоторымъ изъ нихъ допустила немедленное возвращенiе во Францiю, лишь подъ тѣмъ усло-

віемъ, что остающійся срокъ заключенія будетъ ими отбытъ на родинѣ.

Порядокъ, установленный въ мѣстностяхъ, подвергшихся военному занятію, съ окончаніемъ войны, конечно, устраняется и возстановляется дѣйствіе туземныхъ властей и законовъ, какъ это было до войны. Но имущественныя права, пріобрѣтенныя отдѣльными лицами во время военнаго занятія, согласно съ существовавшимъ тогда порядкомъ, считаются неприкосновенными. Другими словами, возстановленіе туземнаго юридическаго порядка не имѣетъ обратной силы.

Въ близкомъ отношеніи къ праву постлиминія стоитъ вопросъ о судьбѣ обратно отбитыхъ призовъ: должны ли они быть присуждены въ собственность взятелю? При разрѣшеніи этого вопроса различаютъ во 1-хъ, національность приза; во 2-хъ время отбитія; въ 3-хъ субъектовъ отбитаго приза.

Прежде не дѣлали различія между отбитіемъ отечественнаго и нейтральнаго призовъ. Если призъ уже сдѣлался собственностью взятеля, право первоначальнаго собственника, хотя бы онъ былъ соотечественникъ отбившаго, признавалось утраченнымъ безвозвратно, и отбитый призъ присуждался въ собственность взятелю. Но теперь это примѣняется только къ отбитію нейтральныхъ призовъ, если же отбитъ призъ соотечественника отбивателя, то онъ возвращается первоначальному собственнику, а отбившему выдается только опредѣленное вознагражденіе, равное извѣстной долѣ стоимости приза.

Относительно времени принимается въ соображеніе, отбитъ ли призъ послѣ того какъ онъ сталъ собственностью взятеля, или до того. Только въ первомъ случаѣ онъ не возвращается первоначальному собственнику и дѣлается собственностію взятеля. Но съ какого момента считать призъ ставшимъ собственностью взятеля? По этому вопросу нѣтъ общепризнаннаго мнѣнія. Одни считаютъ, что призъ дѣлается собственностію взятеля, если онъ провладѣлъ имъ *ночь*, другіе, если провладѣлъ имъ *24 часа*, третьи если призъ отведенъ имъ въ безопасное мѣсто, т. е. въ отечественный или союзный портъ (inter praesidia); наконецъ, четвертые утверждаютъ, что взятель пріобрѣтаетъ право собственности лишь послѣ того, какъ состоится приговоръ призоваго суда. Это самое правильное рѣшеніе, но оно далеко еще не принято всѣми.

Относительно субъекта, отбившаго призъ, слѣдуетъ различать: 1) суда воюющихъ, 2) нейтральныя суда, 3) экипажъ самого захваченнаго судна. Первый и второй случаи разрѣшаются тѣмъ, что отбитіе нейтральными допускается только въ отношеніи къ нейтральнымъ же призамъ. Отбитіе призовъ воюющихъ было бы вмѣшательствомъ въ военныя дѣйствія и представляло бы нарушеніе нейтралитета. Относительно 3-го случая было возбуждено сомнѣніе, допустимо ли отбитіе приза со стороны экипажа *нейтральнаго*, захваченнаго приза. Поводомъ къ этому послужило въ новѣйшее время дѣло англ. судна «Emily». Въ 1862 г. оно было захвачено крейсеромъ американскимъ, по обвиненію въ нарушеніи блокады береговъ Юж. Каролины. Послѣ захвата, экипажъ судна возмутился противъ отряженной на него команды изъ 13 чел. и возвратилъ себѣ командованіе судномъ. Американское правительство требовало отъ Дж. Росселя возвращенія судна, признавая отбитіе незаконнымъ. Но затѣмъ оказалось, что въ 1800 году былъ совершенно такой же случай съ америк. судномъ, англійское правительство предъявило тогда къ американскому такія же требованія, какъ теперь Адамсъ къ Росселю, и вашингтонскій кабинетъ отвѣчалъ тогда отказомъ. Понятно, что, разъ это сдѣлалось извѣстнымъ, дальнѣйшіе переговоры прекратились сами собой.

Конецъ.

285. (14; 61. 71 стр; 102; 104; 118; 169; 295; 343;

344

48

344

2 8 3

230 | 4
20 | 55.
30

37
74
11

37.

275

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
JX3695.R9K55 C001
MEZHDUNARODNOE PRAVA S.-PETERBURG
3 0112 021193666